

Харьковское областное историко-археологическое общество
Исторический факультет
Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина

А. П. Мартемьянов
ВETERАНЫ РИМСКОЙ АРМИИ —
МАГИСТРАТЫ И ЖРЕЦЫ
В НИЖНЕЙ МЕЗИИ

АЛЕКСЕЙ ПАВЛОВИЧ МАРТЕМЬЯНОВ:
биобиблиография, воспоминания, интервью

Харьков
2021

УДК 94(398)"652"+930-051:929Мартемьянов
ББК 63.3(0)32
М 29

Отв. редактор: С. Д. Литовченко

Редакционная коллегия: С. В. Дьячков, В. Ю. Иващенко, С. М. Куделко, К. Крульчик, С. Д. Литовченко, Е. В. Ляпустина, Р. Г. Любавский, С. И. Посохов, О. А. Ручинская, А. Н. Токарев, Ю. И. Цитковская

Утверждено к печати Ученым советом исторического факультета
Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина
(протокол № 7 от 25 сентября 2020 г.)

Мартемьянов А. П.

М 29 Ветераны римской армии — магистраты и жрецы в Нижней Мезии : монография ; Алексей Павлович Мартемьянов: биобиблиография, интервью, воспоминания / ред. С. Д. Литовченко. — Харьков : «Контраст», 2021. — 296 с.

ISBN 978-617-7405-49-7

Настоящее издание посвящено памяти известного ученого-антиковеда А. П. Мартемьянова. В первую часть книги вошла его незаконченная монография «Ветераны римской армии — магистраты и жрецы в Нижней Мезии», подготовленная к публикации усилиями друзей и коллег автора. В исследовании предлагается новый взгляд на важные аспекты участия ветеранов римской армии в муниципальной и духовной жизни провинции Нижняя Мезия. Вторая часть книги содержит биобиблиографические материалы, воспоминания и тексты интервью А. П. Мартемьянова.

Для научных работников, преподавателей и студентов.

Мартем'янов О. П.

М 29 Ветерани римської армії — магистрати і жерці в Нижній Мезії : монографія; Олексій Павлович Мартем'янов: біобібліографія, інтерв'ю, спогади / ред. С. Д. Литовченко. — Харків : «Контраст», 2021. — 296 с.

ISBN 978-617-7405-49-7

Це видання присвячене пам'яті відомого вченого-антикознавця О. П. Мартем'янова. До першої частини книги увійшла його незакінчена монографія «Ветерани римської армії — магистрати і жерці в Нижній Мезії», підготовлена до публікації зусиллями друзів і колег автора. В дослідженні пропонується новий погляд на важливі аспекти участі ветеранів римської армії в муниципальному і духовному житті провінції Нижня Мезія. Друга частина книги містить біобібліографічні матеріали, спогади і тексти інтерв'ю А. П. Мартем'янова.

Для науковців, викладачів і студентів.

**УДК 94(398)"652"+930-051:929Мартемьянов
ББК 63.3(0)32**

СОДЕРЖАНИЕ

К читателю	5
О работе над текстом книги А. П. Мартемьянова (С. Литовченко)	7
Мартемьянов А. П. Ветераны римской армии — магистраты и жрецы в Нижней Мезии	9
Введение.....	10
Глава 1. Методика исследования и эпиграфические данные о ветеранах римской армии в Нижней Мезии	25
Глава 2. Эпиграфические данные об участии ветеранов в самоуправлении и религиозной жизни городов и сел Нижней Мезии.....	52
Заключение. Подведем итоги	78
Иллюстрации / Illustrations	82
Martemyanov A. P. Veterans of the Roman Army — Magistrates and Priests in Lower Moesia	
Introduction.....	92
Chapter 1. Research Methodology and Epigraphic Data about Veterans of the Roman Army in Lower Moesia	94
Chapter 2. Epigraphic Evidence on Participation of Veterans in the Self-Government and Religious Life of Towns and Villages of Lower Moesia	106
Conclusion	124
Литература / References.....	126
Список сокращений / List of abbreviations.....	136

Алексей Павлович Мартемьянов: биобиблиография, воспоминания, интервью

Алексей Павлович Мартемьянов (1956–2019) (<i>С. В. Дьячков, А. Н. Токарев</i>).....	139
Библиография трудов А. П. Мартемьянова (<i>Составитель О. А. Ручинская</i>).....	143
<i>С. В. Дьячков. Алексей Павлович Мартемьянов: штрихи к портрету</i>	155
<i>П. В. Еремеев. О неповторимом человеке и преподавателе</i>	167
<i>А. В. Контев. Харьковский флорентиец</i>	171
<i>К. Królczyk. Moje wspomnienie o Aleksie</i>	177
<i>С. М. Куделко. Университетский преподаватель-классик</i>	181
<i>С. Д. Литовченко. Почему я не написал воспоминаний об Алексее Павловиче</i>	185
<i>Е. В. Ляпустина. От Сергеевских до Сергеевских</i>	188
<i>С. О. Наумов. Олексій Павлович, Льоша: як ми дружили</i>	194
<i>С. И. Посохов. Остров Мартемьянова: мемориальное эссе</i>	199
<i>А. С. Походнякова. Фрагменты мозаики АП</i>	207
<i>С. Ю. Страшнюк. На волнах моей памяти</i>	212
<i>И. Тодоров. Памет за Алексей</i>	220
Интервью А. П. Мартемьянова	226
Заседание Клуба университетских историй «Встреча с не древней историей: А. П. Мартемьянов о себе и университете».....	227
Проект «Образы университетской науки: Харьковский университет в 1940–1980-х гг.».....	266
Скриншоты из сообщений в социальных сетях (2019–2020).....	287

К читателю

Настоящее издание подготовлено по инициативе друзей и коллег известного историка-антиковеда, университетского преподавателя, кандидата исторических наук, доцента Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина Алексея Павловича Мартемьянова (1956–2019). Его бесспорные достижения на научном поприще, в преподавательской деятельности гармонично дополнялись замечательными человеческими качествами, что объясняет широкое признание и уважение со стороны научной общественности и коллег в нашей стране и за ее пределами, а также любовь и чувства признательности со стороны его многочисленных учеников — студентов и аспирантов Харьковского университета и других вузов города.

Члены редакционной коллегии и составители издания сочли возможным разделить книгу на две различные по содержанию, но равнозначные по своей сути части. В первую часть книги вошла монография А. П. Мартемьянова «Ветераны римской армии — магистраты и жрецы в Нижней Мезии», подготовленная к публикации усилиями С. Литовченко, К. Крульчика, А. Походняковой и А. Захарченко. В первую часть книги включена также библиография печатных трудов и биография А. П. Мартемьянова.

Вторую часть книги составляют воспоминания друзей и коллег Алексея Павловича, а также два интересных документа автобиографического содержания. В частности, читателю предлагается расшифровка видеозаписи встречи с А. П. Мартемьяновым в 2011 г. на заседании Клуба университетских историй в Музее истории ХНУ имени В. Н. Каразина. Второй текст является транскрипцией аудиозаписи интервью, которое дал А. П. Мартемьянов в 2017 г. в рамках реализации проекта «Образы университетской науки: Харьковский университет в 1940–1980-х гг.».

К инновационной составляющей сборника можно отнести публикацию скриншотов — реакции людей в фейсбуке на смерть дорогого, близкого по духу человека. Книга иллюстрирована фотографиями, относящимися к различным периодам жизни и творчества А. П. Мартемьянова. Составители и редакторы книги выражают сердечную признательность всем тем людям, которые приняли участие в подготовке этой книги к публикации.

О работе над текстом книги А. П. Мартемьянова

В начале 2019 г. Алексей Павлович Мартемьянов в личной беседе сказал, что практически закончил свою вторую книгу («брошЮру», как сам часто называл ее автор). Речь шла не только о русскоязычном варианте, но и об английском «резюме», которое должно было быть лишь немного меньше оригинала. Мы начали обсуждать возможность издания книги в университете. В марте 2019 г. Алексей Павлович получил рекомендацию книги к публикации на кафедре, а в апреле оказался в больнице. В мае его не стало...

Ни печатного варианта, ни электронной версии ни у меня, ни у моих коллег не было, если не считать части иллюстраций у аспирантки кафедры Алены Походняковой. Надежда оставалась только на пресловутую флешку Алексея Павловича, на которой он хранил наиболее важную информацию, в том числе, вероятно, и окончательный вариант книги. К сожалению, флешку так и не удалось найти, несмотря на длительные и усердные поиски. Информация о книге могла сохраниться только в памяти домашнего ноутбука Алексея Павловича.

В мае 2020 г. Надежда Сергеевна Мартемьянова любезно предоставила доступ к ноутбуку Алексея Павловича, на котором мне удалось найти папку «ВETERАНЫ-БРОШЮРА», которая содержала файлы с последними изменениями в апреле 2019 г. Несмотря на то что многие файлы были с авторскими пометками, удалось восстановить полностью не только русский текст, но и английское «резюме». Пожалуй, только список литературы и подстрочные сноски требовали серьезного вмешательства и дополнения, что и пришлось редактировать. В итоге рукопись обрела законченный вид, хотя далеко не все спорные моменты нам удалось прояснить. Особенно это касалось научно-справочного аппарата и оформления надписей в разных частях книги. Вопрос с правками был действительно очень важным, если учесть педантичное и щепетильное

отношение Алексея Павловича к оформлению своих печатных трудов. Редактирование текста и научно-справочного аппарата осуществлялось с учетом отношения автора рукописи к своим текстам. Было решено опереться на систему ссылок первой главы, которая практически не имела «желтых» авторских пометок в тексте и сносках и, таким образом, может считаться полностью законченной. По аналогии были восстановлены ссылки второй главы и заключения, которые были отмечены автором желтым цветом. Подход, основанный на уважительном отношении к авторской рукописи, применялся и во всех остальных случаях, даже когда способ оформления казался редактору необычным. В тех случаях, когда ремарки А. П. Мартемьянова в тексте не поддавались объяснению, их сопровождают комментарии. Удалось восстановить и большинство иллюстраций, которые Алексей Павлович собирался включить в книгу. К сожалению, три иллюстрации найти не удалось.

Ситуация с английским резюме была более сложной: во второй главе вообще отсутствовали ссылки, были только авторские указания на место в тексте для сноски. Практически все ссылки, кроме трех, удалось восстановить, опираясь на русский текст. К сожалению, в тексте резюме в нескольких моментах были найдены системные отличия от русского текста, которые меняли структуру повествования. Было решено сохранить авторский вариант, но снабдить его поясняющими примечаниями.

Необходимо указать, что работа над текстом была бы невозможна без дружеского и деятельного участия польского коллеги Алексея Павловича, специалиста по балканским провинциям Рима, доктора Кшиштофа Крульчика из Познаньского университета. Доктор Крульчик любезно согласился прочесть русский текст и предложил принципиально важные правки. Именно его профессиональное мнение стало для меня решающим в вопросе о возможности издания рукописи А. П. Мартемьянова. Также хотелось бы выразить благодарность Анне Захарченко за неоценимую помощь в работе над английским текстом и Алёне Походняковой за работу над иллюстрациями к книге.

Отдельную благодарность хотелось бы выразить Елене Валериевне Ляпустиной, которая взяла на себя титанический труд редактирования текста монографии Алексея Павловича. Именно ее профессиональный подход позволил придать книге законченный вид.

Сергей Литовченко

А. П. МАРТЕМЬЯНОВ
ВETERАНЫ РИМСКОЙ АРМИИ —
МАГИСТРАТЫ И ЖРЕЦЫ В НИЖНЕЙ МЕЗИИ

ВВЕДЕНИЕ

Каждый год тысячи юношей со всех концов Римской империи устремлялись в армию, чтобы пополнить состав ее легионов и вспомогательных войск. Что побуждало их к этому? Армейская служба, при всех связанных с нею рисках и тяготах, вместе с тем, сулила решение многих житейских проблем. Полное довольствие, пристойное, а если удастся достичь офицерских чинов, то и высокое жалованье, доля в военной добыче, различного рода награды и императорские подарки, наконец, личная причастность к победам римского оружия — все это должно было выглядеть в глазах молодых людей очень заманчиво. И, наверное, мало кто из юных новобранцев всерьез задумывался о том, что его ждет в далеком будущем — после отставки. А между тем, государство не забывало о своих солдатах и по завершении их воинского пути. В случае почетного увольнения (*missio honesta*) ветераны получали не только свои накопившиеся за годы службы сбережения, но и денежное вознаграждение или (до времен правления Адриана) земельный надел. Кроме того, в соответствии с римским законодательством, они не подлежали определенным видам наказаний, а также освобождались от некоторых налогов и повинностей. Для большинства же солдат провинциального происхождения вплоть до начала III в. н. э., наверное, самой желанной наградой было получение римского гражданства.

Стремление правящих кругов расположить к себе действующих военнослужащих в особых пояснениях не нуждается — ведь именно армии Рим был обязан своими внешнеполитическими успехами, именно от нее во многом зависели внутренняя стабильность империи и авторитет императорского престола. Но чем была вызвана забота об отставных военных, которые уже не могли принести пользу на полях сражений? Для этого были свои причины, причем достаточно веские. Льготы, которые

получали ветераны, были не просто благодарностью за многолетнюю добросовестную службу: и после отставки бывшие воины, осознанно или нет, продолжали служить интересам империи, оставаясь опорой римских порядков и императорской власти.

Из каких бы краев и социальных слоев ни происходили новобранцы, это были совсем молодые люди с еще не сложившейся жизненной позицией, и средой, где они формировались как личность, становилась армия. Именно годы, проведенные на военной службе, определяли мировосприятие ветерана, и, возвращаясь к гражданской жизни, он смотрел на нее уже глазами профессионального воина. Во времена империи римская армия представляла собой коллектив с особым стилем жизни и психологическим климатом¹. Солдатам были присущи свои ценностные ориентации, образ мышления и поведенческие нормы, и эти, в чем-то отличные от принятых в среде гражданского населения, но, по существу, римские жизненные представления ветераны несли в места своего нового обитания. Для кого-то из них это была Италия², но основная масса отставных военных, по крайней мере со II в. н. э., оседала в провинциях. Привыкшие повиноваться приказам армейских командиров, они были готовы выполнять и распоряжения провинциальных властей, причем делали это отнюдь не только из желания извлечь для себя какую-то выгоду — большую часть жизни ветераны сражались за Рим и его интересы воспринимали как свои собственные. Таким образом, эти состоявшиеся на римской военной службе, в большинстве своем верные присяге и преданные императору люди становились форпостом провинциальной политики римлян. Их присутствие существенно укрепляло социальную базу римских властей

¹ О царившей в армии императорского Рима атмосфере см. *Махлаюк А. В.* Солдаты Римской империи. Традиции военной службы и воинская ментальность. СПб., 2006; *он же.* Армия Римской империи. Очерки традиций и ментальности. Нижний Новгород, 2000.

² Данные о 195 ветеранах, известных к концу XX в. на территории Италии, представлены и проанализированы в книге Э. Тодиско (*Todisco E.* I veterani in Italia in età imperiale. Bari, 1999). См. также *Keppie L.* Colonisation and veteran settlement in Italy in the first century AD // *Keppie L.* Legions and veterans: Roman army papers 1971–2000. Stuttgart, 2000. P. 263–300.

в провинциях, содействовало упрочению там позиций Рима, и это, надо полагать, вполне оправдывало те привилегии, которыми пользовались бывшие воины³.

Судить о том, какую часть населения Римской империи составляли армейские ветераны, достаточно сложно, однако ориентировочные выкладки, способствующие решению этого вопроса, думается, допустимы⁴. За основу таких расчетов может быть принято количество военнослужащих, ежегодно уходивших в отставку из одного легиона.

В первой половине 1980-х годов почти одновременно были опубликованы написанная еще в пятидесятые годы диссертация Дж. Манна⁵ и диссертация Л. Виршовски⁶. Оба автора обращают внимание на ряд

³ Сказанное относится, прежде всего, к временам Принципата. Периода Поздней империи мы осознанно не касаемся. Заметим лишь, что и тогда ветераны оставались особой группой населения, обладавшей законодательно закрепленными за ней правами и обязанностями, см. *Лебедева Г. Е.* Ранневизантийское законодательство о ветеранах (по данным кодексов Феодосия и Юстиниана) // *Византийские очерки.* М., 1977. С. 149–157; *Петрушева З.* Ветераните през късната античност // *Минало.* 2004. № 3. С. 18–29. Возможно (если правы те исследователи, которые полагают, что с резким увеличением количества легионов при Диоклетиане значительно возросла и общая численность римских вооруженных сил, см. *MacMullen R.* How Big was the Roman Imperial Army? // *Klio.* 1980. 62.2. P. 451–452, 455–460), их даже стало больше. Однако, судя по содержанию и общей направленности императорских указов IV—V вв., в это время и власти относились к ветеранам уже не так, как раньше, и сами отставные военные часто видели перспективы своей гражданской жизни по-другому. Это означает, что с переходом к доминату для ветеранов наступает новая эпоха, и она, несомненно, заслуживает отдельного специального исследования.

⁴ Разумеется, их результаты являются очень приблизительными и в известной мере условными, однако определить *порядок числа* отставных военных, проживавших на римских землях в первых веках нашей эры, они позволяют.

⁵ *Mann J. C.* Legionary Recruitment and Veteran Settlement during the Principate / ed. M. M. Roxan. L., 1983.

⁶ *Wierschowski L.* Heer und Wirtschaft. Das römische Heer der Prinzipatszeit als Wirtschaftsfaktor. Bonn, 1984.

надписей II в. н. э., в которых присутствуют погодные списки солдат, получивших *honesta missio* в различных легионах. Согласно этим свидетельствам, в год легион покидало от без малого 70 до 300 с лишним ветеранов. Л. Виршовски приводит данную информацию без каких бы то ни было комментариев и только замечает, что ежегодно из легиона по выслуге лет увольнялось около 250 человек⁷. Иной точки зрения придерживается Дж. Манн, и общее направление его рассуждений представляется верным. По словам ученого, при условии что легион состоял из 6 тыс. человек и служба в нем продолжалась 25 лет, теоретически каждый год в отставку должны были выходить 240 солдат. Однако, отмечает Дж. Манн, на практике дело обстояло иначе, и до конца положенного срока доживало менее половины легионеров, поэтому маловероятно, что в год легион покидало намного больше, чем 100 ветеранов⁸.

В середине 1990-х годов, основываясь на данных тех же списков демобилизованных легионеров, свои варианты решения вопроса предлагают Р. Элстон и В. Шайдель. По подсчетам Р. Элстона, легион, состоявший из 5 тыс. воинов, в среднем ежегодно пополнялся примерно 250 новобранцами, из которых после 25 лет службы оставалось около 150 человек⁹. В. Шайдель же, по сути, идет по пути, сходному с тем, который был намечен Дж. Манном. Однако итоговое число, к которому он приходит, более определено: около 120 ветеранов¹⁰, и, на наш взгляд, оно в наибольшей мере соответствует данным имеющихся источников. Обратимся к этим свидетельствам.

Посвящение Антонину Пию и, возможно, Луцию Веру из Виминация в Верхней Мезии¹¹ свидетельствует о том, что дислоцировавшийся там VII Клавдиев легион, предположительно, в 160 г. покинули 239 солдат¹² 134 и 135 гг. набора. Следовательно, из новобранцев этих двух лет до почетного увольнения дослужило примерно по 120 человек. Из Трэзмиса

⁷ *Wierschowski L.* Heer und Wirtschaft... S. 214, 288, Anm. 930.

⁸ *Mann J. C.* Legionary Recruitment... P. 59.

⁹ *Alston R.* Soldier and Society in Roman Egypt: A social history. L.; N. Y., 1995. P. 44–47.

¹⁰ *Scheidel W.* Measuring Sex, Age and Death in the Roman Empire: Explorations in Ancient Demography. Ann Arbor, 1996. P. 119–120; 122, tab. 3.14.

¹¹ CIL, III, № 8110.

¹² Mann 1983, 59; Wierschowski 1984, 288, Anm. 930; *Scheidel W.* Measuring Sex, Age and Death... P. 120, tab. 3.12.

в Нижней Мезии происходит посвятельная надпись в честь Адриана, установленная получившими отставку в 134 г. воинами V Македонского легиона, чья служба начиналась в 108 и 109 гг.¹³ По сведениям, которыми располагал Дж. Манн в середине 1950-х годов, их насчитывалось немногим более 200¹⁴. На этом основании он приходит к естественному заключению, что каждый из упомянутых в надписи годов набора дал чуть больше 100 ветеранов¹⁵. Еще одно посвящение — Септимию Северу — обнаружено на месте лагеря II Траянова легиона в Никополе, неподалеку от Александрии Египетской¹⁶. Его сделали в 194 г. получившие почетное увольнение новобранцы 168 г., перечень которых в надписи изначально состоял примерно из 120 имен¹⁷. К этим надписям следует добавить по какой-то причине не учтенное Дж. Манном посвящение Марку Аврелию из Нумидии, сделанное в 166 г. ветеранами III Августова легиона, которые пришли на службу в 140 и 141 гг.¹⁸ Их число составляет примерно 250¹⁹, и, стало быть, на каждый год набора приходится приблизительно по 125 ветеранов.

Наряду с этими надписями, есть и такие, которые свидетельствуют о том, что количество демобилизованных легионом воинов могло быть и гораздо большим. Например, VII Клавдиев легион в 195 г. отправил в отставку более 200 новобранцев 169 г.²⁰, а из III Августова легиона в 198 г., вероятно, было уволено свыше 300 бойцов набора 173 г.²¹ Столь значительное число

¹³ CIL, III, № 6178–6180 = ISM, V, № 137.

¹⁴ Mann 1983, 59. Вслед за Дж. Манном на такое же количество демобилизованных в 134 г. легионеров ориентируется и В. Шайдель, см. Scheidel 1996, 120, tab. 3.12.

¹⁵ По уточненным впоследствии данным, окончательно освобожденных от службы ветеранов среди дедикантов было около 230, см. ISM, V, № 137 comm. Таким образом, выходит, что из пополнения 108 и 109 годов к 134 г. в легионе оставалось примерно по 115 человек.

¹⁶ CIL, III, № 6580.

¹⁷ Mann 1983, 59; Scheidel 1996, 120, tab. 3.12.

¹⁸ CIL, VIII, № 18067.

¹⁹ Wierschowski 1984, 288, Anm. 930; Scheidel 1996, 120, tab. 3.12.

²⁰ CIL, III, № 14507; Mann 1983, 59; Wierschowski 1984, 288, Anm. 930; *Alston R. Soldier and Society...* P. 46; Scheidel 1996, 120, tab. 3.12.

²¹ CIL, VIII, № 18068; Mann 1983, 59; Wierschowski 1984, 288, Anm. 930; *Alston* 1995, 46; Scheidel 1996, 120, tab. 3.12.

ветеранов предполагает и более массовое, чем обычно, доукомплектование этих воинских формирований новыми солдатами, соответственно, в 169 и 173 гг. По мнению исследователей, потребность в нем могла быть вызвана экстраординарными обстоятельствами этих лет, а именно потерями легионов в ходе Маркоманских войн²². Развивая эту мысль, заметим, что кровопролитные войны и эпидемии не были редкостью, и компенсировать нанесенный ими урон путем рекрутирования большого числа новых воинов легионам приходилось достаточно часто. Естественно, со временем из таких наборов выходило и большее количество ветеранов. Однако на общую численность проживавших в Римской империи отставных военных существенного влияния это не должно было оказывать. Ведь «годам большого набора», как называет их Р. Элстон²³, неизбежно должны были предшествовать такие, когда смертность солдат была высокой, в результате чего и ветеранов из числа новобранцев этих лет было значительно меньше. По счастливой случайности, среди очень немногих известных надписей со списками получивших отставку легионеров есть и такая, которая подтверждает сказанное. Это посвящение Антонину Пию от 157 г. из Никополя в Египте²⁴. Оно сделано ветеранами II Траянова легиона из пополнения 132 и 133 гг. Их насчитывается всего 136²⁵, и, следовательно, эти годы дали менее чем по 70 ветеранов каждый. Можно предположить, что причиной этого стали потери, которые понес легион в ходе подавления восстания Бар-Кохбы²⁶. Со временем же ситуация, видимо, нормализовалась. В 60-е годы II в. ни от занесенной в империю

²² Mann 1983, 59; Alston 1995, 46; Scheidel 1996, 119.

²³ Alston 1995, 46–47.

²⁴ AE, 1955, № 238 = AE, 1969–1970, № 633.

²⁵ Wierschowski 1984, 288, Anm. 930; Scheidel 1996, 120, tab. 3.12.

²⁶ О возможности участия подразделений II Траянова легиона в этих событиях см. *Mor M. The Second Jewish Revolt. The Bar Kokhba War, 132–136 CE.* Leiden; Boston, 2016. P. 296–298. По мнению некоторых исследователей, свою роль здесь сыграло и то, что совсем незадолго до 132 г. созданному во времена Дакийских войн Траяна легиону исполнилось 25 лет. Это могло сопровождаться массовой заменой новобранцами тех ветеранов, которые служили в легионе с начала его существования, в результате чего в ближайшие годы ротация личного состава была незначительной, см. Scheidel 1996, 120.

войсками Луция Вера с востока чумы²⁷, ни в начавшейся Маркоманской войне II Траянов легион, очевидно, существенно не пострадал, и до демобилизации в 194 г. из набора 168 г. дослужило, как отмечалось, *порядка 120 человек*. Именно на это число, как на такое, которое хорошо вписывается в теоретические построения современных историков и при этом неоднократно находит подтверждение в источниках, мы и будем ориентироваться в расчетах. Отталкиваясь от него, попытаемся определить примерную численность ветеранов, проживавших в Римской империи в I—III в. н. э. За основу при этом представляется целесообразным взять II в. н. э., когда количество основных армейских подразделений было наиболее стабильным. На протяжении почти всего I в. н. э. оно было несколько меньшим, а со времени Северов — большим²⁸, и, таким образом, полученное нами число окажется, условно говоря, средним для всей эпохи Принципата.

Число легионов, равнявшееся в 23 г. н. э. 25-ти²⁹, постепенно увеличивается до 30 и вплоть до конца II в., если время от времени и меняется, то очень незначительно — не более чем на одну, максимум две единицы³⁰. Это позволяет предположить, что в период правления Антонинов ежегодно в отставку выходило около 3600 легионеров.

Несколько больше ветеранов, при условии что смертность служивших там солдат была примерно такой же, как и среди легионеров, могло происходить из вспомогательных войск (*auxilia*). Согласно известному

²⁷ SHA. Verus, VIII, 1–2; Amm. Marc., XXIII, 6, 24.

²⁸ История римской армии — это самостоятельная, очень непростая тема, и мнения исследователей по поводу ее общей численности и количественных характеристик отдельных подразделений нередко расходятся. Однако повлиять определяющим образом на результаты наших подсчетов эти расхождения, надо полагать, не могут.

²⁹ Tac. Ann., IV, 5. Cp. Ritterling E. Legio. Bestand, Verteilung und kriegerische Betätigung der Legionen des stehenden Heeres von Augustus bis Diocletian // RE. 1924–1925. Bd. 12. Sp. 1363; Parker H. The Roman Legions. Oxf., 1928. P. 89–90; Webster G. The Roman Imperial Army of the First and Second Centuries AD. Oklahoma, 1998. P. 109.

³⁰ Ritterling E. Legio... Sp. 1363–1366; Webster G. The Roman Imperial Army... P. 109; Hassall M. The army // The Cambridge Ancient History. Vol. 11: The High Empire, A.D. 70–192 / ed. A. K. Bowman, P. Garnsey, D. Rathbone. Cambr., 2008. P. 320.

сообщению Тацита, при Тиберии в них было задействовано в общей сложности приблизительно столько же людей, что и в легионах³¹. Однако позднее, как считают специалисты, численность вспомогательных войск существенно возрастает. Возможно, уже в конце 60-х годов I в. н. э. она достигает 200 тыс.³², а во II в. составляет около 220 тыс. чел.³³, то есть превышает количество легионеров примерно на треть. Ведь если допустить, что легион состоял в среднем из 5,5 тыс. чел.³⁴, то в 30 таких формированиях находилось на службе порядка 165 тыс. солдат. На этом основании можно предположить, что во II в. н. э. из вспомогательных войск каждый год должно было уходить в отставку приблизительно на треть больше военных, чем из легионов, то есть около 4800 человек³⁵.

³¹ Tac. Ann., IV, 5.

³² Keppie L. The army and the navy // The Cambridge Ancient History. Vol. 10: The Augustan Empire, 43 BC — AD 69 / ed. A. K. Bowman, E. Champlin, A. Lintott. Cambr., 2008. P. 391.

³³ Cheesman G. L. The Auxilia of the Roman Imperial Army. Oxf., 1914. P. 53–56, 168; Holder P. Auxiliary deployment in the reign of Hadrian // Documenting the Roman Army: essays in honour of Margaret Roxan / ed. J. J. Wilkes. L., 2003. P. 120. Ср. Hassall M. The army... P. 320.

³⁴ По поводу численности личного состава легиона ведутся давние споры, и обычно пишут, что она составляла от пяти до шести с небольшим тысяч человек, см. MacMullen R. How Big was the Roman Imperial Army... P. 452–454; Иванов P. Долнодунавската отбранителна система между Дортикум и Дуросторум от Август до Маврикий. София, 1999. С. 68–70; Duch M. Economic Role of the Roman Army in the Province of Lower Moesia (Moesia Inferior). Gniezno, 2017. P. 37–42, etc. При этом участники дискуссии оперируют практически одними и теми же данными. По сути, это свидетельствует о том, что точное количество формировавших легион военных источники установить не позволяют. Поэтому, не вдаваясь в полемику, мы ориентируемся на эту близкую к средней величину в пять с половиной тысяч человек.

³⁵ По словам В. Эка, за время с конца правления Веспасиана до 168 г. н. э., то есть примерно за 90 лет, солдатам вспомогательных войск могло быть выдано около 250 тыс. военных дипломов (Eck W. Der Kaiser als Herr des Heeres. Militärdiplome und kaiserliche Reichsregierung // Documenting the Roman Army: essays in honour of Margaret Roxan / ed. J. J. Wilkes. L., 2003. S. 58, Anm. 21),

Немало военнослужащих было сосредоточено в преторианской гвардии, городских когортах Рима и во флоте. Хотя по поводу численности солдат различных подразделений, составлявших «гарнизон Рима», и существуют определенные разногласия³⁶, сомневаться в том, что во II в. н. э. в нем состояло более 10 тыс. чел., не приходится. К сожалению, данные о количестве военных, задействованных на флотской службе, куда менее определенны, и здесь не остается ничего другого, кроме как полагаться на суждения авторитетных знатоков истории римского флота. По мнению Ч. Старра, в эпоху империи два флота, базировавшиеся у берегов Италии, и восемь провинциальных эскадр располагали общим численным составом порядка 30 тыс. чел.³⁷ Сумма этого числа и количества воинов, расквартированных в Риме, превышает 40 тыс. чел., что составляет примерно четверть общей численности легионеров. В таком случае, если, опять-таки, допустить, что процент доживавших до отставки солдат в этих частях был примерно таким же, что и в легионах³⁸, ветеранами в них ежегодно должно было становиться вчетверо меньше военнослужащих, то есть около 900 человек. К иному, нежели Ч. Старр, выводу приходит, определяя количество служивших во флоте солдат, М. Редде, по словам которого, в конце II в. н. э. оно

то есть немногим менее 2800 дипломов в год. Однако в своих расчетах автор исходит из того, что численность *auxilia* составляла 150 тыс. чел., видимо, считая ее приблизительно равной общему количеству легионеров.

³⁶ См. *Durry M. Praetoriae cohortes // RE. 1954. Hlbd. 44. Sp. 1613–1614; Freis H. Urbanae cohortes // RE. 1965. Suppl. 10. Sp. 1131–1132; Ле Бок Я. Римская армия эпохи Ранней империи. М., 2001. С. 24–30; Rankov B. The Praetorian Guard. L., 1994. P. 8, etc.*

³⁷ *Starr Ch. G. The Roman Imperial Navy 31 BC — AD 324. Ithaca, NY, 1941. P. 167.*

³⁸ Учитывая, что в преторианских когортах срок службы был почти на 10 лет короче, чем в легионах, естественно было бы предположить, что там этот процент мог быть выше. Однако, как показывает исследование В. Шайделя, показатель смертности преторианцев был примерно таким же, что и в среде легионеров, см. *Scheidel 1996, 124–127; idem. Marriage, Families, and Survival: Demographic Aspects // A Companion to the Roman Army / ed. P. Erdkamp. Malden; Oxford, 2007. P. 427.*

могло достигать 45 тыс. чел.³⁹ Вместе со столичными формированиями это дает не менее 55 тыс. чел., что фактически соответствует трети личного состава легионов. Следовательно, принимая точку зрения М. Редде, можно прийти к заключению, что из войск, находившихся в Риме, и флота каждый год уходило в отставку примерно 1200 человек. Однако, на наш взгляд, обе приведенные гипотезы имеют равное право на существование, поэтому позволим себе остановиться на близком в данном случае к среднему числу в 1 тыс. чел.

Таким образом, полученные нами величины — около 3600, 4800 и 1000, составляют в сумме примерно 9400 человек. Предположительно, именно столько солдат ежегодно получали право на почетное увольнение во II в. н. э. Если же допустить, что средняя продолжительность жизни ветерана после ухода со службы составляла около 10 лет⁴⁰, выходит, что в эпоху *Принципата* одновременно на римских землях могли проживать без малого 100 тыс. отставных военнослужащих. Показательно, что очень близкое к этому число — примерно 100 000–120 000 чел., называет и В. Шайдель⁴¹. Он также исходит из того, что в год легион покидало порядка 120 ветеранов, и таким образом из 25–30 легионов за это время должны были увольняться от 3000 до 3600 человек. К сожалению, свои

³⁹ *Reddè M. Mare Nostrum. Les infrastructures, le dispositif et l'histoire de la marine militaire sous l'Empire romain. Rome, 1986. P. 550–554.*

В какой-то мере, выбор этого срока, как, впрочем, и любого другого, произволен, но вряд ли он является завышенным. Разумеется, не все отставные военные доживали и до 50 лет, но, с другой стороны, судя по данным эпиграфики, многие ветераны разменивали и седьмой, и восьмой десяток. Например, надписи из Нижней Мезии, по информации Л. Михайлеску-Бырлибы, содержат сведения о возрасте, в котором ушли из жизни 48 военнослужащих — 24 действующих и 24 отставных, см. *Mihăilescu-Bîrliba L. La mortalité des légionnaires en Mésie Inférieure // SAA. 2014. № 20. P. 172–173, tab. 1.* Из них благополучно миновали «ветеранский» 45-летний рубеж 30 человек. При этом в возрасте от 46 до 50 лет умерли 6 человек, от 51 до 55 — 5, от 56 до 60 — 10, а остальные 9 прожили от 61 года до, если верить эпитафии (ILBR, № 168), 104(!) лет. Разумеется, это только частный пример, но в его свете десятилетний отрезок времени представляется в данном случае вполне приемлемым.

⁴¹ *Scheidel W. Marriage, Families, and Survival... P. 432.*

дальнейшие промежуточные расчеты автор не приводит, ограничиваясь их конечными результатами: по его словам, различного рода вспомогательные формирования ежегодно отправляли в отставку примерно столько же военнослужащих, что и легионы, и, следовательно, всего каждый год ветеранами становились 6000–7000 человек. Как видим, это число примерно на треть меньше полученного нами, и тем не менее, отталкиваясь от него, В. Шайдель и приходит к выводу о 100–120 тыс. ветеранов. Судить о том, каким именно образом получен этот результат, текст публикации не позволяет. Возможно, как специалист в области изучения проблем смертности в римской армии, В. Шайдель имеет основания полагать, что средняя продолжительность жизни солдат после отставки была большей. Как бы то ни было, очевидная близость полученных нами данных позволяет надеяться, что они действительно могут служить ориентиром при определении количества армейских ветеранов, проживавших территории Римского государства.

Казалось бы, по сравнению с общей численностью населения многомиллионной империи⁴², 100 тыс. человек — это очень немного. Однако ветераны представляли собой особый, обладавший присущим только ему комплексом прав и обязанностей социальный слой, которому была отведена своя роль в римской истории. Без отчетливого представления об этой роли, о положении ветеранов в обществе, особенно провинциальном, картина жизни Римской империи будет неполной, и не случайно в последние десятилетия эти проблемы все чаще привлекают внимание исследователей⁴³.

⁴² Полагают, что в 14 г. н. э. оно превышало 45, а в 164 г. н. э. — 60 миллионов человек, см. *Frier B. W. Demography // The Cambridge Ancient History. Vol. 11: The High Empire, AD 70–192 / ed. A. K. Bowman, P. Garnsey, D. Rathbone. Cambr., 2008. P. 811–814, tab. 5, 6.*

⁴³ О ветеранах в различных областях и провинциях империи, помимо специальных разделов в книгах Дж. Манна и Л. Виршовски, см. *Tsirkin Ju. B. The veterans and the romanization of Spain // Gerión. 1989. Vol. 7. P. 137–147; Chausa Sáez A. Veteranos en el África romana. Barcelona, 1997; Ферjanчић С. Насељаванье легијских ветерана у балканским провинцијама: I—III век наше ере. Београд, 2002; Królczyk K. Veteranen in den Donauprovinzen des Römischen Reiches (I.—III. Jh. n. Chr.). Poznań, 2009 (ср. *idem. Weterani w prowincjach naddunajskich**

Обычно ветеранов относят к привилегированной части провинциального населения. С формальной точки зрения, это, конечно, верно — ведь отставные военные, как отмечалось, располагали определенными привилегиями⁴⁴. Да и вообще, принадлежать к их числу было, судя по всему, почетно — иначе зачем бы в эпитафиях, даже если у покойного имелись другие достоинства, непременно указывалось, что он — ветеран? Однако *было бы большой ошибкой рассматривать ветеранов как однородную социальную группу*. Это были люди самого различного происхождения и, что, видимо, еще важнее, разного достатка. Если сенаторы или всадники не могли быть бедными, а, скажем, крестьяне понастоящему богатыми, то среди ветеранов были как хорошо обеспеченные, так и малоимущие. Основу благосостояния большинства отставных военных составляли те средства, которые они смогли накопить за годы службы. Размеры этих сбережений зависели от разных обстоятельств, в частности от воинского звания, пройденного боевого пути, личных качеств человека, и, естественно, не были одинаковыми. Конечно же, немало бывших воинов, особенно из числа тех, кто принадлежал к офицерскому составу, были состоятельными людьми и,

w okresie wczesnego Cesarstwa Rzymskiego (I—III w. n. e.). Oświęcim, 2017); *Sänger P. Römische Veteranen in Ägypten (1.–3. Jh. n. Chr.): Ihre Siedlungsräume und sozio-ökonomische Situation // Zwischen Region und Reich. Das Gebiet der oberen Donau im Imperium Romanum / Hrsg. P. Herz, P. Schmid, O. Stoll. B., 2010. S. 121–133; Stoll O. Ehrenwert und Alt. Veteranen der Römischen Kaiserzeit im Nahen Osten // Salutationes — Beiträge zur Alten Geschichte und ihrer Diskussion. Festschrift für Peter Herz zum 65. Geburtstag / Hrsg. B. Edelmann-Singer, H. Konen. B., 2013. S. 313–340; idem. Ehrenwerte Männer: Veteranen im römischen Nahen Osten der Kaiserzeit. Eine Studie zur Wirtschafts-, Sozial- und Kulturgeschichte der nahöstlichen Provinzen anhand papyrologischer und epigraphischer Zeugnisse. B., 2015, etc.*

⁴⁴ О льготах, которые предоставляла ветеранам императорская власть, см. *Neumann A. Veterani // RE. 1962. Suppl. 9. Sp. 1601–1604; Колосовская Ю. К. К вопросу о социальной структуре римского общества в I–III вв. н. э. // ВДИ. 1969. № 4. С. 122–126; Wolff H. Die Entwicklung der Veteranenprivilegien vom Beginn des 1. Jahrhunderts v. Chr. bis auf Konstantin d. Gr. // Heer und Integrationspolitik. Die römischen Militärdiplome als historische Quelle / Hrsg. W. Eck, H. Wolff. Köln; Wien, 1986. S. 44–115, etc.*

несомненно, занимали в провинциальном обществе достойное место. Вместе с тем, не приходится сомневаться и в том, что скопить значительные средства удавалось далеко не всем ветеранам, и многие из них, выйдя в отставку, становились рядовыми горожанами и мелкими землевладельцами⁴⁵, а то и просто бедняками. Достаточно вспомнить известный случай с Адрианом, встретившим в термах ветерана, который не имел даже раба⁴⁶.

Таким образом, если в правовом отношении отставные военные представляли собой единое целое, то в их материальном положении существовала значительная разница. Это обстоятельство непременно следует учитывать, ибо уровень благосостояния во многом определял социальный престиж ветерана и его реальное место в обществе. Поэтому нельзя судить о фактическом положении бывших воинов на основании одних лишь сообщений римских юристов и писателей: возможность получить конкретное представление о нем дают прежде всего эпиграфические источники.

К сожалению, об имущественном положении и хозяйственной деятельности военных после отставки надписи говорят очень скупно. Даже упоминания о ветеранском землевладении, широкое распространение которого в провинциях не подлежит сомнению, имеют место преимущественно в тех случаях, когда тот или иной ветеран хотел особо подчеркнуть, что он погребен *insuper solum suum, ad villam suam, in praedio suo* и т. п. Естественно, никакой информации о размерах, хозяйственной направленности, доходности поместий, о которых идет речь, такие надписи содержать не могут. Сведения же о денежных пожертвованиях ветеранов, их участии в финансировании связанных с общественными нуждами строительных работ, возведении на собственные средства алтарей и других затратах подобного рода хотя и нередки, но все же эпизодичны. Поэтому и они, несмотря на всю свою очевидную ценность, не позволяют составить достаточно цельное представление о материальных возможностях ветеранов.

⁴⁵ Мартемьянов А. П. Аграрные отношения в Нижней Мезии и Фракии в первых веках н. э. // ВДИ. 1994. № 2. С. 131–132.

⁴⁶ SHA. De vita Hadr., XVII, 6. Не исключено, что такими же ветеранами были и те «многие старики» (*plures senes*), которые пытались вызвать у императора сочувствие на следующий день (XVII, 7).

Иное дело — надписи, проливающие свет на место отставных военных в общественной жизни провинциальных городов и сел. Взятые в совокупности, эпиграфические данные о ветеранах, участвовавших в местном самоуправлении, исполнявших жреческие обязанности, дают почву для размышлений о том, насколько активно бывшие воины стремились к успешной гражданской карьере и в какой мере имевшиеся возможности позволяли им в этом преуспеть. Оказывается, что, согласно расчетам специалистов, доля ветеранов — магистратов и жрецов в общей массе осевших после отставки на провинциальных землях военнотружущих могла быть очень невелика. Примером тому могут служить провинции Южного Подунавья, с территории которых происходит более тысячи упоминаний о ветеранах — значительно больше, чем из любой другой области Римской империи⁴⁷. По подсчетам К. Крульчика, должностными лицами были в Реции 1,4 %, в Норике 2,7 %, в Далмации 6,1 %, в Верхней Паннонии 4,8 %, в Нижней Паннонии 1,7 %, в Верхней Мезии 7,6 % и в Нижней Мезии 7,9 % известных по надписям ветеранов⁴⁸. Стало быть, в среднем по региону этот показатель составляет всего 4,6 %, что явно противоречит мнению об отставных военнотружущих как о преуспевающей социальной группе. При этом ни один из пишущих о ветеранах в дунайских провинциях авторов не пытается найти объяснение такому противоречию, в то время как оно, по сути, решительным образом меняет представление о положении бывших воинов в провинциальном обществе. Ведь можно не сомневаться, что во времена, когда участие в местном самоуправлении было престижным, к нему стремились немало отставных военных, ощущавших свое превосходство над новыми соседями и стремившихся реализовать себя в гражданской жизни. Если же довериться приведенным данным, получается, что должностным лицом был лишь один из примерно 70 ветеранов в Реции,

⁴⁷ Królczyk K. Weterani w prowincjach naddunajskich... S. 131–132. К сведениям, которые автор приводит по Италии, Германии, Испании, Британии, Проконсульской Африке и Нумидии, можно добавить информацию относительно провинций Сирия и Аравия, где по данным эпиграфики и папирологии известно около 200 ветеранов, см. Stoll O. Ehrenwerte Männer... S. 53, 213–278; ср. *idem*. Ehrenwert und Alt... S. 314, 335–340.

⁴⁸ Królczyk K. Veteranen in den Donauprovinzen... S. 149.

37 в Норике, 16 в Далмации, 21 в Верхней Паннонии, 58 в Нижней Паннонии, 13 в Верхней Мезии и 12–13 в Нижней Мезии. Таким образом, выходит, что те привилегии и материальные возможности, которыми они располагали, открывали дорогу к выборным должностям только очень немногим бывшим военнослужащим. Однако *действительно ли свидетельства эпиграфических источников дают основания для такого вывода?* Наметьте возможный путь к решению данного вопроса мы и попытаемся на страницах этой небольшой книги.

ГЛАВА 1

МЕТОДИКА ИССЛЕДОВАНИЯ И ЭПИГРАФИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ О ВETERАНАХ РИМСКОЙ АРМИИ В НИЖНЕЙ МЕЗИИ

Судить о том, какой процент составляли ветераны, активно участвовавшие в общественной жизни провинций, принято на основании отношения числа бывших воинов, являвшихся магистратами и жрецами, к общему количеству упоминаемых в надписях отставных военных. Например, указанные во «Введении» 6,1 % для Далмации — это отношение 9 к 147, 4,8 % для Верхней Паннонии — отношение 12 к 250, и т. д.¹ Полученные таким путем данные, разумеется, соответствуют свидетельствам источников, однако не более чем в арифметическом отношении, по принципу «обязанности должностных лиц в провинции выполняла такая-то часть всех известных по данным эпиграфики ветеранов». Между тем, именно в этих показателях исследователи видят и ответ на главный вопрос, ради которого, по сути, и проводятся подобные вычисления: *насколько характерным* было для бывших воинов активное участие в местном самоуправлении и религиозной жизни провинций? Думается, такой подход к решению данной проблемы является неверным, он может вести к существенному искажению общей картины этой стороны жизни ветеранов и, следовательно, нуждается в пересмотре.

Принципиальный недостаток методики, на основе которой принято определять уровень социальной активности отставных военных, заключается в том, что процент ветеранов — магистратов и жрецов,

¹ Królczyk 2009, 149.

исследователи вычисляют, исходя из суммарного количества бывших воинов, упоминаемых *во всех без исключения* надписях. Однако многие из этих текстов ввиду специфики своего содержания нести в себе информацию о том, были ли ветераны, о которых идет речь, должностными лицами, просто не могут. Показательным в этом отношении примером являются военные дипломы и различные списки воинов, уволенных в отставку. Любой из названных в них ветеранов, теоретически, впоследствии мог стать магистратом или жрецом, но установить, были ли такие случаи на самом деле, невозможно. Следует учитывать и то обстоятельство, что массовое заселение бывшими военными провинциальных земель нередко начиналось в период, когда муниципальной организации там еще не существовало. Надписи этого времени довольно часто сообщают о ветеранах, но рассчитывать на то, что среди них обнаружатся местные магистраты, естественно, не приходится. Эти тексты также фиксируют факты пребывания на территории провинций отставных военнослужащих, но не могут содержать в себе сведений о выполнении ими обязанностей должностных лиц. С каждым таким сообщением численность известных в провинции ветеранов возрастает, в то время как количество магистратов и жрецов остается неизменным. Сколько бы ни было свидетельств подобного рода, составленное исключительно на их основе отношение числа ветеранов, являвшихся должностными лицами, к числу всех упоминаемых отставных военных всегда будет равняться нулю. Стало быть, такие надписи в интересующем нас отношении *несопоставимы* с теми, в которых *может* идти речь о гражданской карьере бывших воинов. Поэтому учитывать их при выяснении того, какая часть армейских ветеранов могла активно участвовать в общественной жизни провинций, неправомерно. На наш взгляд, этот показатель должен определяться посредством сравнения *соизмеримых* данных. Это означает, что при подсчетах следует учитывать только те надписи, в которых имеются сведения о гражданской карьере ветеранов или такая информация *могла бы* присутствовать, будь она достойна упоминания.

Конкретное представление о сути предлагаемого нами подхода и перспективах его практического применения позволяет получить обращение к материалам Нижней Мезии — провинции, где история участия ветеранов в местном самоуправлении и религиозной жизни

изучена достаточно хорошо². Мнения исследователей относительно того, какой процент отставных военных составляли там ветераны — магистраты и жрецы, сводятся к следующему. По подсчетам Л. Мрозевича, ранее других уделившего внимание этому вопросу, обязанности должностных лиц в Нижней Мезии исполняли менее 9 % ветеранов³. Впоследствии к сходным выводам пришел И. Боянов. По его словам, во фракийских землях магистратами и жрецами были не более 10 % ветеранов⁴. Наконец, по данным К. Крульчика, надписи свидетельствуют о пребывании в Нижней Мезии 191 ветерана, из которых должностными лицами являлись 15 человек, то есть, как было отмечено, 7,9 %⁵.

В книгах И. Боянова и К. Крульчика есть специальные разделы, где собраны эпиграфические данные о присутствии отставных военнослужащих

² *Mrozewicz L. Rozwój ustroju municypalnego a postępy romanizacji w Mezji Dolnej. Poznań, 1982. S. 93–94; idem. Munizipalaristokratie in Moesia Inferior // Eos. 1982. T. 70. Fasc. 1. S. 306–307; Боянов И. Римските ветерани в Долна Мизия и Тракия (I—III в.). София, 2008. С. 265–270; Boyanov I. Veterans and Society in Lower Moesia and Thrace during the Principate // The Lower Danube Roman Limes (1st–6th c. AD) / ed. L. Vagalinski, N. Sharankov, S. Torbatov. Sofia, 2012. P. 255–257; Królczyk 2009, 143–146; 2017, 155–158; Мартемьянов А. Ветераны римской армии — магистраты и жрецы в Нижней Мезии // Res Historica. 2014. Nr. 38. С. 11–33. О ветеранах — магистратах и жрецах в Малой Скифии (совр. Добруджа), см. также Aricescu A. Armata în Dobrogea Romană. București, 1977. P. 196, 202–211; Aparaschivei D. Municipiul Troesmis. Instituții și elite // Peuce (S. N.). 2005–2006. T. 3–4. P. 191–204; Mihailescu-Bîrliba L., Piftor V. Les vétérans membres de l'élite civile en Dobroudja romaine // Peuce (S. N.). 2005–2006. T. 3–4. P. 209–215.*

³ *Mrozewicz L. Rozwój ustroju municypalnego... S. 93–94; idem. Munizipalaristokratie in Moesia Inferior... S. 307; idem. Aristokracja municypalna w rzymskich prowincjach nad Renem i Dunajem w okresie Wczesnego Cesarstwa. Poznań, 1989. S. 159–160, 162; idem. Die Veteranen in den Munizipalräten an Rhein und Donau zur Hohen Kaiserzeit (I.—III. Jh.) // Eos. 1989. T. 77. Fasc. 1. S. 67, 73–75.*

⁴ *Боянов И. Римските ветерани... С. 269; Boyanov I. Veterans and Society... P. 257.*

⁵ *Królczyk 2009, 149; 2017, 162.*

в Нижней Мезии⁶. Сегодня круг таких свидетельств может быть несколько расширен, поскольку едва ли не каждый год приносит новые известия о ветеранах. Однако они представлены главным образом военными дипломами⁷, которые, как было отмечено, при определении уровня социальной активности бывших воинов учитывать не следует. Публикации же новых надписей, которые могли бы содержать сведения об участии ветеранов в общественной жизни провинции, единичны⁸. Их учет может повлиять на итоговый результат вычислений не более чем в пределах одной–двух десятых долей процента, а это в нашем случае, когда выкладки носят заведомо приблизительный характер, несущественно. Таким образом, можно считать, что сделанные И. Бояновым и К. Крульчиком подборки надписей в основном соответствуют и нынешнему состоянию источниковой базы. При этом, что важно для сравнения полученных результатов, именно на них ориентировались в своих расчетах сами авторы. Поэтому попытаемся определить, какую примерно часть осевших на землях Нижней Мезии ветеранов могли составлять

⁶ Подборка эпиграфических свидетельств о ветеранах V Македонского, I Итальянского и XI Клавдиева легионов представлена также в монографии Ф. Матея-Попеску, см. *Matei-Popescu F. The Roman Army in Moesia Inferior*. Bucharest, 2010. P. 69–74, 118–122, 160–162.

⁷ См., напр., *Sharankov N. Three Roman Documents on Bronze // Archaeologia Bulgarica*. 2009. Nr. 2. P. 53–61; *Eck W., Pangerl A. Ein weiteres Diplom aus einer Konstitution für die Truppen von Moesia inferior vom 14. August 99 n. Chr. // ZPE*. 2012. Bd. 180. S. 295–301; *idem*. Eine Konstitution für das Heer von Moesia inferior vom 1. Juni 125 in fünf Diplomen // ZPE. 2014. Bd. 188. S. 245–249; *idem*. Neue Diplome für die Truppen von Moesia superior und inferior // ZPE. 2014. Bd. 192. S. 215–218, 222–225, 230–232, 234–235; *Eck W., Mugnai N. A New Military Diploma for the Troops of Moesia inferior (19 January 136) // ZPE*. 2016. Bd. 198. P. 218–222.

⁸ *Matei-Popescu F. Note epigrafice (II) // SCIVA*. 2008–2009. T. 59–60. P. 243–244; *idem*. Note epigrafice (V) // SCIVA. 2014. T. 65. Nr. 3–4. P. 342–343; *Chiriac C., Dana D., Matei-Popescu F. Un vétéran d'un numerus dans une épitaphe latine tardoantique de Tomis // Pontica*. 2014. T. 47. P. 439–450. Посвятительная надпись ветерана, о которой говорится в первой из этих статей, только *предположительно* происходит из Нижней Мезии, а эпитафия Флавия Купита из Том относится к IV в. н. э.

магистраты и жрецы, на основании этих надписей, оставив их количество без изменений.

Раздел «Эпиграфическая документация» (болг. «Епиграфска документация», далее — ЕД) в монографии И. Боянова включает в себя 222 надписи I—IV вв. н. э.⁹, которые, в большинстве своем действительно, а в отдельных случаях — по мнению автора, содержат сведения о проживавших в Нижней Мезии ветеранах, их детях и внуках.

Начнем с того, что исключим из этого списка документы, которые фиксируют окончание воинской службы и ничего о дальнейшей судьбе ветеранов рассказать не могут. Это 32 военных диплома¹⁰ и происходящий из города Трэзмис¹¹ в Малой Скифии перечень воинов V Македонского легиона, отправленных в отставку в 134 г. н. э.¹² В результате, из 222 надписей остается 189.

Следующим шагом может стать определение круга надписей, которые не следует принимать во внимание при расчетах по той причине, что они относятся к временам, когда у бывших воинов либо еще не было возможности участвовать в местном самоуправлении, либо они уже к этому особо не стремились. К числу таких текстов принадлежат, прежде всего, свидетельства I и IV веков. I в. н. э. — это время, когда местное самоуправление в Мезии еще не сформировалось. Исключение в данном отношении составляют лишь вошедшие в состав этой провинции и после ее разделения оказавшиеся в Нижней Мезии западнопонтийские полисы. При этом следует заметить, что надписи,

⁹ Боянов 2008, 313–388.

¹⁰ ЕД, № 3, 5, 13–18, 84, 88, 94, 95, 98–102, 108–111, 117, 120, 121, 129–131, 174, 175, 191, 210, 219.

¹¹ Его руины исследованы археологами на территории совр. коммуны Туркоая в уезде Тульча, см. ISM, V, p. 154–157; *Aparaschivei D. Orașele romane de la Dunărea Inferioară (secolele I–III p. Chr.) Iași*, 2010. P. 105–106. Села Иглица, упоминаемого в эпиграфических сводах как место обнаружения надписей из Трэзмиса, ныне не существует (см. ISM, V, p. 154). Современные центры, названные с указанием уезда (*рум. județ*) или коммуны, находятся в Румынии, а общины — в Болгарии.

¹² ЕД, № 158 = ISM, V, № 137.

указывающие на наличие среди горожан ветеранов уже в I — начале II в. н. э., найдены только в Томах (на месте совр. Констанцы)¹³. Ни в Истрии¹⁴, ни в Каллатисе, ни в Дионисополе, ни в Одессосе таких свидетельств, насколько нам известно, не обнаружено. В IV же столетии исполнять обязанности куриалов приходилось многим ветеранам, а их сыновьям это даже предписывалось римским законодательством¹⁵. Однако в это время участие в городском управлении утратило прежнюю привлекательность и, соответственно, престижность¹⁶, поэтому подчеркивать в надписях свою причастность к нему отставные военные, похоже, уже не считали нужным. Как бы то ни было, но факт остается фактом: *все без исключения* эпиграфические известия о магистратах и жрецах в Нижней Мезии, а таких лиц, по данным Д. Апараскивея, насчитывается около 230¹⁷, относятся ко II—III вв. н. э. При этом более

¹³ Кроме упомянутого в прим. 10 военного диплома 76 г. н. э. (ЕД, № 191 = CIL, XVI, № 21 = ISM, II, № 8), это еще три или четыре надписи: ISM, II, № 170, 172, 176 и, возможно, 169.

¹⁴ Надпись первой половины I в. н. э. на надгробии ветерана Л. Кампания Верекунда (ЕД, № 185), о причинах поселения которого в Истрии И. Боянов размышляет на с. 165–166, никакого отношения к отставным военным, осевшим на землях Мезии, не имеет. Она обнаружена не на месте античного города Истрия (ныне территория одноименной коммуны в уезде Констанца) в устье Дуная, как, видимо, полагает автор, а на побережье Адриатического моря — у совр. г. Ровиньо (*итал.* Rovigno), или Ровинь (*хорв.* Rovinj) на *полуострове* Истрия (см. CIL, V, № 8185 comm.). *Таким образом, на данной стадии подсчетов интересующих нас надписей остается 188.*

¹⁵ См. *Лебедева Г. Е.* Ранневизантийское законодательство о ветеранах... С. 153; *Петрушева З.* Ветераните през късната античност... С. 28.

¹⁶ *Arnold W. T.* The Roman System of Provincial Administration to the Accession of Constantine the Great. Oxf., 1906. P. 262, 265–266. Ср. *Aparaschivei D.* Orașele romane... P. 133–134.

¹⁷ *Aparaschivei* 2010, 319–342, tab. VII—XXVII; ср. *Mrozewicz L.* Arystokracja municypalna... S. 94–109. В каталоге, составленном Л. Мрозевичем, отражены сведения о 181 должностном лице. Это объясняется тем, что в данной работе автор не рассматривает материалы городских центров, устроенных по греческому образцу (см. *Mrozewicz L.* Die Veteranen... S. 94), в частности,

ста из них можно датировать, ориентируясь не на века, а на годы, и *только одно* такое свидетельство¹⁸ определенно относится к периоду правления Траяна¹⁹, тогда как все остальные являются более поздними. Отсюда следует, что шансы обнаружить должностных лиц среди ветеранов, проживавших в Нижней Мезии в первых десятилетиях II в., по крайней мере до времен принципата Адриана, практически сводятся к нулю. Думается, на этом основании, наряду с 16 надписями

Никополя на Истре и Марцианополя, где по данным эпиграфики известно около 50 местных магистратов и жрецов, см. Aparaschivei 2010, 331–335, tab. XIX—XX.

¹⁸ Это — упоминание о *quinquennalis perpetuus* в датируемом 103–116 гг. н. э. посвящении Траяну из Каллатиса, см. ЕД, № 211; Aparaschivei 2010, 342, tab. XXVII, 1.

¹⁹ К этому времени обычно относят и по какой-то причине не учтенную Д. Апараскивеем надпись из Эска (*Colonia Ulpia Oescensium*, у совр. с. Гиген в общине Гулянци), в которой упоминается ветеран IV Флавиева легиона, *pater sacrorum* Т. Теттий Плот (ILBR, № 32 = CIL, III, № 6128, 7425 = AE, 1900, № 15). Однако, на наш взгляд, есть основания полагать, что она может датироваться и несколько более поздним временем (подробнее об этом см. гл. 2). Что же касается посвящения Траяну из *Sexaginta Prista* (на месте совр. г. Русе), которое иногда включают в круг свидетельств о местных магистратах в Нижней Мезии, то слова *magister* в его сохранившейся части нет, см. *Велков В.* Из истории Нижнедунайского лимеса в конце I в. н. э. // ВДИ. 1961. № 2. С. 70 (текст), 72 (фото). Оно в свое время было добавлено В. Велковым (*там же*. С. 76–77), и хотя по смыслу, конечно, подходит, оснований для уверенности в том, что конъектура в данном случае должна быть именно такой, текст не дает. В принципе, поставивший надпись С. Anton[ius?] мог быть как магистром, так и любым другим официальным лицом, в частности, вполне возможно, и не представлявшим местное самоуправление. И, видимо, не случайно в позднейшей публикации восстановленный В. Велковым текст этого посвящения слова *magister* уже не содержит, см. *Velkov V.* Eine neue Inschrift über Laberius Maximus und ihre Bedeutung für die ältere Geschichte der Provinz Moesia Inferior // *Epigraphica. Rivista italiana di epigrafia.* 1965. 27. S. 102–103; ср. AE, 1966, № 356.

I в.²⁰ и 10 надписями IV в.²¹, надлежит исключить из списка И. Боянова и те 16 надписей, которые датируются концом I — началом II или началом II в. н. э.²²

Прежде чем обратиться к оставшимся 146 надписям, необходимо определить критерии, которыми следует руководствоваться при составлении базы эпиграфических данных о ветеранах. Разумеется, в нее должны входить все тексты, в которых прямо указывается, что такой-то человек — это ветеран (*veteranus*, *emeritus*, *missicius*, βετρανός, οὔετρανός, παλαιστρατιώτης, ἑστρατευμένος и т. д.). С такой же определенностью свидетельствуют об отставных военных конструкции типа *ex signifero*, *ex decurione*, *ex duplicario* и т. п., а также встречающиеся в различной форме упоминания об их отставке (*missus honesta missione*, *vixit post missionem annis X* и проч.). Наконец, иногда установить, что упоминаемое в надписи лицо является ветераном, помогает контекст. В качестве примера приведем надпись с территории римского города Дуросторум (совр. г. Силистра) в Нижней Мезии, обнаруженную у с. Остров в уезде Констанца. Она начинается словами: *D(is) [M(anibus)] / C(aio) Val(erio) C(aii) Val(erii) filio Colonia Ulp(ia) / Zermizegetusa Iuliano p(rimo) p(ilo) / leg(ionis) XI Cl(audiae)*

²⁰ ЕД, № 6, 19–26, 45, 46, 49, 61, 66, 67, 218. Надписи же I и конца I — начала II в. н. э. из Том (ЕД, № 190, 192, 193), где участие в это время ветеранов в городском самоуправлении было, как отмечалось, вполне возможным, представляется правильным при дальнейших подсчетах учитывать.

²¹ ЕД, № 11, 37–39, 50, 51, 135, 146, 209, 221. Надпись № 51 (= ILBR, № 150), по мнению Б. Герова, может датироваться и началом IV, и концом III в. н. э. (*Герова Б. Романизмът между Дунава и Балкана. Ч. 2 // ГСУ. Филологически факултет. 1952–1953. Т. 48. С. 374, № 301*), однако думается, что и в это время отношение к участию в городском самоуправлении было уже примерно таким же, как и в IV в.

²² ЕД, № 27, 29–31, 41, 42, 58, 68, 69, 89, 96, 118, 122, 145, 171, 211. В последней, уже упоминавшейся (см. прим. 18) надписи 103–116 гг. н. э. из Каллатиса, в любом случае, о ветеранах речи не идет. И. Боянов включает ее в приложение лишь на том основании, что там упоминаются проживавшие в городе римские граждане, среди которых, по его словам, могли быть и ветераны (Боянов 2008, 385).

p(iae) f(idelis) qui vixit ann(is) / LXXXVIII...²³ Согласно буквальному смыслу текста, Г. Валерия Юлиана следовало бы считать *действующим* примипилом, тем более что эпитафия найдена поблизости от места дислокации XI Клавдиева легиона, в котором он служил. Однако хотя и известно, что некоторые центурионы находились на службе более сорока и даже пятидесяти лет²⁴, представить себе, что человек в столь почтенном, как Г. Валерий Юлиан, возрасте мог оставаться в строю, сложно. Поэтому говорить о том, что воинская служба осталась для него в прошлом, думается, можно с большой долей уверенности²⁵. Заметим, однако, что косвенные свидетельства о ветеранах следует учитывать только тогда, когда они дают для этого действительно веские основания, и некоторые надписи из эпиграфического приложения И. Боянова, надо полагать, этому условию не отвечают.

Так, среди надписей, свидетельствующих о пребывании на территории Нижней Мезии армейских ветеранов, И. Боянов приводит посвящение из Каллатиса (совр. г. Мангалия) следующего содержания: I(ovi) O(ptimo) M(aximo) / et Iunon[i] / Reginae / T(itus) Flaviu[s] / Sabin[us] / pos[uit] / pro s[al]ute) / Imp(eratoris) T(iti) [Ael(ii)] / Antoni[ni]²⁶. По его словам, дедикант был человеком «с Флавиевой романизацией, которую

²³ *Bărbulescu-Munteanu M., Rădulescu A.* Colonia Ulpia Zermizegetusa pe o inscripție din Dobrogea // *Pontica*. 1982. T. 15. P. 155–156, fig. 1; AE, 1983, № 880.

²⁴ *Birley E.* Some Legionary Centurions // *ZPE*. 1989. Bd. 79. P. 114; *Mrozewicz L.* Victoria Aug(usta) Panthea Sanctissima // *ZPE*. 1984. Bd. 57. S. 181–184; *Махлаюк А. В.* Армия Римской империи... С. 78, прим. 83.

²⁵ Правда, *полной* гарантии того, что умерший был ветераном, с учетом его высокого чина, даже в этом случае, видимо, нет. По крайней мере, Л. Михайлеску-Бырлиба считает, что он продолжал служить до самой смерти: «d'un primipile de la *legio XI Claudia Pia Fidelis*, C. Valerius Iulianus, originaire de Sarmizegetusa, mort en service à 88 ans!», см. *Mihailescu-Birliba L.* La mortalité des légionnaires... P. 177.

²⁶ ЕД, № 212 = ISM, III, № 249. К сожалению, посвященный Каллатису и его территории том свода греческих и латинских надписей из Малой Скифии (*Inscriptions grecques et latines de Scythie Mineure*. Vol. III: Callatis et son territoire. Bucarest; Paris, 1999) остается для нас недоступным, поэтому представленные в нем тексты цитируются по книге И. Боянова.

он мог получить вследствие военной службы»²⁷. Однако такое заключение трудно признать достаточным основанием для причисления Т. Флавия Сабина именно к ветеранам или их прямым потомкам, тем более с учетом того, что посвящение относится к временам Принципата Антонина Пия.

К числу лиц, возможно, являвшихся ветеранами, И. Боянов относит и Марка(?)²⁸ Аврелия Флавия, известного по надписи III в. н. э. из совр. с. Твырдица в общине Шабла на северо-востоке Болгарии. Между тем, по его же собственному, и совершенно справедливому, замечанию, из текста неясно даже, служил ли этот захваченный варварами и впоследствии освобожденный человек в римской армии вообще: Αὐρ(ήλις) Φλάβ[ι]ς *vacat* Μ(ἄρκος) / ἱερεὺς λη/φθίς ὑπὰ (sic) / τῶν βαρ/βάρων, σω/θίς ἐλθῶν / -----²⁹.

Говоря о принцепсе вика Аврелии Викторине, который упоминается в надписи конца II — начала III в. н. э., найденной в г. Криводол (в античное время — территория города Монтана)³⁰, И. Боянов ссылается на мнение Б. Герова, полагавшего, что это имя свидетельствует «о лице, прошедшем через войска или происходившем из фамилии ветерана»³¹. То, что Аврелий Викторин именно таким лицом и был, в общем-то, конечно же, возможно, но сам он об этом в посвящении ничего не говорит: I(ovi) O(ptimo) M(aximo) et [Iunoni reginae]. / Aur(elius) Victorinus Victoris fil(ius) / princeps vici Tautiomosis / I(ibens) v(otum) s(olvit) m(erito)³².

Разумеется, категорически отрицать, что в любой из трех приведенных надписей действительно может идти речь о ветеранах, не приходится, однако серьезных оснований, для того чтобы считать их таковыми, по сути, нет. Если, пытаясь выявить среди провинциалов отставных военных, ориентироваться на предложенные в этих случаях

²⁷ Боянов 2008, 385.

²⁸ См. IGBR, I², № 1 comm.

²⁹ ЕД, № 222 = IGBR, I², № 1.

³⁰ ЕД, № 12.

³¹ Геров Б. Земевладението в римска Тракия и Мизия (I—III в.)// ГСУ. Факултет по класически и нови филологии. 1977 (Вых. 1980). Т. 72. Кн. 2. С. 81.

³² Велков В., Александров Г. Эпиграфски паметници от Монтана и района. Монтана, 1994. С. 31, № 62.

И. Бояновым критерии³³, ветеранов можно усматривать едва ли не в большинстве известных по данным эпиграфики лиц с римскими именами, а это неправильно.

В двух надписях из римского Альма (Almus, на месте совр. г. Лом) говорится не о ветеранах, а о лицах, продолжавших служить. Одну из них, перечень 16 военнoслужаших I Итальянского легиона³⁴, И. Боянов приводит, возможно, потому что там упоминаются два эвоката. Однако *evocati*, как известно, несли сверхсрочную службу³⁵, а не пополняли состав гражданского населения провинции, где была расквартирована их часть. Поэтому причислять эвокатов Геминия Севера и Юлия Рустика к ветеранам, осевшим на землях Нижней Мезии, нельзя. В другой надписи³⁶, датированной И. Бояновым концом II — началом III в. н. э. посвящении Немесиде, сделавший его Цезидий Аманд совершенно определенно фигурирует не как ветеран, а как *beneficiarius consularis*: ... *Caesidius Amandus b(ene) f(iciarius) v(iri) c(larissimi) co(n)s(ularis) v(oto) p(osuit)*³⁷.

Вполне возможно, что не об отставных, а о действующих военнoслужаших идет речь и в некоторых других надписях.

Так, по мнению И. Боянова, вероятно, был ветераном гастат I Парфянского легиона Испаний Виктор, известный по надписи 222–235 гг. н. э. из античной Монтаны³⁸ (находящийся на ее месте современный город

³³ Попутно заметим, что сходным образом И. Боянов аргументирует и включение некоторых надписей в раздел эпиграфического приложения, посвященный Фракии (см. ЕД, № 230, 232, 247, 254, 257, 271, 272, 288, 295–302, 304, 310), и данное обстоятельство обязательно следует учитывать, определяя круг эпиграфических свидетельств о ветеранах, проживавших в этой провинции.

³⁴ ЕД, № 1 = CIL, III, № 14409¹; ср. Геров Б. Романизмът между Дунава... С. 357, № 16. Б. Геров датирует надпись второй половиной II в. н. э., а К. Крульчик концом II — первой половиной III в., см. *Królczyk K. Tituli veteranorum. Veteraneninschriften aus den Donauprovinzen des Römischen Reiches (1.–3. Jh. n. Chr.)*. Poznań, 2005. S. 128.

³⁵ Об эвокатах в императорском Риме см. *Cagnat R. Evocati // DA. 1892. T. 2. P. 867–868; Постовцев М. И. Эвокаты // ЭСБЕ. 1904. Т. 40. С. 134–135; Fiebiger. Evocati // RE. 1907. Hlbd. 11. Sp. 1148–1152.*

³⁶ ЕД, № 2 = CIL, III, № 14208. Ср. Геров 1952–1953, 358, № 17.

³⁷ Цит. по CIL, III, № 14208.

³⁸ ЕД, № 7.

с 1993 г. носит это же древнее название): *Aram cum sig(illo) Deanae / Hispanius Victor / hastatus / leg(ionis) I Parthicae / Severianae / [ex] voto...*³⁹ К такому заключению автор приходит на основании того, что I Парфянский легион со времени его создания при Септимии Севере постоянно дислоцировался в Месопотамии⁴⁰. Конечно, оставлять это обстоятельство без внимания не следует, но надежным доказательством того, что дедикант был ветераном, оно служить не может. На вопрос, каким образом он оказался в Нижней Мезии, могут быть предложены самые различные ответы. Например, В. Божилова, автор первой публикации этого посвящения, усматривала в нем свидетельство присутствия в Монтане какого-то подразделения I Парфянского легиона⁴¹. Действительно ли это было так, судить сложно, так как никакими иными указаниями на этот счет мы не располагаем. Однако то, что у Испания Виктора могли найтись причины для того, чтобы посетить Монтану в годы службы, сомнений не вызывает.

Ветеранами И. Боянов считает также Валента и, предположительно, Г. Эмилия Виатора, упомянутых на надгробии II в. н. э. из Одессоса (совр. г. Варна): Γ(άιος) Αἰμίλιος Βιάτωρ καὶ ἡ γυ/νὴ αὐτοῦ Οὐάλεντεῖνα Οὐάλεντος θυγά/τηρ λεγιῶνος αἰ' (*sic!* — А. М.), ζήσασα ἔτη κ' . χαῖρη⁴². В том, что отставным военным был Валент, хотя, как можно видеть, в надписи прямых указаний на это нет, исследователь, кажется, вообще не испытывает сомнений. По крайней мере, в комментарии к надписи он отмечает: «Супруга является дочерью ветерана XI Клавдиева легиона» (курсив мой. — А. М.)⁴³. Относительно же Г. Эмилия Виатора И. Боянов пишет следующее: «Изображение щита (на фронте надгробия. — А. М.) подсказывает, что и Γάιος Αἰμίλιος Βιάτωρ, вероятно, является ветераном того же самого легиона»⁴⁴. Заметим, однако, что это изображение может символизировать причастность умершего к воинской службе, независимо от того, оставалась ли она для него уже в прошлом. Судить же определенно о том,

³⁹ Цит. по *Велков В., Александров Г.* Эпиграфски паметници... С. 10, № 15.

⁴⁰ См. *Ritterling* 1924–1925, 1435–1436.

⁴¹ *Божилова В.* Эпиграфски паметници от светилището на Диана и Аполон // *Монтана* / отг. ред. В. Велков. София, 1987. Т. 1. С. 27, № 12.

⁴² ЕД, № 220 = IGBR, I², № 175 bis.

⁴³ Боянов 2008, 387.

⁴⁴ *Ibid.*

дожили ли отец Валентины и ее муж до выхода в отставку, основываясь на самом тексте надписи, представляется весьма рискованным.

С отставными военными И. Боянов связывает и ряд эпитафий на надгробиях пожилых мужчин, в которых указывается, что они служили в армии, но ветеранами умершие при этом не называются. Разумеется, обращать внимание на такого рода надписи нужно. Однако определить возраст, достигнув которого человек уже не мог оставаться на военной службе, бывает непросто.

Известно, что в эпоху Принципата служить юноши начинали обычно в 17–20 лет. При этом срок службы, необходимый для получения права на *honesta missio* и соответствующие привилегии, зависел от того, в каких частях они служили, и, претерпевая время от времени известные изменения, составлял от 16 лет в преторианских когортах до 28 лет во флоте. Большинство же воинов — легионеры и солдаты вспомогательных войск — во II—III вв. н. э. находились на службе в среднем около 25 лет. Казалось бы, эти сведения⁴⁵ позволяют видеть ветерана в каждом частном к армии пятидесятилетнем мужчине.

Однако в действительности и возраст поступления на службу, и ее продолжительность могли существенно отличаться от традиционных. Можно было начать служить как в отроческом возрасте⁴⁶, так и будучи старше 20 лет⁴⁷, а оставаться в армии гораздо дольше положенного

⁴⁵ См. Ле Боэж Я. Римская армия... С. 92–93; Mann J. C. *Honesta Missio* from the Legions / Kaiser, Heer und Gesellschaft in der Römischen Kaiserzeit. Gedenkschrift für Eric Birley / Hg. G. Alföldy, B. Dobson, W. Eck. Stuttgart, 2000. P. 153–155; *Wesch-Klein G. Recruits and Veterans // A Companion to the Roman Army* / ed. P. Erdkamp. Malden; Oxford: Blackwell Publishing, 2007. P. 438–440, etc.

⁴⁶ Наиболее, наверное, известным в этом отношении примером является история центуриона V Македонского легиона М. Цезия Вера, который, судя по его эпитафии, начал свою армейскую карьеру еще в четырнадцатилетнем возрасте, см. AE, 1990, № 896; ср. *Birley E. Some Legionary...* P. 115. Наряду с этим, имеются и другие свидетельства о привлечении к службе в армии 14–15-летних подростков, см. напр. CIL, II, № 6088; III, № 6454; VI, № 3273; VIII, № 21779; X, № 3651, 5403.

⁴⁷ См. напр. Scheidel 1996, 100–116. Это подтверждается и примерами из Малой Скифии. Так, известный по надписи из Трэзмиса Тиберий Клавдий Приск

срока, причем случаи, когда военные служили более 30 лет, похоже, не были редкостью. Известны они и в Нижней Мезии. Найденные на ее территории эпитафии ветеранов свидетельствуют о том, что их армейская служба могла длиться и 32 года⁴⁸, и 35⁴⁹, и 36 лет⁵⁰. Следовательно сам по себе пятидесятилетний возраст упомянутого в надписи военнослужащего не может служить надежной гарантией того, что к этому времени он уже находился в отставке. Особую же осторожность в этом вопросе приходится проявлять, когда речь идет о центурионах, которые, как отмечалось, могли служить и более полувека. Сообщение о центурионе с таким солидным армейским стажем обнаружено и на территории Нижней Мезии. В надписи 184 г. н. э. из римского города Нове (в 4 км к востоку от совр. г. Свиштов) указывается, что примипил I Италийского легиона Л. Максимий Гетулик прослужил 57 лет⁵¹. Таким образом, если в надписи говорится о, скажем, шестидесятилетнем центурионе, никакой уверенности в том, что он уже находился в отставке, быть не может.

Между тем, И. Боянов относит к числу ветеранов и четырех центурионов, не достигших шестидесятилетнего возраста. В двух случаях он приводит соответствующие надписи без каких бы то ни было комментариев. Однако в эпитафии II в. н. э. из римской Состры⁵² (у совр. с. Ломец в общине

прослужил 26 лет и умер в 50, через два года после отставки (ISM, V, № 178), то есть, выходит, служить он начал в 22 года. В принципе и этот возраст был для поступления на военную службу вполне обычным, см. Birley 1989, 115. В другой надписи, найденной в окрестностях античных Том эпитафии Флавия Урсиниана (ISM, II, № 382), говорится, что он умер в 25 лет, прослужив 1 год и 8 месяцев, из чего следует, что на службу этот молодой человек поступил в 23 или 24 года.

⁴⁸ ISM, II, № 172.

⁴⁹ AE, 1912, № 187 (ср. Геров Б. Романизмът между Дунава и Балкана. Ч. 1// ГСУ. Историко-филологически факултет. 1948–1949. Т. 45. Кн. 4. С. 77, № 35); ILBR, № 122 = CIL, III, № 12361 = AE, 1895, № 42 (ср. Геров 1948–1949, 77, № 36).

⁵⁰ ILBR, № 50 = AE, 1960, № 127.

⁵¹ Mrozewicz 1984, 181–184. Ср. AE, 1985, № 735; ILN, № 27.

⁵² ЕД, № 65.

Троян) сообщается лишь о том, что умерший был центурионом стоявшего в соседней Верхней Мезии⁵³ IV Флавиева легиона, и нет даже намек на то, что он являлся ветераном⁵⁴. Сходным образом характеризует покойного и надгробная надпись из античной Сацидавы⁵⁵, находившейся в окрестностях совр. с. Дунэрень (бывш. Мырляну) в уезде Констанца. Отдельные места текста исследователи восстанавливают по-разному⁵⁶, но при любом варианте прочтения речь в нем идет о центурионе, предположительно, II Геркулиева легиона Валерии Онесиме. И в этом случае никаких указаний на то, что ко времени смерти центурион находился в отставке, в эпитафии нет⁵⁷. Более того, принадлежность Валерия Онесима к *legio II Herculia* только повышает вероятность того, что он мог быть действующим военнослужащим — постоянный лагерь этого легиона, по всей видимости, находился именно в Малой Скифии⁵⁸. Там же, в Трэзмисе, с первого десятилетия II в. н. э. до 167 г. дислоцировался

⁵³ Ritterling 1924–1925, 1542–1546; *Иванов П.* Долнодунавската отбранителна система... С. 92.

⁵⁴ D(is) M(anibus) / C(aius) Iulius / Barbari/anus / (centurio?) leg(ionis) IIII Fl(aviae) / vixit ann(is) LI... Цит. по ILBR, № 263. Р. Канья и М. Бенье на основании первой публикации этой надписи Г. Кацаровым приводят использовавшийся для обозначения чина центуриона символ χ в конце четвертой строки, см. AE, 1929, № 119.

⁵⁵ ЕД, № 139. По мнению И. Боянова, надпись датируется III в. н. э. Однако с учетом того, что упоминаемый в ней, как считают, II Геркулиев легион был создан при Диоклетиане (Ritterling 1924–1925, 1467), текст может относиться как к концу III в., так и к более позднему времени. Ср. AE, 1976, № 628 comm.; *Scorpan C.* Sacidava și unele probleme stratigrafice și cronologice ale limes-ului și Dobrogei Romane. (Secolul V e. n. în arheologia dobrogeană) // Pontica. 1972. Т. 5. Р. 302.

⁵⁶ AE, 1963, № 182; 1976, № 628; 1979, № 536; *Brennan P.* AE 1963. 182 (Sacidava): New Readings and Interpretation // ZPE. 1979. Bd. 33. P. 161–167.

⁵⁷ ...Digne locutu/[s], militia(m) colui(t) / legionis II He(r)culi(a)e, / Valerius Onesim[us], / centurio qui uixit a/nnos quinquagint/a et me(n)ses septe(m)... Цит. по AE, 1979, № 536.

⁵⁸ Ritterling 1924–1925, 1467; AE, 1979, № 536 comm.; *Doruțiu-Boilă E.* Troesmis// ISM. Vol. V. București, 1980. P. 157, 159.

В Македонский легион⁵⁹, в котором служил известный по надписи первой половины II в. из Трораеум Траiani (у совр. с. Адамклиси в уезде Констанца) Гай Юлий Валенс. Комментируя содержание этой эпитафии, И. Боянов называет его ветераном и *бывшим* центурионом, но никаких пояснений по данному поводу не дает⁶⁰. В тексте же об этом, опять-таки, ничего не говорится: D(is) M(anibus) / C(aius) lul(ius) C(ai) fil(ius) Va/lens c(enturio) leg(ionis) V Mac(edonicae) / dom(o) Amasia / vix(it) an(nis) L mil(itavit) an(nis) XXX...⁶¹ Только в одном из четырех рассматриваемых случаев И. Боянов объясняет, почему считает центуриона ветераном. Относительно упоминаемого в надписи из Трэзмиса⁶² Л. Антония Феликса он пишет: «Хотя точно это и не указано, вероятно, речь идет о ветеране, с учетом возраста, в котором умер этот центурион, и того, что перечисленные легионы не стояли в Нижней Мезии» (курсив мой. — А. М.)⁶³. К такому заключению автор приходит на основании следующей информации: L(ucio) Antonio / L(ucii) fil(io) Arnensi / Felici, Kartha/gine, (centurioni) leg(ionis) III / Aug(ustae), (centurioni) leg(ionis) X Gem(inae) / [(centurioni)]leg(ionis) I Ital(icae) vixit / annis LVIII...⁶⁴ Однако, как было показано, центурион в этом возрасте вполне мог оставаться на службе. Слова же о том, что *ни один* из названных в эпитафии легионов не размещался в Нижней Мезии, вызывают недоумение, так как история I Италийского легиона связана прежде всего именно с этой провинцией, причем какая-то его часть после отбытия в 168 г. н. э. в Македонского легиона в Потаиссу некоторое время находилась в Трэзмисе⁶⁵.

Еще одна надпись, в которой может говориться не о ветеране, а о действующем военном служащем, происходит, предположительно, из

⁵⁹ Ritterling 1924–1925, 1576–1578; Иванов 1999, 89; Matei-Popescu F. The Roman Army... P. 47–52.

⁶⁰ Боянов 2008, 362.

⁶¹ ЕД, № 133.

⁶² ЕД, № 167 = CIL, III, № 6185 = ISM, V, № 176. Э. Доруциу-Бойлэ датирует надпись концом II в. н. э. (ISM, V, № 176 comm.), а Ф. Матей-Попеску — третьей четвертью этого столетия, см. Matei-Popescu 2010, 100.

⁶³ Боянов 2008, 373.

⁶⁴ Цит. по ISM, V, № 176.

⁶⁵ Ritterling 1924–1925, 1409–1416; ISM, V, № 176 comm.; Иванов 1999, 90–91; Matei-Popescu 2010, 79–84.

Эска⁶⁶ и датируется временем правления Александра Севера⁶⁷: C(aio) Valerio C(ai) f(ilio) / Pap(iria) Velentia/no⁶⁸ p(rimo)p(ilo) leg(ionis) I Ital(icae) / Sever(iana) praef(ecto) / leg(ionis) I adiutrici(s) / Severiana / C(aius) Val(erius) Plautia/nus eq(ues) R(omanus) pontif(ex) / et (duum)viral(is) col(oniae) / patri. / L(ocus) d(atus) d(ecreto) d(ecurionum)⁶⁹. По поводу Гая Валерия Валентиана И. Боянов пишет: «Вероятно, после своего увольнения он также занимал магистратскую должность в колонии, если судить по тому, что парцелла для его погребения предоставлена городом согласно декрету декурионов»⁷⁰. Однако на самом деле достаточно веских оснований для того, чтобы считать Валентиана ветераном, текст надписи не дает. Разумеется, поставивший надпись Гай Валерий Плавтиан, судя по должностям, которые он занимал, был зрелым человеком, и это указывает на преклонный возраст его отца. Но и здесь обязательно следует учитывать, что командные посты, подобные тем, на которых служил Валентиан, могли замещать и весьма пожилые люди. А то обстоятельство, что упомянутое в надписи место было выделено по решению декурионов, вполне может объясняться не участием в управлении колонией самого Валентиана, а тем авторитетом, которым, несомненно, пользовался в городе его сын. Кстати, не совсем понятно, почему И. Боянов считает, что это место предназначалось именно для погребения, ведь формула l(ocus) d(atus) d(ecreto) d(ecurionum) была характерной и для почетных надписей⁷¹. В этом случае Валентиан мог вообще не проживать в Эске, а находиться со своим легионом в Паннонии.

В ряде других надписей, которые приводит И. Боянов, либо вообще не говорится об отставных воинах, либо ветераны упоминаются, но

⁶⁶ ILBR, № 17 comm.

⁶⁷ ЕД, № 36 = ILBR, № 17.

⁶⁸ Должно быть Valentiano, см. ILBR, tab. V.17 imago photogr.

⁶⁹ Цит. по ILBR, № 17.

⁷⁰ Боянов 2008, 284.

⁷¹ *Cagnat R. Cours d'épigraphie latine. P., 1898. P. 236; Sandys J. E. Latin Epigraphy. An Introduction to the Study of Latin Inscriptions. Cambr., 1919. P. 109, 112; Федорова Е. В. Латинская эпиграфика. М., 1969. С. 187, и т. д. К числу почетных относит эту надпись и Б. Геров, см. ILBR, № 17 comm.*

в контексте, не предполагающем информации об их участии в местном самоуправлении, даже если такие факты имели место.

Так, три текста информируют о военной и гражданской карьере двух лиц, круг полномочий которых определялся масштабами куда более значительными, чем муниципальные. Бывший префект I Клавдиевой когорты всадников и военный трибун I Италийского легиона Т. Юлий Сатурнин в датируемых последними годами правления Антонина Пия надписях из болгарского города Летница⁷² и античной Капидавы (у совр. с. Капидава⁷³ в уезде Констанца)⁷⁴ фигурирует как *conductor publici portorii Illyrici utriusque et Ripae Thraciae*⁷⁵. Еще более заметной фигурой в римской истории II в. н. э. был принадлежавший к одному из влиятельнейших в то время родов уроженец Испании Л. Миниций Натал Квадроний Вер, которому посвящена надпись из Каллатиса⁷⁶. На своем жизненном пути он занимал многие престижные посты⁷⁷, и в частности, в последние годы правления Траяна был военным трибуном I Вспомогательного, XI Клавдиева и XIV Сдвоенного (*Gemina*) легионов, в начале 130-х годов — легатом VI Победоносного легиона, а в промежутке между 140 и 144 гг.⁷⁸ какое-то время являлся наместником Нижней Мезии. На этом основании И. Боянов, надо полагать, и относит его к числу ветеранов, проживавших в этой провинции. Однако ни Т. Юлий

⁷² ЕД, № 87. См. также АЕ, 1928, № 153; Геров 1952–1953, 361, № 74.

⁷³ До недавнего времени это село называлось Калакьой.

⁷⁴ ЕД, № 143 = АЕ, 1934, № 107 = ISM, V, № 10.

⁷⁵ О Т. Юлии Сатурнине см. также PIR², IV, 3, p. 270–271, № 548; *Sarnowski T. Die ritterlichen Tribunen der legio I Italica // Prosopographica. Poznań, 1993. S. 69–70, 75, 79; Тачева М. Власт и социум в римска Мизия и Тракия. София, 2000. С. 79–80, 83–84, 87–89, 91; Mihailescu-Birliba L. L'inscription de T. Iulius Saturninus à Dierna et l'affermage du *publicum portorii Illyrici* // SAA. 2010. [No.] 16. P. 146–147, n. 10.*

⁷⁶ ЕД, № 213 = IGRR, I, № 653 = ISM, III, № 114; ср. АЕ, 1996, № 1345.

⁷⁷ *Groag L. Minicius Natalis Quadronius Verus // RE. 1932. Hlbd. 30. Sp. 1836–1842; PIR², V, 2, p. 293–295, № 620; Thomasson B. E. Laterculi praesidum. Göteborg, 2009. Vol. 1. P. 50, № 20:082.*

⁷⁸ См. PIR², V, 2, p. 294; ISM, V, № 141 comm.; *Thomasson B. E. Laterculi praesidum... P. 50; Matei-Popescu 2010, 144, n. 1182.*

Сатурнин, ни Л. Миниций Натал Квадроний Вер не являлись теми ветеранами, о которых здесь идет речь, то есть бывшими военными, заслужившими право на почетную отставку в результате многолетней службы. Должности префекта когорты и военного трибуна были для них не более чем начальными ступеньками политической карьеры, которые Л. Миниций Натал Квадроний Вер, например, преодолел еще в возрасте около двадцати лет за каких-то два–три года. Кроме того, в Нижней Мезии, в отличие от ветеранов, осевших там на постоянное жительство, оба этих бывших командира оказались лишь по долгу службы и, получив новые назначения, покинули провинцию. Так, к примеру, Т. Юлий Сатурнин уже во времена совместного правления Марка Аврелия и Луция Вера как *procurator Augustorum* и *procurator Augustorum et Faustinae Augustae* упоминается в надписях из Трира⁷⁹ и Рима⁸⁰ а Л. Миниций Натал Квадроний Вер, предположительно, в 153–154 гг.⁸¹ был проконсулом Африки⁸². Наконец, и это в данном случае главное, даже если формально, как, видимо, делает И. Боянов, считать их ветеранами, трудно представить, что «всевластный арендатор Иллирийской пошрины», как называет Т. Юлия Сатурнина М. Тачева⁸³, или консуляр, наместник провинции Л. Миниций Натал Квадроний Вер могли «по совместительству» выполнять обязанности городских магистратов. Они достигли гораздо большего, и шансов найти в посвященных этим представителям элиты провинциального общества надписях указания на их причастность к местному самоуправлению практически нет.

Не содержит сведений об отставных воинах и текст посвящения 172 г. н. э. Марку Аврелию, его сыновьям и наместнику провинции из Каллатиса⁸⁴. И. Боянов включает эту надпись в каталог на том основании, что поставившие ее понтархи могли находиться в родстве с упомянутым Л. Миницием Наталом Квадронием Вером. Однако даже если это и было действительно так, он, как уже отмечено, занимал командные посты

⁷⁹ CIL, XIII, № 3636.

⁸⁰ CIL, VI, № 559.

⁸¹ PIR², V.2, P. 294. Ср. Matei-Popescu 2010, 144, n. 1182.

⁸² CIL, II, № 4510; XI, № 2925, 3002; XIV, № 3599, etc.

⁸³ Тачева М. Власт и социум... С. 83.

⁸⁴ ЕД, № 214 = ISM, III, № 100.

в легионах по ходу своей сенаторской карьеры, а не являлся ветераном, уволенным из армии по выслуге лет или, скажем, по причине ранения, болезни. На причастность же к воинской службе самих дедикантов в посвящении нет и намека — они упоминаются в тексте как *Τ(ίτος) Αἴλιος Μινίκιος Ἀθαναίων ὁ πρῶτος ποντάρχης καὶ ἀρχιερεὺς καὶ ἄρξας τῆς Ἐξαπόλεος καὶ ὁ υἱὸς αὐτοῦ Τ(ίτος) Αἴλιος Μινίκιος Μοσχίων ποντάρχης*.

В эпитафии супругов, найденной в г. Констанце⁸⁵, о ветеране говорится совершенно определенно, но только для того, чтобы подчеркнуть происхождение умершего — бывшего дуумвира и авгура Трезмица: *C. Arrius Quintianus bis/duumviralis et augur mun(icipii) / Troesmens(is) vet(erani) filius et Clau/dia Servata uxor se vivi[s] me/moriam sibi fecerunt curan/tibus Arriis Qu[i]ntiano filio et la/nuario lib[er]to⁸⁶*. Судя по тому, что даже имя отца-ветерана не упоминается, никаких фактов из его биографии составители надписи приводить не собирались. В таком случае, даже если он и занимал после отставки какие-то должности, в тексте это найти отражения не могло. Собственно говоря, из надписи вообще неясно, проживал ли отец Г. Аррия Квинциана в Нижней Мезии. Поэтому учитывать ее, и в этом И. Боянов совершенно прав, разумеется, следует, но как свидетельство о потомках ветеранов и об их карьерных успехах, а не об исполнении отставными военнослужащими обязанностей гражданских должностных лиц.

По сходным причинам не следует принимать во внимание при подсчетах еще два текста. Это эпитафия из Марцианополя, в которой упоминается *Valerius Herculanus Valerii Silvani veterani filius⁸⁷*, и уцелевшая строка надписи из окрестностей совр. с. Недан в общине Павликени (в античное время — территория Никополя на Истре), где, возможно, говорится о внуке ветерана: *[C(aius) vel P(ublius) P]omp(eius) Magnus bul(euta) C(ai) Pompei Mag[ni f(i)lius] ---⁸⁸*. Полагают, что отец булевта Гай был сыном Публия Помпея Магна⁸⁹, чья надгробная надпись

⁸⁵ ЕД, № 195 = CIL, III, № 7560 = ISM, II, № 244.

⁸⁶ Цит. по ISM, II, № 244.

⁸⁷ ЕД, № 217 = CIL, III, № 14212.

⁸⁸ ЕД, № 91 = CIL, III, № 12410 = ILBR, № 433.

⁸⁹ Геров 1948–1949, 75–76, № 2 8 ком.; 1952–1953, 378, № 387 ком.; ILBR, № 431 comm., № 433 comm.

обнаружена также неподалеку от с. Недан⁹⁰. Именно эту эпитафию, свидетельствующую о том, что П. Помпей Магн был ветераном I Италийского легиона, и следует учитывать при подсчетах. Надпись же, в которой упоминается его внук, никакой информации об этом отставном легионере не несет.

Три надписи не могут содержать сведений о гражданской карьере ветеранов по той причине, что они фигурируют в тексте не индивидуально, а как социальная группа, без указания ее отдельных представителей: делают посвящения⁹¹ или возводят храм⁹² *veterani* или *veterani et cives Romani*⁹³.

Наконец, вообще не имеет отношения к ветеранам составленная в поэтической форме надпись из Новиодуна (совр. г. Исакча), в которой говорится о двух воспитанниках (*alumni*) префекта флота Постума⁹⁴. Судя по всему, И. Боянов привлекает ее только в качестве подтверждения того, что именно в Новиодуне находилась резиденция командующего Мезийской флотилией (*classis Flavia Moesica*)⁹⁵.

Таким образом, содержание 23 рассмотренных надписей из каталога И. Боянова либо вообще не позволяет с достаточной уверенностью говорить, что речь в них идет именно об отставных военнослужащих,

⁹⁰ ЕД, № 89 = CIL, III, № 12409 = ILBR, № 431.

⁹¹ ЕД, № 112 = *Иванов Т.* Абритус. Римски каstel и ранновизантийски град в Долна Мизия. София, 1980. Т. 1. Топография и укрепительна система на Абритус. С. 16; ЕД, № 123 = AE, 1925, № 109.

⁹² ЕД, № 166 = ISM, V, № 135 = AE, 1980, № 818.

⁹³ Формула *veterani et cives Romani* встречается и в ряде других надписей, которые приводит И. Боянов, однако во всех этих текстах может идти речь о ветеранах, выполнявших обязанности местных магистратов (см. гл. 2).

⁹⁴ ЕД, № 172 = ISM, V, № 281. См. также AE, 1977, № 762; 1984, № 793; 1987, № 897; 2000, № 1271; *Barnea A.* Contributions épigraphiques à l'histoire de la ville de Noviodunum // *Dacia* (N. S.). 1975. Т. 19. P. 255–261; *Gamberale L.* A proposito di due carmi epigrafici di Noviodunum (Inscr. Scyth. min. V 281; AE 1977, 762 e 1984, 793) // *ZPE*. 1989. Bd. 77. P. 43–54; *Żyromski M.* Dowódcy floty mezyjskiej w okresie pryncypatu // *Studia Moesiaca* / ed. L. Mrozewicz, K. Ilski. Poznań, 1994. S. 127; *Matei-Popescu* 2010, 253.

⁹⁵ Боянов 2008, 122.

либо не дает возможности судить о том, принимали упоминаемые ветераны активное участие в общественной жизни городов и сел Нижней Мезии или нет. *После исключения их из списка в нем остается 123⁹⁶ надписи.*

В 13 других случаях сомневаться в том, что в тексте действительно упоминаются ветераны, вынуждает плохая сохранность надписей и/или несколько произвольная, на наш взгляд, трактовка исследователями отдельных букв. Так, к числу указаний на присутствие отставных военных в Малой Скифии некоторые исследователи относят надпись, найденную в коммуне Кумпэна, уезд Констанца (в античное время эта территория принадлежала городу Томы): --- ve[teranus? ...] / vixit [ann(is) ...] / men[ses ...] / Aurel [...] / con[ug]i ...] / Dion[ysius? ...]⁹⁷ (ил. 1). Такое прочтение верхней строки сохранившейся части эпитафии в свое время было предложено ее первым издателем Г. Точилеску⁹⁸. Однако конъектура ve[teranus?] является не более чем *одним из возможных* вариантов. Уцелевшие буква V и нижняя часть буквы E или L, между которыми, кстати, имеется очевидный пробел (или скол?)⁹⁹, совсем не обязательно означают, что умерший был ветераном. В принципе они могли относиться к самым различным словам, например, как допускает Й. Стоян, к имени покойного¹⁰⁰. Четвертую строку эпитафии прокуратора Элия Фавентина, найденной в Эске¹⁰¹ (ил. 2), И. Боянов воспроизводит как «...Mammosa et Aurel(ius) Gaurus vet(eranus) hered(es)». Между тем, на самом деле сокращения VET в тексте нет. Естественно, это может объясняться недоработкой резчика, но, как бы то ни было, последний знак в этом буквосочетании — I или, возможно, L со слабо выраженным нижним элементом, но никак не T. По сходной причине вызывает сомнение наличие упоминания о ветеране и в надписи на надгробии II—III вв. н. э. из

⁹⁶ **Прим. ред.:** В рукописи число выделено желтым, без каких-либо пояснений. Мы не смогли определить причину выделения, так как математически число 123 соответствует расчетам, которые представлены в главе: $146 - 23 = 123$.

⁹⁷ ЕД, № 204 = CIL, III, № 12499 = ISM, II, № 264.

⁹⁸ См. ISM, II, № 264 comm.

⁹⁹ ISM, II, № 264 imago photogr.

¹⁰⁰ ISM, II, № 264 comm.

¹⁰¹ ЕД, № 33 = AE, 1956, № 230 = ILBR, № 76.

окрестностей с. Касимча в уезде Тульча¹⁰² (ил. 3): D(is) M(anibus) / [H]ave viator! Hic siti s/[unt ... Vi]ctor v(e)t(eranus) ala(e) Da (?) / [rd(anorum) et...]tio Valeris...¹⁰³ Конечно, v(e)t(eranus) хорошо увязывает имя умершего с Дарданской алой, но в третьей строке между знаками V и T однозначно стоит не E, а I. Возможно, действительно, как замечает Э. Доруциу-Бойлэ, здесь за именем [Vi]ctor следовало Vital(is), и завершающим строку буквам ADA нужно искать другое объяснение.

В нескольких текстах, которые приводит И. Боянов, от слова «ветеран» нет и следа, и оно угадывается издателями по контексту. Это относится, в частности, к двум эпитафиям из Том. От одной из них¹⁰⁴ (ил. 4) сохранилась только правая часть, а от другой¹⁰⁵ (ил. 5) — менее 20 знаков. При этом в обеих надписях присутствует упоминание об алах, перед которым и ставят добавленное vet(eranus). Однако никаких указаний на то, что упомянутые на надгробиях служащие этих воинских частей находились в отставке, в эпитафиях нет. Поэтому с равной долей вероятности можно допустить, что перед наименованиями ал могли значиться сокращенные формы таких слов, как, например, eques, decurio, signifer и т. п. Еще одна надгробная надпись, найденная в Констанце¹⁰⁶, по всей видимости, содержит упоминание о V Македонском легионе, и, по мнению опубликовавших ее М. Бэрбулеску-Мунтяну и А. Рэдулеску, может быть эпитафией его ветерана¹⁰⁷. Однако и этот текст фрагментарен (ил. 6). Вся его левая часть утрачена

¹⁰² ЕД, № 151 = AE, 1972, № 540 = ISM, V, № 131.

¹⁰³ Цит. по ISM, V, № 131.

¹⁰⁴ ЕД, № 200 = CIL, III, № 14214²⁹ = ISM, II, № 225: --- / [vixit anno]s LXXX / [..... fi(?) lio vixit / [an(nos) a]e mat/[ri et (?) Secu]ndini/[ae sorori (?) Lupus / [vet(eranus) (?) alae] II Ara/[vacorum] et Thi/.... frat(?)er eius / [pien]tissim[is] / [posue]runt (цит. по ISM, II, № 225).

¹⁰⁵ ЕД, № 196 = CIL, III, № 7557 = ISM, II, № 247: --- / [vet(erano)?] alae I Fl[avi]ae ... Posido[nius] / [pien]tissim[o patri(?)] / [posuit] (цит. по ISM, II, № 247).

¹⁰⁶ ЕД, № 202 = *Bărbulescu-Munteanu M., Rădulescu A. Descoperiri epigrafice recente // Pontica. 1981. T. 14. P. 167–169, fig. 4.*

¹⁰⁷ *Bărbulescu-Munteanu M., Rădulescu A. Descoperiri epigrafice recente... P. 168: / ex] eq(uite) / [vet(eranus) l]jeg(ionis) V / [Mac(edonicae) vix]it an(nis) / et] Mama / [con(iux)? ei]us vix(it) / [an(nis) ...] et Fl(avius) / [.....f] i(lius)? eius.*

и, по словам самих авторов публикации, насколько широкой она могла быть и, соответственно, сколько могла содержать в строке знаков, не поддается точному определению. Сведения о возрасте умершего отсутствуют, приходилась ли Мама(?) ему женой и действительно ли в надписи говорится о его сыне, можно только догадываться. На наш взгляд, упоминание эквита в сочетании с наименованием легиона позволяет согласиться с тем, что, скорее всего, речь здесь идет о военнослужащем, но оснований для того, чтобы считать его отставным легионером, в данном случае нет. С такой же осторожностью следует относиться к сведениям еще двух надписей из каталога И. Боянова, обнаруженной у с. Слатина в общине Ловеч надгробной¹⁰⁸ и посвященной из с. Обнова в общине Левски¹⁰⁹. К сожалению, их качественными фотографиями мы не располагаем. Однако, судя по предлагаемой в публикациях конъектуре, на месте нужного нам слова в обоих случаях находится лакуна, для заполнения которой в равной мере подходят по смыслу слова, обозначающие как ветеранов, так и солдат, находившихся на действительной службе. Никаких дополнительных указаний на то, какой из этих вариантов более уместен, в надписях нет, поэтому отдать предпочтение какому-либо одному из них не представляется возможным.

Вряд ли можно с уверенностью утверждать, что именно о ветеранах говорится и в двух приведенных И. Бояновым надписях из Нове. В них,

¹⁰⁸ ЕД, № 64 = CIL, III, № 12398, 14207⁴⁰ = ILBR, № 249: D(is) M(anibus) / C(aius) Val(erius) Severus / [mi]l(es) leg(ionis) P(rimae) I(talicae). Coiug[i] / s[uo] Vol(umnia) Marcia/[na p]osuit memo(ria)m. Vixit ann/is [XX?]XXV. / [Pos(uit)]? Tit(ulum, feli(citer?) (цит. по ILBR, № 249; ср. Геров 1952–1953, 361, № 73). И. Боянов, вслед за Б. Геровым (см. ILBR, № 249 comm.), ссылается на мнение братьев Шкорпилов и А. Домашевски, полагавших, что в начале третьей строки следует читать не miles, а vet(eranus). Фотография надписи в упомянутых публикациях отсутствует.

¹⁰⁹ ЕД, № 63 = ILBR, № 242=243: Ge[ni]o lo/ci [sa]nc[to] / [s]acrum / [A]el(ius) Vale(rianus) [vet(eranus)?] / [ex s]ign[if(ero)?] / v[otum] po[s(uit)] (цит. по ILBR, № 242=243). По фотоснимку, который приводит Б. Геров (ILBR, tab. XLIX, 242, 243), можно судить только о некоторых буквах, но не о надписи в целом (ил. 7).

правда, присутствуют буквы VE, в которых впервые опубликовавший эти тексты Е. Колендо усматривает начало слов *veterani* и *veteranus*. Однако в посвящении Адриану¹¹⁰ (ил. 8) на этих буквах текст обрывается¹¹¹, и определенно сказать, относятся ли они к слову *veterani* или означают что-то другое, трудно. От второй же надписи¹¹² уцелело немногим более 10 букв (ил. 9), причем установить, к каким словам могло принадлежать большинство из них, нельзя. По сути, непонятно даже, о чем этот текст вообще¹¹³, равно как и неясно, какое слово могло начинаться расположенным у самого скола слогом(?) VE. Еще одна надпись, которую И. Боянов относит к числу свидетельств о ветеранах, найдена на Дунайском побережье и происходит, скорее всего, из Дуросторума¹¹⁴ (ил. 10). Действительно, по мнению В. Бешевлиева, во второй ее строке значилось слово *vete(ranus)*¹¹⁵. Однако безоговорочно принять такую трактовку сложно. На наш взгляд, с не меньшим основанием можно предположить, что буквы VETE вообще могут относиться к трем разным словам, одним из которых является союз *et*. Во всяком случае, пробел между буквами E и T меньше, чем между этим буквосочетанием и соседними знаками, причем промежутки между V и E слева и T и E справа примерно равны между собой. Разумеется, это может быть простой случайностью, но, думается, наш пример наглядно свидетельствует о том, что толковать сохранившиеся

¹¹⁰ ЕД, № 70 = ILN, № 35: Pr[o s]alute / Imp(eratoris) Ca[es(aris)] / Hadr(i)a[ni] / Aug(usti) [---] / ve[t(erani) leg(ionis)] / I [Ital(icae)? ---] (цит. по ILN, № 35).

¹¹¹ Вероятно, на нижнем сколе надписи, под буквой V, имеется какой-то незаметный на фотографии намек на след от знака I. Однако, судя по всему, этот след слабо просматривается и на каменном оригинале, и открывающее последнюю строку число I, что зафиксировано в публикации, восстанавливается ее автором гипотетически. Соответственно, упоминание как о I Италийском легионе, так и о его ветеранах, оказывается под большим вопросом.

¹¹² ЕД, № 76 = ILN, № 63: [---]G. A[---] / [---]IE. PR--- / REM ve[t(eranum) ---] / vixit annis [LI mili[tavit annis ---] (цит. по ILN, № 63).

¹¹³ Судить о том, насколько удачна предложенная Е. Колендо реконструкция последней строки, фотография фрагмента возможности не дает.

¹¹⁴ ЕД, № 124 = Бешевлиев В. Эпиграфски приноси. София, 1952. С. 68, № 115; табл. LI, обр. 2.

¹¹⁵ Бешевлиев В. Эпиграфски приноси... С. 68.

буквы второй строки можно по-разному. Дело в том, что, по словам изучавшего надпись В. Бешевлиева, кроме них, на камне можно прочесть только *nia* в предпоследней строке и *b(ene) [merenti (sic! — А. М.)]*¹¹⁶ — в последней¹¹⁷. Таким образом, буквы *VETE* приходится воспринимать фактически вне контекста, и это делает их однозначную интерпретацию невозможной. Не больше оснований для того, чтобы говорить о ветеране, дает и фрагментарная надпись под изображением Фракийского всадника из святилища Асклепия у источника Глава Панега в общине Ябланица¹¹⁸. И. Боянов, со ссылкой на публикацию Г. Михайлова, указывает, что она состоит из одного слова: «*βετρανός*» (*sic! — А. М.*), и никаких комментариев по этому поводу не дает. Между тем, сам Г. Михайлов к собственному предположению, что это могло быть слово «*[-β]ετρανός?*», относится с большой осторожностью. Более того, по его справедливому замечанию, текст настолько плохо сохранился, что нельзя даже сказать, греческий он или латинский (!)¹¹⁹. Заметим также, что, судя по фотографии и прорисовке надписи, буквы *E* и *T* Г. Михайловым только угадываются. На самом деле, от первой из них уцелела лишь правая часть, соответствующая скорее латинской букве *C* или лунарной сигме, а сразу за ней следует *I*. Разумеется, не исключено, что это — утратившая свой верхний фрагмент буква *T*, и догадка Г. Михайлова верна. Однако получить доказательное подтверждение этому нельзя, и, следовательно, никакой уверенности в том, что в надписи идет речь именно о ветеране, быть не может.

Разумеется, полностью исключать возможность того, что в каких-то из приведенных случаев¹²⁰ действительно могли иметь место упоминания о ветеранах, не следует, но считать такие свидетельства надежными нельзя. Как бы то ни было, судить о гражданской карьере отставных военнослужащих эти надписи не позволяют и, следовательно, учитываться при подсчетах они

¹¹⁶ Возможно, конечно, это и не так, но создается впечатление, что буква *M* справа от буквы *V* на фотоснимке надписи различима.

¹¹⁷ Бешевлиев 1952, 68.

¹¹⁸ ЕД, № 56 = IGBR, II, № 586.

¹¹⁹ IGBR, II, № 586 comm.

¹²⁰ Информация еще об одной, тринадцатой, надписи такого рода (ЕД, № 32 = АЕ, 1957, № 296 = ILBR, № 66) будет представлена в гл. 2.

не должны. В итоге в нашем распоряжении остается 110 надписей, в которых упоминаются 118 отставных военнослужащих¹²¹.

Сходная картина складывается и в результате обращения к материалам свода эпиграфических свидетельств о ветеранах в Нижней Мезии, составленного К. Крульчиком¹²². Наряду с другими данными, в нем представлены 25 военных дипломов, 29 надписей I — начала II и конца III—IV вв. н. э., шесть коллективных упоминаний о бывших военных и 14 текстов, плохая сохранность которых не позволяет определенно судить, о ветеранах ли в них идет речь¹²³. Кроме того, по вышеуказанным причинам при подсчетах не следует учитывать и присутствующие в каталоге свидетельства о трех эвокатах, а также эпитафии Г. Аррия Квинциана¹²⁴ и Валерия Геркулана¹²⁵. В результате в нем остаются сведения о 116 армейских ветеранах¹²⁶.

Теперь необходимо определить примерное число известных по данным эпиграфики отставных военнослужащих, которые выполняли в городах и селах Нижней Мезии функции должностных лиц, и это мы попытаемся сделать в следующей главе.

¹²¹ **Прим. ред.:** Числа в предложении выделены желтым. Как и в предыдущем случае (см. прим. 96), определить причину выделения не удалось. Математически расчеты верны. И в английском варианте выделение отсутствует.

¹²² *Królczyk K. Tituli veteranorum...* S. 127–154. Каталог включает в себя выдержки из 186 надписей. Их меньше, чем у И. Боянова, количество во многом объясняется тем, что эта добротная сводка практически не содержит информации о лицах, которые ветеранами скорее всего не являлись.

¹²³ Сослаться на соответствующие конкретные позиции свода в данном случае не представляется возможным, так как надписи в нем не пронумерованы.

¹²⁴ ISM, II, № 244.

¹²⁵ CIL, III, № 14214²².

¹²⁶ **Прим. ред.:** Числа в предложении выделены желтым. Как и в предыдущих случаях (см. прим. 96; 121), определить причину выделения не удалось.

ГЛАВА 2

ЭПИГРАФИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ ОБ УЧАСТИИ ВЕТЕРАНОВ В САМОУПРАВЛЕНИИ И РЕЛИГИОЗНОЙ ЖИЗНИ ГОРОДОВ И СЕЛ НИЖНЕЙ МЕЗИИ

Говоря о ветеранах, исполнявших обязанности гражданских должностных лиц в Нижней Мезии, обычно называют от 13 до 15 человек¹. Однако в действительности не все надписи, в которых упоминаются эти люди, дают полную уверенность в том, что они, будучи отставными военнослужащими, были причастны к местному самоуправлению или являлись жрецами. В некоторых текстах, например, говорится о магистратах, но нет прямых указаний на то, что это ветераны, или же, наоборот, упоминается ветеран, но не сообщается определенно, был ли он магистратом. Вместе с тем, представляется вероятным участие в руководстве городами и селами провинции и некоторых других бывших воинов — известных по надписям, которые по различным причинам либо остаются вне поля зрения специалистов, либо заслуживают, на наш взгляд, более пристального внимания. Таким образом, складывается ситуация, когда возникает необходимость еще раз проанализировать все эти тексты, с тем чтобы попытаться определить, какие из них следует считать *безусловными*, а какие, с учетом известных оговорок, *возможными* свидетельствами о гражданской карьере ветеранов в Нижней Мезии².

¹ См. гл. 1, с. 27. (прим. 2–5).

² С тем чтобы дать необходимое представление о содержании предлагаемых для рассмотрения надписей и, соответственно, о контексте, в котором там

Прежде всего, обратимся к тем надписям, в которых или *прямо* говорится о том, что упоминаемый ветеран был магистратом или жрецом, или это *определенно* следует из контекста.

Одним из таких бесспорных свидетельств является посвящение из Эска следующего содержания:

T(itus) Tettiu[s] / Plotu<u>s / vet(eranus) leg(ionis) II[II] / F(laviae) f(elicis) p(ater) s(acrorum) D[ei] ⁵ / invicti [s(olvit)] / I(ibens) m(erito) ³.

По мнению исследователей, эта надпись может быть наиболее ранним подтверждением активного участия отставных военных в муниципальной и религиозной жизни Нижней Мезии. Так, Б. Геров датирует ее началом II в. н. э.⁴ К этому же времени относят посвящение Л. Мрозевич⁵ и К. Крульчик⁶. С. Ферянчиц⁷ и И. Боянов⁸ полагают, что алтарь можно датировать концом I или началом II в. н. э. При этом они, как и Б. Геров, исходят из специфики обозначения легиона — II[II] F F. Между тем Э. Риттерлинг, на труд которого ссылается Б. Геров, отмечает, что аббревиатуру F F — F(lavia) f(elix) — использовали не только при Траяне, но и в годы правления Адриана⁹. С учетом этого хронологические рамки появления надписи, возможно, следует расширить и определять их как *время принципата Траяна или Адриана*.

Еще одна достаточно ранняя, по сравнению с большинством других, надпись сообщает о ветеране, исполнявшем обязанности булевта в западнопонтийском городе Томах:

упоминаются или могли упоминаться ветераны и должностные лица, их тексты приводятся полностью, с сохранением, насколько позволяют возможности печати, основных археографических особенностей публикации в цитируемых изданиях.

³ ILBR, № 32 = CIL, III, № 6128, 7425 = AE, 1900, № 15. Здесь и далее надписи цитируются по изданию, указанному первым.

⁴ Геров 1948–1949, 76, № 31.

⁵ Mrozewicz L. Legioniści mezyjscy w I wieku po Chrystusie. Poznań, 1995. S. 162–163, № 112.

⁶ Królczyk 2005, 141.

⁷ Ферянчиц С. Населяване легијских ветерана... 2002, 294, н. 399.

⁸ Boyanov I. Oescus — from castra to colonia // Archaeologia Bulgarica. 2008. № 3. P. 74.

⁹ Ritterling 1924–1925, 1548.

D(is) M(anibus).
 M(arcus) Ulp(ius) Longinus
 ex dec(urione) vet(erano) bul(euta) Tomitan(orum)
 se viv[o] sibi et U[l]piae Aquilinae
 5 c[o]niugi suae mem[o]riam fecit
 in praedio suo¹⁰.

Издатели относят это надгробие к первой половине II в. н. э.¹¹

Две другие надписи с территории Том как свидетельства участия ветеранов в местном городском управлении большинством специалистов не учитываются¹². Между тем содержание этих текстов дает основания считать, что упоминаемые в них магистраты были именно отставными военнослужащими:

C.....
 N.....SV
 M A.....[e]que(stribus)
 hon(oratus) mil(itiis) et bul(euta)
 5 Tom(itanorum) an(norum) LXV sta-
 tuam v(ivus) s(ibi) p(osuit). Secun-
 d[um] pietatem
 [heredes t]it[um]
 lum b(ene) m(erenti) inscripserunt¹³.

Надпись обнаружена в коммуне Кумпэна, уезд Констанца, и датируется II¹⁴ или концом II — началом III в. н. э.¹⁵

¹⁰ ISM, II, № 180 = CIL, III, № 770.

¹¹ ISM, II, № 180 comm. Такого же мнения придерживается К. Крульчик (Królczyk 2009, 145 ; 2017, 157), ранее относивший надпись к началу II в. н. э., см. Królczyk 2005, 146. А. Арическу и С. Ферянчич датируют эпитафию М. Ульпия Лонгина более осторожно — II в. н. э., см. Aricescu A. Armata în Dobrogea Romană... P. 210–211, прим. 107; Ферянчић 2002, 302, н. 449.

¹² Насколько нам известно, в этом качестве на них ссылаются, причем без каких бы то ни было комментариев, только А. Арическу, см. Aricescu 1977, 196.

¹³ ISM, II, № 249 = CIL, III, № 7543.

¹⁴ Aricescu 1977, 210–211, н. 111.

¹⁵ ISM, II, № 249 comm.

[Ἀγαθῆι τύχηι·
 Ἡ βουλή καὶ ὁ δῆμος
 τῆς μητροπόλεως
 Τόμεως Ἀφρικα(?)]
 5 νὸν Κυ[ῆ]τον στρα-
 τευσάμενον ἐνδό-
 ξως καὶ ἀγορανομή-
 σαντα ἐπιφανῶς
 καὶ ὑπερβαλόμενον
 10 τοὺς πρὸ ἑα[υ]τοῦ τεμῆ[ς]
 χάριν· ἀνεστησέν
 τε τὸν ἀνδριάντα Σωσ-
 σία Ἀφρικ[αν]ῆ ἢ γυνὴ αὐτοῦ¹⁶.

Надпись найдена в окрестностях г. Констанцы и относится ко II или, что менее вероятно, III в. н. э.¹⁷

Ни в одном, ни в другом случае *буквально* о ветеранах не говорится (хотя в надписи из коммуны Кумпэна такое упоминание и могло присутствовать в несохранившейся верхней части текста). Однако выражения *hon(oratus) mil(itii)s et bul(euta) Tom(itanogum)* и *στρατευσάμενον ἐνδόξως καὶ ἀγορανομήσαντα ἐπιφανῶς* определенно свидетельствуют о том, что в надписях идет речь о лицах, которым воздается должное не только как булевту и агораному, но и как людям, причастным к военной службе. Для обоих мужчин она, скорее всего, осталась в прошлом. На это указывают в первом случае почтенный возраст всадника, а во втором — очевидная несовместимость действительной воинской службы с повседневными хлопотными обязанностями агораномы. Конечно, некая возможность того, что в латинской надписи под словом *militiae* подразумевались какие-то гражданские функции¹⁸, а Африкану(?) Квиету удавалось справляться с работой агораномы, оставаясь при этом военнотружущим, существует, но она, особенно если рассматривать обе надписи в комплексе, представляется крайне незначительной. Обращает на себя внимание и несомненное,

¹⁶ ISM, II, № 71 = IGRR, I, № 640.

¹⁷ ISM, II, № 71 comm.

¹⁸ Хотя в таком случае непонятно, почему деятельность в должности булевта выводится за рамки этих обязанностей.

несмотря на различный язык надписей, смысловое сходство приведенных формулировок. Создается впечатление, что на каком-то этапе в Томах сложилось своего рода клише, предназначенное для случаев, когда требовалось подчеркнуть заслуги человека и как военнослужащего, и как городского магистрата, а, следовательно, таких лиц история этого полиса знала немало.

О том, что ветераны замещали должности и сельских магистратов, свидетельствует посвящение, сохранившаяся часть которого приводится ниже:

.....
 Vici Verg[o]-
 [b]rittiani C. Iulius
 Vale(n)s veter(anus) leg(ionis) V M[a]-
 ced(onicae) mag(ister) vici
 5 v(otum) s(olvit) l(ibens) m(erito)¹⁹.

Надпись обнаружена в коммуне Гырличу, уезд Констанца (в римское время это были окрестности крепости Циус), и, по мнению большинства исследователей, датируется II в. н. э.²⁰

Больше всего надписей, в которых идет или может идти речь о ветеранах, исполнявших обязанности магистратов и жрецов, — семь — происходит из античного Трэзмиса и его ближайших окрестностей²¹.

В четырех случаях надписи из Трэзмиса свидетельствуют о гражданских должностных лицах из числа бывших военнослужащих совершенно определенно. Это позволяет привести их без комментариев, ограничившись сведениями о возможной датировке.

¹⁹ ISM, V, № 115 = CIL, III, № 12479.

²⁰ ISM, V, № 115 comm.; Mrozewicz 1989, 74, n. 33; Ферјанчић 2002, 304, n. 464. Ф. Матей-Попеску и А. Фалилеев относят надпись ко времени правления Траяна или Адриана и полагают, что vicus мог носить название Vero[b]rittiani, см. *Matei-Popescu F., Falileyev A. Notă asupra ISM V 115 // Tyragetia (S. N.). 2007. Vol. I. Nr. 1. P. 323–325.*

²¹ Из работ недавнего времени о Трэзмисе, его магистратах и жрецах, а также о канаве и ветеранах V Македонского легиона см. *Aparaschivei D. Municipiul Troesmis... P. 189–208.; idem. 2010, 105–113, 197–205; Matei-Popescu 2010, 35–76.*

- M(arco) Ulp(io) Marciano
 vet(erano) ex s(ingulari) c(onsularis) a(lae) I (Dardanorum)²²
 pont(iff(ici), (duum)viro q(uin)q(uennali)
 m(unicipii) Tr(oesmensium), Marcii An-
 5 tistius Rufus,
 pont(iff(ex) et Antistius
 Domitius (a)ed(ilis) q(uastor),
 fratres,
 o(ptimo) v(iro)²³.

Мнения по поводу датировки этой надписи расходятся: А. Арическу относит ее ко II в. н. э.²⁴, Л. Михайлеску-Бырлиба и В. Пифтор — ко *второй половине* II — началу III в. н. э.²⁵, Э. Доруциу-Бойлэ и К. Крульчик — к *концу* II — началу III в. н. э.²⁶, Л. Мрозевич — к первой половине III в. н. э.²⁷, а Д. Апараскивей — ко II—III вв. н. э.²⁸

- [I(ovi) O(ptimo) M(aximo) sacrum]
 [pro sal(ute) Imp(eratoris) T(iti) Ael(ii) Ha]-
 [driani Antonini Aug(usti) Pii et]
 [Aur(elii) Veri Caes(aris)]
 5 sub Fuficio Cornu-
 to leg(ato) Aug(usti) pr(o) pr(aetore) de-
 dicante Q. Caecilio
 Reddito leg(ato) Aug(usti) T(itus)
 Fl(avius) Alexander vet(eranus)
 10 leg(ionis) V Mac(edonicae) domu Fab(ia)
 Ancyra) q(uin)q(uennalis) canaben(sium)
 cum Iulia Florenti-

²² В конце второй строки после А и цифры I присутствует буква D (ISM, V, № 148 imago photogr.), поэтому слово следует воспроизводить как D(ardanorum).

²³ ISM, V, № 148 = CIL, III, № 7504.

²⁴ Aricescu 1977, 210–211, n. 108.

²⁵ *Mihailescu-Bîrliaba L., Piftor V. Les vétérans membres...* P. 215.

²⁶ ISM, V, № 148 comm.; Królczyk 2005, 149.

²⁷ Mrozewicz 1989, 74, n. 32.

²⁸ Aparaschivei 2005–2006, 199, 204; 2010, 326, tab. XIII, nr. 14.

- na uxore et Flavio A-
lexandro, Valente,
15 Pisone, Maximilla, Res-
pecta fili(i)s d(e) s(uo) p(os uit) item (denarios)
CCL ob honor(em) q(uin)q(uennialitatis) cu-
riae donavit ex quor(um)
incre[mentis sportulae?]
20 [dividerentur?] om[nibus]
[decurionibus?]...²⁹

Посвящение датируется 151–154 гг. н. э. — временным промежутком, в рамках которого наместником Мезии мог быть Фуфиций Корнут³⁰.

- [l(ovi) O(ptimo) M(aximo) sacrum pro]
salute Imp(eratoris) T(iti) Ael(ii) Ha-
driani Antonini Au-
g(usti) Pii et Aureli(i) Veri Cae-
5 s(aris) [s]ub lul(io) Severo leg(ato) Au-
g(usti) pr(o) pr(aetore) dēdīçante Ael-
<l>io Optato l[e]g(ato) Aug(usti) L(ucius) Licin(ius)
domo Ni[copoli?] Cleme(n)[s]
vet(eranus) leg(ionis) V Ma[c(edonicae) q(uin)q(uennalis)
c]anab(ensium)
10 et dec(urio) Trøęşm(ensium) c[u]m Licinia
Veneria coniuge, Lucia Li-
cinia fil(ia) et lul(io) Clemente et Oc-
tavio Clementiaŋ(o) et Licinia Cle-
mentiena et O[c]t[av]av(io) C]l[e]m(ente) et Lic(inio) Cle(mente) et
15 Oct(avio) Lic(inio) nep(otibus) d(e) s(uo) p(osuit) eţ dēd(it)
cur(iae) (denarios) CCL

²⁹ ISM, V, № 155 = AE, 1957, № 266. См. также обстоятельную первую публикацию этой и следующей надписей: *Vulpe R. Canabenses și Troesmensis. Două inscripții inedite din Troesmis // SCIVA. 1953. Nr. 3–4. P. 557–579.*

³⁰ ISM, V, № 155 comm. С. Ферянчич, со ссылкой на мнение Б. Е. Томассона, определяет время возможного наместничества Фуфиция Корнута интервалом со 147 по 155 г. н. э., см. Ферянчић 2002, 299, н. 427.

ob honor(em) q(uin)q(uennalitis) ex quor(um) incre
[m]e[ŋ][tis] omnib(us) [decursionibus sportulae dividerentur?] ³¹.

Надпись относится ко времени наместничества в Нижней Мезии Л. Юлия Статилия Севера, которое определяют как 159–160 ³² или 159–161 гг. н. э. ³³

[Ti]b(erius) Vitales ex
[b(ene)f(iciario)] vet(eranus) leg(ionis) V Mac(edonicae)
[sa]cerd(os)q(ue) provin-
[c(iae)] vix(it) ann(os) LX viv-
5 [o] se fecit, reliq(uiarum)
[c]uragent(e) Tib(erio) Vi-
[t]ale fil(io) et her(ede);
h(ic) s(itus) e(st) ³⁴.

Как правило, эту эпитафию относят ко II в. н. э. ³⁵, однако Д. Апараскивей считает, что она могла быть сделана как во II, так и в III в. н. э. ³⁶

Надежным свидетельством участия ветеранов в муниципальном управлении Трэзмиса считают и следующую, пятую, надпись:

C. E[g]natus C. [f.] Fab. Valens Ancyra vet. decuri(o) m[u]
n[i]c(ipi) Troesm. C. Egnatus Valens ... leg(ionis) eiusd(em) filius p[at]ri [p]
iis[si]mo b(ene) m(erenti) f(ecit). H(ic) s(itus) e(st) ³⁷.

³¹ ISM, V, № 158 = AE, 1960, № 337.

³² Aricescu 1977, 202–203, n. 21; ISM, V, № 158 comm., cf. ISM, V, № 1 comm.; Królczyk 2005, 149; Mihailescu-Birliba, Piftor 2005–2006, 215; Aparaschivei 2005–2006, 194; 2010, 324, tab. XII, nr. 4.

³³ Mrozewicz 1989, 74, n. 29; AE, 1993, 1354.

³⁴ ISM, V, № 194 = CIL, III, № 7506.

³⁵ ISM, V, № 194 comm., etc. По мнению С. Ферянчич, формула hic situs est в данном случае указывает на *первую половину* этого столетия, см. Ферянчић 2002, 299–300, n. 431.

³⁶ Aparaschivei 2005–2006, 202; 2010, 326, tab. XIII, nr. 12.

³⁷ CIL, III, № 6188 = ISM, V, № 183. Текст эпитафии приводится в редакции Т. Моммзена, так как именно по ней обычно судят о содержании этой надписи.

В приведенном виде текст сомнений в том, что ветеран Г. Эгнаций Валент был декурионом Трэзмиса, казалось бы, действительно не оставляет. Однако следует учитывать, что такое прочтение надписи было предложено Т. Моммзенем на основании копий, сделанных Блюхером и Энгельгардтом. Самого надгробия он, вероятно, не видел, а впоследствии надпись пропала. Упомянутые же ее копии местами представляют собой набор букв или их фрагментов, а не связный текст (ил. 11). Собственно говоря, сокращения VET после букв ANCYR ни в одной из них нет. Тем не менее то, что Г. Эгнаций Валент был-таки ветераном, в принципе возможно. По крайней мере, в случае, если девятая и десятая строки эпитафии восстановлены верно, выходит, что он проходил военную службу, а умер, будучи человеком в возрасте, когда в том же легионе уже служил его взрослый сын. Что же касается слова *decuri(o)*, то оно, по сути, *угадывается* Т. Моммзенем по контексту, и если копия Блюхера дает для этого определенные основания, то Энгельгардту в начале пятой строки виделись совершенно другие буквы. Поэтому решительно исключать эту надпись из числа свидетельств о ветеранах-магистратах, возможно, и не следует, но воспринимать конъектуру Т. Моммзена нужно с большой осторожностью.

Попутно заметим, что осторожность следует проявлять и в датировке эпитафии. Утрата оригинала лишила специалистов возможности судить о палеографических особенностях надписи. Определяя ориентировочное время ее появления, большинство исследователей, надо полагать, исходят из того, что Г. Эгнаций Валент умер, когда Трэзмис уже был муниципием, то есть не ранее, чем в период правления Марка Аврелия³⁸. Видимо, на этом основании Л. Мрозевич датирует надгробие временем после 167 г. н. э.³⁹ Э. Доруциу-Бойлэ — III в. н. э.⁴⁰, К. Крульчик — концом II — началом III в. н. э.⁴¹, И. Боянов — последней четвертью II в. н. э.⁴²

³⁸ О времени предоставления Трэзмису прав муниципия см. *Mrozewicz L. Res municipalis w Mezji Dolnej // Acta Universitatis Wratislaviensis. 1979. №. 449. S. 140; Aparaschivei 2010, 110–111.*

³⁹ *Mrozewicz 1989, 74, n. 30.*

⁴⁰ *ISM, V, № 183 comm.*

⁴¹ *Królczyk 2005, 148.*

⁴² *Боянов 2008, 374, n. 169.*

Л. Михайлеску-Бырлиба и В. Пифтор — второй половиной II — началом III в. н. э.⁴³ Однако, на наш взгляд, прорисовки последних букв шестой строки надписи свидетельствуют о том, что слово *municipium* восстанавливается Т. Моммзенем несколько произвольно. С учетом этого, возможно, следует отдать предпочтение точке зрения Д. Апараскивея, который, как и в других случаях, когда возможность более точной датировки, по его мнению, отсутствует, предлагает относить эпитафию ко II—III вв. н. э.⁴⁴

К числу ветеранов, выполнявших обязанности магистратов, принято относить Г. Валерия Пудента, П. Валерия Клемента и Л. Коминия Валента⁴⁵, известных по двум надписям II в. н. э., которые также происходят из Трэзмиса. Вполне возможно, что это и правильно. Однако, как показывает обращение к этим посвящениям, полной уверенности в том, что *все* упомянутые дедиканты были и магистрами, и отставными военнослужащими, нет — многое зависит от того, каким образом трактовать слова, переданные в усеченной форме MAG и VET.

Надпись, в которой упоминается Гай Валерий Пудент, относится ко времени правления Адриана и сообщает следующее:

- [I(ovi) O(ptimo) M(aximo)]
 [pr]o s[a]l(ute)
 Imp(eratoris) Cae(saris)
 Tra(iani) Hadr(iani)
 5 Aug(usti) C(aio) Val(erio)
 Pud(ente) vet(erano) le(gionis) V
 Mac(edonicae) et M(arco) Ulp(io) Le-
 ont(io) mag(istris) canabe(nsium) et
 Tuc(cio) Ael(iano) aed(ile) d(onum) d(ant)
 10 vet(erani) et c(ives) R(omani) cons(istentes) ad
 canab(as) leg(ionis) V Ma(cedonicae)⁴⁶.

⁴³ Mihailescu-Bîrliba, Piftor 2005–2006, 215.

⁴⁴ Aparaschivei 2005–2006, 195–196; 2010, 325, tab. XIII, nr. 6.

⁴⁵ Aricescu 1977, 202–205, n. 11, 28, 32; Mrozewicz 1989, 73–74, n. 25, 27, 28; Ферjanчић 2002, 205; Aparaschivei 2005–2006, 192–193; Mihailescu-Bîrliba L., Piftor V. 2005–2006, 212; Боянов 2008, 267; Królczyk 2009, 144.

⁴⁶ ISM, V, № 154 = CIL, III, № 6166.

В принципе, если анализировать этот текст сам по себе, нельзя исключать возможность того, что сокращение MAG в восьмой строке могло предполагать и форму единственного числа — mag(istro). При таком прочтении оказывается, что магистром был только М. Ульпий Леонтий⁴⁷, а ветеран Г. Валерий Пудент — нет. Однако, думается, приведенную надпись следует, как это обычно и делается, рассматривать в совокупности со вторым посвящением — тем, в котором упоминаются П. Валерий Клемент и Л. Коминий Валент. Оно датируется 139–161 гг. н. э. и имеет сходное содержание:

- I(ovi) O(ptimo) M(aximo)
 Pro sal(ute) im[p(eratoris)]
 Caes(aris) T(iti) Ael(lii)⁴⁸ Had(riani)
 Ant(onini) Aug(usti) Pii et M(arci)
 5 Aur(elii) Ver(i) Caes(aris)
 P(ublius) Val(erius) Cleme(n)s et
 L(ucius) Cominius
 Val(ens) vet(erani) leg(ionis) V Mac(edonicae)
 ma[g(istri)]
 10 et L(ucius) Val(erius) Crispus
 aedilis de s(uo) pos(uerunt)⁴⁹.

Полагают⁵⁰, и вполне резонно, что данная надпись, хотя в тексте об этом не упоминается, как и предыдущая, происходит из канавы V Македонского легиона. Она свидетельствует о том, что административная организация этого поселения предполагала наличие двух магистров, и таким образом, как будто, обеспечивает утвердительный ответ на вопрос, был ли магистром ветеран Г. Валерий Пудент. Однако, вместе с тем, текст посвящения, на наш взгляд, не позволяет определенно судить о том, являлся ли ветераном магистр П. Валерий Клемент. Ведь в восьмой строке наряду с общепринятой

⁴⁷ И. Боянов и его считает ветераном (см. Боянов 2008, 267), но, как можно видеть, никаких указаний на это в надписи нет.

⁴⁸ Должно быть Ael(ii).

⁴⁹ ISM, V, № 156 = CIL, III, № 6162.

⁵⁰ ISM, V, № 156 comm.

конъектурой *vet(erani)* вполне допустимым представляется и вариант *vet(eranus)*. В таком случае, ветераном оказывается лишь один из двух магистров — Л. Коминий Валент, и это обстоятельство непременно следует учитывать.

Обратим также внимание на сокращение [MA]G в надписи 152 г. н. э. из Истрии, где упоминается ветеран Т. Элий Мукатралис:

Pro sal(ute) [Imp(eratoris)] T. A[e]/li Antonini [P]ii e[t] / Aureli Veri [C]a[e]s(aris) / posuerun[t] T. Ae⁵/lius Mucatral(is) uet(eranus) / al(ae) I Fl(auias) Gaetul(orum) et [S]eut(es) / Mucatr[al(is) ma]g(ister) de s(uo), / Glabrione et Ho/mullo co(n)s(ulibus)⁵¹.

По каким-то причинам это посвящение специалисты к кругу возможных свидетельств о магистратах из числа отставных военнослужащих не относят. Возможно, это связано с тем, что они ориентируются на предложенное в первой публикации надписи прочтение второго слова седьмой строки как [ma]g(ister)⁵². В соответствии с таким толкованием, действительно выходит, что эту должность занимал только Севт Мукатралис. Однако не менее очевидной представляется и вероятность того, что сокращение [MA]G здесь может подразумевать форму множественного числа — [ma]g(istri). Нам кажется, что определенные основания для такого допущения есть. По мнению А. Сучевяну, к которому можно присоединиться, Севт Мукатралис был магистром, очевидно, какого-то вика на территории Истрии⁵³. Между тем, среди известных вариантов организации сельского самоуправления в Малой Скифии⁵⁴ источниками зафиксирован и такой, при котором во главе села стояли два магистра. Показательно, что в двух из трех известных случаев сельские поселения, управлявшиеся двумя магистрами, — ХОРАΔΑΓΕΙ, или ХОΡΑ ΔΑΓΕΙ⁵⁵, и vicus

⁵¹ AE, 1998, № 1148.

⁵² *Suceveanu A. Două inscripții inedite de la Histria // Pontica. 1998. T. 31. P. 111.*

⁵³ *Ibid.*, p. 110.

⁵⁴ См. *Мартемьянов А. П. Общинные отношения в селах Нижней Мезии и Фракии в первых веках нашей эры. Харьков, 2012. С. 121–122.*

⁵⁵ *ISM, I, № 378; cp. Stoian J. O inscripție inedită din Histria. Plângerile țăranilor băștinași de pe teritoriul histrian împotriva apăsării Romane // SCIVA. 1951. Nr. 2. P. 137–157; idem. De nouveau sur la plainte des paysans du territoire d'Histria //*

Secundini⁵⁶ — находились в окрестностях Истрии. Такая форма руководства жизнью села, несомненно, могла найти отражение и в посвящении 152 г. н. э., а следовательно то, что сельским магистром был не только Севт, но и Тит Элий Мукатралис, представляется вполне возможным.

Ветеранами также считают Т. Аврелия Флавина⁵⁷, М. Помпея Луция⁵⁸ и П. Тенация Виндика (Vindex)⁵⁹, упоминаемых в качестве должностных лиц в трех следующих надписях.

Надпись в честь Т. Аврелия Флавина, сделанная, судя по входящему в императорское имя эпитету Divus, через какое-то время после гибели и обожествления Каракаллы в 217 г. н. э., найдена у с. Гиген в общине Гулянци, на месте античного Эска:

T(ito) Aurelio T(iti) fil(io) Papir(ia) / Flavino primipilari(o) / et principi ordinis col(oniae) / Oesc(ensium) et buleutae civitatu[m]⁵ / Tyranorum, Dionysiol(itanorum), / Marcianopol(iatanorum), Tungroru[m] / et Aquincensium, patron(o) / collegi(i) fabr(um), honorat[o] / a Divo Magno Antonino¹⁰ / Aug(usto) (sestertium) L milia n(ummum) et XXV / gradum promotionis / [ob]alacritatem virtu[tis] / [adv]ersus hostes C[arpos]⁶⁰ / [e]t res prospere Ty[rae]

Dacia. Nouvelle série. 1959. [Т.] 3. P. 369–390. У исследователей нет единого мнения относительно того, как воспроизводить это название — в одно или в два слова, см. ISM I, p. 493–494; IGBR V, p. 381; *Bărbulescu M. Viața rurală în Dobrogea romană (sec. I—III p. Chr.).* Constanța, 2001. P. 143–144. Приходится также отметить, что контекст не позволяет с уверенностью судить о том, является ли данный топоним названием одного населенного пункта или обозначает местность, на которой могли находиться несколько поселений.

⁵⁶ ISM, I, № 344–347, 349.

⁵⁷ *Mrozewicz L. Munizipalaristokratie in Moesia Inferior...* S. 307; *idem.* 1989, 75, n. 37; Боянов 2008, 268; Królczyk 2009, 144, 151.

⁵⁸ Królczyk 2009, 145.

⁵⁹ *Ibid.*

⁶⁰ По мнению Д. Ботевой, эту строку следует воспроизводить скорее как [adv]ersus hostes *G[etas]*, см. *Ботева Д. Долна Мизия и Тракия в римската имперска система (193–217/218 г. сл. Хр.).* София, 1997. С. 211–212.

ges]¹⁵ / tas. Cl(audius) Nicom[edes] / buleuta civitatis [Tyra] / norum amico dign(issimo). / L(ocus) d(atus) d(ecreto) d(ecurionum)⁶¹.

Немногим ранее, после 212 или 214 г. н. э.⁶², могла быть установлена посвятельная надпись М. Помпея Луция, которая найдена при раскопках античного Дионисополя (совр. г. Балчик):

Αγαθῆι τύχηι.
 Διὶ Δολιχαίῳ
 Μ(ἄρκος) Πομπ[εῖ]ος Λού-
 κιος βενε[φ]ικιά
 5 ριος ὑπατικοῦ
 λεγ(ῶνος) α' Ἰταλικῆς
 Ἀνωεινιανῆς
 βουλευτῆς Διου-
 σοπολειτῶν, Καλ-
 10 λατιανῶν, Μαρ-
 κιανοπολειτῶν
 εὐχαριστήριον⁶³.

Надпись, посвященная П. Тенацию Виндику, имеет такое содержание:

[P(ublio)] Tenac(io) P(ubli) fil(io)
 [P]ap(iria tribu) Vindici
 (centurioni) leg(ionis) XXII Pri-
 mig(eniae) buleutae
 5 civitatis Ni-
 copolitanor(um)
 P(ublius) Tenac(ius) Gemel-
 linus aug(ustalis) col(oniae)
 Apul(ensis) libertus

⁶¹ ILBR, № 18 = CIL, III, № 14416. Полагают, что Т. Аврелию Флавину была посвящена и другая надпись из Эска, верхняя часть которой, где, возможно, упоминалось его имя, не сохранилась, см. ILBR, № 19; ср. *Ботева Д.* Долна Мизия... С. 212.

⁶² AE, 1972, № 505 comm.; Królczyk 2005, 131; Боянов 2008, 386, п. 216; *Archives* 2010, tab. XX, nr. 1.

⁶³ IGBR, I², № 24 bis. Ср. AE, 1972, № 505.

10 t(itulum) p(onendum) c(uravit) l(oco) d(ato)
d(ecreto) d(ecurionum)⁶⁴.

Надпись происходит с территории римской провинции Дакия, а упоминаемый в ней Никополь — это, по единодушному мнению специалистов⁶⁵, основанный Траяном город Nicopolis ad Istrum (у совр. с. Никюп в общине Велико Тырново). Б. Геров датирует текст второй половиной II в. н. э.⁶⁶, Д. Апараскивей — II—III вв. н. э.⁶⁷, а К. Крульчик — III в. н. э.⁶⁸ В любом случае надпись не могла быть сделана раньше, чем Апул получил права колонии, а это произошло в период правления Коммода. Следовательно, она вполне может относиться к тому времени, когда Никополь-на-Истре уже находился в составе Нижней Мезии⁶⁹.

В том, что все три интересующих нас магистрата были военнослужащими, сомневаться, разумеется, не приходится. Однако надписи, в которых они упоминаются, объединяет примечательная черта: ни в одной из них не указано, что речь идет о *бывших* военных. Между тем, в отличие от рядовых солдат, представители офицерского состава могли участвовать в городском самоуправлении, оставаясь на действительной службе, причем

⁶⁴ IDR, III/2, № 120 = AE, 1972, № 467. У Т. Моммзена (CIL, III, № 1481 со ссылкой на Мезерциуса) и Б. Герова (Геров 1952–1953, 366, № 156) в четвертой строке вместо *buleutae* указано PRINC. (т. е. имеется в виду *princeps civitatis*). Однако, как свидетельствует фотографическое изображение надписи (IDR, III/2, p. 122, fig. 95), это неверно.

⁶⁵ AE, 1972, № 467 comm.; IDR, III/2, № 120 comm.; *Ruscu L. On the Elites of Nicopolis ad Istrum // Archaeologia Bulgarica. 2007. XI. 2. P. 3; Królczyk 2009, 145; Aparaschivei 2010, 215.*

⁶⁶ Геров 1952–1953, 366, № 156 ком.

⁶⁷ Aparaschivei 2010, 334, tab. XIX, nr. 39.

⁶⁸ Królczyk 2005, 177; 2009, 145.

⁶⁹ Первоначально территория этого города входила в состав Фракии, а к Нижней Мезии она отошла почти сразу после убийства Коммода — в результате изменения границы между этими провинциями в 193 г. н. э., см. Ботева 1997, 27–28; *Слокоска Л. Никополис ад Иструм (Nicopolis ad Istrum) // Римски и ранновизантийски градове в България / Под съст. и ред. на Р. Иванов. София, 2002. С. 84–85.*

полагают, что это касалось не только примипиляров и центурионов⁷⁰, но и отдельных бенефициариев⁷¹. Данное обстоятельство нельзя не принимать во внимание, особенно в случае с М. Помпеем Луцием. Граждане перечисленных в надписи городов избрали его булевтом, предположительно в благодарность за воинскую доблесть, проявленную во время вражеского вторжения, а это скорее всего могло произойти сразу или вскоре после нормализации ситуации, то есть когда бенефициарий вполне еще мог оставаться в строю. Тем не менее, конечно, могло быть и так, что ко времени, когда было сделано посвящение, М. Помпей Луций уже находился в отставке — просто в надписи это по какой-то причине не нашло отражения. Нечто подобное можно предположить и по отношению к примипиляру Аврелию Флавину и центуриону Тенацию Виндику, но дать однозначный ответ на вопрос, кем были эти магистраты — ветеранами или военнослужащими, — посвященные им надписи также не позволяют.

С осторожностью приходится относиться и к информации двух надписей, которые приводят как свидетельства участия ветеранов в самоуправлении Эска. Одна из них найдена в коммуне Сибиоара (уезд Констанца) — на территории, принадлежавшей в античное время городу Томы, и, предположительно, может датироваться II или III в. н. э.⁷²:

.....
 λεγ(εῶνος) πέμ-
 πτης Μακε-
 [δ]ονικῆς
 5 δυανδρι-
κῆς
 Κολωνείας
 Οἴσκ[ο]υ καὶ⁷³.

⁷⁰ Dobson B. The Significance of the Centurion and 'Primipilaris' in the Roman Army and Administration // ANRW. II. Prinzipat. 1974. Bd. 1. P. 426–427.

⁷¹ Колобов А. В. Легионеры-бенефициарии в управлении провинциями Римской империи (на материале источников из бывшей римской провинции Далмации) // Вестник Пермского университета. 2001. История. Вып. 1. С. 50.

⁷² ISM, II, № 442 comm.; Mrozewicz 1989, 74, n. 35; Aparaschivei 2010, 321, tab. VII, nr. 13.

⁷³ ISM, II, № 442.

Некоторые исследователи считают, что здесь говорится о бывшем дуумвире Эска, ранее служившем в V Македонском легионе⁷⁴. К этому выводу они, видимо, приходят, усматривая в пятой–шестой строках надписи слово *δυναβρικός*⁷⁵ и связывая его с названием *κολωνεία Οἴκοϛ*. Однако такая трактовка не представляется достаточно убедительной. Вследствие того, что начало и конец надписи не сохранились, ее общий смысл неясен. Вместе с тем, воспроизведенное резчиком в шестой строке окончание *-ῆϛ* указывает на женский род прилагательного и падеж, аналогичный тому, в котором выше приведено наименование воинской части. Поэтому, на наш взгляд, не следует сбрасывать со счетов высказанное в свое время Г. Матеску предположение, что *δυναβρική* в данном случае может быть неизвестным по другим источникам эпитетом V Македонского легиона — «*Дважды (или вдвойне) отважный*» (лат. *bis fortis*)⁷⁶.

Вторая надпись также относится ко II⁷⁷ или III⁷⁸ в. н. э., но происходит из самого Эска. Согласно последней, предложенной Б. Геровым, известной нам ее редакции, речь в этом тексте могла идти о квинквеннале из числа бывших преторианцев:

--- vix(it) ann(is) ---, mil(itavit) ann(is)] XXVI / [--- quiquen]nalis⁷⁹ / [--- coh(ortis)] I praetoriae / [--- campidocto?]r eq(uitum) praetor(ianorum) ⁵/ [--- marit]o b(ene) m(erenti) dulcissimo / [posuit]?⁸⁰.

Между тем, в ряде работ можно встретить мнение, что упоминаемый в надписи преторианец исполнял обязанности дуумвира⁸¹. При этом их авторы ссылаются на соответствующие публикации В. Бешевлиева и Б. Герова.

В. Бешевлиев, который в 1952 г. ввел данную надпись в научный оборот, предложил читать ее следующим образом:

⁷⁴ Mrozewicz 1989, 74, n. 35; Aparaschivei 2010, 321, tab. VII, nr. 13.

⁷⁵ Об употреблении этого слова в значении латинского *duumviralis* см. *Liddell H. G., Scott R. Greek-English Lexicon*. 9 edition. Oxford, 1996. P. 451.

⁷⁶ См. ISM, II, № 442 comm.

⁷⁷ Геров 1952–1953, 397, № 770; Боянов 2008, 326, n. 32.

⁷⁸ Mrozewicz 1989, 75, n. 36; Aparaschivei 2010, 321, tab. VII, nr. 14.

⁷⁹ Должно быть [--- quinquen]nalis.

⁸⁰ ILBR, № 66.

⁸¹ Mrozewicz 1989, 75, n. 36; Królczyk 2009, 144; Aparaschivei 2010, 321, tab. VII, nr. 14.

... vixit annis] XXV / ... duumviralis / ... I praetoriae / ... RC e(quotes) praetor(iani) ⁵/ amic]o b(ene) m(erenti) dulcissimo ⁸².

Уже на следующий год после выхода в свет книги В. Бешевлиева Б. Геров что-то в прочтении надписи уточнил, а что-то представил иначе:

[--- ann.] XXV [--- duumvi?]ralis [--- coh.] I praetoriae [---] C(eqq.) praetor(iani) [amic]o b. m. dulcissimo ⁸³.

Издатели «L'Année épigraphique» также ссылаются на публикацию В. Бешевлиева, но по-другому видят начало четвертой и пятой строк:

uixit annis XXV / duumuiRALIS / I-PRAETORÆ / EQQ-PRAETOR· / B·M·DVLCissIMO ⁸⁴.

Таким образом, хотя в основном эти три варианта реконструкции поврежденного текста сходятся, в них есть и различия, а главное, все они существенно отличаются от того, который Б. Геров предложил впоследствии. Во многом это объясняется плохой сохранностью надписи. Судя по фотографии (ил. 12), слова duumviralis в ней не было: перед ALIS отчетливо видна правая нижняя часть буквы N. Приходится также учитывать, что весь верх плиты утрачен, некоторые буквы на ее сохранившейся части неразборчивы, и что могло означать число XXV или XXVI и каким было слово, заканчивающееся на -nalis, можно только догадываться. На наш взгляд, состояние надписи позволяет с уверенностью говорить лишь о том, что речь в ней идет о некоем преторианце, и *достаточно веских оснований для того, чтобы считать его магистратом, равно как и ветераном, нет.*

Вместе с тем, хотелось бы обратить внимание на мраморный рельеф времен правления династии Северов ⁸⁵, обнаруженный в местности между реками Искыр (в древности Oescus) и Вит (Utus), вблизи с. Тодоричене в общине Луковит. Изображение Фракийского всадника сопровождается на плите следующей надписью:

⁸² Бешевлиев 1952, 54, № 86.

⁸³ Геров 1952–1953, 397, № 770.

⁸⁴ АЕ, 1957, № 296. Курсивом в издании обозначена восстановленная часть текста.

⁸⁵ Геров 1952–1953, 362, № 104; Królczyk 2005, 145.

Εὐχήν
Φλάβις Βάσσου βετρα-
..... νὸς δεκουρίων⁸⁶.

Эту надпись к числу возможных свидетельств об отставных военнослужащих, исполнявших обязанности муниципальных должностных лиц, никто из исследователей не относит. Между тем, прямых указаний на то, что речь в ней идет именно о ветеране, *оставившем службу в чине декуриона*, как можно видеть, нет. Поэтому с равной долей вероятности можно предположить, что в данном случае имеется в виду не военный чин, а *гражданская должность*, которую занимал бывший воин. Кстати, такую возможность, судя по его комментарию к надписи, похоже, учитывал и Б. Геров⁸⁷.

Попутно заметим, что в греческих надписях из восточнобалканских провинций с упоминанием Флавиев их имена почти никогда не сопровождаются именем отца в родительном падеже. Известным нам исключением является надпись из Августы Траяна во Фракии, в которой фигурирует Φλ(άβιος) Μουκατορις Σκελου⁸⁸. Но в этом случае наряду с римским именем Флавий присутствует фракийское — Мукапорис. В надписи же из с. Тодоричене не указаны ни *согномен*, ни *праепомен*. Так как ее текст сохранился полностью, возможность того, что имя ветерана действительно было Флавий, *сын Басса*, исключать, разумеется, нельзя. Однако позволим предположить, что скорее его звали Φλάβι(ο)ς Βασσου(ς)⁸⁹ — Флавий *Басс*. Именно в такой форме имена подобного

⁸⁶ IGBR, II, № 590. В редакции Р. Канья (IGRR, I, № 1408) и Б. Герова (Геров 1952–1953, 362, № 104) этот текст выглядит так: Εὐχήν. / Φλάβι(ο)ς Βάσσου βετρα/νὸς δεκουρίων.

⁸⁷ См. Геров 1952–1953, 362, №. 104 ком.

⁸⁸ IGBR, III/2, № 1593_ε.

⁸⁹ Имя Βασσους известно по эпиграфическим источникам (IGBR, I², № 51_{сγ}, 133). В отличие от имени Βάσσος, которое может быть как фракийского, так и римского происхождения, Г. Михайлов считает его чисто фракийским (IGBR, I², № 48 *сomm.*). Отсутствие же в нем конечной -ς на алтаре из с. Тодоричене может объясняться типичными для таких случаев причинами: или ошибкой резчика, или его стремлением сэкономить на небольшом поле

рода обычно встречаются в надписях из фракийских земель, например: Φ(λάβιος) Δινίς⁹⁰, Φλ(άβιος) Σκελής (возможно, отец упомянутого Флавия Мукапориса)⁹¹, Φλ(άβιος) Αρατοκος⁹² и многие другие. Аналогичным образом *poten* Φλάβιος сочетается с римскими и греческими *cognomina*. Среди множества эпиграфических текстов с такими именами отметим надпись Флавия Местриана (Φλ(άβιος) Μεστριανός), обнаруженную у с. Голяма Брестница в общине Ябланица⁹³. Алтарь с изображением Фракийского всадника, на котором она сделана, очень напоминает найденный у с. Тодоричене, а Голяма Брестница находится менее чем в 10 км к югу от этого населенного пункта.

По мнению Б. Герова, декурионом был и Тиберий Басс — ветеран, эпитафия которого обнаружена в окрестностях римского города Нове (ил. 13). Ее текст исследователь восстанавливал следующим образом:

D(is) M(anibus) / Ti(berio) Basso dec(urioni) / veterano / alaes primae⁵ / Ast(urum), maer[u]i(i) an(nis) XXV / vix(it) an(nis) LXXX. Fla(via) / Longina pa(tri) bene merent(i). H(ic) s(itus) e(st)⁹⁴.

Впоследствии В. Божилова высказала предположение, что за сокращением DEC стоит не обозначение должности, а имя:

D(is) M(anibus)
Ti(berio) Basso Dec(imo)
veterano
alaes prim(a)e
5 Ast(urum) mil(itavit) an(nis) XXV
vix(it) an(nis) LX Fla(via)

для текста место за счет умышленного пропуска последней буквы распространенного имени.

⁹⁰ IGBR, III/1, № 1371.

⁹¹ IGBR, III/2, № 1593₈.

⁹² IGBR, IV, № 2217.

⁹³ IGBR, II, № 587. Б. Геров датирует ее III в. н. э., см. Геров 1952–1953, 382, № 460.

⁹⁴ ILBR, № 305. В действительности формула H S E вынесена за пределы основного поля надписи и расположена под ним, образуя девятую строку.

Long(i)na patri⁹⁵ bene merenti
h(ic) s(itus) e(st)⁹⁶.

Именно этой версии позднее отдали предпочтение С. Конрад⁹⁷ и К. Крульчик⁹⁸. Вместе с тем, Ф. Матей-Попеску в одной из своих относительно недавних статей привел мнение П. Холдера, согласно которому во второй строке надписи может упоминаться T. F(lauius) Bassus, dec(urio)⁹⁹.

К сожалению, ни один из упомянутых авторов конкретных аргументов в подтверждение своей точки зрения не приводит. Между тем, лаконичный контекст допускает оба предложенных варианта восстановления интересующего нас слова и отдать решительное предпочтение какому-либо одному из них не позволяет. Возможно, с учетом последовательности слов и их распределения по второй, третьей и четвертой строкам, несколько предпочтительнее выглядит конъектура, предложенная В. Божилковой. Тем не менее, возможности того, что Тиберий Басс был декурионом, тоже исключать нельзя. Однако может ли при этом иметься в виду декурион как выборное должностное лицо, член городского совета? С учетом того, что, по мнению большинства специалистов, надпись была сделана не позднее первой четверти II в. н. э.¹⁰⁰, то есть задолго до того, как городские центры Нижней Мезии обрели права муниципиев, это представляется маловероятным. Скорее всего, как и полагает Ф. Матей-Попеску¹⁰¹, речь в данном случае может идти о декурионе I Астурийской алы.

⁹⁵ Правильно pa/tri.

⁹⁶ ILN, № 56. Об использовании имени Decimus в качестве cognomen см. *Minkova M. The Personal Names of the Latin Inscriptions in Bulgaria. Frankfurt am Main e. a., 2000. P. 147.*

⁹⁷ *Conrad S. Die Grabstelen aus Moesia inferior. Untersuchungen zu Chronologie, Typologie und Ikonographie. Leipzig, 2004. S. 231, Nr. 389.*

⁹⁸ Królczyk 2005, 137.

⁹⁹ *Matei-Popescu F. The Roman Auxiliary Units of Moesia // Il Mar Nero. Annali di archeologia e storia. 2010/2011. VIII. P. 211, n. 31.*

¹⁰⁰ ILN, № 56 comm.; *Conrad S. Die Grabstelen aus Moesia... S. 231; Królczyk 2005, 137; Matei-Popescu F. The Roman Auxiliary Units... P. 211.* Только Б. Геров пишет, что надгробие могло быть установлено до середины II в. н. э., см. ILBR, № 305 comm.

¹⁰¹ *Matei-Popescu 2010, 169, n. 1358.*

В завершение обзора приведем еще одну надпись. Она датируется 169 г. н. э. и найдена при раскопках античной Истрии:

I(oui) O(ptimo) [M](aximo)
 [sa]cr[um, pro]
 sal(ute) Imp(eratoris) Aug(usti),
 uet(erani) et c(iues) R(omani) et
 5 Bessi con(sistentes) uic(o)
 Q(uintionis), cur(am) a(gentibus) ma(gistris)
 Iulio Gemini
 et Genicio Brin(i) et ques(tore)
 Cocceio Fir-
 10 mo, idibus lu-
 nis, Prisco et Apollina-
 re co(n)s(ulibus) ¹⁰².

В свое время Э. Берли высказал предположение, что упоминаемый в надписи квестор вполне может быть вернувшимся после отставки в родные места центурионом II Августова легиона М. Кокцеом Фирмом ¹⁰³. Этот центурион известен по четырем или пяти алтарям из форта Окендейви (Auchendavy) на Антониновом валу в Британии ¹⁰⁴ и, возможно, упоминается в Дигестах ¹⁰⁵. С легкой руки Э. Берли отставным центурионом считают квестора Кокцея Фирма из vicus Quintionis и авторы работ, в которых уделяется внимание присутствию ветеранов римской армии в Нижней Мезии ¹⁰⁶.

Vicus Quintionis находился на территории Истрии, как полагают, на месте совр. с. Синое в уезде Констанца ¹⁰⁷. Помимо приведенного посвящения,

¹⁰² ISM, I, № 328 = AE, 1924, № 143.

¹⁰³ *Birley E. Marcus Cocceius Firmus: An Epigraphic Study // Proceedings of the Society of Antiquaries of Scotland. 1935–1936. Vol. 70. P. 376–377.* Позднее это мнение было поддержано Л. Кеппи и Дж. Уокером, см. *Keppie L., Walker J. J. Auchendavy Roman Fort and Settlement // Britannia. 1985. Vol. 16. P. 33.*

¹⁰⁴ CIL, VII, № 1111–1115; *Birley E. Marcus Cocceius Firmus... P. 371–376.*

¹⁰⁵ D. 49, 15, 6.

¹⁰⁶ Aricescu 1977, 206–207, n. 67; Mrozewicz 1989, 74, n. 34; Królczyk 2009, 145; Aparaschivei 2010, 341, tab. XXV, nr. 5.

¹⁰⁷ ISM, I, p. 437.

из этого села происходят еще восемь сходных по содержанию надписей 130–170-х годов н. э.¹⁰⁸ Согласно этим текстам, состав основной части населения vicus Quintionis определялся формулой «*veterani et cives Romani et Bessi consistentes*», а во главе его стояли два магистра и один квестор. Из 27 имен этих должностных лиц, которые, соответственно, должны были фигурировать в девяти надписях, полностью или частично сохранились 26¹⁰⁹. Почти треть их составляют имена чисто фракийские, и, по всей вероятности, эта доля примерно соответствует той квоте, которой располагали в управлении селом проживавшие там бессы. Все остальные имена либо полностью римские, либо содержат римский элемент наряду с фракийским или греческим. Ни об одном из носивших эти имена лиц в надписях не говорится, что это ветеран. Если бы применительно хоть к кому-то из них такое указание имело место, следовало бы, предполагая наличие среди местных магистратов бывших воинов, искать объяснение его отсутствия в других случаях. Однако во всех без исключения надписях сообщаются только имена должностных лиц — видимо, никакой другой информации о них такие посвящения не предполагали. Вместе с тем, трудно себе представить, чтобы отставные военнослужащие, составлявшие в vicus Quintionis особую социальную группу, упоминание о которой в перечне основных категорий жителей села, к тому же, стоит на первом месте, вообще не принимали участия в местном самоуправлении¹¹⁰.

¹⁰⁸ ISM, I, № 324–327, 329–332. В двух из этих надписей (ISM, I, № 325, 329) vicus Quintionis не упоминается, однако, по мнению специалистов, они также были сделаны/поставлены его жителями, см. ISM, I, № 325 comm., № 329 comm.; ср. Aparaschivei 2010, 240–241.

¹⁰⁹ При этом Элий Беллик и Клавдий Януарий избирались магистратами дважды (ISM, I, № 327, 329, 330).

¹¹⁰ Конечно, случалось, что бывшие воины держались обособленно от соседей, создавая собственные сообщества и не претендуя в местах своего проживания на руководящие должности. Однако *conventus*, существовавший в vicus Quintionis, объединял ветеранов с другими слоями местного населения. Это позволяет думать, что отставные военные наряду с прочими сельчанами принимали активное участие в жизни вика, а при таком положении дел поверить в то, что они были готовы следовать решениям магистратов, принятым без участия представителей их интересов, сложно.

Гораздо естественнее допустить, что ветераны ежегодно занимали в нем по меньшей мере одно из трех мест, и если это действительно было так, то среди известных по надписям магистратов *vicus Quintionis* их должно быть не менее восьми¹¹¹ — девяти человек.

Похожая ситуация, судя по найденной в с. Бабадаг (уезд Тульча) надписи 178 г. н. э., наблюдалась в те времена и в другом селе Малой Скифии — *vicus Nov(us?)*¹¹². Правда, его жители, по крайней мере в той их части, которая представлена в посвящении, делились на две группы: римских граждан и ветеранов. Однако руководили селом также два магистра и квестор, и это по тем же причинам, что и в случае с *vicus Quintionis*, наводит на мысль, что среди них вполне могли быть один или два ветерана¹¹³.

Таким образом, на основании надписей из *vicus Quintionis* и *vicus Nov(us?)* можно достаточно, на наш взгляд, уверенно говорить о том, что среди известных по надписям магистратов этих сел было около десяти армейских ветеранов. Это обстоятельство обязательно следует учитывать при определении возможного общего числа отставных военнослужащих, выполнявших в Нижней Мезии обязанности местных должностных лиц.

Общие результаты проведенного исследования могут быть представлены в виде следующего перечня лиц, которые во II—III вв. н. э. были или могли быть ветеранами, выполнявшими обязанности магистратов и/или жрецов в Нижней Мезии¹¹⁴:

¹¹¹ В случае если бывшими воинами были Элий Беллик или Клавдий Януарий.

¹¹² ISM, V, № 233 = CIL, III, № 14448. В свое время Т. Моммзен предположил, что село могло называться *Nov(iodunum)* (CIL, III, p. 2670), однако эта версия не нашла у специалистов широкой поддержки, см. *Vulpe R., Barnea I. Romania la Dunărea de Jos. București, 1968. P. 163, 172; ISM, V, p. 250–251; Bărbulescu M. Viața rurală... P. 93.*

¹¹³ А. Арическу полагает, что ветераном был P. SOCVFNIVS, но почему его выбор пал именно на него, не поясняет, см. Aricescu 1977, 208–209, n. 89. Имя этого магистрата, сохранившееся хуже двух других, не подлежит удовлетворительному восстановлению, и в настоящее время его предпочитают воспроизводить как P(i)so..., см. ISM, V, p. 251–252; ср. Aparaschivei 2010, 239.

¹¹⁴ Вся необходимая информация об этих лицах содержится в тексте. Поэтому здесь мы ограничиваемся их именами, приведенными для удобства работы со списком в алфавитном порядке, и ссылками на отдельные своды надписей, в которых они упоминаются.

1. T. Aelius Mucatralis (AE, 1998, № 1148).
2. [Ἀφρικα(?)]νὸς Κυ[η]τός (ISM, II, № 71 = IGRR, I, № 640)¹¹⁵.
3. T. Aurelius Flavinus (ILBR, № 18 = CIL, III, № 14416).
4. L. Cominius Valens (ISM, V, № 156 = CIL, III, № 6162).
5. C. Egnatius Valens (ISM, V, № 183 = CIL, III, № 6188).
6. Φλάβι(ο)ς Βασσου(ς)? (IGBR, II, № 590).
7. T. Flavius Alexander (ISM, V, № 155 = AE, 1957, № 266).
8. C. Iulius Valens (ISM, V, № 115 = CIL, III, № 12479).
9. L. Licinius Clemens (ISM, V, № 158 = AE, 1960, № 337).
10. Μ. Πομπείῳς Λούκιος (IGBR, I², № 24bis = AE, 1972, № 505).
11. [P.] Tenacius Vindex (IDR, III/2, № 120 = AE, 1972, № 467).
12. T. Tettius Plotus (ILBR, № 32 = CIL, III, № 6128, 7425 = AE, 1900, № 15).
13. M. Ulpius Longinus (ISM, II, № 180 = CIL, III, № 770).
14. M. Ulpius Marcianus (ISM, V, № 148 = CIL, III, № 7504).
15. P. Valerius Clemens (ISM, V, № 156 = CIL, III, № 6162).
16. C. Valerius Pudens (ISM, V, № 154 = CIL, III, № 6166).
17. [Ti]b(erius) Vitales (ISM, V, № 194 = CIL, III, № 7506).
18. Ignotus (ISM, II, № 249 = CIL, III, № 7543).
19. Ignotus (ISM, II, № 442).
- 20–29(?). Около 10 ветеранов — магистратов vicus Quintionis и vicus Nov(us?) (ISM, I, № 324–332; V, № 233).

Как отмечалось в начале главы, принято считать, что из ветеранской среды происходило до 15 известных по надписям из Нижней Мезии магистратов и жрецов. При этом их причастность и к армейской службе, и, после ее окончания, к управлению провинциальными городами и селами особых сомнений у исследователей, похоже, не вызывает. На самом же деле, назвать точное количество таких ветеранов не представляется возможным. С одной стороны, *безоговорочно* отнести к их числу можно только девять¹¹⁶ человек (в списке это позиции 4, 7–9, 12–14, 16 и 17).

¹¹⁵ В подобном списке, составленном мною некоторое время назад, Африкан(?) Квиет ошибочно значится как ignotus, см. Мартемьянов А. *Ветераны римской армии...* С. 30.

¹¹⁶ Ранее мы писали о десяти таких ветеранах (см. Мартемьянов 2014, С. 31), но *полной* уверенности в том, что магистр П. Валерий Клемент был отставным военным, очевидно, все-таки нет.

С другой стороны, и в большинстве остальных рассмотренных случаев вероятность того, что речь идет именно о должностных лицах из числа бывших воинов, достаточно высока. Прежде всего это относится к магистратам из vicus Quintionis и vicus Nov(us?), а также к Элию Мукатралу, Африкану(?) Квиету, Валерию Клементу и булевту Том (позиция 18 в списке на с. 76), чье имя не сохранилось. Вполне возможно, что не действующими, а отставными военнослужащими были магистраты Аврелий Флавин, Помпей Луций, Тенаций Виндик, а ветеран Флавий Басс являлся членом городского совета. Конечно, информацию об упомянутых лицах можно воспринимать по-разному, и, наверное, не все они были ветеранами-магистратами. Однако даже с учетом этого приведенные данные позволяют — разумеется, с известной долей условности — предположить, что обязанности магистратов и жрецов в Нижней Мезии исполняли никак *не менее 20* представленных в списке ветеранов. Именно на это число, думается, и следует ориентироваться, определяя уровень социальной активности бывших воинов и их роль в общественной жизни провинции во II—III вв. н. э.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подведем итоги

Итак, при определении степени социальной активности ветеранов представляется правильным учитывать только те надписи, которые относятся ко времени существования в провинции муниципальной организации и по своему смыслу не исключают возможности наличия в них информации о гражданской карьере отставных военных. На основании анализа данных наиболее полных на сегодняшний день сводов свидетельств о ветеранах в Нижней Мезии можно говорить о том, что в надписях такого рода упоминаются как минимум 118 бывших воинов¹. При этом не менее 20 из них могли выполнять обязанности должностных лиц. Таким образом, согласно эпиграфическим данным, доля

¹ Если в каталоге, составленном К. Крульчиком, присутствуют тексты, не учтенные И. Бояновым, это число соответствующим образом возрастает. Определить *точное* количество таких случаев нам пока не удалось. Дело в том, что надписи и их фрагменты приведены авторами в разной последовательности, а именные и предметные указатели не только составлены на основании различных принципов компоновки информации, но и не в полной мере отражают содержание сводов (например, в них вообще не представлены свидетельства греческих надписей). Поэтому сверка данных этих подборок надписей на предмет наличия в них одних текстов и отсутствия других является хотя и, конечно, выполнимой, но довольно трудоемкой задачей и решать ее сейчас мы не стали. В любом случае, как показывает длительный опыт работы с материалами каталогов И. Боянова и К. Крульчика, расхождения в их содержании очень незначительны и не могут определяющим образом сказаться на результатах подсчетов, которые, как не раз уже приходилось отмечать, носят приблизительный характер.

ветеранов — магистратов и жрецов в общей массе проживавших в этой провинции отставных военнослужащих определяется отношением 20 к 118 и составляет *примерно 17 %*.

Полученные результаты позволяют существенно изменить представление о том, насколько типичным могло быть для ветеранов активное участие в общественной жизни Нижней Мезии. Оказывается, что, судя по надписям, ветераны, занимавшие магистратуры в местном управлении и жреческие должности, составляли гораздо больше 8–10 % от общего числа осевших на этих землях отставных военных, и должностными лицами там были не один из 12–13, а каждый пятый–шестой бывший воин. Заметим также, что наряду с этими арифметическими показателями необходимо учитывать одно очевидное и очень важное обстоятельство. Конечно, среди ветеранов было немало честолюбивых, амбициозных людей. Активное участие в местном самоуправлении и религиозной жизни давало им хорошую возможность лишний раз продемонстрировать свое превосходство над большинством провинциалов. Но в равной мере не подлежит сомнению и то, что многие ветераны были изнурены многолетней службой, страдали от старых ран и болезней². Эти пожилые, усталые люди просто доживали свой век и были уже равнодушны к общественной жизни и почестям. Разумеется, здесь мы ступаем на зыбкую почву предположений, но, наверное, не будет большой ошибкой допустить, что таких ветеранов могло быть не менее половины. В таком случае выходит, что выборные должности были доступными не одному из пяти-шести, а *примерно трети* тех отставных военных, *которые к этому стремились*. Вряд ли такое соотношение было характерно для основной части населения Нижней Мезии

² Об увечьях и болезнях римских солдат и ветеранов см. *Wesch-Klein G. Soziale Aspekte des römischen Heerwesens in der Kaiserzeit. Stuttgart, 1998. S. 76–90; Van Lommel K. The Terminology of the Medical Discharge and an Identity Shift among the Roman Disabled Veterans // The Ancient History Bulletin. 2013. Vol. 27. P. 65–74; idem. The Recognition of Roman Soldiers' Mental Impairment // Acta Classica. Proceedings of the Classical Association of South Africa. 2013. Vol. 56. P. 155–184; idem. Heroes and Outcasts: Ambiguous Attitudes towards Impaired and Disfigured Roman Veterans // Classical World. 2015. Vol. 109. No. 1. — P. 91–117, etc.*

и магистратом или жрецом мог стать каждый третий желавший того крестьянин, ремесленник, мелкий торговец. Это означает, что, по сравнению с большинством жителей провинции, многие ветераны действительно занимали в местном обществе более высокое место. *Таким образом, очевидное, казалось бы, противоречие между свидетельствами юридических памятников и эпиграфических источников, о котором говорилось во введении, исчезает.* Напротив, эпиграфические данные об участии бывших военных в общественной жизни городов и сел Нижней Мезии становятся важным подтверждением того, что к привилегированной части провинциального населения принадлежало немало армейских ветеранов.

Разумеется, эти выводы носят в известной мере гипотетический характер. Они основаны на выборке свидетельств, объем которой, увы, не гарантирует ее репрезентативности — ведь за время существования провинции в Нижней Мезии могли найти кров десятки тысяч отставных военных. Тем не менее, подобного рода статистические выкладки представляются целесообразными. Они позволяют определить, *насколько современные теоретические представления о римских ветеранах соответствуют свидетельствам имеющихся источников, и в случае необходимости внести в эти представления надлежащие коррективы.* Поэтому, возможно, имеет смысл уже сейчас, не дожидаясь, когда в распоряжении специалистов окажется достаточное количество надписей (а такое время, надо надеяться, наступит), пересмотреть на основе предложенной здесь методики подсчетов бытующие в литературе данные об уровне социальной активности ветеранов и в других провинциях Римской империи³.

³ Речь идет только о тех провинциях, на территории которых, как и на землях Нижней Мезии, зафиксировано более или менее значительное количество ветеранов. Применительно же к провинциям, где бывших военных известно совсем мало, как, скажем, в Реции или Норике, проводить такую работу не имеет смысла. В Реции, например, по данным К. Крульчика, обнаружено всего 71 эпиграфическое свидетельство о ветеранах и 46 из них — это военные дипломы, см. Królczyk 2005, 9–16. Естественно, строить какие-либо расчеты на основании оставшихся 25 надписей бессмысленно.

В некоторых случаях характеризующие этот уровень показатели могут, как и для Нижней Мезии, измениться весьма существенно, в каких-то других — незначительно. Однако, так или иначе, они будут получены на основании более, как нам представляется, корректного подхода, чем тот, которым исследователи руководствуются сегодня.

ИЛЮСТРАЦИИ **Illustrations**

Ил. 1. Надпись из коммуны Кумпэна, уезд Констанца
(ISM, II, № 264)

Fig. 1. The inscription from the commune of Cumpăna,
Constanța County

Ил. 2. Надпись из Эска (ILBR, № 76)

Fig. 2. The inscription from Oescus

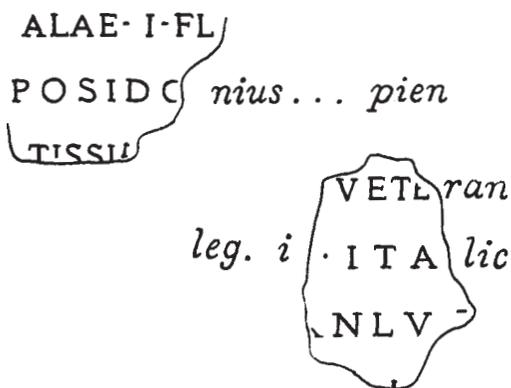
Ил. 3. Надпись из окрестностей с. Касимча, уезд Тульча
(ISM, V, № 131)

Fig. 3. The inscription from the vicinity of Casimcea Village,
Tulcea County

Ил. 4. Надпись из Том (ISM, II, № 225)

Fig. 4. The inscription from Tomi

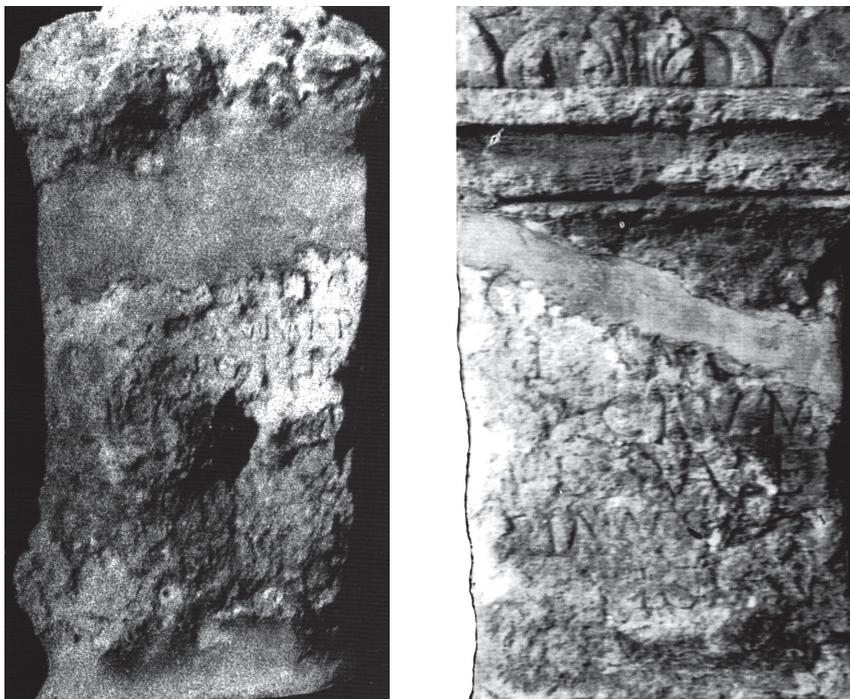
Ил. 5. Надпись из Том (ISM, II, № 247)

Fig. 5. The inscription from Tomi

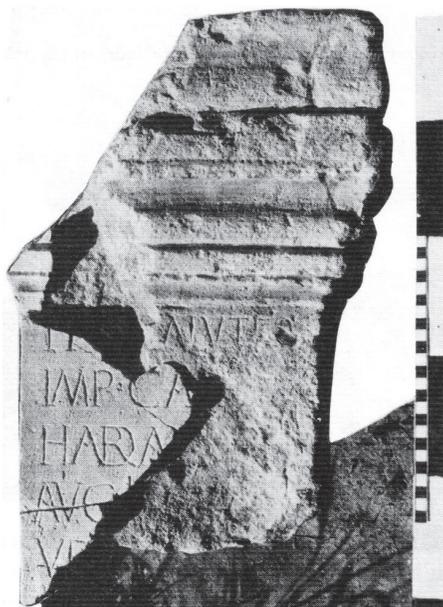
Ил. 6. Надпись, найденная в г. Констанце (Томы)
(Bărbulescu-Munteanu M., Rădulescu A. Descoperiri epigrafice recente //
Pontica. 1981. Т. 14. P. 168, fig. 4)

Fig. 6. The inscription found in the city of Constanța (Tomi)

Ил. 7. Надпись из с. Обнова, община Левски
(ILBR, tab. XLIX, № 242, 243)

Fig . 7. The inscription from Obnova Village, municipality of Levski

Ил. 8. Надпись из Нове (ILN, № 35)

Fig. 8. The inscription from Novae

Ил. 9. Надпись из Нове (ILN, № 63)

Fig. 9. The inscription from Novae

Ил. 10. Надпись из Дуростора
(Бешевлиев В. Епиграфски приноси. София, 1952. С. 68,
№ 115; Табл. LI, обр. 2)

Fig. 10. The inscription from Durostor

Monument funerar azi dispărut. A fost găsit de Engelhardt și publicat de E. Desjardins, Bull, 1869, p. 23. Th. Mommsen a avut și copia lui Blücher. Textul inscripției pare să fi fost prost păstrat.

CIL, III, 6 188 ; cf. Bosch, *Ankara im Altertum*, Ankara, 1967, nr. 171.

Secolul al III-lea.

Varianta Blücher :

CF NAHVSC
 FABVALENSAN
 CYR VLP ...
 ... HV N I X I
 ... DFOVR AL ...
 ... C ... ANO
 TROESMCLCNA
 EIVSVALENSI
 LEGEIVSDFIL
 ... VSI RIIHSYK
 MOIMR
 H S E

Varianta Engelhardt :

C I O N A T I V S
 FAB VALENS AN
 CYR VLP ...
 E I V I V I N ...
 F I L O R ... I A L E S
 A P A C I I L I N C
 L R O D I V O D O N A
 T I V S VALENS I V
 L E G E I V S D E M E I
 V S I V A ... I S
 A K V S P
 H S E

Transcrierea după CIL, III : *C. E[gnatius] C. [f.], Fab(ia) Valens Ancyra vet ... decuri[o] ... m[u]n[i]c(i)pi Troesm. C. Egnatius Valens ... leg(ionis) eiusd(em) filius p[at]ri [p]iis[is]mo b(ene)m(erenti) f(ecit). H(ic) s(itus) e(st).*

„Caius Egnatius, fiul lui Caius, din tribul Fabia, originar din Ancyra, Valens, veteran (al legiunii V Macedonica ?), decurion al municipiului Troesmis, Caius Egnatius Valens ... al aceleiași legiuni, fiul, tatălui pios care a binemeritat i-a făcut (acest mormint). Zăce aici”.

Caius Egnatius Valens, originar din Ancyra, era veteran al unei legiuni al cărei nume nu s-a păstrat pe piatră, și decurion al municipiului Troesmis.

Ил. 11. Надпись из Трезмиса, с. Иглица, уезд Тульча
 (CIL, III, № 6188)

Fig. 11. The inscription from Trezmis, Iglitsa Village, Tulcea County

Ил. 12. Надпись из Эска (ILBR, № 66)

Fig. 12. The inscription from Oescus

Ил. 13. Надпись из окрестностей Нове (ILN, p. 95, No 56 a)

Fig. 13. The inscription from the vicinity of Novae

A. P. Martemyanov

**VETERANS OF ROMAN ARMY — MAGISTRATES
AND PRIESTS IN LOWER MOESIA**

INTRODUCTION

On determining the place of army veterans in provincial society of the Roman Empire, researchers usually classify them as the privileged social stratum. Indeed, respectable, according to provincial standards, level of prosperity, exemption from several taxes and duties¹, and up to the beginning of the 3rd century AD the possession of Roman citizenship itself were beneficial to many retired military people as opposed to the main part of provincials. These wealthy people were supposed to take an active part in social life of towns and villages where they lived. However, epigraphic sources bring some unexpected results. It turns out that, according to experts, the proportion of veterans who were performing responsibilities of local magistrates and priests in provinces was very small in the total mass of ex-soldiers living there. For example, in provinces of the Southern Danube region, as it is estimated by K. Królczyk, it stood at 1.4 per cent in Raetia, 2.7 per cent in Noricum, 6.1 per cent in Dalmatia, 4.8 per cent in Upper

¹ *Neumann A. Veterani // RE. 1962. Suppl. 9. Sp. 1601–1604; Колосовская Ю. К. К вопросу о социальной структуре римского общества в I—III вв. н. э. // ВДИ. 1969. № 4. С. 122–126; Wolff H. Die Entwicklung der Veteranenprivilegien vom Beginn des 1. Jahrhunderts v. Chr. bis auf Konstantin d. Gr. // Heer und Integrationspolitik. Die römischen Militärdiplome als historische Quelle / Hrsg. W. Eck, H. Wolff. Köln; Wien, 1986. S. 44–115, etc.*

Pannonia, 1.7 per cent in Lower Pannonia, 7.6 per cent in Upper Moesia, 7.9 per cent in Lower Moesia², and only 4.6 per cent for the region in average. This is clearly an opposite fact to the idea of veterans as a prosperous social group. At the same time, none of the authors writing about retired servicemen in Danube provinces was trying to find an explanation for such a contradiction. Meanwhile, it decisively changes the idea of the status of veterans in a provincial society, in fact. After all, there's no doubt that at the time when participation in local self-government was prestigious, many former soldiers, who felt superior to new neighbors and wanted to realize themselves in civil life, aspired to it. If we trust the above mentioned data, it appears that only one of about 70 veterans was an official in Raetia, 37 — in Noricum, 16 — in Dalmatia, 21 — in Upper Pannonia, 58 — in Lower Pannonia, 13 — in Upper Moesia and 12–13 — in Lower Moesia. Thus, it turns out that the received privileges and high financial position opened the way to elective posts only to very few retired military men. However, are the evidences of epigraphic sources giving grounds for such a conclusion? This research is focused on this question.

² *Królczyk K. Veteranen in den Donauprovinzen des Römischen Reiches (I.—III. Jh. n. Chr.).* Poznań, 2009. S. 149.

CHAPTER 1

RESEARCH METHODOLOGY AND EPIGRAPHIC DATA ABOUT VETERANS OF THE ROMAN ARMY IN LOWER MESIA

The percentages for each province and region as a whole represent the ratio of the number of veterans who were magistrates and priests to the total number of all the retired soldiers, known by epigraphic materials. For example, 9 to 147 for Dalmatia, 12 to 250 to Upper Pannonia etc.³. Of course, these obtained percentages correspond to known sources, but no more than as the arithmetic relation. Meanwhile, in these indices researchers see the answer to the main problem of similar calculations: how typical it was for former servicemen to actively participate in local government and religious life of provinces? It seems that such an approach is wrong itself; it can lead to a significant distortion of an overall picture of this side of veterans' life and needs to be revised.

A principal disadvantage of the procedure of determination of level of social activity of retired military people lies in the fact that researchers calculate the percentage of veterans who were magistrates and priests from the total number of ex-soldiers, mentioned in *all* the inscriptions. However, many of these texts due to the nature of their contents cannot contain the information about veterans as the officials. Illustrative examples in this regard are military diplomas and various lists of soldiers who were fired into retirement. Any of veterans mentioned there, in theory, could subsequently become a magistrate or a priest, but it's impossible to determine whether there were such cases in fact. Sometimes the poor preservation of the inscription does not allow knowing whether a retired military officer was an official or not. In particular, this applies

³ Królczyk K. Veteranen in den Donauprovinzen... S. 149.

to the cases where the reference to the veteran in the inscription survived, but much of the text was lost, and it's unknown what was definitely said there. It is necessary to take into account the fact that the mass settlement of the provincial land by former soldiers often began at a time when there was no municipal organization yet. Inscriptions of that time often report about veterans, but it's impossible to expect the fact that some of them will mention local magistrates. I won't continue these examples, but let's note that all related epigraphic texts are combined by one remarkable feature. These inscriptions record the facts about retired military on the territory of provinces, but they may not contain any information about their duties of officials. With each message of this kind the number of known veterans in the province is increasing, while the number of magistrates and priests remains unchanged. No matter how many certificates of this kind we have, the ratio of the number of veterans who were officials to the number of all retired military will always be zero, if we draw it up solely on this basis. Such inscriptions cannot be compared against those in which one can speak of a civil career of former soldiers. So it's wrong to take them into account when figuring out which part of the army veterans could actively participate in the social life of a province. In my opinion, this figure should be determined by comparing some comparable data. This means that calculations should take into account only those sufficiently well-preserved inscriptions, where information of veterans' civil career is contained or could be contained, whether it is worthy of mention.

The representation of such an approach and the prospects of its practical application allow us to get a reference to materials of Lower Moesia. History of veterans' participation in local government and religious life of the province has been studied quite well⁴. According to researchers, the percentage

⁴ *Mrozewicz L.* Rozwój ustroju municypalnego a postępy romanizacji w Mezji Dolnej. Poznań, 1982. S. 93–94; *idem.* Munizipalaristokratie in Moesia Inferior // *Eos*. 1982. T. 70. Fasc. 1. S. 306–307; *Боянов И.* Римските ветерани в Долна Мизия и Тракия (I—III в.). София, 2008. С. 265–270; *Войанов I.* Veterans and Society in Lower Moesia and Thrace during the Principate // *The Lower Danube Roman Limes (1st–6th c. AD)* / ed. L. Vagalinski, N. Sharankov, S. Torbatov. Sofia, 2012. P. 255–257; *Królczyk* 2009, 143–146; *idem.* Weterani w prowincjach naddunajskich w okresie wczesnego Cesarstwa Rzymskiego (I—III w. n. e.). Oświęcim, 2017. S. 155–158; *Мартемьянов А.* Ветераны римской армии — магистраты и жрецы

of retired military veterans who were magistrates and priests is calculated as follows. L. Mrozewicz, who paid attention to this issue earlier, said that less than 9 % of veterans executed the duties of officials in Lower Moesia⁵. Later, I. Boyanov came to similar conclusions. According to him, in the Thracian lands not more than 10 % of veterans were magistrates and priests⁶. Finally, according to K. Królczyk, inscriptions testify that 191 veterans stayed in Lower Moesia, including 15 people who executed duties of officials, that is, as already mentioned, 7.9 %⁷.

Books by I. Boyanov and K. Królczyk contain special sections, where all known epigraphic evidences of the presence of veterans in Lower Moesia are listed. Today, these lists may be extended, because every year brings new information about veterans. However, at first these lists surely reflect the current state of the source base. And secondly the researchers themselves were focused on this data in their calculations, and this must be considered when comparing results. Therefore we'll try to determine which part of veterans settled on lands of the Lower Moesia could be magistrates and priests, leaving a number of inscriptions unchanged.

The section "Epigraphic documentation"⁸ in the book by I. Boyanov includes 222 inscriptions of the 1st–4th centuries AD⁹.

в Нижней Мезии // *Res Historica*. 2014. Nr. 38. С. 11–33. About veterans who were magistrates and priests in Scythia Minor (nowadays Dobruja) see also *Aricescu A. Armata în Dobrogea Romană*. București, 1977. P. 196, 202–211; *Apaschivei D. Municipiul Troesmis. Instituții și elite* // *Peuce* (S. N.). 2005–2006. T. 3–4. P. 191–204; *Mihăilescu-Bîrliba L., Piftor V. Les vétérans membres de l'élite civile en Dobroudja romaine* // *Peuce* (S. N.). 2005–2006. T. 3–4. P. 209–215.

⁵ *Mrozewicz L. Rozwój ustroju municypalnego... S. 93–94; idem. Munizipalaristokratie in Moesia Inferior... S. 307; idem. Arystokracja municypalna w rzymskich prowincjach nad Renem i Dunajem w okresie Wczesnego Cesarstwa*. Poznań, 1989. S. 159–160, 162; *idem. Die Veteranen in den Munizipalräten an Rhein und Donau zur Hohen Kaiserzeit (I.—III. Jh.)* // *Eos*. 1989. T. 77. Fasc. 1. S. 67, 73–75.

⁶ *Боянов И. Римските ветерани... С. 269; Boyanov I. Veterans and Society... P. 257.*

⁷ *Królczyk 2009, 149; idem. Weterani w prowincjach... S. 162.*

⁸ Hereinafter — ED.

⁹ *Боянов 2008, 313–388.*

First of all, let's exclude from this list some documents that capture the end of military service and contain nothing about the later life of veterans. These are 32 military diplomas¹⁰ and the list of warriors of *Legio VMacedonica*, retired in 134 AD from Troesmis in Scythia Minor¹¹. *As a result, from 222 only 189 inscriptions remain.*

The next step would be to define the range of inscriptions that relate to the time when veterans had no opportunity to participate in local government or they even didn't try this. First of all, these are the inscriptions of the 1st and the 4th centuries AD. The 1st century AD is a time when local government in Moesia has not yet emerged. The exceptions in this case are only the Western Pontic cities. It is worthy of note that the inscriptions that indicate the presence of veterans among the townsmen in the 1st century and the beginning of the 2nd century AD, were found only in Tomis¹². Neither in Histria¹³, nor in Callatis, nor in Dionysopolis, nor in Odessos, as we know, there are no such evidences at all. In the 4th century many veterans had to act as *curiales*, and their sons were even instructed to do this by the Roman law¹⁴. However, at that time it seems that the participation in the municipal government lost its former prestige¹⁵, therefore, the retired military no longer considered it necessary to emphasize their involvement in it by making any inscriptions.

¹⁰ ED 3, 5, 13–18, 84, 88, 94, 95, 98–102, 108–111, 117, 120, 121, 129–131, 174, 175, 191, 210, 219.

¹¹ ED 158 = ISM V 137.

¹² ISM II 8 (= CIL XVI 21), 170, 172, 176 and, possibly, 169.

¹³ The inscription of the 1st century AD at the gravestone of veteran L. Campanius Verecundus, given by I. Boyanov (ED 185), has no connection to the city of Histria in Moesia. It was found on the coast of the Istrian peninsula in the Adriatic Sea (see CIL V 8185 comm.). *Consequently, at this stage of calculations the inscriptions of interest to us remain 188.*

¹⁴ See Лебедева Г. Е. Ранневизантийское законодательство о ветеранах (по данным кодексов Феодосия и Юстиниана) // Византийские очерки. М., 1977. С. 153; Петрушева З. Ветераните през късната античност // Минало. 2004. № 3. С. 28.

¹⁵ Arnold W. T. The Roman System of Provincial Administration to the Accession of Constantine the Great. Oxf., 1906. P. 262, 265–266. Cf. Aparaschivei D. Orașele romane de la Dunărea Inferioară (secolele I—III p. Chr.). Iași, 2010. P. 133–134.

The fact remains that *all* the epigraphic evidences of magistrates and priests in Lower Moesia (according to D. Aparaschivei, there are about 230 persons of this kind) belong to the 2nd–3rd centuries AD¹⁶. At the same time more than one hundred of these inscriptions can be dated, focusing on not even centuries, but on years, and only one of them¹⁷ refers to the period of Trajan reign. All other inscriptions were made later. It follows that chances to find officials among veterans living in Lower Moesia in the first decades of the 2nd century AD, at least until the time of the Hadrian Principate, are practically reduced to zero. On that basis, I think, we should exclude from the list of I. Boyanov along with 16 inscriptions of the 1st century AD¹⁸ and 10 inscriptions dated the 4th century AD¹⁹ and 16 inscriptions that are dated the end of the 1st century or the beginning of the 2nd century AD²⁰.

Before referring to the remaining 146 inscriptions, it is necessary to determine the criteria of compilation of the epigraphic data base on veterans. Of course, it should include all the texts in which it is directly stated that mentioned person is a veteran (*veteranus, emeritus, missicius, βετρανός, ουετρανός, παλαιστρατιώτης, έστρατευμένος* etc.). With the same definiteness constructions of the type *ex signifero, ex decurione, ex duplicario* and the like testify about retired military people, as well as the mention in various forms of references to their resignation (*missus honesta missione, vixit post missionem annis X* and so on). Finally, sometimes the context itself helps to find that the person mentioned in the inscription is a veteran. As an example, we'll give the inscription from the territory of the Roman city Durostorum in Lower Moesia, found near the village of Ostrov, Constanța district. It begins with the words: *D(is) [M(anibus)] / C(aio) Val(erio) C(aii) Val(erii) filio Colonia Ulp(ia) / Zermizegetusa Iuliano p(rimo)*

¹⁶ Aparaschivei D. Orașele romane... P. 319–342, tab. VII—XXVII.

¹⁷ This is the mention about *quinquennalis perpetuus* in the dedication to Trajan from Callatis dated 103–116 AD, see ED 211; Aparaschivei 2010, 342, tab. XXVII, 1.

¹⁸ ED 6, 19–26, 45, 46, 49, 61, 66, 67, 218. It seems correct to take into account in our further calculations the inscriptions of the 1st century and the beginning of the 2nd century AD from Tomis (ED 190, 192, 193), where participation of veterans in local self-government was, as noted, quite possible at this time.

¹⁹ ED 11, 37–39, 50, 51, 135, 146, 209, 221.

²⁰ ED 27, 29–31, 41, 42, 58, 68, 69, 89, 96, 118, 122, 145, 171, 211.

*p(ilo) / leg(ionis) XI Cl(audiae) p(iae) f(idelis) qui vixit ann(is) / LXXXVIII...*²¹ According to the literal meaning of the text, C. Valerius Iulianus should be considered to be an acting *primipilus*, especially as the epitaph was found near the location of *legio XI Claudia*, where he served. However, although it is known that some centurions were in service for more than forty or even fifty years²², it's difficult to imagine that a man in such a respectable age as C. Valerius Iulianus was able to stay in the ranks. Therefore, I think, it's possible to say with a high degree of confidence that military service has remained for him in the past²³. We'll note, however, that indirect evidence about veterans should be taken into account only when they give really valid reasons for this, and some inscriptions from I. Boyanov's epigraphic appendix don't meet this condition.

As an example, among the inscriptions testifying to the presence of army veterans on the territory of Lower Moesia, I. Boyanov mentions the dedication from Callatis with the following content: *I(ovi) O(ptimo) M(aximo) / et lunon[i] / Reginae / T(itus) Flaviu[s] / Sabin[us] / pos[uit] / pro s[al]ute) / Imp(eratoris) T(iti) [Ael(ii)] / Antoni[ni]*²⁴. According to him, dedicat- or is a man "with Flavian Romanization which he could get as a result of military service"²⁵. However, it's difficult to recognize such conclusion as a sufficient basis for classifying T. Flavius Sabinus as a veteran or his direct descendant, especially taking into consideration that this inscription dates back to the reign of Antoninus Pius.

²¹ *Bărbulescu-Munteanu M., Rădulescu A.* Colonia Ulpia Zermizegetusa pe o inscripție din Dobrogea // *Pontica*. 1982. T. 15. P. 155–156, fig. 1; *AE* 1983 880.

²² *Birley E.* Some Legionary Centurions // *ZPE*. 1989. Bd. 79. P. 114; *Mrozewicz L.* Victoria Aug(usta) Panthea Sanctissima // *ZPE*. 1984. Bd. 57. S. 181–184; *Махла- юк А. В.* Солдаты Римской империи. Традиции военной службы и воинская ментальность. СПб., 2006. С. 78, прим. 83.

²³ Incidentally, there is no full guarantee that the deceased was a veteran, even in this case. At least, L. Mihailescu-Bîrlița believes that he continued to serve until his death: «d'un primipile de la *legio XI Claudia Pia Fidelis*, C. Valerius Iulianus, originaire de Sarmizegetusa, mort en service à 88 ans!» (*Mihailescu-Bîrlița L.* La mortalité des légionnaires en Mésie Inférieure // *SAA*. 2014. № 20. P. 177).

²⁴ ED 212 = *ISM* III 249.

²⁵ Боянов 2008, 385.

According to I. Boyanov's words, Marcus(?)²⁶ Aurelius Flavius, known by the inscription of the 3rd century AD from the village of Tvărditza, Shabla district in the north-east of Bulgaria, could also be a veteran. Meanwhile, according to his own quite just remark, it's not clear from the text whether this man, captured by the barbarians and subsequently liberated, served in the Roman army in fact: Αύρ(ήλις) Φλάβ[ι]ς *vacat* Μ(ἄρκος) / ἱερεὺς λη/φθίς ὑπὰ (*sic*) / τῶν βαρ/βάρων, σω/θίς ἐλθῶν / -----²⁷.

To the number of evidences about veterans I. Boyanov also includes the inscription of the end of the 2nd century — the beginning of the 3rd century AD from the territory of ancient city of Montana, where *princeps vici* Aurelius Victorinus is mentioned²⁸. In so doing he refers to the opinion of B. Gerov, who believed that this name indicates «a person who served in the troops or born in the family of a veteran»²⁹. The fact that Aurelius Victorinus was such a person is certainly possible, but he doesn't say anything about this in dedication itself: *I(ovi) O(ptimo) M(aximo) et [lunoni reginae]. / Aur(elius) Victorinus Victoris fil(ius) / princeps vici Tautiomosis / I(ibens) v(otum) s(olvit) m(erito)*³⁰.

Of course, it is not necessary to categorically deny that in any of the three inscriptions mentioned above this refers to veterans; however, in fact, there are no serious grounds for considering them to be veterans. If, trying to identify retired military people among the provincials, we'll orient ourselves to the criteria proposed by I. Boyanov in these cases³¹, veterans can be seen in almost all the people with Roman names known by epigraphic data, and this is wrong.

²⁶ See IGBR I² 1 comm.

²⁷ ED 222 = IGBR I² 1.

²⁸ ED 12.

²⁹ Геров Б. Земевладението в римска Тракия и Мизия (I—III в.) // ГСУ. Факултет по класически и нови филологии. 1977 (Вых. 1980). Т. 72. Кн. 2. С. 81.

³⁰ Велков В., Александров Г. Епиграфски паметници от Монтана и района. Монтана, 1994. С. 31, № 62.

³¹ Note that I. Boyanov similarly gives reasons for the inclusion of some of the inscriptions in the epigraphic appendix, dedicated to Thrace (see ED 230, 232, 247, 254, 257, 271, 272, 288, 295–302, 304, 310), and this circumstance must be taken into account, determining the range of epigraphic data on veterans living in this province.

In some cases, people mentioned in the inscriptions continued or were able to continue to carry out military service. For example³², the list of 16 servicemen of *Legio I Italica* from Roman Almus³³, I. Boyanov possibly cites because two *evocati* were mentioned there. However, *evocati*, as we know, carried an additional service³⁴, and didn't replenish the composition of civilian population of the province where their unit was quartered. Therefore, they can't be counted among the veterans who settled on the lands of Lower Moesia. In the dedication to Nemesis from Almus Caesidius Amandus quite definitely figures not as a veteran, but as a *beneficiarius consularis*: ...*Caesidius Amandus b(ene)f(iciarius) v(iri) c(larissimi) co(n)s(ularis) v(oto) p(osuit)*³⁵. To the number of veterans I. Boyanov also includes four centurions who have not reached the age of sixty³⁶. For example, he writes about the centurion L. Antonius Felix mentioned in the inscription from Troesmis³⁷: "Probably, here we can talk about veteran. This is indicated by the age of centurion, and the fact that these mentioned legions were not located in Moesia Inferior"³⁸. I. Boyanov comes to this conclusion on the basis of the following information: *L(ucio) Antonio / L(ucii) fil(io) Arnensi / Felici, Kartha/gine, (centurioni) leg(ionis) III / Aug(ustae), (centurioni) leg(ionis) X Gem(inae) / [(centurioni) I]leg(ionis) I Ital(icae) vixit / annis LVIII*...³⁹ However, as it was noted⁴⁰, at the age of 59 the centurion could have remained in his military service quite well. As for the deployment of military units mentioned in the inscriptions, the history of *Legio I Italica* is connected, first of all, with Lower Moesia. Moreover, it was found that a part of it was located in Troesmis for a certain period of time after 168 AD⁴¹.

³² It's not possible to present in this article all the noteworthy inscriptions. The work in which this will be done is currently being prepared for printing.

³³ ED 1 = CIL III 14409¹.

³⁴ *Cagnat R. Evocati // DA. 1892. T. 2. P. 867–868; Fiebiger. Evocati // RE. 1907. Hlbd. 11. Sp. 1148–1152.*

³⁵ ED 2 = CIL III 14208.

³⁶ ED 65, 133, 139, 167.

³⁷ ED 167 = CIL III 6185 = ISM V 176.

³⁸ Боянов 2008, 373.

³⁹ ISM V 176.

⁴⁰ See note 22.

⁴¹ *Ritterling E. Legio. Bestand, Verteilung und kriegerische Betätigung der Legionen des stehenden Heeres von Augustus bis Diocletian // RE. 1924–1925. Bd. 12.*

In total, in catalog of I. Boyanov there are 12 of such texts⁴², talking not about veterans, but about civilians or active military personnel, and after removing them from the list *only 134 inscriptions are left*.

11 inscriptions either do not mention former soldiers at all, or veterans are mentioned, but the sense of the text does not imply any information on their civilian careers⁴³. Let's give some examples.

In three inscriptions, given by I. Boyanov, it is said about T. Iulius Saturninus⁴⁴ and L. Minicius Natalis Quadronius Verus⁴⁵. They both actually served in the army and, in particular, in the territory of Lower Moesia⁴⁶, and later their life activities were also connected with this province for some time. It seems that on this basis I. Boyanov included the inscriptions devoted to them in his catalog. However, neither T. Iulius Saturninus, nor L. Minicius Natalis Quadronius Verus were the veterans referred, that is former military men who deserved the right to *missio honesta* as a result of long-term service. Command posts were for them no more than the initial steps of political career, which L. Minicius Natalis Quadro-

Sp. 1409–1416; Иванов Р. Долнодунавската отбранителна система между Дортикум и Дуросторум от Август до Маврикий. София, 1999. С. 90–91; Matei-Popescu F. The Roman Army in Moesia Inferior. Bucharest, 2010. P. 79–84.

⁴² In addition to the reviewed inscriptions, see ED 7, 36, 220.

⁴³ ED 87, 91, 112, 123, 143, 166, 172, 195, 213, 214, 217.

⁴⁴ ED 143 = AE 1934 107 = ISM V 10; ED 87, cf. AE 1928 153; Геров Б. Романизмът между Дунава и Балкана. Ч. 2 // ГСУ. Филологически факултет. 1952–1953. Т. 48. С. 361, № 74. About T. Iulius Saturninus see PIR² IV, 3, p. 270–271, no. 548; Sarnowski T. Die ritterlichen Tribunen der *legio Italica* // Prosopographica. Poznań, 1993. S. 69–70, 75, 79; Тачева М. Власт и социум в римска Мизия и Тракия. София, 2000. С. 79–80, 83–84, 87–89, 91; Mihailescu-Bîrliba L. L'inscription de T. Iulius Saturninus à Dierna et l'affermage du *publicum portorii Illyrici* // SAA. 2010. [No.] 16. P. 146–147, n. 10.

⁴⁵ ED 213 = IGRR I 653 = ISM III 114; cf. AE 1996 1345. About L. Minicius Natalis Quadronius Verus see Groag L. Minicius Natalis Quadronius Verus // RE. 1932. Hlbd. 30. Sp. 1836–1842; PIR² V, 2, p. 293–295, no. 620; Thomasson B. E. Laterculi praesidum. Göteborg, 2009. Vol. 1. P. 50, № 20:082.

⁴⁶ T. Iulius Saturninus was *tribunus militum legionis I Italicae*, and L. Minicius Natalis Quadronius Verus — *tribunus militum legionis XI Claudiae*.

nius Verus, for example, overcame at the age of about twenty for some two or three years. In addition, in Lower Moesia both of these former commanders were only on duty unlike the veterans who settled there for permanent residence and, having received new appointments, both of them left the province. Finally, and this is the main thing in this case, their terms of reference in Lower Moesia were determined by scales much more significant than municipal ones. Therefore, even if they are formally veterans, it is difficult to imagine that *conductor publici portorii Illyrici utriusque et Ripae Thraciae* T. Iulius Saturninus or *consularis, legatus Augusti provinciae Moesiae Inferioris* L. Minicius Natalis Quadronius Verus could «concurrently» fulfill the duties of city magistrates. They were representatives of the higher elite of the provincial society, and there is practically no chance to find in the inscriptions any signs to their involvement in local self-government.

Examples of a different kind are some epitaphs of the sons of former soldiers. They say quite definitely about the veterans, but only in order to emphasize the origin of the deceased. Here is one of these inscriptions: *C. Arrius Quintianus bis/duumviralis et augur mun(icipii) / Troemens(is) vet(erani) filius et Clau/dia Servata uxor se vivi[s] me/moriam sibi fecerunt curan/tibus Arrii Qu[i]ntiano filio et la/nuario lib[er]to*⁴⁷. As can be seen, judging by the fact that even name of father-veteran is not mentioned at all, the draftsmen of epitaph were supposed not to mention any facts of his biography. In this case, even if he occupied some positions after the resignation we could not find any reflection of this fact in the inscription.

Three inscriptions can not contain any information about civil career of former soldiers because they appear in the text not individually, but as a social group, without specifying any individual members: *veterani* or *veterani et cives Romani* make dedications⁴⁸ or build a temple⁴⁹.

⁴⁷ ED 195 = CIL III 7560 = ISM II 244.

⁴⁸ ED 112, 123.

⁴⁹ ED 166. Formula *veterani et cives Romani* can be met in the inscriptions from Lower Moesia eight times more (ISM I 324, 326–328, 330–332; V 233). However, in all these texts, in our opinion, one can speak about veterans who were magistrates in *vicus Quintionis* and *vicus Nov(us?)*, see Мартеньянов А. Ветераны римской армии... P. 28–30.

13 inscriptions are so seriously damaged that it's impossible to definitely say whether they really mention veterans⁵⁰. The idea of how unreliable such evidence can be is given by a fragmentary inscription under the image of the Thracian Horseman from the sanctuary of Asclepius at the source Glava Panega in the Yablanitza district⁵¹. I. Boyanov, referring to the publication of G. Mihailov, indicates that this inscription consists of one word — 'βετρανός' (*sic!* — A. M.), and he gives us no comments on this. Meanwhile, G. Mihailov himself is very cautious about his own assumption that it could be the word '[-β]ετρανός?'. Moreover, according to his just remark, the text is so poorly preserved that one can't even say whether it is Greek or Latin (!)⁵². We also note that, judging by the photograph and the drawing of the inscription⁵³, the letters *E* and *T* are only guessed by G. Mihailov. In fact, only the right-hand part remained from the first of them, corresponding more likely to the Latin letter *C* or *sigma lunatum*, and letter *I* followed right after it. Of course, it could be the letter *T* that has lost its upper fragment and G. Mihailov's assumption may be correct. However, it is impossible to obtain any proof of this and consequently, there is no certainty that the inscription refers to a veteran.

As a result, we have 110 inscriptions that mention 118 retired soldiers. Based on this number, the percentage of veterans who performed duties of magistrates and priests in Lower Moesia should be determined. According to the inscriptions, we know no less than 20 of them⁵⁴. Consequently,

⁵⁰ ED 32 = AE 1957 296 = ILBR 66; ED 33 = AE 1956 230 = ILBR 76; ED 56 = IGBR II 586; ED 63 = ILBR 242=243; ED 64 = CIL III 12398, 14207⁴⁰ = ILBR 249; ED 70 = ILN 35; ED 76 = ILN 63; ED 124 = *Бешевлиев В.* Эпиграфски приноси. София, 1952. С. 68, no. 115; ED 151 = AE 1972 540 = ISM V 131; ED 196 = CIL III 7557 = ISM II 247; ED 200 = CIL III 14214²⁹ = ISM II 225; ED 202 = *Bărbulescu-Munteanu M., Rădulescu A.* Descoperiri epigrafice recente // Pontica. 1981. Т. 14. P. 167–169; ED 204 = CIL III 12499 = ISM II 264.

⁵¹ ED 56 = IGBR II 586.

⁵² IGBR II 586 comm.

⁵³ IGBR II, tab. 26, no. 586.

⁵⁴ Usually no more than 15 of such veterans are named (*Mrozewicz L.* Arystokracja municypalna... S. 159–160, 162; *idem.* Die Veteranen in den Munizipalräten... S. 67, 73–75; Боянов 2008, 267–268; Królczyk 2009, 143–146, 149), however, the analysis of epigraphic data lets us suppose the possibility of participation

the proportion of veterans who took an active part in local self-government and the religious life of the province is determined by the ratio of 20 to 118 and, accordingly, is 16.9%⁵⁵.

A similar picture emerges as a result of the reference to materials from the catalog compiled by K. Królczyk⁵⁶. Along with other data, it presents 25 military diplomas, 29 inscriptions of the 1st century — the beginning of the 2nd century AD and of the end of the 3rd century — the 4th century AD, six collective mentions of veterans and 14 texts, the poor preservation of which doesn't allow us to have a definite judgment, whether they are talking about veterans, or not. Besides, for the reasons mentioned above, it is not necessary to take into account the evidence on the three *evocati* present in the catalog, as well as the two epitaphs of the veterans' sons⁵⁷. As a result, the list contains information on 116 former military people. On this basis, we can say that among the veterans who settled in the lands of Lower Moesia, magistrates and priests were 17.2%⁵⁸.

in management of towns and villages of Lower Moesia for some other former soldiers, see Мартемьянов 2014, p. 13–31.

⁵⁵ **Editor's note.** This paragraph is highlighted in yellow in the manuscript. Obviously, it does not correspond to the Russian version, since in the latter the calculation of the percentage takes place only in the second chapter.

⁵⁶ Królczyk K. *Tituli veteranorum*. Veteraneninschriften aus den Donauprovinzen des Römischen Reiches (1.–3. Jh. n. Chr.), Poznań, 2005, S. 127–154.

⁵⁷ In this case it's not possible to refer to the specific positions of the catalog, since the inscriptions in it are not numbered.

⁵⁸ **Editor's note.** The text is highlighted in yellow, which, as in the previous version, can be explained by the fact that in the text of the book these conclusions appear only in the second chapter.

CHAPTER 2

EPIGRAPHIC EVIDENCE ON PARTICIPATION OF VETERANS IN THE SELF-GOVERNMENT AND RELIGIOUS LIFE OF TOWNS AND VILLAGES OF LOWER MOESIA

Usually, the researchers notice that according to epigraphic evidences up to 15 veterans are known to perform duties of magistrates and priests in Lower Moesia⁵⁹. However, in our opinion, not all of these texts give us full conviction in the fact, that people, mentioned in them were both retired servicemen and civilian functionaries. At the same time, there is a possibility, that some other former soldiers took part in ruling of towns and villages of the province, who are known due to inscriptions, which are, for various reasons, either out of researchers' sight, or deserve more attention. Thereby, there is the necessity to define which inscriptions must be considered as *unconditional* and which ones are *possible* evidences of veterans' civil career in Lower Moesia.

In the first instance, let us turn to those inscriptions in which it is either *directly* stated that mentioned veteran was a magistrate or priest, or it can be *definitely* stated from the context.

One of these undisputed evidences is dedication from Oescus:

T(itus) Tettiu[s] / Plotu<u>s / vet(eranus) leg(ionis) II[III] / F(laviae) f(elicis) p(ater) s(acrorum) D[ei] ⁵/ invicti [s(olvit)] / I(ibens) m(erito)⁶⁰.

According to the researchers, this inscription could be the earliest confirmation of retired soldiers' active participation in municipal and religious life of Lower Moesia. B. Gerov dates it to the beginning of the 2nd century

⁵⁹ See chapter 1, n. 2–4.

⁶⁰ ILBR 32 = CIL III 6128, 7425 = AE 1900 15. Here and throughout the inscriptions are quoted according to the edition mentioned first.

AD⁶¹. L. Mrozewicz⁶² and K. Królczyk⁶³ also refer it to that time. S. Ferjančić⁶⁴ and I. Boyanov⁶⁵ believe that the altar could be dated to the end of the first century AD or the beginning of the second century AD. In so doing, they as well as B. Gerov, proceed from particularity of designation of the legion — *III(II) F. F.* Meanwhile, E. Ritterling, whose work is referred by B. Gerov, notes that the abbreviation *F. F.* — *F(lavia) f(elix)* was used not just at the time of Trajan, but also during the years of Hadrian's ruling⁶⁶. Including this, the time-frame for the emergence of this inscription, possibly, should be extended and defined it as *the period of the principate of Trajan or Hadrian*.

Another one, rather early, compared with most others, inscription tells about the veteran, fulfilling the duty of *buleuta* in Western Pontic city of Tomis:

D(is) M(anibus). / **M(arcus) Ulpus Longinus / ex dec(urione) vet(erano) bul(euta) Tomitan(orum) / se viv[o] sibi et U[l]piae Aquilinae^{5/} c[o]niugi suae mem[o]riam fecit / in praedio suo⁶⁷.**

The editors date this tombstone to the first half of the second century AD⁶⁸.

Two other inscriptions from the territory of Tomis are not considered by most specialists, as the evidences of veterans' participation in local governance⁶⁹. Meantime, the content of these texts gives us reasons to believe that mentioned magistrates were precisely retired servicemen:

⁶¹ Геров Б. Романизмът между Дунава... 1948–1949. С. 76, № 31.

⁶² Mrozewicz L. Legioniści mezyjscy w I wieku po Chrystusie. Poznań, 1995. S. 162–163, № 112.

⁶³ Królczyk K. *Tituli veteranorum*... S. 141.

⁶⁴ Ферјанчић С. Насељаванье легијских ветерана у балканским провинцијама: I—III век наше ере. Београд, 2002. С. 294, н. 399.

⁶⁵ Boyanov I. Oescus — from castra to colonia // *Archaeologia Bulgarica*. 2008. № 3. P. 74.

⁶⁶ Ritterling E. *Legio*... Sp. 1548.

⁶⁷ ISM II 180 = CIL III 770.

⁶⁸ ISM II 180 comm. The same opinion has K. Królczyk (Królczyk 2009, 145 ; 2017, 157), who earlier dated this inscription to *the beginning* of the second century AD, cf. Królczyk 2005, 146. A. Aricescu и S. Ferjančić date the epitaph of M. Ulpus Longinus more carefully — to the second century AD, cf. Aricescu A. *Armata în Dobrogea Romană*... P. 210–211, n. 107; Ферјанчић С. Насељаванье легијских ветерана... 302, н. 449.

⁶⁹ As far as we know, only A. Aricescu refers to them in this capacity, but without any comments, cf. Aricescu 1977, 196.

C..... / N.....SV / M A.....[e]que(stribus) / hon(oratus) mil(itii) et bul(euta)⁵ / Tom(itanorum) an(norum) LXV sta/tuam v(ivus) s(ibi) p(osuit). Secun/d[um] pietatem / [heredes t]it[u/lum b(ene) m(erenti) inscripserunt]⁷⁰.

The inscription was found in the commune of Cumpăna, Constanța district and dates back to the second century⁷¹ or the end of the 2nd — the beginning of the 3rd century AD⁷².

[Ἀγαθῆι τύχηι· Ἡ βουλή καὶ ὁ δῆμος / τῆς μητροπόλεως / Τόμεως Ἀφρικα(?)]⁵/νὸν Κυ[ῆ]τον στρα/τευσάμενον ἐνδόξως καὶ ἀγορανομή/σαντα ἐπιφανῶς / καὶ ὑπερβαλόμενον¹⁰/ τοὺς πρὸ ἐα[υ]τοῦ τεμῆ[ς] / χάριν· ἀνεστησέν / τε τὸν ἀνδριάντα Σωσ/σία Ἀφρικ[αν]ῆ ἢ γυνὴ αὐτοῦ⁷³.

The inscription was found in vicinity of the city of Constanța and dates from the 2nd century AD or, which is less possible, the 3rd century AD⁷⁴.

Veterans are *literally* mentioned in neither case (although, this mention could exist in the inscription from the commune of Cumpăna, in the upper part of the text, which has not been saved). On the other hand, the phrases *hon(oratus) mil(itii) et bul(euta) Tom(itanorum)* and στρατευσάμενον ἐνδόξως καὶ ἀγορανομήσαντα ἐπιφανῶς clearly attest that the inscriptions tell us about people who are recognized not just as *buleuta* and ἀγορανόμος but also as people, who were privy to military service. Most likely, it was left in the past for both men. In the first case, *equēs'* venerable age points at it, and in the second one is evident incompatibility of military service and daily troublesome duties of the ἀγορανόμος. Of course, it is theoretically possible that the word *militiāe* in the Latin inscription means some civil functions⁷⁵ and Africanus(?) Quietus managed the work of ἀγορανόμος meanwhile remaining the serviceman. However, the possibility of it is very insignificant, especially if both inscriptions are examined together.

The fact that the veterans replaced the position of rural magistrates testifies the inscription, which is below:

⁷⁰ ISM II 249 = CIL III 7543.

⁷¹ Aricescu 1977, 210–211, n. 111.

⁷² ISM II 249 comm.

⁷³ ISM II 71 = IGRR I 640

⁷⁴ ISM II 71 comm.

⁷⁵ However, in this case it is impossible to understand why functions on the position of *buleuta* are put beyond these duties.

..... / Vici Verg[o]/[b]rittiani **C. Iulius / Vale(n)s veter(anus) leg(ionis) V M[a]/ced(onicae) mag(ister) vici**⁵/ v(otum) s(olvit) l(ibens) m(erito)⁷⁶.

This dedication has been found in commune of Girliciu, Constanța district (at the Roman times it was the vicinity of Cius) and according to most researches it dates back to the 2nd century AD⁷⁷.

Seven inscriptions which tell, or may tell us about veterans who were performing the duties of magistrates and priests come from ancient Troesmis and its closest vicinities.

In four cases the inscriptions from Troesmis distinctly testify about civil functionaries who were former servicemen. It allows to demonstrate them without any comments, confining with the possible dates.

M(arco) Ulp(io) Marciano / vet(erano) ex s(ingulari) c(onsularis) a(lae) I (Dardanorum)⁷⁸ / **pont(i)f(ici), (duum)viro q(uin)q(uennali) / m(unicipii) Tr(oesmensium)**, Marcii An⁵tistius Rufus, / **pont(i)f(ex) et Antistius / Domitius a(jed(ilis) q(uastor), / fratres, / o(ptimo) v(iro)**⁷⁹.

Opinions differ on a dating of this inscription: A. Aricescu dates it to the 2nd century AD⁸⁰, L. Mihailescu-Bîrliba and V. Piftor — to the second half of the 2nd century AD — the beginning of the 3rd century AD⁸¹, A. Doruțiu-Boilă and K. Królczyk — to the end of the 2nd century AD⁸², L. Mrozewicz — to the first half of the 3rd century AD⁸³, and D. Aparaschivei — to the 2nd–3rd centuries AD⁸⁴.

⁷⁶ ISM V 115 = CIL III 12479.

⁷⁷ ISM V 115 comm.; Mrozewicz 1989, 74, n. 33; Ферјанчић 2002, 304, н. 464. F. Matei-Popescu and A. Falileyev date the inscription to the times of Trajan or Hadrian reign and think that *vicus* could have the name Vero[b]rittiani, cf. *Matei-Popescu F., Falileyev A. Notă asupra ISM V 115 // Tyrageția (S.N.). 2007. Vol. I. Nr. 1. P. 323–325.*

⁷⁸ In the end of the second line after *A* and the number *I* there is letter *D* (ISM V 148 imago fotogr.), that is why the word should be reproduced as *D(ardanorum)*

⁷⁹ ISM V 148 = CIL III 7504.

⁸⁰ Aricescu 1977, 210–211, n. 108.

⁸¹ *Mihailescu-Bîrliba L., Piftor V. Les vétérans membres...* P. 215.

⁸² ISM V 148 comm.; Królczyk 2005, 149.

⁸³ Mrozewicz 1989, 74, n. 32.

⁸⁴ *Aparaschivei D. Municipiul Troesmis...* P. 199, 204; *idem.* 2010, 326, tab. XIII, nr. 14.

[I(ovi) O(ptimo) M(aximo) sacrum] / [pro sal(ute) Imp(eratoris) T(iti) Ael(ii) Ha]/[driani Antonini Aug(usti) Pii et] / [Aur(elii) Veri Caes(aris)]^{5/} sub Fuficio Cornu/to leg(ato) Aug(usti) pr(o) pr(aetore) de/dicante Q. Caecilio / Reddito leg(ato) Aug(usti) **T(itus) / Fl(avius) Alexander vet(eranus)**^{10/} **leg(ionis) V Mac(edonicae) domu Fab(ia) / Ancyr(a) q(uin)q(uennalis) canaben(sium)** / cum Iulia Florenti/na uxore et Flavio A/lexandro, Valente,^{15/} Pisone, Maximilla, Res/pecta fili(i)s d(e) s(uo) p(osuit) item (denarios) / CCL **ob honor(em) q(uin)q(uennalitat)is** cu/riae donavit ex quor(um) / incre[mentis sportulae?]^{20/} [dividerentur?] om[nibus] / [decurionibus...⁸⁵

The dedication dates from 151–154 AD, the time period when the governor of Moesia could be Fuficius Cornutus⁸⁶.

[I(ovi) O(ptimo) M(aximo) sacrum pro] / salute Imp(eratoris) T(iti) Ael(ii) Ha/ driani Antonini Au/g(usti) Pii et Aureli(i) Veri Caes^{5/}/s(aris) [s]ub Iul(io) Severo leg(ato) Au/g(usti) pr(o) pr(aetore) dedicante Ael/<l>io Optato [e]g(ato) Aug(usti) **L(ucius) Licin(ius) / domo Ni[copoli?] Cleme(n)[s] / vet(eranus) leg(ionis) V Ma[c(edonicae) q(uin)q(uennalis) c]anab(ensium)**^{10/} et **dec(urio) Troesm(ensium)** c[u]m Licinia / Veneria coniuge, Lucia Li/cinia fil(ia) et Iul(io) Clemente et Oc/tavio Clementian(o) et Licinia Cle/mentiana et O[c]t[av]av(io) C]le(mente) et Lic(inio) Cle(mente) et^{15/} Oct(avio) Lic(inio) nep(otibus) d(e) s(uo) p(osuit) et ded(it) cur(iae) (denarios) CCL / **ob honor(em) q(uin)q(uennalitat)is** ex quor(um) incre/[m]en[tis] omnib(us) [decurionibus sportulae dividerentur?]⁸⁷.

This inscription dates back to the times of governorship of L. Statilius Iulius Severus in Lower Moesia, which is defined as 159–160 AD⁸⁸ or 159–161 AD⁸⁹.

⁸⁵ ISM V 155 = AE 1957 266. Also see detailed first publication of this and the following inscriptions: *Vulpe R. Canabenses și Troesmensis*. Două inscripții inedite din Troesmis // SCIVA. 1953, nr. 3–4. P. 557–579

⁸⁶ ISMV 155 comm. S. Ferjančić, with the reference to the opinion of B. E. Thomasson, defines the time of possible governorship of Fuficius Cornutus from AD 147 to 155, cf. Ферјанчић 2002, 299, н. 427.

⁸⁷ ISM V 158 = AE 1960 337.

⁸⁸ Aricescu 1977, 202–203, n. 21; ISM V 158 comm., cf. ISM V 1 comm.; Królczyk 2005, 149; Mihailescu-Bîrliaba, Piftor 2005–2006, 215; Aparaschivei 2005–2006, 194; 2010, 324, tab. XII, nr. 4.

⁸⁹ Mrozewicz 1989, 74, n. 29; AE 1993 1354.

[Ti]b(erius) Vitales ex / [b(ene)f(iciario)] vet(eranus) leg(ionis) V Mac(edonicae) / [sa]cerd(os)q(ue) provin / [c(iae)] vix(it) ann(os) LX viv⁵/[o] se fecit, reliq(uiarum) / [c]uragent(e) Tib(erio) Vi/[t]ale fil(io) et her(ede); / h(ic) s(itus) e(st)⁹⁰.

As a rule, this epitaph is dated to the 2nd century AD⁹¹, although D. Aparaschivei believes that it could be made both in the 2nd and in the 3rd centuries AD⁹².

The fifth inscription is also believed to be the reliable testimony of veterans' participation in municipal governance of Troesmis:

C. E[gn]natus C. [f.] Fab. Valens Ancyra vet. decuri(o) m[u]n[i]c(ipi) Troesm. C. Egnatius Valens ... leg(ionis) eiusd(em) filius p[at]ri [p]iis[si]mo b(ene) m(erenti) f(ecit). H(ic) s(itus) e(st)⁹³.

This inscription is dated in various ways: A. Doruțiu-Boilă dates it to the 3rd century AD⁹⁴, L. Mrozewicz — to the time after 167 AD⁹⁵, K. Królczyk — to the end of the 2nd century — the beginning of the 3rd century AD⁹⁶, I. Boyanov — to the last quarter of the 2nd century AD⁹⁷, L. Mihailescu-Bîrliba and V. Piftor — to the second part of the 2nd — the beginning of the 3rd century A. D⁹⁸, D. Aparaschivei — to the 2nd–3rd centuries AD⁹⁹. The only fact, based on this text, which could be definitely said is that the inscription was made when Troesmis already was a *municipium* that is not earlier, than a period of Marcus Aurelius reign¹⁰⁰.

⁹⁰ ISM V 194 = CIL III 7506.

⁹¹ ISM V 194 comm., etc. According to S. Ferjančić, the formula *hic situs est* in this case points to *the first half* of this century, cf. Ферјанчић 2002, 299–300, н. 431.

⁹² Aparaschivei 2005–2006, 202; 2010, 326, tab. XIII, nr. 12.

⁹³ CIL III 6188 = ISM V 183. The text of the epitaph is under the edition of T. Mommsen, as the content of this inscription is usually judged by this publication.

⁹⁴ ISM V 183 comm.

⁹⁵ Mrozewicz 1989, 74, n. 30.

⁹⁶ Królczyk 2005, 148.

⁹⁷ Боянов 2008, 374, n. 169.

⁹⁸ Mihailescu-Bîrliba, Piftor 2005–2006, 215.

⁹⁹ Aparaschivei 2005–2006, 195–196; 2010, 325, tab. XIII, nr. 6.

¹⁰⁰ About the time when Troesmis was given the rights of *municipium*, see Mrozewicz L. *Res municipalis w Mezji Dolnej // Acta Universitatis Wratislaviensis*. 1979. No. 449. S. 140; Aparaschivei 2010, 110–111.

According to the above mentioned there could be no doubt that veteran C. Egnatius Valens was a decurion of Troesmis. However, it should be considered that this reading of the inscription was introduced by T. Mommsen, which was based on the copies made by Blücher and Engelhardt. He, presumably, did not see the tombstone itself and afterwards the inscription disappeared. The copies cited by T. Mommsen in places are just sets of letters or their fragments, but not connected text (**Fig. X**). As a matter of fact, there is no shortening *VET* after the letters *ANCYR* in any of these copies¹⁰¹. Nevertheless, the fact, that C. Egnatius Valens was a veteran is quite possible. At least, he was in the army and died when his son was already an adult. As for the word "*decuri(o)*", T. Mommsen restores it from Blücher's copy, whereas Engelhardt saw there completely different letters¹⁰². That is why, we cannot completely delete this inscription as an evidence of veterans-magistrates, but we should perceive the conjecture of T. Mommsen with caution.

C. Valerius Pudens, P. Valerius Clemens and L. Cominius Valens, who are known by two other inscriptions from Troesmis are usually defined as veterans-magistrates¹⁰³. It is quite possible, that this is right. However, according to the texts of these dedications, it depends on how to interpret shortened words *MAG* and *VET*.

The inscription, where C. Valerius Pudens is mentioned, dates back to the times of Hadrian reign and it says:

[I(ovi) O(ptimo) M(aximo)] / [pr]o s[a](ute) / Imp(eratoris) Cae(saris) / Tra(iani) Hadr(iani)⁵/ Aug(usti) **C(aio) Val(erio) / Pud(ente) vet(erano) le(gionis) V / Mac(edonicae) et M(arco) Ulp(io) Le(ontio) mag(istris) canabe(nsium) et / Tuc(cio) Ael(iano) aed(ile) d(onum) d(ant)¹⁰/ vet(erani) et c(ives) R(omani) cons(istentes) ad / canab(as) leg(ionis) V Ma(cedonicae)¹⁰⁴.**

In principle, if to analyze this text as itself we cannot eliminate possibility of the fact, that the shortening *MAG* in the eighth line could mean singular form *mag(istro)*. According to this reading, it appears that only M. Ulpius

¹⁰¹ Note could not be found (*Edit.*).

¹⁰² Note could not be recovered (*Edit.*).

¹⁰³ Aricescu 1977, 202–205, n. 11, 28, 32; Mrozewicz 1989, 73–74, n. 25, 27, 28; Ферјанчић 2002, 205; Aparaschivei 2005–2006, 192–193; Mihailescu-Bîrliiba L., Piftor V. 2005–2006, 212; Боянов 2008, 267; Królczyk 2009, 144.

¹⁰⁴ ISM V 154 = CIL III 6166.

Leontius¹⁰⁵ was a magister and veteran C. Valerius Pudens was not. However, this inscription should be analyzed, as is commonly done, together with dedication, which mentions P. Valerius Clemens and L. Cominius Valens. It dates from 139–161 AD and has similar content:

I(ovi) O(ptimo) M(aximo) / Pro sal(ute) im[p(eratoris)] / Caes(aris) T(iti) Ael(lii)¹⁰⁶ Had(riani) / Ant(onini) Aug(usti) Pii et M(arci)⁵/ Aur(elii) Ver(i) Caes(aris) / **P(ublius) Val(erius) Cleme(n)s et / L(ucius) Cominius / Val(ens) vet(erani) leg(ionis) V Mac(edonicae) / ma[g(istri)]¹⁰⁷** et L(ucius) Val(erius) Crispus / aedilis de s(uo) pos(uerunt)¹⁰⁷.

It is reasonably believed¹⁰⁸, that this inscription, and as the previous one, originates from *canaba* of *legio V Macedonica*. It attests that administrative organisation of this settlement supposed two *magistri*, therefore, the veteran C. Valerius Pudens could be one of them. Nevertheless, according to the text of dedication we cannot definitely say, whether magister P. Valerius Clemens was a veteran. Because in the eighth line, together with generally accepted conjecture *vet(erani)*, the variant *vet(eranus)* can also be assumed. **Thereby, it appears to be only one veteran of two *magistri* — L. Cominius Valens, and this fact should be certainly considered.**

Let us turn attention also to the shortening *[MA]G* in the inscription of 152 AD from Histria, where veteran T. Aelius Mucatralis is mentioned:

Pro sal(ute) [Imp(eratoris)] T. A[e]/li Antonini [P]ii e[t] / Aureli Veri [C]a[e]-s(aris) / posuerun[t] **T. Ae⁵/lius Mucatral(is) uet(eranus) / al(ae) I Fl(auiae) Gaetul(orum) et [S]eut(es) / Mucatr[al(is) ma]g(ister) de s(uo), / Glabrione et Ho/mullo co(n)s(ulibus)¹⁰⁹.**

Experts, for some reason, do not refer this dedication to possible evidence of the fact, that former servicemen were magistrates. Maybe, it is associated with the fact, that they base their opinion on the reading of the second word in the seventh line as *[ma]g(ister)*¹¹⁰. According to this interpretation

¹⁰⁵ Boyanov also considers him to be a veteran, cf. Боянов 2008, 267, but as we can see there are no evidences of this in the inscription.

¹⁰⁶ Must be *Ael(ii)*.

¹⁰⁷ ISM V 156 = CIL III 6162.

¹⁰⁸ ISM V 156 comm.

¹⁰⁹ AE 1998 1148.

¹¹⁰ *Suceveanu A. Două inscripții inedite de la Histria // Pontica. 1998. T. 31. P. 111.*

we can conclude that this position was held only by Seutes Mucatralis. Nevertheless, it is also possible that the shortening [MA]G can also mean the plural form [ma]g(istri). In our opinion, there are some reasons for this assumption. Most likely, the dedication originates from a *vicus*, situated on the territory of Histria¹¹¹. Meanwhile, the inscriptions attest that two *magistri* stood at the head of some villages of Scythia Minor¹¹². It is significant that in two of three known cases, those rural settlements which were ruled by two *magistri*¹¹³ were situated in the vicinity of Histria. It is quite possible, that the dedication of 152 AD was made exactly in the *vicus* like these, so consequently it appears, that not only Seutes Mucatralis but also veteran Titus Aelius Mucatralis was a rural magistrate.

T. Aurelius Flavinus¹¹⁴, M. Pompeius Lucius¹¹⁵ and P. Tenacius Vindex¹¹⁶ are also considered to be veterans and they are mentioned as officials in the following inscriptions.

T. Aurelius Flavinus is mentioned in the inscription from Oescus:

T(it) Aurelio T(it) fil(io) Papir(ia) / Flavino primipilari(o) / et principis ordinis col(on)iae / Oesc(ensium) et buleutae civitatu[m]^{5/} Tyranorum, Dionysiopol(itanorum), / Marcianopol(iatanorum), Tungro[m] / et Aquincensium, patron(o) / collegi(i) fabr(um), honorat[o] / a Divo Magno Antonino^{10/} Aug(usto) (sestertium) L milia n(ummum) et XXV / gradum promotionis / [ob] alacritatem virtu[tis] / [adv]ersus hostes C[arpos]¹¹⁷ / [e]t res prospere Ty[rae ges]^{15/}tas. Cl(audius) Nicom[edes] / buleuta civitatis [Tyra]norum amico dign(issimo). / L(ocus) d(at)us d(ecreto) d(ecurionum)¹¹⁸.

¹¹¹ Ibid., p. 110.

¹¹² Cf. Мартемьянов А. П. Общинные отношения в селах Нижней Мезии и Фракии в первых веках нашей эры. Харьков, 2012. С. 121–122.

¹¹³ ISM I 378; ISM I 344–347, 349.

¹¹⁴ Mrozewicz L. Munizipalaristokratie in Moesia Inferior... S. 307; *idem*. 1989, 75, n. 37; Боянов 2008, 268; Królczyk 2009, 144, 151.

¹¹⁵ Królczyk 2009, 145.

¹¹⁶ Ibid.

¹¹⁷ According to D. Boteva, this line should be reproduced as [adv]ersus hostes *G[etas]*, cf. Ботева Д. Долна Мизия и Тракия в римската имперска система (193–217/218 г. сл. Хр.). София, 1997. С. 211–212.

¹¹⁸ ILBR 18 = CIL III 14416. It is thought that another inscription from Oescus whose upper part is not preserved (ILBR 19) was dedicated to T. Aurelius Flavinus; cf. Ботева Д. Долна Мизия... С. 212.

According to the epithet *Divus*, which is part of the imperial name, the inscription was made some time after the death and deification of Caracalla in 217 AD.

A short time earlier, after 212 or 214 AD¹¹⁹ the dedicatory inscription of M. Pompeius Lucius, which was found during the excavations of ancient Dionysopolis (present town of Balchik), could be made:

Ἀγαθῆι τύχηι. / Διὶ Δολιχαίῳ / **Μ(ἄρκος) Πομπ[εῖ]ος Λοῦ/κιος βενε[φ]ικιά⁵/-ριος ὑπατικοῦ / λεγ(ιῶνος) α' Ἰταλικῆς / Ἀντωνεινιανῆς / βουλευτῆς Διονυ/-σοπολειτῶν, Καλ¹⁰/λατιανῶν, Μαρ/κιανοπολειτῶν / εὐχαριστήριον¹²⁰.**

The inscription, dedicated to P. Tenacius Vindex has the following content:

[P(ublio)] Tenac(io) P(ubli) fil(io) / [P]ap(iria tribu) Vindici / (centurioni) leg(ionis) XXII Pri/mig(eniae) buleutae⁵ / civitatis Ni/copolitanor(um) / P(ublius) Tenac(ius) Gemel/linus aug(ustalis) col(oniae) / Apul(ensis) liber-tus¹⁰ / t(itulum) p(onendum) c(uravit) l(oco) d(ato) d(ecreto) d(ecurionum)¹²¹.

The inscription comes from the territory of Roman province of Dacia. According to unanimous opinion of the specialists¹²², Nicopolis, mentioned in the inscription, was a city of Nicopolis ad Istrum which was founded by Trajan (present village of Nikyup, Veliko Tărnovo region). B. Gerov dates the altar to the second half of the 2nd century AD¹²³, D. Aparaschivei — to the 2nd–3rd centuries AD¹²⁴, and K. Królczyk — to the 3rd century AD¹²⁵. In any case, this inscription could not have been made earlier, than Apulum received the rights

¹¹⁹ AE 1972 505 comm.; Królczyk 2005, 131; Боянов 2008, 386, n. 216; Aparaschivei 2010, tab. XX, nr. 1.

¹²⁰ IGBR I² 24 bis = AE 1972 505.

¹²¹ IDR III/2 120 = AE 1972 467. T. Mommsen (CIL III 1481, with the reference to Mezerzius) and B. Gerov (Геров 1952–1953, 366, no. 156): in the fourth line *PRINC* is stated instead of *buleutae* (i. e. *princeps civitatis*). However, according to the photograph of the inscription (IDR III/2, p. 122, fig. 95), it is incorrect.

¹²² AE 1972 467 comm.; IDR III/2 120 comm.; *Ruscu L.* On the Elites of Nicopolis ad Istrum // *Archaeologia Bulgarica*. 2007. XI. 2. P. 3; Królczyk 2009, 145; Aparaschivei 2010, 215.

¹²³ Геров 1952–1953, 366, no. 156 comm.

¹²⁴ Aparaschivei 2010, 334, tab. XIX, nr. 39.

¹²⁵ Królczyk 2005, 177; 2009, 145.

of colony, and it happened during the reign of Commodus. Consequently, it quite can be dated to those times, when Nicopolis ad Istrum was already the part of Lower Moesia ¹²⁶.

There is no doubt, that all of the three magistrates were servicemen. However, the inscriptions, which mention them, are united by one remarkable feature — none of them shows, that they were *former* servicemen. Meanwhile, unlike privates, officers could participate in the city government during the years of active service. It is believed, that it concerned not only *primipilares* and centurions ¹²⁷, but also some *beneficiarii* ¹²⁸. This fact cannot be left aside, especially in case of M. Pompeius Lucius. Citizens of the towns, which were listed in the inscription, chose him to be the *buleuta*, supposedly in gratitude for military prowess during the enemy invasion. Most likely, it could happen immediately or short time after normalization of the situation, namely, when *beneficiarius* could remain in the ranks. Nevertheless, it can be possible, that by the time when the dedication was made, M. Pompeius Lucius had been already retired, but for some reason it was not mentioned in the text. Something similar can be assumed according to *primipilaris* T. Aurelius Flavinus and centurion Tenacius Vindex. However, we cannot give an unambiguous answer to the question whether those magistrates were veterans or servicemen, as inscriptions, which mention them, do not allow us to do this.

We should carefully refer to the information given in two inscriptions, which discerns the evidence of veterans' participation in self-government of Oescus.

¹²⁶ Initially, the territory of this city was the part of Thrace, and it became the part of Lower Moesia a short after Commodus was killed — as a result of changing of borders between these provinces in AD 193, cf. Ботева 1997, 27–28; Слокоска Л. Никополис ад Иструм (Nicopolis ad Istrum) // Римски и ранновизантийски градове в България / Под съст. и ред. на Р. Иванов. София, 2002. С. 84–85.

¹²⁷ Dobson B. The Significance of the Centurion and 'Primipilaris' in the Roman Army and Administration // ANRW. II. Prinzipat. 1974. Bd. 1. P. 426–427.

¹²⁸ Колобов А. В. Легионеры-бенефициарии в управлении провинциями Римской империи (на материале источников из бывшей римской провинции Далмация) // Вестник Пермского университета. 2001. История. Вып. 1. С. 50.

One of these inscriptions was found in commune of Sibioara, Constanța district (in ancient times this territory belonged to city of Tomis):

.... / λεγ(εῶνος) πέμ/πτης Μακε/[δ]ονικῆς ⁵/ **δουανδρι/κῆς** / Κολωνείας / Οἴσκι[ο]υ καὶ ¹²⁹.

Presumably, this inscription could date back to the 2nd or 3rd century AD ¹³⁰. According to L. Mrozewicz and D. Aparaschivei it says about *duumvir* of Oescus, who earlier served in *legio V Macedonica* ¹³¹. However, in consequence of the fact that the beginning and the ending of the inscription have not remained, its common sense is not quite clear. For this reason we cannot be sure, that the word *δουανδρική* must be necessarily connected with the name *κολωνεία Οἴσκιος*. At the same time, the case ending of this word complies with the grammatical form of designation of military unit in the text. That is why we cannot omit the assumption, that *δουανδρική*, in this case, is not Greek analogue of the Latin word *duumviralis*, but is unknown from other sources epithet of *legio V Macedonica*, which means “Twice brave” (Latin *bis fortis*) ¹³².

Another inscription also refers to the 2nd ¹³³ or 3rd ¹³⁴ century AD, but originates from Oescus itself. According to the latest wording of B. Gerov, this text might tell about *quinquennialis* from former praetorians:

--- vix(it) ann(is) ---, mil(itavit) ann(is)] XXVI / [--- **quiquen]nalis** ¹³⁵ / [--- coh(ortis)] I praetoriae / [--- campidocto?]r eq(uitum) praetor(ianorum) ⁵/ [--- marit]o b(ene) m(erenti) dulcissimo / [posuit]? ¹³⁶.

Meanwhile, there is an opinion in some works, that praetorian, mentioned in the text, held the position of *duumvir* ¹³⁷. In so doing, their authors refer to publications of V. Beševliev and B. Gerov.

¹²⁹ ISM II 442.

¹³⁰ ISM II 442 comm.; Mrozewicz 1989, 74, n. 35; Aparaschivei 2010, 321, tab. VII, nr. 13.

¹³¹ Mrozewicz 1989, 74, n. 35; Aparaschivei 2010, 321, tab. VII, nr. 13.

¹³² See ISM II 442 comm.

¹³³ Геров 1952–1953, 397, no. 770; Боянов 2008, 326, n. 32.

¹³⁴ Mrozewicz 1989, 75, n. 36; Aparaschivei 2010, 321, tab. VII, nr. 14.

¹³⁵ Must be [--- *quiquen]nalis*.

¹³⁶ ILBR 66.

¹³⁷ Mrozewicz 1989, 75, n. 36; Królczyk 2009, 144; Aparaschivei 2010, 321, tab. VII, nr. 14.

V. Beševliev, who introduced this inscription into scientific use in 1952, suggested reading it this way:

... vixit annis] XXV / ... **duumviralis** / ... I praetoriae / ... RC e(quotes) praetor(iani) ^{5/} amic]o b(ene) m(erenti) dulcissimo ¹³⁸.

A year after the book of V. Beševliev was released, B. Gerov made the following adjustments to the reading of the inscription:

[--- ann.] XXV [--- **duumvi?]ralis** [--- coh.] I praetoriae [---] C(eqq.) praetor(iani) [amic]o b. m. dulcissimo ¹³⁹.

The publishers of "L'Année épigraphique" also refer to V. Beševliev's publication, but see the beginning of the fourth and fifth line in a different way:

uixit annis XXV / **duumuiRALIS** / I·PRAETORÆ / EQQ·PRAETOR· / B·M·DVLCissIMO ¹⁴⁰.

In this way, we can see that all the three reconstructions of the text differ from the variant, which was eventually introduced by B. Gerov. It can be explained mostly by poor preservation of the inscription. According to the picture ¹⁴¹, there was not a word *duumviralis*, the bottom right part of the letter *N* can be clearly seen before the letters *ALIS* (Fig. X). It should be also taken into consideration that the top of the slab is lost, some of the letters on its remained part are illegible. We can only suppose, what number XXV or XXVI could mean and what the word with the ending *-nalis* was. In our opinion, the condition of the inscription makes it possible to declare that it says about a praetorian, and *there are no solid grounds to consider him to be a magistrate*.

At the same time, we should also like to draw attention to the marble relief of the times of Severan dynasty ¹⁴², found near the village of Todoričene, Lukovit region (Fig. X). The image of Thracian Rider is accompanied with the following inscription:

Εύχην / **Φλάβις Βάσσου βετρα/νός δεκουρίων** ¹⁴³.

¹³⁸ Бешевлиев В. Эпиграфски приноси... С. 54, no. 86.

¹³⁹ Геров 1952–1953, 397, no. 770.

¹⁴⁰ AE 1957 296. The restored part of the text is marked in italics.

¹⁴¹ Note could not be found (*Edit.*).

¹⁴² Геров 1952–1953, 362, no. 104; Królczyk 2005, 145.

¹⁴³ IGBR II 590. In publication of R. Cagnat (IGRR I 1408) and B. Gerov (Геров 1952–1953, 362, no. 104) this text looks like this: Εύχην. / Φλάβι(ο)ς Βάσσου βετρα/νός δεκουρίων.

This inscription is not considered to be the evidence of the fact that retired servicemen held the position of municipal officials. Meanwhile, there are no direct indications that the case concerns a veteran *resigned in the rank of decurion*. Therefore, with the same degree of probability it is possible to assume, that in this particular case it is meant not a military rank, but a *civil position*, which was held by a former serviceman. By the way, according to the comment to this inscription, B. Gerov also took this possibility into account¹⁴⁴.

In B. Gerov's opinion, Tiberius Bassus, a veteran, whose epitaph was found near the town of Novae also was a decurion. The researcher reconstructed the text of this inscription the following way:

D(is) M(anibus) / Ti(berio) Basso **dec(urioni)** / veterano / alaes primae⁵ / Ast(urum), maer[ui](t) an(nis) XXV / vix(it) an(nis) LXXX. Fla(via) / Longina pa/tri bene merent(i). H(ic) s(itus) e(st)¹⁴⁵.

Subsequently, V. Božilova supposed that the shortening *DEC* does not mean the title, but the personal name: D(is) M(anibus) / Ti(berio) Basso **Dec(imo)** / veterano / alaes prim(a)e⁵ / Ast(urum) mil(itavit) an(nis) XXV / vix(it) an(nis) LX etc.¹⁴⁶ Later, S. Conrad¹⁴⁷ and K. Królczyk¹⁴⁸ gave their preferences to this particular version. Meanwhile, in one of his recent articles, F. Matei-Popescu cited the opinion of P. Holder, who made the assumption that the second line of the inscription could be read as *T. Fl(laius) Bassus, dec(urio)*¹⁴⁹.

Unfortunately, none of the mentioned authors gives precise arguments to prove their opinion. Meanwhile, according to the laconic context both variants of the reconstruction of the word of interest to us are acceptable and we cannot give strong preference to any of them. Taking into account the position of the words in the second, third and fourth

¹⁴⁴ See Геров 1952–1953, 362, no. 104 comm.

¹⁴⁵ ILBR 305. In fact, the formula *H S E* is out of the main inscription area and is situated under it, forming the ninth line, cf. ILN, p. 95, no. 56a imago fotogr.

¹⁴⁶ ILN 56. About the use of the name Decimus as *cognomen* cf. Minkova M. The Personal Names of the Latin Inscriptions in Bulgaria. Frankfurt am Main e. a., 2000. P. 147.

¹⁴⁷ Conrad S. Die Grabstelen aus Moesia inferior. Untersuchungen zu Chronologie, Typologie und Ikonographie. Leipzig, 2004. S. 231, Nr. 389.

¹⁴⁸ Królczyk 2005, 137.

¹⁴⁹ Matei-Popescu F. The Roman Auxiliary Units of Moesia // Il Mar Nero. Annali di archeologia e storia. 2010/2011. VIII. P. 211, n. 31.

lines, the conjecture, introduced by V. Božilova, seems probably more possible. Nevertheless, the possibility of Tiberius Bassus being a decurion, cannot be denied. However, can it be assumed that decurion means elective official, a member of the city council? It seems to be unlikely as, according to the opinion of most researchers, the inscription was made not later, than the first quarter of the 2nd century AD¹⁵⁰, which is long before the city centres of Lower Moesia got the rights of *municipia*. Most likely, as supposed by F. Matei-Popescu¹⁵¹, it is possible that in this case abbreviation *DEC* means decurion of *ala I Asturum*.

In the conclusion of the review let us have a look at one more inscription. It dates back to 169 AD and was found during the excavations of ancient Histria:

I(ovi) O(ptimo) [M](aximo) / [sa]cr[um, pro] / sal(ute) Imp(eratoris) Aug(us-ti), / vet(erani) et c(ives) R(omani) et ⁵/ Bessi con(sistentes) vic(o) / Q(uintionis), cur(am) a(gentibus) ma(gistris) / Iulio Gemini / et Genicio Brin(i) et ques(tore) / Cocceio Fir¹⁰/mo, idibus lu/nis, Prisco et Apollina/re co(n)s(ulibus)¹⁵².

In his time, E. Birley assumed that mentioned in the inscription quaestor could possibly be former centurion of *legio II Augusta* Marcus Cocceius Firmus¹⁵³. This centurion appeared on four or five altars from Auchendavy fort on Antonine wall in Britain¹⁵⁴ and is possibly mentioned in the Justinian's Digest¹⁵⁵. Due to E. Birley, quaestor Cocceius Firmus from *vicus Quintionis* is considered to be retired centurion and

¹⁵⁰ ILN 56 comm.; *Conrad S.* Die Grabstelen aus Moesia... S. 231; Królczyk 2005, 137; *Matei-Popescu F.* The Roman Auxiliary Units... P. 211. Only B. Gerov writes that the gravestone could be installed *before the middle* of the second century AD, cf. ILBR 305 comm.

¹⁵¹ Matei-Popescu 2010, 169, n. 1358.

¹⁵² ISM I 328 = AE 1924 143.

¹⁵³ *Birley E.* Marcus Cocceius Firmus: An Epigraphic Study // Proceedings of the Society of Antiquaries of Scotland. 1935–1936. Vol. 70. P. 376–377. Subsequently this opinion was supported by L. J. F. Keppie и J. J. Walker, cf. *Keppie L., Walker J. J.* Auchendavy Roman Fort and Settlement // *Britannia*. 1985. Vol. 16. P. 33.

¹⁵⁴ CIL VII 1111–1115; *Birley E.* Marcus Cocceius Firmus... P. 371–376.

¹⁵⁵ D. 49, 15, 6.

the authors of the works, who pay attention to the presence of Roman army veterans in Lower Moesia ¹⁵⁶.

It is assumed that *vicus Quintionis* was situated on the territory of Histria, on the place of present village of Sinoe, Constanța district ¹⁵⁷. Apart from the dedication mentioned above, eight more similar inscriptions come from this village and they date back to 130s–170s AD ¹⁵⁸. According to these texts, most part of population was defined by formula «*veterani et cives Romani et Bessi consistentes*», and it was headed by two magistri and one quaestor. Out of 27 names of these functionaries, who were supposed to be in nine inscriptions, 26 remained completely or partially preserved. Approximately a third of them belonged to Thracians and most probably this part roughly corresponds to the quota which *bessi* who lived there had in the administration of the village. All other names either have Roman origin, or contain Roman element along with Thracian or Greek component. None of those who had these names was said to be a veteran. If any of them was mentioned to be a veteran, it would be reasonable to search for the explanation of its absence in other cases. However, in all inscriptions without acceptance only the names of officials are reported. Apparently, no other information was supposed to be in these dedications. Along with it, it is hard to imagine that retired servicemen who made special social group in *vicus Quintionis*, did not participate in self-government at all. It is more likely to assume that annually veterans held, at least, one of three positions. In this case, among known by inscriptions magistrates of *vicus Quintionis* there should be not less than eight or nine veterans.

Similar situation, according to the inscription of 178 AD, found in village of Babadag (Tulcea district) was in another village of Scythia Minor — *vicus Nov(us?)* ¹⁵⁹. True, its inhabitants were divided into two groups — of Roman

¹⁵⁶ Aricescu 1977, 206–207, n. 67; Mrozewicz 1989, 74, n. 34; Królczyk 2009, 145; Aparaschivei 2010, 341, tab. XXV, nr. 5.

¹⁵⁷ ISM I, p. 437.

¹⁵⁸ ISM I 324–327, 329–332. In two of these inscriptions (ISM I 325, 329) *vicus Quintionis* is not mentioned, however, according to the opinion of specialists they also come from this village, see ISM 325 comm., 329 comm.; cf. Aparaschivei 2010, 240–241.

¹⁵⁹ ISM V 233 = CIL III 14448. In his time T. Mommsen suggested that the village could be called *Nov(iodunum)* (CIL III, p. 2670), however this version was not supported

citizens and veterans. However, the village was also ruled by two *magistri* and a quaestor and it suggests that there could be one or two veterans among them¹⁶⁰.

Thereby, on the ground of inscriptions from vicus Quintionis and vicus Nov(us?) in our opinion, it can be assumed that among magistrates of these villages known by epigraphic data there were *about ten* army veterans. This circumstance must be considered when estimating the possible number of retired servicemen, holding the position of local functionaries in Lower Moesia.

Overall results of the research can be presented in the following list of persons, who in the 2nd and 3rd centuries AD could be veterans, holding the positions of magistrates and/or priests in Lower Moesia¹⁶¹:

1. T. Aelius Mucatralis (AE 1998 1148).
2. T. Aurelius Flavinus (ILBR 18 = CIL III 14416).
3. L. Cominius Valens (ISM V 156 = CIL III 6162).
4. C. Egnatius Valens (ISM V 183 = CIL III 6188).
5. Φλάβιος Βάσσου(?) (IGBR II 590).
6. T. Flavius Alexander (ISM V 155 = AE 1957 266).
7. C. Iulius Valens (ISM V 115 = CIL III 12479).
8. L. Licinius Clemens (ISM V 158 = AE 1960 337).
9. Μ. Πομπείος Λούκιος (IGBR I² 24bis = AE 1972 505).
10. [P.] Tenacius Vindex (IDR III/2 120 = AE 1972 467).
11. T. Tettius Plotus (ILBR 32 = CIL III 6128, 7425 = AE 1900 15).

by many specialists, cf. *Vulpe R., Barnea I. Romanii la Dunărea de Jos. București, 1968. P. 163, 172; ISM V, p. 250–251; Bărbulescu M. Viața rurală în Dobrogea romană (sec. I—III p. Chr.). Constanța, 2001. P. 93.*

¹⁶⁰ A. Aricescu believes that *P. SOCVFVNIVS* was a veteran, but he does not explain why he has chosen exactly him, see Aricescu 1977, 208–209, n. 89. The name of this magistrate, which is preserved worse than the other two, cannot be satisfactorily restored and nowadays it is preferably to reproduce it as *P(i)so...*, see ISM V, p. 251–252; cf. Aparaschivei 2010, 239.

¹⁶¹ All the necessary information about these people is in the text. That is why here we only confine ourselves to the names in alphabetical order and references to some corpora of inscriptions they are mentioned in.

12. M. Ulpius Longinus (ISM II 180 = CIL III 770).
13. M. Ulpius Marcianus (ISM V 148 = CIL III 7504).
14. P. Valerius Clemens (ISM V 156 = CIL III 6162).
15. C. Valerius Pudens (ISM V 154 = CIL III 6166).
16. [Ti]b(erius) Vitales (ISM V 194 = CIL III 7506).
17. Ignotus (ISM II 71 = IGRR I 640).
18. Ignotus (ISM II 249 = CIL III 7543).
19. Ignotus (ISM II 442).

20–29(?). Approximately 10 veterans-magistrates of *vicus Quintionis* and *vicus Nov(us?)* (ISM I 324–327, 329–332; ISM V 233).

There is no doubt that ten veterans from the list took an active part in the self-government and religious life of Lower Moesia. At the same time, there is a strong possibility that most of other persons mentioned in the list were city and village magistrates from among former servicemen. The inscriptions make it impossible to say this about any of them with *complete* confidence. Nevertheless, it is thought it would be right to assume that veterans-magistrates could be mentioned, at least, in half of these 19(?) cases. It allows us to say that the positions of magistrates and priests were held in Lower Moesia not by 13–15, as it is commonly believed, but by *approximately 20* retired servicemen, known by epigraphic sources¹⁶². In our opinion, we should base on this particular number, when evaluating the level of social activity of veterans, living in that province in the 2nd–3rd centuries AD.

¹⁶² In case our assumption is right and about ten magistrates from *vicus Quintionis* and *vicus Nov(us?)* were veterans, this number is increasing.

CONCLUSION

So, in my opinion, on determining the level of social activity of veterans only those inscriptions which meet the following criteria should be considered. Firstly, these texts contain or *could* contain some information about the civil career of ex-soldiers. Secondly, they should refer to the time of existence of municipal organizations and, accordingly, the local self-government in the province. Third, the preservation of these inscriptions should be sufficient in order to judge if the veteran could be an official or not. The results obtained on the basis of such approach indicate that magistrates and priests were not 8–10 %, as it is generally considered, but about 17 % among all the veterans settled on the lands of Lower Moesia. At the same time there is no doubt that many former soldiers were tired after long years of service, suffering from old wounds and diseases, and were indifferent to public life. Assuming that there were no less than a half of such veterans, this would mean that the elective office were available to a one third of ex-warriors who were eager to obtain these posts. It is unlikely that such a ratio was typical for the majority of the population of the province, and every third peasant, artisan or small merchant could become a magistrate or a priest. Thus, a marked contradiction between the evidence of legal texts and epigraphic sources, mentioned at the beginning of the article, disappears. Epigraphic sources about the participation of retired soldiers in the social life of cities and villages of Lower Moesia become an important confirmation that army veterans formed quite successful and socially active stratum of provincial society.

In conclusion, I would like to note that the usage of the proposed calculation method seems to be promising for determination of level of veterans' social activity in other provinces of the Roman Empire. In some cases, the indicators characterizing this level can significantly change, as for Lower Moesia, in some others they are insignificant. However, one way or another,

these indicators will be obtained on the basis of a more correct approach than the approach by which the researchers have been guided up before.

These conclusions¹⁶³, of course, to some extent are hypothetical. They are based on the sample of evidences which size, unfortunately, does not guarantee its representativeness, as during the existence of province dozens of thousands of retired servicemen could live in Lower Moesia. Nevertheless, these statistical calculations appear to be reasonable. They make it possible to define whether modern theoretical ideas about Roman veterans correspond to the evidences of known sources and, in case of need, make changes to them. Therefore, it is probably reasonable to revise the existing data about the level of social activity of veterans in other provinces of the Roman Empire basing on the proposed in this work method of calculation as well¹⁶⁴. In some cases, the characteristics of this level, as for Lower Moesia, may considerably change and in some other cases these changes may be minor. However, in any case, in our opinion, they will be received on the basis of more correct approach, than the one, researches have followed so far.

¹⁶³ **Editor's note.** In the manuscript, this paragraph was at the end of the second chapter. Within the meaning, it has to finalize all the work. By the decision of the editorial board, it was decided to leave both conclusions, providing them with an explanation.

¹⁶⁴ They mean only those provinces on the territory of which, as on the lands of Lower Moesia, there is a record of more or less significant number of veterans. As to the provinces, where only few former servicemen are known, as, for instance, in Raetia or Noricum, there is no point to do the work like this. In Raetia, for example, according to K. Królczyk, only 71 epigraphic evidences of veterans were found and 46 of them are military diplomas, see Królczyk 2005, 9–16. Of course, making calculations, based on the rest 25 inscriptions is senselessly.

ЛИТЕРАТУРА

References

- Бешевлиев В.* Епиграфски приноси / В. Бешевлиев. — София: Издание на Българската Академия на Науките, 1952. — 96 с.
- Божилова В.* Епиграфски паметници от светилището на Диана и Аполон / В. Божилова / Монтана / отг. ред. В. Велков. — София: Издателство на Българската Академия на Науките, 1987. — Т. 1. — С. 20–36.
- Ботева Д.* Долна Мизия и Тракия в римската имперска система (193–217/218 г. сл. Хр.) / Д. Ботева. — София: Университетско издателство Св. Климент Охридски, 1997. — 377 с.
- Боянов И.* Римските ветерани в Долна Мизия и Тракия (I—III в.) / И. Боянов. — София: ИК Авалон, 2008. — 447 с.
- Велков В.* Из истории Нижнедунайского лимеса в конце I в. н. э. / В. Велков // ВДИ. — 1961. — № 2. — С. 69–82.
- Велков В., Александров Г.* Епиграфски паметници от Монтана и района / В. Велков, Г. Александров. — Монтана, 1994. — 105 с.
- Геров Б.* Романизмът между Дунава и Балкана. Ч. 1–2 / Б. Геров // ГСУ. Историко-филологически факултет. — 1948–1949. — Т. 45. — Кн. 4. — С. 1–91; ГСУ. Филологически факултет. — 1951–1952. — Т. 47. — С. 17–122; 1952–1953. — Т. 48. — С. 307–415.
- Геров Б.* Земевладението в римска Тракия и Мизия (I—III в.) / Б. Геров // ГСУ. Факултет по класически и нови филологии. — 1977 (Вых. 1980). — Т. 72. — Кн. 2. — 173 с.
- Иванов Р.* Долнодунавската отбранителна система между Дортикум и Дуросторум от Август до Маврикий / Р. Иванов. — София: ALEA, 1999. — 366 с.
- Иванов Т.* Абритус. Римски кастел и ранновизантийски град в Долна Мизия / Т. Иванов. — София: Издателство на Българската Академия на

- Науките, 1980. — Т. 1. Топография и укрепителна система на Абритус. — 253 с.
- Колобов А. В.* Легионеры-бенефициарии в управлении провинциями Римской империи (на материале источников из бывшей римской провинции Далмации) / А. В. Колобов // Вестник Пермского университета. — 2001. — История. — Вып. 1. — С. 44–52.
- Колосовская Ю. К.* К вопросу о социальной структуре римского общества в I—III вв. н. э. / Ю. К. Колосовская // ВДИ. — 1969. — № 4. — С. 122–129.
- Лебедева Г. Е.* Ранневизантийское законодательство о ветеранах (по данным кодексов Феодосия и Юстиниана) / Г. Е. Лебедева // Византийские очерки. — М.: Наука, 1977. — С. 149–157.
- Ле Боэк Я.* Римская армия эпохи Ранней Империи / Я. Ле Боэк. — М.: РОССПЭН, 2001. — 399 с.
- Мартемьянов А. П.* Аграрные отношения в Нижней Мезии и Фракии в первых веках н. э. / А. П. Мартемьянов // ВДИ. — 1994. — № 2. — С. 124–142.
- Мартемьянов А. П.* Общинные отношения в селах Нижней Мезии и Фракии в первых веках нашей эры / А. П. Мартемьянов. — Харьков: ХНУ имени В. Н. Каразина, 2012. — 224 с.
- Мартемьянов А.* Ветераны римской армии — магистраты и жрецы в Нижней Мезии / А. Мартемьянов // Res Historica. — 2014. — Nr. 38. — С. 11–33.
- Махлаюк А. В.* Армия Римской империи. Очерки традиций и ментальности / А. В. Махлаюк. — Нижний Новгород: Изд-во Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского, 2000. — 235 с.
- Махлаюк А. В.* Солдаты Римской империи. Традиции военной службы и воинская ментальность / А. В. Махлаюк. — СПб.: Филологический факультет СПбГУ; Издательство «Акра», 2006. — 440 с.
- Петрушева З.* Ветераните през късната античност / З. Петрушева // Минало. — 2004. — № 3. — С. 18–29.
- Ростовцев М. И.* Эвокаты / М. И. Ростовцев // ЭСБЕ. — 1904. — Т. 40. — С. 134–135.
- Слокоска Л.* Никополис ад Иструм (Nicopolis ad Istrum) / Л. Слокоска, П. Владкова, И. Цървов, Ст. Бояджиев, Р. Иванов // Римски и ранновизантийски градове в България / Под съст. и ред. на Р. Иванов. — София: ИВРАЙ, 2002. — С. 83–104.

- Тачева М.* Власт и социум в римска Мизия и Тракия. — София, 2000. — 263 с.
- Федорова Е. В.* Латинская эпитафия / Е. В. Федорова. — М.: Издательство Московского университета, 1969. — 373 с.
- Ферјанчић С.* Насељавање легијских ветерана у балканским провинцијама: I—III век наше ере / С. Ферјанчић. — Београд: САНУ, Балканолошки институт, 2002. — 380 с.
- Alston R.* Soldier and Society in Roman Egypt: A social history / R. Alston. — L.; N. Y.: Routledge, 1995. — 272 p.
- Aparaschivei D.* Municipiul Troesmis. Instituții și elite / D. Aparaschivei // Peuce (S. N.). — 2005–2006. — Т. 3–4. — P. 189–208.
- Aparaschivei D.* Orașele romane de la Dunărea Inferioară (secolele I—III p. Chr.) / D. Aparaschivei. — Iași: Editura Universității «Al. I. Cuza», 2010. — 390 p.
- Aparaschivei D.* Some remarks concerning the rural *vici* and their administration in Moesia Inferior Province / D. Aparaschivei // Ad finem Imperii Romani. Studies in honour of Coriolan H. Opreanu / Ed. S. Cociș, V.-A. Lăzărescu, M. Gui, D.-A. Deac. — Cluj-Napoca: MEGA Publishing House, 2015. — P. 27–43.
- Aricescu A.* Armata în Dobrogea Romană / A. Aricescu. — București, 1977. — 312 p.
- Arnold W. T.* The Roman System of Provincial Administration to the Accession of Constantine the Great / W. T. Arnold. — Oxford: B. H. Blackwell, 1906. — 288 p.
- Bărbulescu M.* Viața rurală în Dobrogea romană (sec. I—III p. Chr.) / M. Bărbulescu. — Constanța: Muzeul de Istorie națională și Arheologie, 2001. — 380 p.
- Bărbulescu-Munteanu M., Rădulescu A.* Descoperiri epigrafice recente / M. Bărbulescu-Munteanu, A. Rădulescu // Pontica. — 1981. — Т. 14. — P. 159–170.
- Bărbulescu-Munteanu M., Rădulescu A.* Colonia Ulpia Zermizegetusa pe o inscripție din Dobrogea / M. Bărbulescu-Munteanu, A. Rădulescu // Pontica. — 1982. — Т. 15. — P. 153–159.
- Barnea A.* Contributions épigraphiques à l'histoire de la ville de Noviodunum / A. Barnea // Dacia (N. S.). — 1975. — Т. 19. — P. 255–261.

- Birley E.* Marcus Cocceius Firmus: An Epigraphic Study / E. Birley // Proceedings of the Society of Antiquaries of Scotland. — 1935–1936. — Vol. 70. — P. 363–377.
- Birley E.* Some Legionary Centurions / E. Birley // ZPE. — 1989. — Bd. 79. — P. 114–128.
- Boyanov I.* Oescus — from castra to colonia / I. Boyanov // Archaeologia Bulgarica. — 2008. — № 3. — P. 69–76.
- Boyanov I.* Veterans and Society in Lower Moesia and Thrace during the Principate / I. Boyanov // The Lower Danube Roman Limes (1st–6th c. AD) / ed. L. Vagalinski, N. Sharankov, S. Torbatov. — Sofia: NAIM–BAS, 2012. — P. 251–269.
- Brennan P.* AE 1963. 182 (Sacidava): New Readings and Interpretation / P. Brennan // ZPE. — 1979. — Bd. 33. — P. 161–167.
- Cagnat R.* Evocati / R. Cagnat // DA. — 1892. — T. 2. — P. 866–868.
- Cagnat R.* Cours d'épigraphie latine / R. Cagnat. — P.: Albert Fontemoing, 1898. — 505 p.
- Chausa Sáez A.* Veteranos en el África romana / A. Chausa Sáez. — Barcelona: Universitat de Barcelona, 1997. — 186 p.
- Cheesman G. L.* The Auxilia of the Roman Imperial Army / G. L. Cheesman. — Oxford: The Clarendon Press, 1914. — 192 p.
- Chiriac C., Dana D., Matei-Popescu F.* Un vétéran d'un *numerus* dans une épitaphe latine tardoantique de Tomis / C. Chiriac, D. Dana, F. Matei-Popescu // Pontica. — 2014. — T. 47. — P. 439–450.
- Conrad S.* Die Grabstelen aus Moesia inferior. Untersuchungen zu Chronologie, Typologie und Ikonographie. — Leipzig: Casa Libri, 2004. — 280 S.
- Dobson B.* The Significance of the Centurion and 'Primpilaris' in the Roman Army and Administration / B. Dobson // ANRW. — II. Prinzipat. — 1974. — Bd. 1. — P. 392–434.
- Doruțiu-Boilă E.* Troesmis / E. Doruțiu-Boilă // ISM. — Vol. V. — București, 1980. — P. 154–159.
- Duch M.* Economic Role of the Roman Army in the Province of Lower Moesia (Moesia Inferior) / M. Duch. — Gniezno, 2017. — 284 p.
- Durry M.* Praetoriae cohortes / M. Durry // RE. — 1954. — Hlbd. 44 — Sp. 1607–1634.

- Eck W.* Der Kaiser als Herr des Heeres. Militärdiplome und kaiserliche Reichsregierung / W. Eck // Documenting the Roman Army: essays in honour of Margaret Roxan / ed. J. J. Wilkes. — L., 2003. — S. 55–87.
- Eck W., Mugnai N.* A New Military Diploma for the Troops of Moesia inferior (19 January 136) / W. Eck, N. Mugnai // ZPE. — 2016. — Bd. 198. — P. 218–222.
- Eck W., Pangerl A.* Ein weiteres Diplom aus einer Konstitution für die Truppen von Moesia inferior vom 14. August 99 n. Chr. / W. Eck, A. Pangerl // ZPE. — 2012. — Bd. 180. — S. 295–301.
- Eck W., Pangerl A.* Eine Konstitution für das Heer von Moesia inferior vom 1. Juni 125 in fünf Diplomen / W. Eck, A. Pangerl // ZPE. — 2014. — Bd. 188. — S. 245–249.
- Eck W., Pangerl A.* Neue Diplome für die Truppen von Moesia superior und inferior / W. Eck, A. Pangerl // ZPE. — 2014. — Bd. 192. — S. 215–237.
- Fiebiger.* Evocati / Fiebiger // RE. — 1907. — Hlbd. 11. — Sp. 1145–1152.
- Freis H.* Urbanae cohortes / H. Freis // RE. — 1965. — Suppl. 10. — Sp. 1125–1140.
- Frier B. W.* Demography / B. W. Frier // The Cambridge Ancient History. — 2nd ed. — Vol. 11: The High Empire, AD 70–192 / ed. A. K. Bowman, P. Garnsey, D. Rathbone. — Cambridge: Cambridge University Press, 2008. — P. 787–816.
- Gamberale L.* A proposito di due carmi epigrafici di Noviodunum (Inscr. Scyth. min. V 281; AE 1977, 762 e 1984, 793) / L. Gamberale // ZPE. — 1989. — Bd. 77. — P. 43–54.
- Groag L.* Minicius Natalis Quadronius Verus / Groag // RE. — 1932. — Hlbd. 30. — Sp. 1836–1842.
- Hassall M.* The army / M. Hassall // The Cambridge Ancient History. — 2nd ed. — Vol. 11: The High Empire, A.D. 70–192 / ed. A. K. Bowman, P. Garnsey, D. Rathbone. — Cambridge: Cambridge University Press, 2008. — P. 320–343.
- Holder P.* Auxiliary deployment in the reign of Hadrian / P. Holder // Documenting the Roman Army: essays in honour of Margaret Roxan / ed. J. J. Wilkes. — L., 2003. — P. 101–145.
- Keppie L.* Colonisation and veteran settlement in Italy in the first century AD / L. Keppie // Keppie L. Legions and veterans: Roman army papers 1971–2000. — Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2000. — P. 263–300.

- Keppie L. The army and the navy / L. Keppie // The Cambridge Ancient History. — 2nd ed. — Vol. X: The Augustan Empire, 43 B. C. — AD 69 / ed. A. K. Bowman, E. Champlin, A. Lintott. — Cambridge: Cambridge University Press, 2008. — P. 371–396.
- Keppie L., Walker J. J. Auchendavy Roman Fort and Settlement / L. J. F. Keppie, J. J. Walker // Britannia. — 1985. — Vol. 16. — P. 29–35.
- Królczyk K. *Tituli veteranorum*. Veteraneninschriften aus den Donauprovinzen des Römischen Reiches (1.–3. Jh. n. Chr.) / K. Królczyk. — Poznań: Wydawnictwo CONTACT, 2005. — 218 S.
- Królczyk K. Veteranen in den Donauprovinzen des Römischen Reiches (I.—III. Jh. n. Chr.) / K. Królczyk. — Poznań: Wydawnictwo Poznańskie, 2009. — 240 S.
- Królczyk K. Weterani w prowincjach naddunajskich w okresie wczesnego Cesarstwa Rzymskiego (I—III w. n. e.) / K. Królczyk. — Oświęcim: Napoleon V, 2017. — 268 s.
- Liddell H.G., Scott R. Greek-English Lexicon / H.G. Liddell, R. Scott. 9 edition. — Oxford: Clarendon Press, 1996. — 2042 p.
- MacMullen R. How Big was the Roman Imperial Army? / R. MacMullen // Klio. — 1980. — 62. 2. — P. 451–460.
- Mann J. C. Legionary Recruitment and Veteran Settlement during the Principate / ed. M. M. Roxan / J. C. Mann. — L.: The Institute of Archaeology, 1983. — 184 p.
- Mann J. C. *Honesta Missio* from the Legions / J. C. Mann / Kaiser, Heer und Gesellschaft in der Römischen Kaiserzeit. Gedenkschrift für Eric Birley / Hg. G. Alföldy, B. Dobson, W. Eck. — Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2000. — P. 153–161.
- Matei-Popescu F. Note epigrafice (II) / F. Matei-Popescu // SCIVA. — 2008–2009. — T. 59–60. — P. 241–245.
- Matei-Popescu F. The Roman Army in Moesia Inferior / F. Matei-Popescu. — Bucharest: Conphys Publishing House, 2010. — 325 p.
- Matei-Popescu F. The Roman Auxiliary Units of Moesia / F. Matei-Popescu // Il Mar Nero. Annali di archeologia e storia. — 2010/2011. — [Vol.] VIII. — P. 207–230.
- Matei-Popescu F. Note epigrafice (V) / F. Matei-Popescu // SCIVA. — 2014. — T. 65. — Nr. 3–4. — P. 337–345.

- Matei-Popescu F., Falileyev A.* Notă asupra ISM V 115 // *Tyragetia* (S.N.). — 2007. — Vol. I. — Nr. 1. — P. 323–326.
- Mihailescu-Bîrliba L.* L'inscription de T. Iulius Saturninus à Dierna et l'affermage du *publicum portorii Illyrici* / L. Mihailescu-Bîrliba // SAA. — 2010. — [No.] 16. — P. 145–152.
- Mihailescu-Bîrliba L.* La mortalité des légionnaires en Mésie Inférieure / L. Mihailescu-Bîrliba // SAA. — 2014. — № 20. — P. 171–183.
- Mihailescu-Bîrliba L., Piftor V.* Les vétérans membres de l'élite civile en Dobraoudja romaine / L. Mihailescu-Bîrliba, V. Piftor // *Peuce* (S. N.). — 2005–2006. — T. 3–4. — P. 209–216.
- Minkova M.* The Personal Names of the Latin Inscriptions in Bulgaria / M. Minkova. — Frankfurt am Main e. a.: Peter Lang, 2000. — 345 p.
- Mor M.* The Second Jewish Revolt. The Bar Kokhba War, 132–136 CE / M. Mor. — Leiden; Boston: Brill, 2016. — 594 p.
- Mrozewicz L.* *Res municipalis* w Mezji Dolnej / L. Mrozewicz // *Acta Universitatis Wratislaviensis*. — 1979. — No. 449. — S. 139–146.
- Mrozewicz L.* Munizipalaristokratie in Moesia Inferior / L. Mrozewicz // *Eos*. — 1982. — T. 70. — Fasc. 1. — S. 299–318.
- Mrozewicz L.* Rozwój ustroju municypalnego a postępy romanizacji w Mezji Dolnej / L. Mrozewicz. — Poznań, 1982. — 135 s.
- Mrozewicz L.* Victoria Aug(usta) Panthea Sanctissima / L. Mrozewicz // *ZPE*. — 1984. — Bd. 57. — S. 181–184.
- Mrozewicz L.* Arystokracja municypalna w rzymskich prowincjach nad Renem i Dunajem w okresie Wczesnego Cesarstwa / L. Mrozewicz. — Poznań: Wydawnictwo naukowe UAM, 1989. — 321 s.
- Mrozewicz L.* Die Veteranen in den Munizipalräten an Rhein und Donau zur Hohen Kaiserzeit (I.—III. Jh.) / L. Mrozewicz // *Eos*. — 1989. — T. 77. — Fasc. 1. — S. 65–81.
- Mrozewicz L.* Legioniści mezyjscy w I wieku po Chrystusie / L. Mrozewicz. — Poznań: Wydawnictwo VIS, 1995. — 196 s.
- Neumann A.* Veterani / A. Neumann // *RE*. — 1962. — Suppl. 9. — Sp. 1597–1609.
- Parker H.* The Roman Legions / H. Parker. — Oxford: The Clarendon Press, 1928. — 292 p.
- Rankov B.* The Praetorian Guard / B. Rankov. — L.: Reed International Books, 1994. — 64 p.

- Reddé M.* Mare Nostrum. Les infrastructures, le dispositif et l'histoire de la marine militaire sous l'Empire romain / M. Reddé. — Rome: Ecole française de Rome, 1986. — 737 p.
- Ritterling E.* Legio. Bestand, Verteilung und kriegerische Betätigung der Legionen des stehenden Heeres von Augustus bis Diocletian / E. Ritterling // RE. — 1924–1925. — Bd. 12. — Sp. 1211–1829.
- Ruscu L.* On the Elites of Nicopolis ad Istrum // *Archaeologia Bulgarica*. — 2007. — XI. 2. — P. 1–8.
- Sandys J. E.* Latin Epigraphy. An Introduction to the Study of Latin Inscriptions / J. E. Sandys. — Cambr.: University Press, 1919. — 324 p.
- Sänger P.* Römische Veteranen in Ägypten (1.–3. Jh. n. Chr.): Ihre Siedlungsräume und sozio-ökonomische Situation / P. Sänger // *Zwischen Region und Reich. Das Gebiet der oberen Donau im Imperium Romanum* / Hrsg. P. Herz, P. Schmid, O. Stoll. — B.: Frank & Timme, 2010. — S. 121–133.
- Sarnowski T.* Die ritterlichen Tribunen der *legio Italica* / T. Sarnowski // *Prosopographica* / ed. L. Mrozewicz, K. Iłski. — Poznań, 1993. — P. 63–80.
- Scheidel W.* Measuring Sex, Age and Death in the Roman Empire: Explorations in Ancient Demography / W. Scheidel. — Ann Arbor, 1996. — 184 p.
- Scheidel W.* Marriage, Families, and Survival: Demographic Aspects / W. Scheidel // *A Companion to the Roman Army* / ed. P. Erdkamp. — Malden; Oxford: Blackwell Publishing, 2007. — P. 417–434.
- Scorpan C.* Sacidava și unele probleme stratigrafice și cronologice ale limesului și Dobrogei Romane. (Secolul V e. n. în arheologia dobrogeană) / C. Scorpan // *Pontica*. — 1972. — T. 5. — P. 301–327.
- Sharankov N.* Three Roman Documents on Bronze / N. Sharankov // *Archaeologia Bulgarica*. — 2009. — XIII. — Nr. 2. — P. 53–72.
- Starr Ch. G.* The Roman Imperial Navy 31 BC — AD 324 / Ch. G. Starr. — Ithaca, NY: Cornell University Press, 1941. — 228 p.
- Stoian J.* O inscripție inedită din Histria. Plângerile țăranilor băștinași de pe teritoriul histrian împotriva apăsării Romane / J. Stoian // *SCIVA*. — 1951. — Nr. 2. — P. 137–157.
- Stoian J.* De nouveau sur la plainte des paysans du territoire d'Histria / J. Stoian // *Dacia. Nouvelle série*. — 1959. — [T.] 3. — P. 369–390.
- Stoll O.* Ehrenwert und Alt. Veteranen der Römischen Kaiserzeit im Nahen Osten / O. Stoll // *Salutationes — Beiträge zur Alten Geschichte und ihrer Diskussion. Festschrift für Peter Herz zum 65. Geburtstag* / Hrsg. B. Edelmann-Singer, H. Konen. — B.: Frank & Timme, 2013. — S. 313–340.

- Stoll O.* Ehrenwerte Männer: Veteranen im römischen Nahen Osten der Kaiserzeit. Eine Studie zur Wirtschafts-, Sozial- und Kulturgeschichte der nahöstlichen Provinzen anhand papyrologischer und epigraphischer Zeugnisse / O. Stoll. — B.: Frank & Timme, 2015. — 350 S.
- Suceveanu A.* Două inscripții inedite de la Histria / A. Suceveanu // Pontica. — 1998. — T. 31. — P. 109–117.
- Thomasson B. E.* Laterculi praesidum / B. E. Thomasson. — Göteborg: Bokförlaget Radius, 2009. — Vol. 1. — 175 p.
- Todisco E.* I veterani in Italia in età imperiale / E. Todisco. — Bari: Edipuglia, 1999. — 319 p.
- Tsirkin Ju. B.* The veterans and the romanization of Spain / Ju. B. Tsirkin // Gerión. Revista de Historia Antigua. — 1989. — Vol. 7. — P. 137–147.
- Van Lommel K.* The Recognition of Roman Soldiers' Mental Impairment / K. van Lommel // Acta Classica. Proceedings of the Classical Association of South Africa. — 2013. — Vol. 56. — P. 155–184.
- Van Lommel K.* The Terminology of the Medical Discharge and an Identity Shift among the Roman Disabled Veterans / K. van Lommel // The Ancient History Bulletin. — 2013. — Vol. 27. — P. 65–74.
- Van Lommel K.* Heroes and Outcasts: Ambiguous Attitudes towards Impaired and Disfigured Roman Veterans / K. van Lommel // Classical World. — 2015. — Vol. 109. — No. 1. — P. 91–117.
- Velkov V.* Eine neue Inschrift über Laberius Maximus und ihre Bedeutung für die ältere Geschichte der Provinz Moesia Inferior / V. Velkov // Epigraphica. Rivista italiana di epigrafia. — 1965 (pubbl. nel 1966). — 27. — S. 90–109.
- Vulpe R.* Canabenses și Troesenses Două inscripții inedite din Troesmis / R. Vulpe // SCIVA. — 1953. — Nr. 3–4. — P. 557–582.
- Vulpe R., Barnea I.* Romanii la Dunărea de Jos / R. Vulpe, I. Barnea. — București: Editura Academiei RSR, 1968. — 591 p.
- Webster G.* The Roman Imperial Army of the First and Second Centuries AD (Third Edition) / G. Webster. — Norman: University of Oklahoma Press, 1998. — 343 p.
- Wesch-Klein G.* Soziale Aspekte des römischen Heerwesens in der Kaiserzeit / G. Wesch-Klein. — Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 1998. — 257 S.

- Wesch-Klein G.* Recruits and Veterans / G. Wesch-Klein // A Companion to the Roman Army / ed. P. Erdkamp. — Malden; Oxford: Blackwell Publishing, 2007. — P. 435–450.
- Wierschowski L.* Heer und Wirtschaft. Das römische Heer der Prinzipatszeit als Wirtschaftsfaktor / L. Wierschowski. — Bonn: Dr. Rudolf Habelt, 1984. — 345 S.
- Wolff H.* Die Entwicklung der Veteranenprivilegien vom Beginn des 1. Jahrhunderts v. Chr. bis auf Konstantin d. Gr. / H. Wolff // Heer und Integrationspolitik. Die römischen Militärdiplome als historische Quelle / Hrsg. W. Eck, H. Wolff. — Köln; Wien: Böhlau Verlag, 1986. — S. 44–115.
- Żyromski M.* Dowódcy floty mezyjskiej w okresie pryncypatu / M. Żyromski // Studia Moesiaca / ed. L. Mrozewicz, K. Ilski. — Poznań, 1994. — S. 117–128.

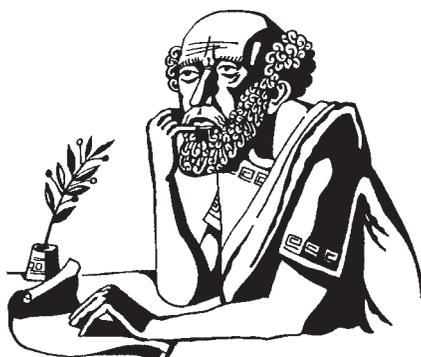
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

List of abbreviations

ВДИ	—	Вестник древней истории. Москва
ГСУ	—	Годишник на Софийския университет. София
ЭСБЕ	—	Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. Санкт-Петербург
AE	—	L'Année épigraphique. Paris
ANRW	—	Aufstieg und Niedergang der römischen Welt. Berlin; New York, 1972–
CIL	—	Corpus inscriptionum Latinarum. Berlin
DA	—	Dictionnaire des antiquités grecques et romaines d'après les textes et les monuments / Ch. Daramberg, E. Saglio, E. Pottier, G. Lafaye. Paris
IDR	—	Inscripțiile Daciei Romane. București
IGBR	—	Inscriptiones Graecae in Bulgaria repertae. Sofia
IGRR	—	Inscriptiones Graecae ad res Romanas pertinentes. Paris
ILBR	—	Gerov B. Inscriptiones Latinae in Bulgaria repertae. Sofia
ILN	—	Inscriptions latines de Novae. Poznań
ISM	—	Inscripțiile din Scythia Minor grecești și latine. București
PIR ²	—	Prosopographia Imperii Romani. Saec. I. II. III. Editio altera. Berlin
RE	—	Paulys Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft. Stuttgart ; München
SAA	—	Studia Antiqua et Archaeologica. Iași
SCIVA	—	Studii și cercetări de istorie veche și arheologie. București
ZPE	—	Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik. Bonn

**АЛЕКСЕЙ ПАВЛОВИЧ МАРТЕМЬЯНОВ:
БИОБИБЛИОГРАФИЯ, ВОСПОМИНАНИЯ, ИНТЕРВЬЮ**

Алексей Павлович МАРТЕМЬЯНОВ

(1956–2019)

Алексей Павлович Мартемьянов родился 8 апреля 1956 г. в Харькове в семье преподавателей филологического факультета Харьковского государственного университета им. А. М. Горького. Его родители — Павел Иванович Мартемьянов и Валерия Алексеевна Чиркова — пользовались необычайным уважением и любовью коллег и студентов. Взросление и воспитание Алексея проходило в среде университетских интеллектуалов-гуманитариев.

В 1973 г. А. П. Мартемьянов закончил школу № 45, которая и сегодня остается одним из лидеров среднего образования в Харькове. На исторический факультет Харьковского университета, который в то время славился своими высокими конкурсами абитуриентов, Алексей Павлович поступил с первого раза.

В студенческие годы (1973–1978) у А. П. Мартемьянова окончательно оформился интерес к античным древностям. Научным руководителем его студенческих научных изысканий стала доцент Валерия Александровна Латышева (1934–2002). Постепенно сотрудничество преподавателя и студента переросло в многолетнюю дружбу. До конца жизни А. П. Мартемьянов считал Валерию Александровну своим главным учителем, хранил теплые чувства признательности. Под ее руководством в 1978 г. он успешно защитил дипломную работу «Терракоты Западного Крыма, как исторический источник». Неслучайно в своем дальнейшем научном творчестве А. П. Мартемьянов очень квалифицированно использовал, интерпретировал археологические артефакты, очень внимательно относился к вещественным источникам в целом. На протяжении многих лет А. П. Мартемьянов был активным, деятельным участником археологической экспедиции, которая под руководством В. А. Латышевой проводила раскопки античных памятников в Юго-Западном Крыму.

После окончания университета в 1978 г. А. П. Мартемьянов преподавал историю в средней школе № 73. В 1980–1981 гг. работал руководителем историко-археологических кружков Дома пионеров Московского района г. Харькова, а с 1981 по 1987 г. — старшим лаборантом на кафедре научного коммунизма Харьковского авиационного института имени Н. Е. Жуковского. С 1987 г. А. П. Мартемьянов — преподаватель кафедры истории СССР ХГУ, где вел общие и специальные курсы по истории России эпохи феодализма.

В 1986–1990 гг. учился в заочной аспирантуре на кафедре истории древнего мира и средних веков Харьковского государственного университета имени А. М. Горького. В 1990 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему: «Сельское хозяйство и аграрные отношения в Нижней Мезии и Фракии в первых веках н. э.» (научный руководитель — проф. В. И. Кадеев).

Известность и признание, любовь и уважение студентов и коллег пришли к Алексею Павловичу в годы работы на кафедре истории древнего мира и средних веков. С 1992 г. А. П. Мартемьянов работал здесь в должности доцента, читал общий курс истории Греции и Рима на заочном отделении, специальные курсы «Источниковедение истории древнего мира», «Эволюция рабовладельческих отношений в Древнем Риме», «Повседневная жизнь в античном мире», «История античной культуры», «Актуальные проблемы современного антиковедения», «Античное наследие в культуре последующих эпох». Его признательными и благодарными слушателями были студенты исторического факультета и классического отделения филологического факультета ХНУ имени В. Н. Каразина, а также историки-музееведы и культурологи Харьковской государственной академии культуры. На рубеже веков А. П. Мартемьянов успешно преподавал курс античной истории для студентов Соломонова университета. И здесь его работа получила самую высокую оценку.

А. П. Мартемьянов оставил глубокий след и серьезное научное наследие в изучении истории балканских провинций Римской империи. Среди основных направлений его научных интересов: римское общество эпохи Принципата; положение ветеранов армии в Римской империи; история фракийских земель в первые века нашей эры; рецепция

достижений древности в культуре следующих эпох. А. П. Мартемьянов — автор около 100 научных, научно-популярных и учебно-методических трудов, опубликованных в периодических изданиях Украины, России, Болгарии, Польши. Он неоднократно выступал с докладами на международных научных конференциях в нашей стране и далеко за ее пределами. А. П. Мартемьянов тесно сотрудничал с ведущими антиковедами стран Европы. Одним из проявлений такого сотрудничества стал организованный по его инициативе Международный симпозиум «Фракийские земли и Северное Причерноморье» (Харьков, 7–8.04.2011). Этот научный форум собрал признанных специалистов ведущих научных центров из Болгарии, Германии, Польши, России, Украины. А. П. Мартемьянов выступил одним из инициаторов проведения научных чтений LAUREA памяти профессора В. И. Кадеева (2015, 2017). Фундаментальные, выверенные до буквы научные статьи, монография значительно пополнили фонд отечественного антиковедения, они служат образцом научного творчества.

Как преподаватель исторического факультета ХНУ, А. П. Мартемьянов проходил научные стажировки в Международном центре болгаристики (София, 1990), университете «Св.Св. Кирил и Мефодий» (Велико Тырново 1993, 1995, 1999, 2004), Московском государственном университете имени М. В. Ломоносова (2000), Институте всеобщей истории Российской академии наук (Москва, 2006); принимал участие в работе польско-украинского научно-практичного семинара «Высшее историческое образование в Польше» (Варшава, 2001). Алексей Павлович — автор более 90 научных и научно-методических публикаций, а также более 40 докладов на научных конференциях в Украине и за ее пределами. В 2006 г. А. П. Мартемьянов в соавторстве с С. В. Дьячковым написал учебник для средней школы «Історія стародавнього світу. Давня історія українських земель» (6 класс). В 2012 г. была опубликована его монография «Общинные отношения в селах Нижней Мезии и Фракии в первых веках нашей эры», которая получила высокую оценку в научных кругах. Был сделан хороший задел для защиты докторской диссертации.

С 1995 г. А. П. Мартемьянов — ученый секретарь и член Правления Харьковского областного историко-археологического общества (ХИАО). При его активном участии ХИАО провело одиннадцать Международных

конференций «Проблемы истории и археологии Украины», хорошо известных среди историков и археологов нашей страны. С первых дней существования журнала «Древности» А. П. Мартемьянов активный член редакционной коллегии и автор журнала. В 2003–2007 гг. — ответственный секретарь Вестника Харьковского национального университета, серия «История» (выпуски 35–39).

Жизненный путь прервался недопустимо рано. Алексей Павлович был полон творческих планов, он ушел из жизни 4 мая 2019 года.

Природная порядочность, непоколебимая принципиальность экзаменатора, профессионализм ученого и педагога, человечность и душевность дорогого нашего товарища Алексея Павловича Мартемьянова навсегда останутся в наших сердцах.

С. В. Дьячков, А. Н. Токарев

А. П. Мартемьянов: библиография

1985

1. Аграрные отношения во фракийских землях в I—V вв. н. э. // Народ-но-демократические революции и развитие славянских стран по пути социализма : тез. докл. и сообщ. X Всесоюз. науч. конф. историков-славистов. Харьков, 1985. — С. 147–148.

1986

2. Римская вилла на территории Фракии и Нижней Мезии // Вестн. древ. истории. — 1986. — № 2. — С. 162–174.

1987

3. Ветераны римской армии в Нижней Мезии и Фракии в первых веках н. э. // X авторско-читательская конференция «Вестни ка древней истории» АН СССР : тез. докл. — Москва, 1987. — С. 133.
4. Хранение продуктов полеводства в Нижней Мезии и Фракии в первых веках н. э. // Актуальные проблемы историко-археологических исследований : тез. докл. VI Респ. конф. молодых археологов. — Киев, 1987. — С. 109–110.

1988

5. К вопросу о романизации сельского населения фракийских земель и Северного Причерноморья в первых веках н. э. // Дриновские чтения : тез. докл. и сообщ. обл. науч.-практ. конф. — Харьков, 1988. — С. 61–62.

1989

6. О роли земледелия в экономике фракийских земель в античную эпоху // Вестн. Харьков. ун-та. — 1989. — № 343 : История. — Вып. 23. — С. 65–70.

7. Полеводство в Нижней Мезии и Фракии в первых веках н. э. // Проблемы исследований античных городов. — Москва, 1989. — С. 73–75.

1990

8. О ветеранах римской армии в Нижней Мезии и Фракии в первых веках н. э. / В. И. Кадеев, А. П. Мартемьянов // Античный мир и археология : межвуз. науч. сб. — Саратов, 1990. — Вып. 7. — С. 77–86.
9. Сельское хозяйство и аграрные отношения в Нижней Мезии и Фракии в первых веках н. э. : автореф. дисс. ... канд. ист. наук. — Харьков, 1990. — 24 с.

1991

10. История и культура Фракии и Мезии античной эпохи в советской литературе / В. И. Кадеев, А. П. Мартемьянов // Болгаристика в системе общественных наук : тез. II Всесоюз. конф. по болгаристике. — Харьков, 1991. — С. 20–21.
11. К вопросу о роли рабовладельческого уклада в экономике фракийских земель в первых веках н. э. // Там же. — С. 23–24.

1992

12. Методика преподавания истории древнего мира и средних веков в общеобразовательной школе. Программа спецкурса / С. В. Дьячков, А. П. Мартемьянов. — Харьков : ХГУ, 1992. — 9 с.
13. Образование и развитие Российского многонационального централизованного государства (XIV — начало XVIII в.) : метод. указания к семинар. занятиям / В. М. Духопельников, Т. Л. Степаненко, В. В. Тимофеев, А. П. Мартемьянов. — Харьков: ХГУ, 1992. — 20 с.
14. Фракийская аристократия восточнобалканских провинций Рима в первых веках н. э. // История и археология Слободской Украины : тез. докл. и сообщ. Всеукр. конф., посвящ. 90-летию XII Археологического съезда. — Харьков, 1992. — С. 151–152.

1993

15. О рабовладельческих отношениях в Нижней Мезии и Фракии в первых веках н. э. // Социальные структуры и социальная психология античного мира : докл. конф. Росс. ассоц. антиковедов. — Москва, 1993. — С. 151–157.

16. Скотоводство в Нижней Мезии и Фракии в первых веках н. э. // Вестн. Харьков. ун-та. — 1993. — № 374 : История. — Вып. 27. — С. 24–30.

1994

17. Аграрные отношения в Нижней Мезии и Фракии в первых веках н. э. // Вестн. древ. ист. — 1994. — № 2. — С. 124–142.
18. Выходцы из Северного Причерноморья в Нижней Мезии и Фракии в I–III вв. н. э. // Вестн. Харьков. ун-та. — 1994. — № 385 : История. — Вып. 28. — С. 49–56.
19. Історія стародавнього світу. Програма курсу для студентів заочної форми навчання історичного факультету / С. В. Д'ячков, О. П. Мартем'янов. — Харків : ХДУ, 1994. — 16 с.
20. Проблемы аграрного развития Нижней Мезии и Фракии в болгарском антиковедении // Болгарский ежегодник. — Харьков, 1994. — Т. 1. — С. 135–150.
21. Сельская община во Фракии и Нижней Мезии в первых веках н. э. (По данным эпиграфики) // III Дриновские чтения. Проблемы источниковедения, историографии, истории и культуры Болгарии, истории болгаристики : тез. докл. — Харьков, 1994. — С. 21–22.

1995

22. Заснування Харківського історико-археологічного товариства // Укр. іст. журн. — 1995. — № 4. — С. 150–151.
23. Из истории земледелия Нижней Мезии и Фракии в первых веках н. э. // Росс. археология. — 1995. — № 1. — С. 47–56.
24. К вопросу о месте формационного и цивилизационного анализа в современном антиковедении : тез. доклада на конф. Росс. ассоц. антиковедов «Формации и цивилизации» // Вестн. древ. ист. — 1995. — № 3. — С. 247–248.
25. О рабочем персонале восточнобалканского доминия римских императоров в I–III вв. н. э. // Проблемы археологии, древней и средневековой истории Украины : тез. докл. — Харьков, 1995. — С. 69–71.

1996

26. Ветераны римской армии в Нижней Мезии и Фракии в первых веках н. э. // Аналі : списание за история, класическа култура

- и изкуствовзнание / В. И. Кадеев, А. П. Мартемьянов. — София, 1996. — Бр. 1–4. — С. 75–89.
27. Владимир Иванович Кадеев — профессор Харьковского университета : библиогр. указ. / А. П. Мартемьянов, С. В. Дьячков. — Харьков : Изд-во Харьков. ун-та, 1996. — 32 с.
28. Межреспубликанская научная конференция «Проблемы археологии, древней и средневековой истории Украины», Харьков, 1–3 марта 1995 г. / С И. Берестнев, С. Б. Сорочан, А. П. Мартемьянов // Росс. археология. — 1996. — № 4. С. 215–219.
29. Межреспубликанская научная конференция «Проблемы археологии, древней и средневековой истории Украины», посвященная образованию Харьковского историко-археологического общества, Харьков, 1–3 марта 1995 г. // Вестн. древ. ист. — 1996. — № 3. — С. 205–207.

1997

30. Императорские земли в Нижней Мезии и Фракии: локализация, управляющий и рабочий персонал // Античный мир. Византия. К 70-летию профессора В. И. Кадеева : сб. науч. тр. — Харьков, 1997. — С. 123–129.
31. Социальные отношения в аграрном секторе экономики фракийских земель в первых веках н. э. // Проблемы истории и археологии Украины. К 140-летию со дня рождения академика Д. И. Багаля : тез. докл. науч. конф. — Харьков, 1997. — С. 45–46.

1998

32. Ветераните от римската армия в Долна Мизия и Тракия през първите векове на новата ера / В. И. Кадеев, А. П. Мартемьянов // Военноисторически сборник. — София, 1998. — Кн. 1. — С. 7–17.

1999

33. Ремесло и торговля в сельских районах Нижней Мезии и Фракии в первых веках н. э. // Проблемы истории и археологии Украины : тез. докл. науч. конф. — Харьков, 1999. — С. 40–41.

2000

34. Некоторые итоги и перспективы изучения социальной истории фракийских земель в первых веках н. э. // Антиковедение на рубеже тысячелетий: Междисциплинарные исследования и новые методики

(информатика, подводная археология и создание компьютерной базы данных) : тез. докл. конф. — Москва, 2000. — С. 66–67.

35. Проблемы социального развития римских провинций в первых веках н. э. в современной историографии (По материалам Нижней Мезии и Фракии) // Проблемы историографии всеобщей истории : материалы междунар. науч. семинара. — Белгород, 2000. — С. 9–12.

2001

36. История Древней Греции и Древнего Рима // Историческое образование: Программы общих курсов и методические указания: Для студентов дистанционной формы обучения. — Харьков, 2001. — С. 65–75.
37. К вопросу о роли ремесленного производства в жизни фракийских земель в первых веках н. э. // Вісн. Харків. нац. ун-ту імені В. Н. Каразіна. — 2001. — № 526 : Історія. — Вип. 33. — С. 30–39.
38. Социальная история Нижней Мезии и Фракии в современном болгарском антиковедении // Проблемы истории и археологии Украины : материалы Междунар. науч. конф. — Харьков, 2001. — С. 68–69.

2002

39. Памяти В. А. Латышевой // Вісн. Харків. нац. ун-ту імені В. Н. Каразіна. — 2002. — № 566 : Історія. — Вип. 34. — С. 354–355.

2003

40. К вопросу о количестве сельских вилл римского времени, найденных на территории современной Болгарии // Вісн. Харків. нац. ун-ту імені В. Н. Каразіна. — 2003. — № 594 : Історія. — Вип. 35. — С. 34–44.

2004

41. Античные сюжеты в художественной культуре Болгарии второй половины XX в. / А. П. Мартемьянов, Н. С. Мартемьянова // Проблемы истории и археологии Украины : материалы V Междунар. науч. конф. — Харьков, 2004. — С. 64–65.
42. Время боится пирамид // UNIVERSITATES. Наука и просвещение. — 2004. — № 2. — С. 64–66.
43. Еще раз о сельских виллах Нижней Мезии и Фракии (По поводу книги В. Динчева «Римските вили в днешната българска територия») // Древности 2004: Харьков. ист.-археол. ежегод. — 2004. — С. 296–300.

44. Історія стародавнього світу. Ч 1. Історія стародавнього Сходу: Програма курсу / Н. С. Мартем'янова, О. П. Мартем'янов. — Харків : ХДАК, — 2004. — 14 с.
45. Історія стародавнього світу. Ч. 2. Історія стародавньої Греції та Стародавнього Риму: Програма курсу / Н. С. Мартем'янова, О. П. Мартем'янов. — Харків : ХДАК, 2004. — 18 с.
46. Культурные растения фракийских земель в первых веках н. э. // Вісн. Харків. нац. ун-ту імені В. Н. Каразіна. — 2004. — № 633 : Історія. — Вип. 36. — С. 187–198.
47. Падіння Республіки та встановлення принципату в Стародавньому Римі: Методичні рекомендації / І. П. Сергєєв, О. П. Мартем'янов. — Харків : ХНУ імені В. Н. Каразіна, 2004. — 12 с.
48. Памяти В. А. Латышевой (1934–2002) // Древности 2004: Харьков. ист.-археол. ежегод. — 2004. — С. 308–309.
49. Харківський університет наприкінці ХІХ століття — 1920 рік / В. І. Кадєєв, С. О. Наумов, Г. О. Косінова, О. П. Мартем'янов // Харківський національний університет імені В. Н. Каразіна за 200 років. — Харків : Фоліо, 2004. С. 217–300.

2005

50. Из истории общинной организации населения Фракии и Нижней Мезии в I—III вв. н. э. // Материалы VI Междунар. науч. конф. в честь академиків АН БССР Н. М. Никольского и В. Н. Перцева. — Минск : Изд. центр БГУ, 2005. — С. 89–92.
51. Проблемы истории сельского населения Фракии и Нижней Мезии в первых веках н. э. в российской историографии советского времени // Вісн. Харків. нац. ун-ту імені В. Н. Каразіна. — 2005. — № 701 : Історія. — Вип. 37. — С. 223–234.
52. Сельская община во фракийских землях в первых веках н. э.: Итоги и перспективы изучения // Древности 2005: Харьков. ист.-археол. ежегод. — 2005. — С. 156–164.

2006

53. Історія стародавнього світу. Давня історія українських земель. 6 клас: Підручник для загальноосвітніх навчальних закладів / С. В. Д'ячков, О. П. Мартем'янов. — Харків : Ранок, 2006. — 336 с.

54. К вопросу об изучении истории сельского населения фракийских земель в первых веках н. э.: Проблема источников // Вісн. Харків. нац. ун-ту імені В. Н. Каразіна. — 2006. — № 728 : Історія. — Вип. 38. — С. 114–124.

2007

55. К 80-летию Владимира Ивановича Кадеева / Каф. ист. древ. мира и сред. веков Харьков. нац. ун-та имени В. Н. Каразина ; Отд. древ. ист. Ин-та всеобщей ист. РАН. // Вестн. древ. ист. — 2007. — № 3. — С. 227–228.
56. К 80-летию Владимира Ивановича Кадеева // LAUREA. К 80-летию профессора Владимира Ивановича Кадеева : сб. науч. тр. — Харьков, 2007. — С. 4–10. — Без подписи.
57. К вопросу о романизации сельского населения фракийских земель в первых веках н. э. // Там же. — С. 57–63.
58. О налогах и повинностях крестьянства фракийских земель во II—III вв. н. э. // Вісн. Харків. нац. ун-ту імені В. Н. Каразіна. — 2007. — № 762 : Історія. — Вип. 39. — С. 120–130.
59. Проблемы истории Нижнедунайского лимеса в книге болгарского ученого // Antiquitas aeterna. Поволж. антиковед. журн. — Саратов, 2007. — Вып. 2 : Война, армия и военное дело в античном мире. — С. 390–396.

2008

60. К 80-летию Владимира Ивановича Кадеева / А. А. Масленников, С. В. Дьячков, А. П. Мартемьянов // Росс. археология. — 2008. — № 2. — С. 180–182.
61. Крестьянские прошения первых веков н. э. из фракийских земель, Малой Азии и Северной Африки: опыт сравнительной характеристики // Древности 2006–2008: Харьков. ист.-археол. ежегод. — 2008. — С. 58–66.
62. Положението на селяните в Долна Мизия и Тракия през първите векове от новата ера // Списание на Българската академия на науките. — 2008. — Кн. 4. — С. 20–25.
63. Практические занятия по изучению древних языков и истории древнего мира как элемент профессиональной подготовки студентов

Харьковского университета в конце XIX — начале XX вв. / Н. С. Мартемьянова, А. П. Мартемьянов // Пробл. ист. и археологии Украины. — Харьков, 2008. — С. 67–68.

64. Существовала ли в первых веках н. э. в селах Нижней Мезии и Фракии круговая порука? // Эпохи. — Велико Търново, 2008. — № 3–4. — С. 98–112.

2009

65. Сельское самоуправление во фракийских землях в первых веках н. э. // Древности 2009: Харьков. ист.-археол. ежегод. — 2009. — С. 137–148.

2010

66. Из истории крестьянства фракийских земель в первых веках н. э. // Древности 2010: Харьков. ист.-археол. ежегод. — 2010. — С. 50–57.
67. Общинные отношения в селах Фракии и Нижней Мезии в первых веках нашей эры // Вестн. древ. ист. — 2010. — № 2. — С. 48–70.
68. От редактора // Валерия Александровна Латышева. Маслины — античное поселение в Северо-Западном Крыму: Статьи и воспоминания / сост. А. П. Мартемьянов, А. Н. Токарев ; отв. ред. А. П. Мартемьянов. — Харьков : ХНУ имени В. Н. Каразина, 2010. — С. 5–6.
69. *Carmina*, III, 24: из истории дискуссии об осведомленности Горация в «гетском вопросе» / Н. С. Мартемьянова, А. П. Мартемьянов // Пробл. ист. и археологии Украины. — Харьков, 2010. — С. 58–59.

2011

70. Международный симпозиум «Фракийские земли и Северное Причерноморье в античную эпоху», Харьков, 7–8 апр. 2011 г. // Древности 2011: Харьков. ист.-археол. ежегод. — 2011. — С. 399–404.

2012

71. Владимир Иванович Кадеев — исследователь Херсонеса: Классическая археология Украины / С. В. Дьячков, С. Д. Литовченко, С. И. Посохов, А. П. Мартемьянов. — Харьков : Раритеты Украины, 2012. — 24 с.
72. Історія Стародавнього Сходу: Програма та навчально-методичні матеріали до курсу / Н. С. Мартем'янова, А. П. Мартем'янов. — Харків : ХДАК, 2012. — 34 с.

73. Історія Стародавньої Греції та Стародавнього Риму: Програма та навчально-методичні матеріали до курсу / Н. С. Мартем'янова, А. П. Мартем'янов. — Харків : ХДАК, 2012. — 42 с.
74. Международный симпозиум «Фракийские земли и Северное Причерноморье в античную эпоху», Харьков, 7–8 апр. 2011 г. // Вестн. древ. ист. — 2012. — № 4. — С. 198–201.
75. Международный симпозиум «Фракийские земли и Северное Причерноморье в античную эпоху», Харьков, 7–8 апр. 2011 г. // Дриновський збірник. — Харків ; Софія, 2012. — Т. 5. — С. 481–485.
76. О налогообложении сельского населения Нижней Мезии и Фракии в первых веках нашей эры // Проблемы истории и археологии Украины : материалы VIII междунар. науч. конф. — Харьков, 2012. — С. 55–56.
77. Общинные отношения в селах Нижней Мезии и Фракии в первых веках нашей эры : монография. — Харьков : ХНУ имени В. Н. Каразина, 2012. — 224 с.
78. Carmina, III, 24: Из истории дискуссии об осведомленности Горация в «Гетском вопросе» / А. П. Мартемьянов, Н. С. Мартемьянова // България, българите и Европа — мит, история, съвремие. — Велико Търново, 2012. — Т. 5. — С. 135–140.
79. *Vici et cōmra* первых веков нашей эры на территории фракийских земель (По данным письменных источников) // Древности 2012: Харьков. ист.-археол. ежегод. — 2012. — С. 40–53.

2013

80. Владимир Иванович Кадеев (1927–2012) / Каф. ист. древ. мира и сред. веков Харьков. нац. ун-та имени В. Н. Каразина ; Редкол. и редакц. Вестн. древ. ист. // Вестн. древ. ист. — 2013. — № 3. — С. 236–237.
81. Владимир Иванович Кадеев: вехи жизни и научного творчества / С. В. Дьячков, А. П. Мартемьянов // Древности 2013: Харьков. ист.-археол. ежегод. — 2013. — С. 366–370.
82. Владимир Иванович Кадеев: жизнь и творчество / С. В. Дьячков, А. П. Мартемьянов // Владимир Иванович Кадеев. Воспоминания. — Харьков : НТМТ, 2013. — С. 5–9.

2014

83. Ветераны римской армии — магистраты и жрецы в Нижней Мезии // *Res Historica*. — Люблин, 2014. — Т. 38. — С. 11–33.
84. О налогах и повинностях сельского населения Нижней Мезии и Фракии // *Lanterna nostra*. К юбилею профессора Ии Леонидовны Маяк: сб. ст. / отв. ред. С. Ю. Сапрыкин. — Санкт-Петербург, 2014. — С. 369–376.

2015

85. Практичні заняття й наукова робота студентів з історії античного світу в Харківському університеті на початку ХХ ст. / Н. С. Мартем'янова, Л. М. Воронова, О. П. Мартем'янов // *LAUREA I*. Античний мир и Средние века: Чтения памяти профессора Владимира Ивановича Кадеева: материалы. — Харьков, 2015. — С. 189–193.

2016

86. Об участии ветеранов римской армии в самоуправлении сел Малой Скифии во II в. н. э. // *Проблеми історії та археології України: матеріали Х Міжнар. наук. конф., присвяченої 125-річчю професора К. Е. Гриневича*. — Харків, 2016. — С. 38–39.

2017

87. Владимир Иванович Кадеев и ветераны римской армии» // *LAUREA II*. Античний мир и Средние века: Чтения памяти профессора Владимира Ивановича Кадеева, к 90-летию со дня рождения: материалы. — Харьков, 2017. — С. 42–44.
88. Історія Стародавньої Греції та Стародавнього Риму: навчально-методичний посібник з підготовки студентів до поточного контролю знань / А. М. Токарев, О. П. Мартем'янов. — Харків: ХНУ імені В. Н. Каразіна, 2017. — 72 с.
89. О сельских межевых знаках первых веков нашей эры с территории Нижней Мезии и Фракии // *Древности 2016–2017: Харьков. ист.-археол. ежегод.* — 2017. — С. 44–53.
90. Об участии ветеранов римской армии в местном самоуправлении и религиозной жизни Нижней Мезии // *Вестн. древ. ист.* — 2017. — № 4. — С. 915–933.

91. On the Method of Determination of Level of Social Activity of Veterans in Provinces of the Roman Empire (The Case of Lower Moesia) // *Studia Europaea Gnesnensia*. — 2017. — N 16. — P. 415–429.

2018

92. О степени социальной активности ветеранов римской армии в городах и селах Нижней Мезии // *Jubilaeus VII: Society, Kings, Gods. In memoriam professoris Margaritae Tachevae / Comp. and ed. by D. Boteva-Boyanova, P. Delev, J. Tzvetkova*. — Sofia, 2018. — С. 339–347.

Диссертации, выполненные под руководством А. П. Мартемьянова

93. Нефедов К. Ю. Культ правителя в эпоху раннего еллінізму (323–281 рр. до н. е.) : автореф. дис. ... канд. іст. наук: спец. 07.00.02 / Харків. нац. ун-т. — Харків, 2001. — 20 с.
94. Акімов О. Б. Суспільство римської провінції Дакії у II—III ст. н. е. : структура та соціальні відносини : автореф. дис. ... канд. іст. наук: спец. 07.00.02 / Харків. нац. ун-т. — Харків, 2011. — 20 с.

Литература об А. П. Мартемьянове

95. Мартемьянов Алексей Павлович // *Історичний факультет: від покоління до покоління* / [укл. В. М. Духопельников, С. М. Куделко]; ХНУ імені В. Н. Каразіна. — Харків : Вид-во ХНАДУ, 2004. — С. 133.
96. Мартемьянов Алексей Павлович // *Кафедра истории древнего мира и средних веков Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина. 30 лет* / [авт.-сост. В. И. Кадеев, С. Б. Сорочан]. — Харьков, 2008. — С. 55–60.
97. Мартем'янов Олексій Павлович // *Історики Харківського університету : біобібліографічний довідник (1905–2013 рр.)* / [укл. О. М. Богданина, В. І. Бутенко, С. Б. Глибицька та інш., відп. ред. С. І. Посохов]. — Харків : ХНУ імені В. Н. Каразіна, 2013. — С. 157–159.

98. Мартемьянов Алексей Павлович // Древняя история и античная археология в Харьковском университете / О. А. Ручинская, И. П. Сергеев // Вісн. Харків. нац. ун-ту імені В. Н. Каразіна. — 2015. — № 1145: Історія. — С. 28–41.
99. Мартем'янов Олексій Павлович // Кафедра історії стародавнього світу та середніх віків Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна : бібліографічний покажчик. — Харків, 2018. — С. 77–84.
100. Памяти товарища. Алексей Павлович Мартемьянов (1956–2019) / С. В. Дьячков // Древности 2019 : Харьковский историко-археологический ежегодник. — 2019. — Вып. 17. — С. 54–58.
101. In memoriam. Доцент д-р Алексей Павлович Мартемьянов (08.IV.1956–04.V.2019) / Иван Тодоров // Эпохи. — Велико Търново, 2019. — Т. 27, кн. 2. — С. 489–490.
102. Доцент, д-р Алексей Павлович Мартемьянов (08.IV.1956–04.V.2019) / Иван Тодоров // Дриновський збірник. — Харків ; Софія, 2020. — Т. 13. — С. 268–269.
103. Пам'яті Учителя / Альона Походнякова// Дриновський збірник. — Харків ; Софія, 2020. — Т. 13. — С. 270–273.

Составитель О. А. Ручинская

С. В. Дьячков

Алексей Павлович Мартемьянов: штрихи к портрету

В моем представлении светлый образ друга, коллеги, товарища складывается из многочисленных штрихов, беспорядочно уложенных в памяти.

Один белый, другой серый... Мы с Алексеем Павловичем люди одного поколения, однако заметно отличались друг от друга: характером, темпераментом, происхождением, «средой обитания». Алексея по-доброму можно назвать классическим «рафинированным интеллигентом», детские годы которого прошли в огромной коммунальной квартире, населенной университетской профессорской элитой, преимущественно еврейского этноса. Я вырос в пролетарском окружении работников завода «Серп и Молот». Он после школы сходу поступил в университет, я оказался в университете через рабфак, после службы в армии. Может быть, поэтому нас тянуло друг к другу. Впрочем, паузы в задушевном общении в силу понятных причин бывали довольно значительными.

Родители Алексея — Павел Иванович Мартемьянов и Валерия Алексеевна Чиркова — преподавали на филологическом факультете ХГУ, где пользовались необычайным уважением и любовью коллег и студентов. Взросление Алексея Павловича проходило в среде университетских интеллектуалов. Неудивительно, что на протяжении всей своей жизни Алексей Павлович отличался исключительной грамотностью, безупречным

Дьячков Сергей Владимирович — канд. ист. наук, доцент кафедры истории древнего мира и средних веков ХНУ имени В. Н. Каразина; директор Харьковского университетского лицея.

стилем письменных трудов, бесспорным ораторским талантом и необъятной эрудицией в гуманитарной сфере. А. П. Мартемьянов был очень воспитанным, изысканно вежливым человеком. На меня производило впечатление, когда он, прежде чем войти, обязательно предварительно стучался в любую закрытую дверь.

Как это ни странно, но первоначально нас сблизила не любовь к древней истории, а отношение к Великой Отечественной войне (1941–1945). Наши отцы были фронтовиками и ненавязчиво, но накрепко воспитали правильное и трепетное отношение к этой войне. Так же как и я, Алексей очень гордился отцом-фронтовиком, поэтому мы демонстративно игнорировали нелепые и провокационные запреты последних лет, а также чудовищную трактовку новейшей истории нашей страны и Великой Отечественной войны.

Научная стезя. Путь на кафедру истории древнего мира и средних веков Харьковского университета оказался для Алексея Павловича очень непростым. Он растянулся на долгих 15 лет (см. Биографию). Дело в том, что основатель и многолетний руководитель кафедры профессор В. И. Кадеев комплектовал преподавательский состав преимущественно своими воспитанниками и аспирантами (В. Ф. Мещеряков, И. П. Сергеев, С. Б. Сорочан, С. В. Дьячков, О. А. Ручинская). А вот А. П. Мартемьянов был учеником доцента Валерии Александровны Латышевой (1934–2002), и никогда не скрывал своего пиетета к ней. Написанная под руководством В. А. Латышевой дипломная работа «Терракоты Западного Крыма, как исторический источник» базировалась во многом на материалах раскопок поселения «Маслины» и стала, собственно, первым по-настоящему научным сочинением начинающего специалиста. Однако для В. И. Кадеева эта работа «в зачет» не пошла. К тому же Владимир Иванович очень настороженно относился к «профессорским сынкам», хотя к Алексею Мартемьянову, на мой взгляд, это определение не имело никакого отношения.

Важным этапом в становлении ученого и преподавателя А. П. Мартемьянова стала подготовка и защита кандидатской диссертации «Сельское хозяйство и аграрные отношения в Нижней Мезии и Фракии в первых веках н. э.» (1990). Научным руководителем был проф. В. И. Кадеев, которому В. А. Латышева вполне осознанно «уступила» талантливого ученика. Дело в том, что в 70–90-е годы Владимир Иванович «железной рукой» доводил своих аспирантов до логического финала, т. е. защиты полноценной

научной диссертации. Благодаря его организационным усилиям и авторитету, оппонентами подготовленных его аспирантами диссертаций выступали признанные мэтры советского антиковедения из МГУ, Института всеобщей истории, а также Института археологии АН СССР (В. И. Кузищин, Л. П. Маринович, Г. А. Кошеленко, И. Т. Кругликова, С. Ю. Сапрыкин). На защите кандидатской диссертации А. П. Мартемьянову оппонировала доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории Татьяна Васильевна Блаватская (1917–2007). Она относилась к числу наиболее авторитетных специалистов страны, лучших представителей советской научной интеллигенции. У Татьяны Васильевны с Алексеем сложились не только взаимные научные интересы, но и теплые человеческие отношения. Опекунство со стороны Т. В. Блаватской в те времена многого стоило в смысле обретения научных связей и «веса».

Защита диссертации должна была состояться на заседании специализированного совета нашего университета. Татьяна Васильевна приехала накануне утренним, самым популярным в городе фирменным поездом «Москва — Харьков». Мы поселили ее в гостинице «Мир» — лучшей, как нам казалось, из того небольшого, что было. Надо отметить, что бывалый археолог Т. В. Блаватская спокойно переносила трудности угасавшего советского бытия и ненавязчивого сервиса. Пока Алексей знакомился с отзывом и готовился к защите, я взялся «развлекать» оппонента. Это оказалось несложно. Татьяна Васильевна с удовольствием откликнулась на предложение прогуляться в Саржином яру. В те времена местный источник минеральной воды пользовался популярностью среди жителей Павлова поля, но сам яр, заросший густыми кустами, оставался местом неблагоустроенным, диковатым, с нехорошей криминальной славой. Тем не менее, прогулка удалась. Отличная погода, стойкий аромат сирени, ошалевшие от весны соловьи, а также душевная беседа «про жизнь и науку» послужили прекрасной прелюдией к блистательно проведенной защите диссертации.

Аудитория заседаний совета была заполнена до отказа. Дело в том, что на факультете и в университете нашлось много людей, пришедших поддержать товарища, которого любили и которому желали успеха. Вторым важным фактором повышенного интереса к защите было участие в ней Т. В. Блаватской — «научные глыбы» такого формата в Харькове появлялись нечасто. Алексей был, как всегда, убедителен, умело и уместно вступал в дискуссию

с оппонентами и произвел на всех присутствующих впечатление зрелого, сложившегося ученого, отличного оратора. Глубоко удовлетворенными остались и Т. В. Блаватская, и В. И. Кадеев. Для меня же защита Алексея Павловича дала возможность включить в число знакомых «саму» Т. В. Блаватскую. Когда мы встречались с ней на последующих конференциях, а также в короткой переписке «по случаю», Татьяна Васильевна неизменно вспоминала нашу «соловьиную» прогулку.

Для меня Алексей Павлович Мартемьянов остается образцом настоящего ученого. В отечественном антиковедении он был известен как вдумчивый и скрупулезный исследователь греко-римских древностей, признанный специалист по истории Мезии и Фракии, Римской империи в целом. К подготовке публикаций своих научных изысканий он относился необычайно добросовестно. Дотошно выверял каждое утверждение, вывод, аргумент, отдельный факт, каждую запятую.

Не так уж велика библиография научных трудов А. П. Мартемьянова. Многие ученые оставляют после себя более значительное число научных трудов и публикаций различного толка. Дело в том, что Алексей никогда не гнался за количеством, «валом», в его библиографии мы не найдем пустопорожних, дежурных статей, публикаций «по случаю», «для отчета». Однако выход каждой его статьи, то ли в московском «Вестнике древней истории», то ли в харьковских «Древностях», болгарских или польских изданиях не оставался незамеченным научным сообществом. Излишняя, на мой взгляд, научная дотошность часто приводила к задержкам и паузам в работе. Следует признать, что Алексей Павлович не отличался пунктуальностью, поэтому, например, рукописи в журнал «Древности», он, как правило, подавал в последний момент.

Авторитет А. П. Мартемьянова среди антиковедов Восточной Европы был весомым. Его регулярно приглашали на различные научные форумы, и он с удовольствием участвовал в их работе. К сожалению, скромное материальное положение университетского ученого и преподавателя после развала Союза во многом ограничивало возможности полноценных научных командировок, о чем Алексей горько сожалел, поскольку круг его научной коммуникации находился далеко за пределами Украины. Тем не менее, я неоднократно был свидетелем его выступлений на научных форумах. Его участие всегда прибавляло остроты в научной полемике на заседании соответствующей секции. Он блистательно дискутировал

в сократовском стиле, ставя оппонента в тупик точными, неожиданными вопросами. При этом умел слушать и расположить к себе собеседника. Часто бывало, что общие научные интересы, близость в мировоззрении и мироощущении перерастали в душевную и товарищескую близость. Среди друзей А. П. Мартемьянова много известных ученых из России и Болгарии. Например, многолетняя дружба связывала Алексея Мартемьянова с Иваном Тодоровым, ученым и преподавателем Великотырновского университета (Болгария). В последние годы теплые и дружеские отношения сложились с польским ученым Кшиштофом Крульчиком.

Казалось, что Алексей Павлович не отличался организаторскими способностями, или, скорее, он не хотел тратить себя на организационную волокиту. Однако если ставил важную для себя цель — настойчиво добивался ее реализации. Так было с изданием монографии памяти В. А. Латышевой. Так было с организацией и проведением в Харькове Международного симпозиума «Фракийские земли и Северное Причерноморье» (апрель 2011 г.). Тогда на приглашение А. П. Мартемьянова откликнулись серьезные специалисты ведущих научных центров Болгарии, Германии, Польши, России, Украины. А. П. Мартемьянов выступил одним из инициаторов и организаторов научных чтений LAUREA памяти профессора В. И. Кадеева (2015, 2017).

Преподавательский хлеб. Важной частью жизни А. П. Мартемьянова была преподавательская деятельность, которой он занимался с упоением и нескрываемым удовольствием. Для того чтобы объективно оценить работу лектора, необходимо прослушать полный курс лекций. У меня такой возможности не было, поэтому я доверяюсь восторженным отзывам студенческой братии. Мои наблюдения-штрихи касаются «периферии» выдающейся лекционной работы А. П. Мартемьянова, к которой он терпеливо шел долгой и очень непростой дорогой. Свои здоровые преподавательские амбиции Алексей хотел реализовать, читая курс античной истории для студентов дневного отделения исторического факультета старейшего вуза Украины. Однако этот курс несколько десятилетий преподавал профессор В. И. Кадеев, оставляя Алексею Павловичу лишь убогий, обрезанный курс для заочников. Только после выхода Владимира Ивановича на пенсию курс античной истории по праву перешел А. П. Мартемьянову, который мечтал о нем долгие годы.

Для заинтересованного наблюдателя особый интерес представляли тексты лекций А. П. Мартемьянова. Я не уверен, что «мартемьяновские письма» мог бы прочитать профессиональный дешифровальщик. Выражаясь простецким языком, «линейное письмо А» критской цивилизации «нервно курит в сторонке». Понятные только ему письменные знаки часто записывались простым карандашом на «оборотках», на листах различного цвета и формата они составляли причудливый узор. Я много раз разглядывал эти дивные письма и сожалел, что все это невозможно трансформировать в «нормальный» курс лекций. Кстати, в ходе лекции А. П. Мартемьянов лишь изредка заглядывал в свои заметки, по большей части лишь для того, чтобы процитировать источник.

Обладая мощным, хорошо поставленным голосом, А. П. Мартемьянов уверенно «держал» аудиторию, поражая глубиной знаний, эмоциональной подачей материала, стремлением перевести лекцию в эвристическую беседу. Он никогда не заканчивал лекции по звонку, обязательно прихватывал часть перемены, что, впрочем, не вызывало недовольства со стороны студентов. Алексей Павлович обстоятельно отвечал на каждый вопрос, заданный после лекции, поэтому беседы с интересующимся студентом или студентами затягивались надолго. В последние годы А. П. Мартемьянов увлекся наглядно-компьютерным сопровождением лекций, что сделало их просто выдающимся явлением. Обширные и глубокие знания предмета, стремление поделиться всем этим со студентами приводило к тому, что Алексей Павлович надолго «увязал» в отдельных проблемах истории Древней Греции и практически никогда не вычитывал курс во всей его программной полноте и некоторую часть учебного материала студенты осваивали самостоятельно.

Для меня Алексей Павлович был примером в организации работы со студентами, которые писали курсовые и дипломные работы под его руководством. Это была по-настоящему *индивидуальная* работа. Конкретному студенту Алексей назначал время консультации ближе к вечеру, когда кафедра пустела. Он усаживал студента рядом с собой и последовательно, строчка за строчкой, страница за страницей комментировал «успехи и достоинства» его творения. При этом консультация часто перерастала в лекцию, доверительную беседу, комментированное чтение источников. Это был тот случай, когда научный руководитель был готов ответить за любой пассаж студенческого сочинения. При этом Алексей

оставался требовательным, жестким и непримиримым ко всякой халтуре и разгильдяйству. Знаю многих бывших студентов, которые с благодарностью вспоминают своего научного руководителя, считая, что общение Алексеем Павловичем оказало значительное влияние на формирование у них профессиональных качеств историка.

Археологические слои. В. А. Латышева, будучи талантливой и добросовестной ученицей известного археолога профессора К. Э. Гриневича, вела многолетние раскопки в Юго-Западном Крыму и была признанным в стране специалистом среди археологов-античников. Однако ее ученик А. П. Мартемьянов так и не стал профессиональным археологом, хотя любил романтику экспедиционной жизни и сам процесс раскопок. Даже после окончания университета он несколько лет работал землекопом в экспедиции «Маслины», которой руководила В. А. Латышева. Это вызывало известное недоумение у окружающих, ведь для карьерного роста казалось более естественным работать в *херсонесской* экспедиции под руководством В. И. Кадеева. И все же на нашей кафедре все дороги так или иначе вели в Херсонес. В 1981 г. В. И. Кадеев вместе с В. М. Зубарем (Институт археологии АН УССР) организовали большую экспедицию, которая вела раскопки на нескольких объектах херсонесского городища и некрополя. В составе экспедиции работали харьковские школьники-кружковцы, подготовленные Алексеем Мартемьяновым. Здесь, «в поле», мы и познакомились, поработали, поиграли в футбол, возникла товарищеская приязнь, переросшая в дружбу.

В 90-е годы мне довелось руководить археологической экспедицией, которая в портовом районе херсонесского городища исследовала «казарму» — интереснейший объект античной истории города. В 1996–1998 гг. в качестве заместителя начальника экспедиции А. П. Мартемьянов подставлял свое надежное плечо в организации и проведении исследований. Мне кажется, что эти годы были наиболее интересными и плодотворными в десятилетней истории раскопок «казармы». Алексей был ярко выраженной «совой», я же — отпетым «жаворонком». Мне не составляло труда начать рабочий день на раскопе в 6 часов утра. Первые два часа работы до завтрака, по утренней прохладе, были наиболее продуктивными. Алексей появлялся на раскопе ближе к 10 утра, поэтому, доверив ему раскоп, у меня появлялась возможность поработать в фондах или архиве музея, уделить время вопросам жизнеобеспечения экспедиции. Иногда в ходе раскопок Алексей Павлович демонстрировал студентам высокий

класс работы легкой киркой, когда нужно было этим, казалось бы, незамысловатым инструментом, не повредив, раскрыть ценный артефакт, обнаруженный в слое. Впрочем, надолго оставлять Алексея одного в раскопе со студентами было чревато. Студенты легко «заводили» Алексея Павловича наводящими вопросами, и удаление грунта в отвал заменялось увлекательной беседой или импровизированной лекцией.

В 1996 г. в экспедиции случилось несчастье: нелепо и трагически погиб студент-практикант Дима Данилов. Он стал 13-м человеком, утонувшим в том проклятом году в море у Херсонеса. Экспедиция стойко перенесла удар судьбы. Солидарность с нами проявили сотрудники херсонесского музея, а также все археологические экспедиции, работавшие в то время в Херсонесе. Мы смогли достойно проводить товарища, отправить его тело на родину в российский Владимир. В эти тяжелые для всех нас дни А. П. Мартемьянов сделал все, чтобы сохранить в экспедиции здоровую атмосферу и работоспособность. Я благодарен судьбе, что в это архисложное для меня время он был рядом.

ХИАО. В начале 90-х «группа университетских товарищей» (В. И. Кадеев, В. Ф. Мещеряков, С. В. Дьячков, С. И. Берестнев и А. П. Мартемьянов) выступила с инициативой создания Харьковского историко-археологического общества, чтобы в то смутное и тощее время не пропасть. С первых минут существования общества Алексей Павлович Мартемьянов вошел в состав редколлегии журнала «Древности». В 1995 г. на учредительном собрании был избран членом правления и долгое время выполнял обязанности ученого секретаря ХИАО.

Алексей очень добросовестно и ответственно относился к работе в редакционной коллегии журнала «Древности». Он привлекал для публикации на страницах журнала известных и признанных специалистов в области античной истории, его рецензии на рукописи из «портфеля редколлегии» были объективными и заинтересованными. Следует признать, что А. П. Мартемьянов «зарубил» немало откровенно слабых работ, делал это деликатно, но твердо.

Алексей Павлович был деятельным членом организационных комитетов всех одиннадцати международных конференций ХИАО. Как правило, он формально и неформально руководил работой секций по античной истории и археологии. По его призыву в Харьков приезжали известные специалисты из разных стран. Он очень внимательно вычитывал гранки

предлагаемых к публикации тезисов. После его правки корректор был не нужен.

Школа и учебник. Собственно учителем истории в средней школе Алексей Павлович проработал недолго. Однако к этой работе он всегда относился с почтением. Он никогда не отказывался взять в качестве нагрузки руководство педагогической практикой студентов. К тому же последние два десятка лет практика проходила в университетском лицее, и студенты могли поучиться на уроках таких мастеров учительского искусства, как С. Д. Литовченко, Д. А. Ушаков, А. Э. Ермановская, О. И. Ильина. В ходе педпрактики Алексей Павлович присутствовал на уроках студентов, участвовал в «разборе полетов» и проведении инструктажей. Меня всегда радовало очень благожелательное отношение к моему другу со стороны лицеистов разных возрастов. Дети сразу чувствуют хорошего человека.

Со школьной жизнью связан наш самой большой общий с Алексеем проект — написание учебника по истории древнего мира для средней школы. Первоначальный проект учебника, его «философия», первые тексты создавались нами в сотрудничестве с издательством «Мир детства». Это было время творческих начинаний, время, когда можно все, что не запрещено. Учебник рождался в клубах табачного дыма, в литрах растворимого кофе и жарких дискуссиях. Однако до «тела» в этом издательстве, к глубокому нашему сожалению, дело не дошло.

Реализовать наши задумки в значительной мере удалось в рамках плодотворной работы с издательством «Ранок». Учебник «Історія стародавнього світу. Давня історія українських земель» увидел свет в 2006 г. Мне кажется, что нам удалось сохранить лучшие традиции отечественной методической школы, доступным и понятным для детей языком изложить научный взгляд на древнюю историю человечества, используя ряд научно-методических и издательских инноваций. Алексей Павлович — прекрасный стилист и маститый ученый — создавал яркие тексты и образы, излагал интереснейшие сюжеты древнегреческой и римской истории. «Мне теперь не понять, кто же прав был из нас в наших спорах без сна и покоя», но учебник удался. Смело могу утверждать, что это лучшее учебное произведение по истории для шестиклассников за последние тридцать лет. Продвигая учебник в учительские «массы», мы с Алексеем Павловичем побывали на десятках встреч с учителями в нескольких областях Украины.

Наш дуэт имел успех. Меня поражало, как быстро учителя признавали в Алексее «авторитета» и засыпали вопросами после выступления.

Впрочем, суровая реальность грязной конкурентной борьбы за де-неж бюджетного пирога довольно быстро опустила нас с небес наших творческих дерзаний на грешную землю чистогана. Нет нашей вины в том, что современный и глубокий учебник так и не увидел второго переиздания и был затерт трудами посредственностей и откровенных неучей. Наш учебник прожил достойную жизнь и, по моей информации, им по-прежнему пользуются многие толковые учителя. Наше содружество в этом проекте сыграло для меня важную роль, особенно для работы над последующими учебниками.

Душа компании. Мне довелось с Алексеем бывать в разных компаниях и в разных жизненных обстоятельствах: среди маститых ученых мужей, в студенческом общежитии, на ночных посиделках в археологической экспедиции, в дружеской компании сверстников и коллег. Он не играл на гитаре, не пел, не танцевал, не рассказывал анекдотов, но везде был душой компании. Его присутствие за банкетным столом или у лесного пенька всегда придавало дружескому общению особое наполнение, некий мартемьяновский шарм.

В старые добрые времена на нашей кафедре коллеги-единомышленники (так бывало) по разным поводам устраивали дружеские посиделки в складчину. Алексей Павлович был признанным и непревзойденным специалистом по салу. У него были проверенные поставщики этого продукта исключительно на Конном рынке (изредка допускалось сало из «Благбазы»). Алексей лично особенным ножом нарезал два-три вида сала. К салу Алексей покупал специальный черный хлеб. Каким был третий ингредиент догадаться нетрудно. Вот это, казалось бы, незамысловатое блюдо становилось гвоздем кулинарной программы застолья. Важной особенностью поведения Алексея за столом было «умение» произносить длинные тосты, которые отличались причудливостью сюжетной линии, подробными историческими справками и лирическими отступлениями. Зато после долгожданного завершения тоста алкоголь принимался слушателями с особым удовлетворением. В том случае если за столом складывалась неприятная для Алексея атмосфера или его не волновала тематика беседы, он умел тихонько исчезнуть (типа «покурить») и вернуться на кафедру, когда основная часть компании уже разошлась.

Свои особенно дружеские чувства Алексей Павлович изредка выражал в стихах. Обычно эти произведения посвящались юбилею товарища, излагались гомеровским стихом, содержали малоизвестные, иногда интимные, детали жизни юбиляра. Декламация осуществлялась автором с соответствующими интонациями и модуляцией мощного мартемьяновского голоса. Обычно выступление завершалось бурными аплодисментами и выражением искреннего восхищения. Алексей Павлович, безусловно, был человеком необычайно талантливым. В моем личном архиве хранится несколько стихотворных произведений А. П. Мартемьянова, которыми я очень дорожу.

Святкове поздоровлення

(за змістом і якістю цілком відповідає сучасному стану речей)

У суверенній, у країні, звичайно ж, краще

жити нам,

Ніж у ганебному «Союзі», де москалям все та

жидам

Україна-ненька віддавала, а мі, як зранечку

вставали

Та до крамниці простували і купували там «лосьон»,

Бо більше грошенят не мали, та зуби ним свої

псували.

Тепер над нами тепло сяє колись знеславлений

Тризуб.

Але якщо нас знов зневолять й стара повернеться

біда,

Нехай тобі в нагоді стане ця «Туалетная вода».

1.XI.1992

Его любили люди и дети. Осмысливая уход Алексея, я часто ловлю себя на мысли о том, что среди коллег у него не было четко выраженных недругов или недоброжелателей. Были люди, с которыми он избегал здороваться за руку, но ни с кем он не был в откровенных «контрах». Студенчество его обожало, даже те, кто схлопотал «неуд» на экзамене по античной истории. Особенно доверительные и теплые отношения у Алексея Павловича складывались с лаборантами нескольких факультетских кафедр. Порой его можно было обнаружить в укромном уголке лаборантской

комнаты «чужой» кафедры с шоколадкой и душистым, крепким кофе. Смело могу сказать, что Алексея знали, любили и уважали на нескольких факультетах университета, в Центральной научной библиотеке, в университетском лицее.

Отношение детей для меня является важным показателем человеческих качеств. Дети всегда признавали Алексея Павловича, тянулись и доверяли ему. Об этом свидетельствует опыт археологических экспедиций, кружковой и школьной работы. Алексей удивительным образом легко находил контакт с ребенком, быстро завоевывал его доверие. Мои дети, а затем и внуки любили дядю Лешу, искали и радовались возможности пообщаться с ним.

Штрихи смываются и блекнут, но яркий образ замечательного ученого, преподавателя и человека останется в наших сердцах.

П. В. Еремеев

О неповторимом человеке и преподавателе

Известие о его кончине стало шоком. Наверное, подобное ощущение — неизбежный спутник ухода человека, которого уважаешь, который отошел в вечность так рано и неожиданно. Но с Алексеем Павловичем это ощущалось особо остро. Его харизма, энергия, изысканный и при этом крайне заразительный юмор, естественная как дыхание (и потому ненавязчивая) интеллигентность, — все это казалось воплощением жизни. В стенах исторического факультета нередко можно услышать о «духе истфака». Общаясь с Алексеем Павловичем было очевидно, что это не просто слова. Он действительно воплощал в себе то неуловимое, что делает наш факультет неповторимым.

В 2006 г., став студентом первого курса исторического факультета, я оказался среди счастливчиков: семинары по истории древнего Востока в моей группе вел Алексей Павлович. Благодаря ему законы Хаммурапи на один семестр стали заметной частью моей жизни. Но важнее другое: на семинарах ощущался вкус исторической науки, в совместном деле обсуждения древних источников студенты и преподаватель какой-то частью своих душ раскрывались друг другу, происходило таинство человеческого общения. В моих воспоминаниях о студенческих годах образ семинаров Алексея Павловича навсегда останется очень светлым и наполненным.

В следующем семестре были лекции Алексея Павловича по истории древней Греции и Рима. Яркие, необычные, исполненные артистизма и юмора... В них не было ничего похожего на примитивный фактографизм:

Еремеев Павел Викторович — канд. ист. наук, доцент кафедры истории Восточной Европы ХНУ имени В. Н. Каразина.

Алексей Павлович стремился продемонстрировать «кухню» исторической науки, красоту и сложность мыслительной работы, соединяя все это с великолепными шутками и интересными рассказами. Аудитория неоднократно взрывалась аплодисментами (это притом что такая практика на факультете в то время не была широко распространена), от его острот было невозможно сдержать смех. И за всем этим скрывались утонченность и глубина.

В лекции по истории Трои Алексей Павлович мог сделать, как он говорил, «пятиминутное отступление», посвященное личности Генриха Шлимана... И после этого два занятия говорить о Шлимане. Говорить так, что перед нашим мысленным взором Шлиман вставал как живой, мы погружались в атмосферу научных споров и сомнений относительно его открытий (при этом Алексей Павлович ссылался на самые новые работы), возникало непреодолимое желание читать и размышлять. Конечно, при таких отступлениях курс «Истории древней Греции и Рима» оказался таковым только в расписании: до Рима Алексей Павлович едва дошел, оставив большую часть его истории на самостоятельное изучение. Но в отступлениях Алексея Павловича было куда больше смысла, чем в простом изложении того материала, с которым действительно можно было ознакомиться самому.

Интересно, что мой курс был первым, на котором Алексей Павлович стал читать лекции по античной истории: до него лектором по «Истории древней Греции и Рима» был Владимир Иванович Кадеев. Позднее, уже когда я закончил аспирантуру, Алексей Павлович несколько раз приглашал меня на свои лекции. Он говорил, что полностью переработал свой курс, что теперь, через десять лет, те лекции, которые читались моему потоку, стали казаться ему «совсем не тем». Сейчас я понимаю, как много потерял, откладывая визит.

Впрочем, и те лекции, которые я слушал, были неподражаемы. Уже став преподавателем (огромная честь называть себя его коллегой!), я нередко замечал, что в своих лекциях порой повторяю некоторые элементы ораторской манеры и стиля других своих учителей (чаще всего — бессознательно). Но повторить что-то из манеры Алексея Павловича невозможно по определению: в каждой фразе был он весь, вся его неповторимая индивидуальность.

Иногда я слышал мнение, что лекции Алексея Павловича нравились абсолютно всем. Это не совсем так. Я сам, будучи студентом, был от

них в восторге, как и абсолютное большинство моих однокурсников. Но были и некоторые студенты, которым его лекции не нравились. Сначала я не мог понять, почему (они и сами не могли толком объяснить). А позже осознал: им было некомфортно в присутствии человека, чья харизма столь очевидно превосходила их собственную (а его харизма действительно завораживала). Впрочем, таких студентов было совсем немного.

В моих разговорах с Алексеем Павловичем часто всплывала тема «битвы на Калке». Точнее, он по-доброму надо мной подшучивал в этой связи, называя «калковедом». Дело в том, что в конце первого курса Алексей Павлович предложил мне перейти с кафедры истории Украины на кафедру истории древнего мира и средних веков под его научное руководство. Для меня это было сложнейшим выбором. После долгих раздумий я принял решение остаться на прежней кафедре. Меня интересовала битва на Калке, о которой я и решил писать курсовую под руководством доцента кафедры истории Украины Дениса Владимировича Журавлева. Когда я сказал о своем решении Алексею Павловичу, это его заинтересовало и одновременно развеселило. Он рассказал, что сам начинал свою преподавательскую деятельность на кафедре истории СССР, и, как молодой преподаватель, получил от руководства факультета задание пообщаться с одним очень увлеченным историком-любителем. Тот утверждал, что «раскрыл битву на Калке». В результате общение оказалось очень интенсивным и даже утомительным для Алексея Павловича, который порой был вынужден прятаться от напора увлеченного Калкой аматора. Сам я к третьему курсу сосредоточился на проблемах истории старообрядчества (что позже вылилось в тему кандидатской диссертации). Но о моем былом интересе к битве на реке Калке Алексей Павлович не забывал. Он нередко приходил на кафедру истории Восточной Европы, во время встреч всегда поддерживал и ободрял. После общения с ним на душе всегда становилось легче, светлее.

Не могу не вспомнить о любви Алексея Павловича к Флоренции. Тонкий ценитель культуры эпохи Ренессанса, он был очень рад возможности посетить этот неповторимый по атмосфере центр искусства. О своем визите во Флоренцию Алексей Павлович неоднократно рассказывал с таким восторгом и с таким знанием флорентийской истории и культуры, которые, как мне кажется, даже для него были необычны. Позже, когда

я сам готовился к поездке на конференцию в Европейский университетский институт во Флоренции, Алексей Павлович помог мне спланировать посещение лучших музеев города. Во время того визита я смог по-новому оценить и восхититься Ренессансом. При этом, делаясь впечатлениями с Алексеем Павловичем, я неоднократно ловил себя на мысли, насколько глубже, объемнее он видел те шедевры, о которых мы говорили. Отчётливо ощущалось, насколько «его Флоренция» богаче, тоньше, насколько она близка ему лично.

Вспоминается день прощания. Было очень много людей. Ожидая церемонию, естественно, мы вспоминали Алексея Павловича. Трудно было поверить, что его нет с нами. Многие из нас не сдерживали слез. И при этом мы смеялись. Смеялись, вспоминая юмор Алексея Павловича, его шутки, остроты. Было невозможно иначе вспоминать этого светлого человека, его особенную любовь к жизни, тонкую иронию и глубокую мудрость.

А. В. Коптев

Харьковский флорентиец

*Это по жизни я занимаюсь античностью,
а в душе, я летаю на крылышках где-то
там, над Флоренцией*

С Алексеем Мартемьяновым я познакомился на очередных Сергеевских чтениях в МГУ в феврале 1987 г. Помнится, секция, в которой мне пришлось делать доклад об отражении кризиса римского рабовладения в юридических текстах эпохи Империи, заседала на пятом этаже прежнего здания гуманитарных факультетов. Обсуждение заданных вопросов никак не прекращалось, несмотря на объявленный перерыв, и небольшая группа заинтересованных плавно переместилась в буфет. Здесь мы и разговорились с Алексеем, который, очевидно, искал контактов в силу своего интереса к сельскому населению римских провинций. Тогда мы были молоды, каждый еще только строил свою жизнь, он в Харькове, я в Вологде. Алексей, конечно, был заинтересован в контактах прежде всего в столице, и я его интересовал как недавно защитившийся по близкой его научным интересам теме ученик В. И. Кузищина. На меня же он произвел впечатление человека с открытым взглядом на мир, готового к честной работе и очень легкого в общении, основанном на полном понимании собеседниками друг друга. Мы были сверстниками, советскими людьми, для которых Москва не имела ментальных предпочтений перед «провинцией». Я родом их Брянской области, а Алексей имел корни в Сумской, что совсем недалеко от наших мест. Сближало нас и одинаковое отношение к Великой Отечественной войне, в которой у обоих участвовали родители. Та война

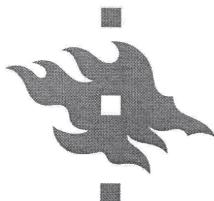
Коптев Александр Викторович — доктор ист. наук, доцент римской истории университета Тампере (Финляндия).

основательно перепахала края, в которых мы жили, и ее дыхание еще ощущалось в пору нашего становления в школьные годы. Только много позднее я узнал, что Алексей был из семьи харьковской профессуры. В нашем общении это никак не сказывалось. Мы читали одни книги, интересовались одними вещами, стремились прежде всего к выяснению истины и руководствовались желанием как можно лучше сделать свое дело. Оба были склонны к сарказму, и это как-то магически действовало, создавая необъяснимое ощущение симпатии, которое сохраняется у меня к Алексею и сейчас, после его ухода. По воспитанию и характеру Алексей был неконфликтным человеком, умело обходя сложные ситуации, которые порой случаются в жизни. С течением времени мои отношения с первым научным руководителем И. Л. Маяк как-то разладились (по моей небрежности и вине). Алексей же, напротив, был очарован Ией Леонидовной и во время своих частых визитов в Москву старался засвидетельствовать ей свое почтение. Его образованность и воспитание, а также искренняя увлеченность античностью, склонность к популяризации научных достижений (характерная черта хорошего лектора) и умение вести беседу привлекли и Ию Леонидовну, и она включила его в круг близких себе людей. Алексей частенько бывал у нее дома, а в тяжелые времена 1990-х ему не раз, по приезду в Москву, доводилось ночевать на диванчике в ее квартире. При всем этом, Алексей никогда не позволял себе оценочных суждений по поводу складывавшихся между нами отношений, вернее, их отсутствия. Лишь изредка, в письмах, он мог позволить себе намекнуть: «Вчера звонил Ие Леонидовне — и работает по-прежнему, и ждет к Сергеевским сигнальных экземпляров дополненного издания „Авла Геллия“, и взялась, не при Коптеве сказано, за какой-то новый для нее сюжет, связанный с Тарквинием Супербом. Я это к чему — наверное, если будешь ориентироваться на И. Л., тебя ждет еще немало интересного. Чего от всей души и желаю!». А в общем-то он признавался мне, что никак не может примириться с тем, что от поздней античности и близких нам обоим социальных отношений в сельском хозяйстве Римской империи я перешел к изучению раннего Рима и, вероятно, что делаю это без согласия с признанными авторитетами.

В силу пространственной удаленности — он в Харькове, я в Вологде — мы с Алексеем лишь изредка встречались в Москве на конференциях в МГУ и Институте всеобщей истории РАН. Алексей довольно быстро стал своим человеком в сообществе столичных антиковедов и с присущим

ему шармом принялся пропагандировать свои харьковские обычаи. Помнится, уже в 2000-е годы поразился какому-то особому теплоту оживлению на кафедре истории древнего мира, когда кто-то произнес в открытую дверь: «Харьковские приехали!». Алексей сотоварищи не стеснялись привозить особенное украинское сало, которое хорошо шло вместе с крепким спиртным того же разлива. Этому в немалой степени способствовали сложившиеся у него близкие отношения с В. И. Кузициным, кроме кафедры в МГУ руководившим раскопками в крымском Херсонесе. Василий Иванович умел отличать настоящее от вторичного, наносного, и Алексей был для него близким по духу младшим коллегой, а не просто учеником профессора В. И. Кадеева. К сожалению, мне не пришлось побывать в Харьковском университете, хотя в 1997 г. по приглашению Алексея я заявился на конференцию, посвященную юбилею академика Д. И. Багаля. Последние наши личные встречи до моего переселения в Финляндию были зимой того же года в Москве. Хорошо помню вечернюю заснеженную станцию Выхино, откуда шла электричка к поселку, где жила моя тетья, у которой я останавливался, приезжая в Москву. Алексей провожал меня, мы договаривали последние новости, ощупывая друг друга глазами. Было грустно от того, что наше государство и наш народ в ужасном кризисе, хотя никто из нас не думал, что расстанемся очень надолго.

На какое-то время наши и без того призрачные отношения прервались, я уехал, а Украина шла своим путем, что не могло не отразиться на высшей школе. Невзирая на растущие трудности, Алексей продолжал плодотворно работать в науке и достиг определенных высот в преподавании. Около этого времени он написал монографию об общинных отношениях в Мезии и Фракии и попросил меня написать на нее рецензию. Хотя сам он любил иронически называть свои книги «брошюрами», это была добротная научная работа, и рецензия на нее была отправлена от лица университета Хельсинки (см. ил. на с. 174). В 2013 г. мы вновь встретились на Сергеевских чтениях в МГУ, где Алексей выступал уже авторитетным ученым, признанным коллегой вчерашних учителей. При этом он нисколько не утратил своей легкости в общении с любым собеседником. Однако мир вокруг менялся больше, чем могло вместить наше сознание советских людей. Сначала ушел почитаемый нами обоими В. И. Кузицин. Алексей горевал по-настоящему, по-детски приговаривая: «Уже не привезти мне Василию Ивановичу его любимого сала, а он не нальет нам с тобой по

Рецензия на монографию А.П. Мартемьянова

«ОБЩИННЫЕ ОТНОШЕНИЯ В СЕЛАХ НИЖНЕЙ МЕЗИИ И ФРАКИИ В ПЕРВЫХ ВЕКАХ НАШЕЙ ЭРЫ»,
Харьков, 2012

Рецензируемая работа представляет собой монографию, посвященную важной, но недостаточно исследованной проблеме. В центре внимания автора сельская жизнь и организация крестьянского населения, проживавшего на территории современной Болгарии в первые века нашей эры. Деревенские жители этого региона, в основном фракийского происхождения, составляли три четверти населения, а экономика носила преимущественно аграрный характер. Синтез местных и римских порядков заложил основы общественной культуры ряда народов последующей Южной Европы. Это делает материалы и выводы автора публикуемой книги весьма актуальными и интересными как для специалистов, так и для широкой публики.

Важный вопрос о характере сел Нижней Мезии и Фракии и их правах на используемую землю правомерно рассматривается автором в контексте распространения римского права и отношений собственности среди народов, вовлеченных в орбиту античной цивилизации. В условиях, когда собственником земли было римское государство, император или город, сельская община могла выступать как коллективный посессор, фруктуарий или арендатор. При этом римские принципы лимитации земли скрывали и нивелировали специфику местных отношений. Только специалист, много лет посвятивший изучению рассматриваемых проблем, каким является автор, способен зафиксировать их при изучении эпиграфического материала и сделать достоянием читателя.

Проблема налогообложения фракийского крестьянства исследуется в работе на широком фоне развития налоговой системы и общинных отношений в империи в целом. Автор закономерно ставит вопрос о существовании в селах общинной круговой поруки и на репрезентативном источниковом материале демонстрирует сложность однозначного его решения. Проблема выплаты налогов и несения повинностей тесно связана с характером общинной организации, оценка которого зависит и от теоретических установок современной науки. Автор знакомит читателя с основными трактовками общины и ее характера отражения в исторических источниках.

В работе широко используются данные эпиграфики, а в Приложении дается обширная группа надписей, неизвестных обычному читателю. Эти данные позволяют автору прийти к обоснованному выводу о существовании сельского самоуправления во фракийских землях. Однако, несмотря на обилие используемых материалов, не все характерные признаки общины отражены в источниках и часто оказываются трудноуловимыми. Поэтому следует согласиться с выводом автора, что корректнее говорить не о прочных позициях сельской общины, а о достаточно широком распространении общинных отношений в Нижней Мезии и Фракии первых веков нашей эры.

Имя А.П. Мартемьянова хорошо известно среди специалистов, он автор важных исследовательских работ, постоянно используемых в науке. Рецензируемая работа обобщает ряд его многолетних исследований. Часто цитируемые в тексте античные источники погружают читателя в проблематику, нисколько не затрудняя восприятие. Основной текст снабжен обширным summary, эпиграфическим приложением, картами, иллюстрациями и библиографией. В таком виде книга представляется нам в высшей степени достойной публикации.

Арто Луукканен, доктор теологии, доцент

Александр Коптев, доктор исторических наук, доцент,

Хельсинки, 12.04.2012

HELSINGIN YLIOPISTO
HELSINGFORS UNIVERSITET
UNIVERSITY OF HELSINKI

Maailman kulttuurien laitos, PL 59 (Unioninkatu 38 A), 00014 Helsingin yliopisto
Puhelin (09) 191 22994, faksi (09) 191 23107, www.helsinki.fi/maailmankulttuurit
Institutionen för världens kulturer, PB 59 (Unioninkatu 38 A),
FI-00014 Helsingfors universitet
Telefon +358 9 191 22994, fax +358 9 191 23107, www.helsinki.fi/varldenskulturer
Department of World Cultures, P.O. Box 59 (Unioninkatu 38 A),
FI-00014 University of Helsinki
Telephone +358 9 191 22994, fax +358 9 191 23107, www.helsinki.fi/worldcultures

рюмке под бугаевскую селедочку». Последние годы мы периодически переписывались, и из писем Алексея видно, как нарастает энтропия в его душе:

[12.04.2014] *А о себе и о Харькове писать, в общем-то, и нечего. О себе — потому что все, как обычно — студенты + что-то пытаюсь писать. А с Харьковом — что-то все мутнее и мутнее, так что на твой вполне внятный вопрос, «кто за каких?», толком и ответить-то, даже находясь здесь, не рискну. Знаю одно: все, что происходит, однозначно не по мне, а конца этому, по крайней мере, в моем представлении благополучного, в ближайшее время не предвидится. Но, в конце концов — и это пройдет. Осталось только дожидаться.*

В другом письме, в ответ на мои постоянные приглашения приехать в Хельсинки, он с грустью описывает реальность высшей школы в Харькове:

[7.01.2015] *Боюсь, не понять нам с тобой многого, да, наверное, оно того и не стоит. А вот то, что тебя не будет на Сергеевских, в этот раз я воспринял спокойно, так как и сам не собираюсь. Причина самая что ни есть прозаическая — вот уже более года в нашем университете преподавателям даже частично не оплачивают командировки куда бы то ни было за пределы Украины. Понятно, что и раньше, кроме как в Болгарию, я ездил в основном за свой счет. Но теперь «доходы» от университетской работы настолько ужались, что позволить себе только на дорогу и оплату общежития (а это, как показывает многолетний опыт — не более половины общих расходов) около месячной зарплаты как-то не получается. Тем более, что в этом году мне еще, наверное, придется покрывать, в лучшем случае, частично, стоимость издания небольшой книжечки о римских ветеранах в Мезии. К слову, к коллегам-ветерановедам в Польшу в мае я тоже съездить не смог и, что огорчает, похоже, они этого не поняли.*

Отношения с зарубежными коллегами тоже не всегда радовали:

[28.01.2015] *То, что в последние годы время от времени возникает в ходе подготовки брошюр, я определяю в основном в главные гнездовья мезиеведов — в Болгарию и Польшу. Причем, реакция на публикации почти диаметрально противоположная. Поляки, например, это было буквально несколько дней назад, после того, как статья прошла рецензирование, пригласили к себе то ли, еще не разобрался, с докладом, то ли с каким-то мини-курсом (на этот раз, если ничего не помешает, наверное, съезжу), в ставшей же за долгие годы почти родной Болгарии всё, что не по ним, воспринимается обостренно болезненно, причем, что главное, без приведения каких бы то ни было контраргументов.*

В это время, возможно, в качестве своего рода реакции на жизненные трудности, расцвел талант А. П. Мартемьянова в качестве лектора. Могу судить об этом не только по восторженным отзывам его студентов, но и по записям лекций, выложенных на ютубе. Особенно увлек Алексея его курс, посвященный Флоренции. В письме, написанном вскоре после 60-летнего юбилея, он сообщал:

[28.04.2016] *Работать, естественно, продолжаю. Правда, в нынешних условиях былого удовлетворения это не приносит, но и останавливаться как-то совсем еще не хочется. Летом надеюсь, наконец, закончить своих мезийских ветеранов, превратив их в пару сносных статей и подобную прошлой брошюру, ну, а дальше, вроде, тоже есть, чем заниматься. А чтобы избежать неизбежных юбилейных торжеств и славословий, день рождения встречали с женой во Флоренции. Так получилось, что последние годы, кроме Греции и Рима, читаю еще и придуманный самим общим курс «Античное наследие в культуре последующих эпох», и как-то захотелось. Ну, а потом, естественно, задержались в Риме, так что вернулись только на днях.*

Путешествия стимулируют перезагрузку сознания, и, вернувшись из Италии, Алексей вроде как обрел второе дыхание. Народились новые надежды на грядущие перемены к лучшему, он стал подумывать о приезде к нам в Финляндию, от чего прежде отказывался из-за финансовых трудностей. Однако время не приносило желаемых перемен. В последнем полученном от него письме Алексей писал:

[8.01.2019] *Рад буду, если у тебя получится поучаствовать в Сергеевских. Сам я в этом году, увы, даже собираться не стал. Иван Ладынин, как всегда, прислал приглашение, но я — в первый за тридцать пять лет раз — честно говоря, даже не ответил. Бесплезно и пробовать, уж больно это хлопотно в наших нынешних условиях со всех точек зрения. Да и добираться через Белгород или Беларусь, чтобы пробыть в Москве два-три дня, это уже не для меня. Так что остается только надеяться на наступление каких-то лучших времен...*

K. Królczyk

Moje wspomnienie o Aleksie

Светлой памяти

Алексея П. Мартемьянова (1956–2019)

Kiedy w drugiej połowie lat 90. ubiegłego stulecia przygotowywałem swoją rozprawę doktorską poświęconą weteranom w życiu społeczno-politycznym prowincji naddunajskich w okresie wczesnego Cesarstwa Rzymskiego, wpadł mi w ręce niewielki rozmiarami, lecz bogaty treścią artykuł w języku rosyjskim pt. „О ветеранах римской армии в Нижней Мезии и Фракии в первых веках н. э.”, opublikowany w roku 1990 w książce „Античный мир и археология” (tom 7). Autorami tekstu byli dwaj uczeni związani z Uniwersytetem w ukraińskim Charkowie — Władimir I. Kadiejew i Aleksiej P. Martemianow. Nie przypuszczałem wówczas, że wiele lat później drugiego z wymienionych autorów, Aleksieja Pawłowicza, Aleksa — jak prosił, by go nazywać — będzie mi dane poznać osobiście, a spotkanie z nim przekształci się zażyłą i serdeczną znajomością, która trwać będzie przez następne lata.

Zanim to jednak nastąpiło, nasz kontakt miał charakter — że tak to ujmę — bardziej pośredni. Najpierw, na prośbę prof. Leszka Mrozewicza, mojego ówczesnego Szefa, wysłałem na uniwersytecki adres Aleksieja Pawłowicza w Charkowie moje dwie publikacje poświęcone rzymskim weteranom nad Dunajem. Jak się później dowiedziałem od samego Aleksa, nie miał on do mnie bezpośredniego kontaktu i dlatego zwrócił się z prośbą o pośrednictwo do prof. Mrozewicza. Kilka lat później poproszono mnie o wykonanie anonimowej recenzji wydawniczej dla jednego z polskich czasopism naukowych

Królczyk Krzysztof — doktor habilitowany, profesor, Wydział Historii Uniwersytet im. Adama Mickiewicza w Poznaniu, Polska.

rosyjskojęzycznego tekstu poświęconego weteranom w Mezji Dolnej. Tekst bardzo mi się spodobał i zasugerowałem jego publikację. Już po ukazaniu się numeru czasopisma poznałem autora recenzowanego artykułu — był nim właśnie Aleksiej P. Martemianow z Charkowa.

Moje pierwsze bezpośrednie spotkanie z Aleksiejem Pawłowiczem miało miejsce w Gnieźnie w listopadzie 2016 r. w trakcie konferencji naukowej poświęconej pamięci zmarłego kilka lat wcześniej węgierskiego uczonego Gézy Alföldyego, zorganizowanej przez Instytut Kultury Europejskiej UAM. Aleks został na nią zaproszony przez organizatorów gnieźnieńskiego sympozjum. W trakcie konferencji wystąpił z referatem dotyczącym weteranów w Mezji Dolnej, a więc z tematem szczególnie mi bliskim. Po zakończonej sesji mogliśmy po raz pierwszy zamienić ze sobą kilka słów w bezpośredniej rozmowie, a jej kontynuacja nastąpiła w trakcie wieczornego wspólnego spotkania wszystkich uczestników konferencji. Poznałem wówczas człowieka o nieprzeciętnej wiedzy i o ujmującym sposobie bycia, sympatycznym uśmiechu i dużym poczuciu humoru. To ostatnie zapadło mi szczególnie w pamięć, gdy Aleks nazwał mnie swą 'nachodką' (находка), a więc 'znaleziskiem', a widząc moje zdziwienie w oczach od razu wyjaśnił, że nie był pewny, czy choć trochę rozmawiam po rosyjsku; gdy okazało się, że faktycznie językiem tym nienajgorzej władam, zostałem przezeń ochrzczony tym sympatycznym określeniem. Pod koniec konferencji wymieniliśmy się adresami mailowymi, obiecując sobie solennie podtrzymywanie kontaktu.

Oboje dotrzyaliśmy słowa. Pisywaliśmy do siebie regularnie, w różnych sprawach, choć najczęściej w kontekście rzymskich weteranów nad dolnym Dunajem. W jednym z maili sprawił mi Aleks olbrzymią niespodziankę, przysyłając w nim zaproszenie do Charkowa na konferencję poświęconą pamięci prof. Kadiejewa, która miała się odbyć w czerwcu 2017 roku. Zaproszenie z radością przyjąłem, ciesząc się na ponowne spotkanie z Aleksiejem oraz na poznanie innych charkowskich uczonych.

Kilka dni, które spędziłem wówczas w Charkowie, pozostaną na zawsze w mojej pamięci i to z wielu powodów. Po pierwsze, sama konferencja, stojąca na wysokim poziomie naukowym, była dla mnie niezwykle interesująca. Wysłuchałem wielu ciekawych wystąpień, w tym również samego Aleksieja Pawłowicza, a z kolei sam mogłem co nieco opowiedzieć o związkach polskich i ukraińskich filologów i archeologów w okresie międzywojennym. Po drugie, poznałem wówczas wielu sympatycznych charkowskich uczonych, w tym dziekana Siergieja D. Litowczenkę oraz cały zespół katedry historii świata antycznego i wieków

średnich Uniwersytetu im. W. N. Karazina w Charkowie. Po trzecie wreszcie miałem okazję do długich rozmów z Alekssem, najczęściej (choć nie tylko) przy kuflu wymienitego ukraińskiego piwa. Aleks, w towarzystwie prof. Siergieja I. Posochowa, oprowadził mnie po najważniejszych miejscach Charkowa. Następnego dnia, już sami we dwoje, odbyliśmy długi spacer po okolicach osobiście ważnych dla Aleksa: pokazał mi wówczas między innymi blok, w którym mieszkał w młodości, oraz źródło wody, z którego w dzieciństwie korzystał; wypływająca zeń woda jest rzeczywiście wymienita (miałem okazję spróbować). Odbyliśmy także podróż kolejką gondolową, powyżej koron drzew lasu szpilkowego, rosnącego w tej części Charkowa. Zapytałem z ciekawości, czy rosną w nim grzyby, a humorystyczna odpowiedź, którą uzyskałem, wypowiedziana z jakże charakterystycznym dla Aleksa uśmiechem, była dla mnie dość zaskakująca: „Польских грибов пока нет”. Nie wiedziałem bowiem, że na Ukrainie podgrzybki, które rzeczywiście pojawiają się dopiero w drugiej połowie sierpnia, a nie w czerwcu, określane są mianem „polskich grzybów”. Do tych grzybów Aleks jeszcze wielokrotnie później powracał, czym zawsze wywoływał uśmiech na mej twarzy.

Tu, w Charkowie, pojawiły się ponadto wspólne plany na najbliższą przyszłość. Wśród nich było, przede wszystkim, napisanie wspólnymi siłami, *viribus unitis*, monograficznego opracowania rzymskiej prowincji Mezji Dolnej, które planowaliśmy wydać na Ukrainie w języku rosyjskim oraz w jednym z języków zachodnioeuropejskich. Przy planowanej kolejnej mojej wizycie w Charkowie mieliśmy obejrzeć kinoteatr „Poznań” (Charków i Poznań są miastami partnerskimi) i zrobić sobie wspólne fotografie oraz pojechać na polski cmentarz wojskowy w podcharkowskich Piatichatkach. Trochę humorystycznie umawialiśmy się także na wspólne grzybobranie w kolejnych latach.

Po moim powrocie do Polski kontynuowaliśmy częstą korespondencję mailową, ze strony Aleksa od czasu do czasu uzupełnianą załączanymi przezeń do listów zdjęciami ‘polskich grzybów’, co za każdym razem przywoływało wspomnienie wspólnej przejażdżki kolejką gondolową nad lasami Charkowa.

W grudniu 2018 r., podczas pobytu we Lwowie, rozmawiałem z Alekssem przez telefon. Umawialiśmy się wówczas na kolejne spotkania w następnym roku: najpierw w Charkowie, na kolejnych „Kadiejewskich Cztieniach”, a następnie w Poznaniu, na konferencji, która miała być poświęcona 100-letniej rocznicy założenia Uniwersytetu Poznańskiego i powołania na nim do życia katedry historii starożytnej. Kontynuowaliśmy także korespondencję mailową. Na ostatni mail, wysłany pod koniec kwietnia, nie otrzymałem odpowiedzi. Pomyślałem wtedy, że Aleks jest może poza Charkowem, albo zwyczajnie

list nie doszedł. Niestety było inaczej. Kiedy kilka dni później przyszedł smutny mail od dziekana S. Litowczenki o niespodziewanej śmierci Aleksa w dniu 4 maja 2019 r., nie mogłem uwierzyć w słowa, które czytałem, i pogodzić się z otrzymaną wiadomością... Pozostał ogromny żal i smutek oraz wielka pustka po bliskiej mi osobie, jak również pytanie, na które nie ma i nigdy nie będzie satysfakcjonującej odpowiedzi: dlaczego?

Pozostały jednak — na szczęście — dobre wspomnienia. Aleksiej Pawłowicz jawi się w nich jako wybitny uczony, ogarniający swymi szerokimi zainteresowaniami całość historii starożytnej, w tym zwłaszcza dzieje rzymskiego Imperium, a także jako autor niezwykle wartościowych publikacji naukowych, wydawanych na Ukrainie i poza jej granicami, w tym i w Polsce. Pozostaje też w nich jako ujmujący, życzliwy i dobry człowiek, obdarzony nieprzeciętnym taktem i poczuciem humoru, a także jako szczerzy miłośnik swojej 'małej ojczyzny' — Charkowa. Pozostaje wreszcie w pamięci jako świetny kompan i druh, którego dziś tak bardzo mi brakuje. Jego niespodziewane odejście pozostawiło pustkę, którą trudno będzie zapełnić. Wierzę jednak głęboko, że kiedyś, gdzieś w innym wymiarze, będzie nam dane ponownie się spotkać i dokończyć wszystkie niezrealizowane — z winy nieubłaganej Atropos — wspólne plany.

A dziś, gdy zamykam oczy, często widzę sylwetkę Aleksa, z nieodłącznym papierosem w ręku, charakterystycznym uśmiechem, *ułybką*, na twarzy i zdają się słyszeć wypowiedziane przezeń słowa: *Ну, а грибы мы всегда собратъ уснеем.* :)

D M
ALEXO
VIRO DOCTISSIMO
HISTORIAE ANTIQVAE
IN VNIVERSITATE
STVDIORVM
CHARCOVIENSI
EXPERTO
AMICO BONO
CHRISTOPHVS
POSVIT
S T T L

С. М. Куделко

Университетский преподаватель–классик

С Алексеем Павловичем Мартемьяновым я познакомился позже, чем с его отцом Павлом Ивановичем, который был старшим преподавателем на украинском отделении филологического факультета. Где-то во второй половине 1970-х годов Павел Иванович стал преподавать на подготовительном отделении (иначе говоря — рабфаке) украинский язык и литературу. В тех же группах я вел историю. Это был, как мне тогда казалось, пожилой человек, хотя ему не было еще и 60-ти. Он был веселого нрава и запомнился как великолепный знаток украинских пословиц и поговорок. Заместителем декана была выпускница филфака (как оказалось впоследствии, дипломница Павла Ивановича) Евгения Павловна Корыстина. С ней у меня сложились прочные, долгие дружеские отношения. Павел Иванович был вдовцом, его супруга Валерия Алексеевна Чиркова умерла в первой половине 1970-х годов в возрасте 55 лет. Полагаю, что Алексея Павловича назвали в честь деда — отца матери. Ее я не знал, но в памяти остался некролог, который висел в холле Главного корпуса. Внешне Алексей Павлович был очень похож на свою мать. Упомянутая Евгения Павловна также была вдовой, и вскоре они поженились. Она взяла фамилию Мартемьянова. Как-то она сказала мне: «Сережа, как мне надоела моя фамилия! Ее же все забывают и путают. Называют то Крысина, то Коростина».

У Евгении Павловны от первого брака были две дочери, одна из которых стала преподавать в 45-й школе (я был ее выпускником 1969 г. и, как выяснилось позже, ее окончил Алексей Павлович в 1973 г.). Я бывал

Куделко Сергей Михайлович — канд. ист. наук, профессор, директор Центра краеведения ХНУ имени В. Н. Каразина.

в доме Е. П. Мартемьяновой (она жила в районе улицы Шекспира). Иногда в разговорах она вспоминала сына мужа — Алексея Павловича.

Когда А. П. Мартемьянов пришел на наш факультет, я уже имел представление о нем и его семье. Его мать преподавала всемирную литературу на филологическом факультете от античности до новейшего времени. Читала также курс истории литературы славянских народов. Кандидатскую диссертацию защитила по творчеству французского писателя XIX в. Шанфлёрри. Владела французским и немецким языками. У Алексея Павловича была младшая сестра Татьяна. Вскоре выяснилось, что мы окончили одну школу и имели многих общих учителей. В наших нечастых разговорах вспоминали ее ярких преподавателей.

Алексей Павлович принимал участие в деятельности известного школьного литературного кружка ЛИИЛ — клуба любителей искусства и литературы, где выступал с чтением стихов, участвовал в обсуждении новинок литературы. В споре тех лет между «физиками» и «лириками» он решительно встал на сторону последних. У меня сложилось впечатление, что на него в сензитивном возрасте при выборе сферы будущей деятельности оказали огромное влияние какие-то книги по истории древнего мира. Например, имевшая шумный успех книга К. В. Кераса «Боги, гробницы, ученые» и подобные ей. Во всяком случае одним из его любимых героев был знаменитый археолог и мистификатор Г. Шлиман.

Я узнал, что и жили мы недалеко друг от друга — практически на одной улице Отакара Яроша. Еще когда Алексей Павлович работал в ХАИ, он нередко приходил на нашу кафедру, где общался с Ю. И. Журавским, но особенно — с Б. П. Зайцевым. Часто Алексей Павлович дождался, когда у Бориса Петровича закончатся занятия, и они вместе уходили с работы.

Уже в те 1980-е годы мне бросались в глаза эрудиция Алексея Павловича, его отточенная речь, артистизм. Он был приятным собеседником, который пересыпал свои высказывания литературными цитатами, стихотворными отрывками. Особенно он любил цитировать И. Ильфа и Е. Петрова. Он много работал и над своей письменной речью, что, видимо, доставляло ему эстетическое удовлетворение.

А. П. Мартемьянов мечтал попасть на кафедру древнего мира и средних веков, но долгое время ему это не удавалось. Он приближался к факультету и кафедре, в том числе принимал участие во вступительной кампании. Участвуя в одной из них, я случайно оказался на этой кафедре

и слышал, как ее заведующий проф. В. И. Кадеев на чьи-то слова о том, что А. П. Мартемьянова нужно брать на работу, сказал: «К этому человеку еще нужно присмотреться». Присматривался он долго, а Алексея Павловича тем временем охотно пригласили работать преподавателем на кафедру истории СССР. Но все же его манила история древнего мира, античность. Этому в немалой степени способствовали его ежегодные выезды на археологические раскопки в Крым, которые организовывала доц. В. А. Латышева. Позже я узнал, что почти все годы своего обучения Алексей Павлович писал свои курсовые работы под ее руководством.

О преподавании А. П. Мартемьянова на кафедре истории СССР, которой в то время заведовал проф. А. Е. Кучер, у меня не сохранилось четких воспоминаний, но где-то на рубеже 1980–1990-х годов он перешел на кафедру истории древнего мира и средних веков, и здесь его талант раскрылся в полной мере. Для Алексея Павловича было характерно переплетение исторических и художественных сюжетов. Как прекрасный оратор, он нравился многим студентам, и они часто под его воздействием выбирали для своей будущей специализации именно эту кафедру. Алексей Павлович не тяготел к общественной работе. Его научные изыскания были вполне на уровне весьма квалифицированной кафедры истории древнего мира и средних веков, а главный его талант раскрылся на лекциях. При одаренности историзмом, полагаю, что его литературный талант все же стоял несколько выше.

Весь его внешний облик, манера поведения и разговоров были подчинены идее создания образа свободного в своих высказываниях ученого, который, с одной стороны, был близок к студентам и не чурался их, а с другой, — всегда соблюдал известную дистанцию в отношениях. Он был любимцем поколений студентов, и только, пожалуй, его старший предшественник и коллега В. Ф. Мещеряков превосходил его в популярности среди преподавателей кафедры. Мне кажется, что Алексей Павлович (возможно, бессознательно) в чем-то хотел походить на него.

Теперь, ретроспективно всматриваясь в образ рано ушедшего товарища по профессии, могу отметить такие его черты, как стремление к некоторому аристократизму, едва уловимая ирония (а в отдельных эпизодах — неприкрытая) над собой и собеседниками, окружающим миром, самостоятельность мышления и выводов, стремление жить сегодня, а не завтра. Он запомнился мне своими мастерскими рассказами,

выразительными зарисовками случаев из жизни. Все это часто делало его центром собравшейся компании. Впрочем, в последние годы жизни у него стала заметна некоторая вязкость в рассуждениях, повторение одних и тех же сюжетов. Он мало говорил о будущем и часто вспоминал прошлое. Например, при мне он практически не касался своей жизни на Павловом Поле, а часто рассказывал о коммунальной квартире на Пушкинской, где прошло его раннее детство. Мне казалось, что вожденная мечта Алексея Павловича — идти по стопам своих родителей, стать преподавателем университета и именно истории античности — сбылась. А что дальше? Он продолжал нравиться студентам, выполнял все необходимые обязанности доцента кафедры, но, видимо, каких-то больших целей для себя не ставил. Его неожиданная для окружающих болезнь, как мне кажется, имела одним из источников тоску по своей мечте и разочарование в действительности.

Алексей Павлович был одним из тех, кто высоко держал планку университетского преподавателя классической древности и тем самым со служил добрую службу не только своей кафедре и факультету, но и способствовал позитивному имиджу университета.

С. Д. Литовченко

Почему я не написал воспоминаний об Алексее Павловиче

Ведь верно? Ведь правильно?

И. Ильф, Е. Петров. Золотой теленок

(одна из любимых цитат Алексея Павловича)

Как ни странно, но Алексей Павлович неоднократно касался темы мемуаров и воспоминаний. Обычно этот вопрос возникал возле знаменитого кофейного автомата у лифта на первом этаже химической стороны, когда разговор переходил на публикации об ушедших преподавателях истфака. Алексей Павлович с ехидным восторгом интересовался, а что я, исходя из занимаемой мною должности, буду вынужден написать о нем, когда придет время? «Ведь напишите, куда ж Вы денетесь. Положение обязывает». На что я неизменно отвечал, что, опять же, исходя из специфики моей должности, у него гораздо больше шансов написать воспоминания обо мне... Все заканчивалось обязательной цитатой, которой, по нашему общему мнению, должны были начинаться все приличные воспоминания: «Был ли покойный нравственным человеком?».

И вот пришло это страшное время реальных воспоминаний. И оказалось, что воспоминания об Алексее Павловиче Мартемьянове я написать

Литовченко Сергей Дмитриевич — канд. ист. наук, доцент кафедры истории древнего мира и средних веков; декан исторического факультате ХНУ имени В. Н. Каразина.

не способен. По многим причинам. Потому что в силу принадлежности к числу составителей сборника уже видел воспоминания друзей, коллег и учеников, среди которых есть настолько замечательные тексты, что лучше и не напишешь. Потому что в силу занимаемой пока должности не могу написать все то, что хочется. Потому что несмотря на то, что после смерти Алексея Павловича прошло больше года, все еще отказываюсь верить в это. И потому, что уверен (пусть и опрометчиво), что сам Алексей Павлович хотел бы, чтобы свет увидела его последняя монография, а с этим у нас, я надеюсь, все получится.

Но вообще ничего не написать было бы неправильно. И тут возникла, как мне казалось, замечательная мысль: опубликовать часть электронных писем Алексея Павловича, которых за долгие годы переписки накопилось много. Что может лучше охарактеризовать человека, чем его неформальная переписка, не испытывавшая воздействия провалов в памяти и особенностей характера автора воспоминаний? Но, к сожалению, оказалось, что я умудрился очистить переписку всех своих почтовых ящиков за последние семь лет, поэтому какой-либо существенной цепочки электронных писем от Алексея Павловича не сохранилось. Из жалких же остатков переписки мне удалось выбрать только один короткий ответ, который, по моему мнению, все же дает представление об Алексее Павловиче в эпистолярном жанре.

Таким был ответ Алексея Павловича на мое короткое «Спасибо» от 5 июня 2012 г.: «Надеюсь, в это „спасибо“ вложено достаточно злобного сарказма?». Может, это покажется кому-либо странным, но именно этого общения мне и не хватает.

И еще немного не воспоминаний, а ощущений...

В последний год Алексей Павлович все чаще отождествлял себя с Хворобьевым из «Золотого теленка». И все попытки перенести внимание на других, не менее противоречивых персонажей Ильфа и Петрова с радостью им принимались (при этом предлагавший тут же получал еще более едкое отождествление взамен), но разговор все равно сводился к грустной констатации факта, что именно Хворобьев с его снами подходит как нельзя лучше. А это уже был приговор окружающему миру.

Алексей Павлович обладал потрясающей способностью исчезать из компаний, которые он зачастую сам организовывал, если ему что-либо переставало нравиться. Что угодно: темы разговоров, случайно появившиеся люди, еда или ее отсутствие. Просто брал тихонько вещи и уходил. И я ничего не могу с собой поделаться, никак не могу отбросить навязчивое ощущение, что и в этот последний раз он просто взял и тихо ушел.

Е. В. Ляпустина

От Сергеевских до Сергеевских

Я не могу вспомнить, когда именно мы познакомились с Алексеем Мартемьяновым. Скорее всего в начале 1980-х на Сергеевских чтениях в МГУ, куда он всегда старался приезжать. Там, на кафедре истории древнего мира, которую я заканчивала, мы, оба занимавшиеся римскими виллами¹, и подружился. Это было нетрудно: в Москве Алексей бывал часто. В декабре 2009 г., когда я уже работала в ВДИ, в ответ на сообщение о том, что А. И. Павловская написала положительный отзыв на его статью², и в ожидании решения редколлегии он писал, вспоминая о тех счастливых временах:

Большое спасибо за пока утешительную информацию. Эта статья — сокращенный вариант главы книги о сельской жизни фракийских земель в первых веках н. э., которую, хотя, с моими темпами, и неизвестно когда, может быть, допишу. Урезал почти втрое, может, с аргументацией и акцентами что-то незаметно для

¹ В августе 2017 г., когда в ВДИ готовилась публикация статьи о ветеранах, я получила такую записку: «Лена, привет! Надолго тебя это от работы не отвлечет, а, по-моему, забавно. Посмотри, что я случайно нашел. Это же времена „наших“ вилл! :)». К письму прилагался скан датированной 19 декабря 1984 г. справки на специальном бланке, сообщавшей Алексею Павловичу о том, что редакция ВДИ получила его статью «Римская вилла на территории Фракии и Нижней Мезии» (см. ил. на с. 189; эта статья вышла в № 2 за 1986 год). В другом письме о начале 1980-х читаем: «Хорошее время, когда впереди еще было все» (14.03.2013).

² ВДИ. 2010. №. 2. С. 48–70.

Ляпустина Елена Валериевна — канд. ист. наук, зав. отделом сравнительного изучения древних цивилизаций Института всеобщей истории РАН (Москва).

меня и нарушилось. А, может, со стороны они, как это бывает, выглядят иначе, чем мне кажется. Поэтому мне, конечно, хотелось бы обсудить, что получилось. Только вот в Москве я был последний раз в 2006, тогда как в 80-е удавалось бывать у вас, в общей сложности, по два-три месяца в год. Вот и приходится выходить на Румынию и периодически шастать в Болгарию, поддерживая «начитанность». Честно говоря, уже поднадоело: самолет у нас оплачивают только верхам, а поездом утомительно — туда и обратно около пяти суток, а, главное, через три границы.

<p>РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА «Вестник древней истории» АН СССР Москва, 19. <u>декабря</u> 1987 г. Глубокоуважаемый(ая) <u>Алексей Павлович!</u> Редакция журнала получила Вашу статью <u>Алексей Павел</u> <u>на тему «Фракийские Трасы и южные Мезии»</u> Статья будет рассмотрена редколлегией ВДИ, и мы сообщим Вам ее решение. <u>Ваше письмо поступило 30 окт. г. 1987 года</u> С уважением Зав. редакцией ВДИ <u>И. К. Малькова</u> (И. К. Малькова)</p>

Последний раз мы виделись на Сергеевских чтениях в 2013 г. А до этого были две встречи в Харькове. В октябре 2008 г. мы с Ириной Тункинной приехали на конференцию, посвященную 150-летию со дня рождения академика В. П. Бузескула, накануне ее открытия в радостном ожидании гуляли по городу, и вдруг мне позвонили и сообщили, что умерла моя близкая подруга. На следующий день я сделала свой доклад и сразу же уехала, чтобы успеть на похороны. После этого мне особенно хотелось приехать в Харьков снова, чтобы как-то загладить случившееся, да и Алексей Павлович настойчиво звал. Вторая попытка удалась значительно лучше: это был «фракийский симпозиум» в апреле 2011 г., не очень громко, но отчетливо приуроченный к 55-летию А. П. Мартемьянова. Интересно прошли заседания с докладами, с большим чувством и удовольствием все отметили день рождения юбиляра, и даже невероятно холодная погода не могла омрачить приподнятого настроения. Мне до сих пор совестно, теперь уже перед памятью друга, что так и не удалось выпустить сборник докладов этого симпозиума в Москве, не сделала я того, что должна была и что было в моих силах. Алексей никогда меня в этом не упрекал, шутил о «фракийской занозе», но от этого не легче.

Судьба статей самого Алексея Павловича в «Вестнике древней истории» была более счастливой. В эти моменты переписка наша становилась более интенсивной, захватывая и темы, прямо не связанные с редакционной работой. В октябре 2011 г. Алексей так описывал трудное начало нового учебного года:

А что касается «невхождения в рабочий ритм», то в этом году это мне как-то особенно близко. На этот семестр пришлось в пожарном порядке (ситуация

была безвыходной) взять общий курс, который должен быть, хотя бы по названию, созвучен тому, который раньше читали у нас философы, а это было что-то вроде (они это умеют) «Рецепции **архаики(!)** в современной культуре». В общем, за последние дни августа не придумалось ничего лучшего, чем «Античное наследие в художественной культуре последующих эпох», в результате чего теперь в оставшейся голове «с Гераклами в вихре смешались Христы», ковыряюсь в фальгенциях и прочих дж. доминици, а между этим судорожно пытаюсь хоть в каком-то приближении закончить свои «Общинные отношения», обсуждение которых на кафедре поставили на декабрь³.

Кто бы мог подумать, что именно с этим курсом будет связано мое самое яркое воспоминание об Алексее! Но об этом чуть позже, а пока лучше сказать немного о предыстории книги, приложением к которой служат эти наши воспоминания. 5 февраля 2013 г. на Сергеевских чтениях в МГУ А. П. Мартемьянов председательствовал вместе с А. В. Махлаюком на заседании подсекции истории Империи и выступил там с докладом «Об участии ветеранов римской армии в местном самоуправлении и организации религиозной жизни провинции Нижняя Мезия» (см. ВДИ. 2014. № 2. С. 208). Вскоре он написал в ответ на приглашение на июньский симпозиум «Историк и текст» в ИВИ РАН, где предполагалось продолжить разговор:

[21.02.2013] Дорогая Лена! [...] Рад, что в последний момент успели, хоть и в судорожном режиме, пообщаться. И ветеранские твои замечания, особенно относительно того, что надо бы представить «методику» подсчетов другими (кстати, я посмотрел, похоже, ничего подобного эти другие таки не делали, или умело это скрывают, а это означает, что и в других, по крайней мере, придунайских, провинциях, доля ветеранов-магистратов может возрасти), пришлось очень кстати, тем более, что возможность учесть их, когда буду класть материал на бумагу, есть. А что касается «Историка и текста», то поучаствовать и послушать, что скажут умные люди, конечно, заманчиво. Только вот, будет ли это интересно и/или полезно им? Ведь я-то работаю, хоть и с удовольствием, но с уже «обработанными» текстами, а не с «живыми» оригиналами, о которых в большинстве случаев могу судить только по фотографиям. Для собственных целей мне этого вполне хватает, но уместно ли будет сообщение, сделанное на такой основе?

³ И продолжал спустя некоторое время: «Меня сейчас, после еженедельных подготовок „Античного наследия“ и судорожных потуг хоть как-то оформить общинные отношения мало на что хватает» [2.11.2011].

Увы, на симпозиум выбраться не удалось. «Жаль, потому что чем дальше от наших зимних разговоров, тем больше зудит некоторые спорные надписи, и не только по ветеранам, покрутить», — писал Алексей за неделю до него [19.06.2013]. К обсуждению ветеранов мы вернулись, когда работа уже была практически готова: «Лен, я, вроде как, наконец, разобрался со своими ветеранами, а в ноябре основательно прокатал их на конференции памяти Г. Альфельди в главном гнезде мезийских ветерановедов Гнезно. :) Теперь хотелось бы, чтобы ты посмотрела, есть ли смысл попробовать подать эту статью в Вестник» [16.01.2017]. Статья была подана и принята реколлегией к печати:

[9.07.2017] *Дорогая Лена! Спасибо большое за добрую весть. Эта «придумка» (она ведь, по сути, касается всей Империи) — наверное, моя главная капля в антиковедение, поэтому действительно хотелось, чтобы статья вышла именно в ВДИ. Буквально на днях у нас гостил упоминаемый в ней Крульчик из Познани, решили вместе написать о мезийских ветеранах книжку, но это когда еще будет, да и с моими темпами будет ли вообще...*

[15.07.2017, после получения замечаний рецензентов] *Большое спасибо — опять порадовала! Больше, чем сообщением о рекомендации статьи, честно — настолько приятно, что сам «подход-методика», который когда-то как-то придумался, оказался воспринятым таким образом. Я уже как-то писал тебе, что осенью специально ездил на конференцию памяти Г. Альфельди в главное гнездо рейнско-дунайских ветерановедов Гнезно, где, кроме поляков, оказался еще и основоположник румынского ветерановедения Раду Ардеван, и с ними мы все это замечательно обсудили-разобрали. Но когда оказывается, что смысл этой «задумки» понятен и серьезным античникам, которые сами ветеранами не занимаются, да еще, похоже, ими в целом и одобряется — для меня это действительно стоит самого дорогого. Извини, что так высокопарно, но это — по свежим впечатлениям, что называется «от избытка чувств». :) И среди замечаний есть дельные. Что-то учту при дальнейшей работе, но что-то попробую обозначить четче уже сейчас. [...]*

Статья о ветеранах вышла в 4-м номере ВДИ за 2017 год. А мне переписка об этой статье подарила замечательное приключение. В конце мая, когда Алексей ждал от меня замечаний по статье, я неожиданно даже для себя самой улетела на конференцию в Мадрид, о чем ему и сообщила с извинениями уже из Испании. Тут же пришел ответ:

[25.05.2017] *Если будешь еще заходить в Прадо и обнаружится настроение, посмотри, если раньше не попадался, виноград Хуана Фернандеса (Лабрадора).*

Оно, может, и мелочь, но техника, как по мне, изумительная. Я этот виноград показываю студентам вместо Зевксидова. :)

К письму были заботливо приложены картинки. Дальше позволю себе процитировать переписку с обеих сторон:

[Е. Л. 7.06.2017] — *О Прадо и винограде. Твое письмо пришло очень вовремя, как раз накануне моего первого (и пока последнего) визита в Прадо. Поняла, что это то, ради чего и стоит ехать в Мадрид, если будет такая возможность, еще раз. У нас с Ниной Спиченко (мы были с ней, это моя единственная аспирантка, в прошлом, естественно) было всего несколько часов, в Прадо оказалась потрясающая выставка Американского Испанского общества из Нью-Йорка, на которую мы и отправились, что оказалось очень удачно: за два-три часа посмотрели все от археологии до современности, а коллекции там богатейшие (достаточно сказать, что библиотека этого общества — вторая по богатству после Национальной библиотеки Испании, а среди привезенных картин была герцогиня Альба Гои с надписью на песке «Solo Goia»). В общем на постоянную экспозицию у нас было минут 40–45 до времени прохода на выставку. Что можно увидеть за это время? Да ничего, только понять масштаб предстоящего когда-нибудь в другой раз! И представляешь, в последнем зале, который мы все-таки успели изучить, оказался тот самый Лабрадор с виноградом!!! Это судьба. А торопились на автобус в Толедо, где жили в гостинице на улице какого-то Хуана Лабрадора. Не стану привирать: обращение к гуглу показало, что это другой Юрий Милославский, местный, из Толедо, т. е. просто однофамилец... И все равно было очень приятно! Сейчас как раз готовлю к экзамену по латыни для студентов текст о Зевксиде и Паррасии — заодно и твои картинки покажу.*

[А. М. 11.06.2017] *Очень приятно, что по времени успел с виноградом, тем более, что он еще и оказался кстати. Мелочь, конечно, но из тех, которые меня всегда радуют.*

[Е. Л. 9.07.2017] *Огромное спасибо еще раз за виноград Лабрадора: он мне очень пригодился на экзаменах латыни у культурологов: самым лучшим давала как незнакомый текст про состязание Зевксиды с Аеллесом, а потом вместе с отличной оценкой в качестве бонуса показывала на телефоне присланные тобой картинку.*

[А. М. 9.07.2017] *и совсем уж приятно, что так получилось с посещением Прадо и виноградом. Мне мое «Античное наследие» тем и нравится, что, в отличие от Греции и Рима, при чтении я практически не связан с программой — как прочтется, так и принимаю. Поэтому можно раскручивать отдельные фрагменты по-разному и, в результате, подготовка к лекциям каждый раз приносит какие-то приятные мелочи — то Пратолино, то Фернандеса-Лабрадора, то еще что-нибудь этакое... :)*

Пратолино Алексей упомянул неслучайно: это еще один подарок, которым я обязана ему и так и не осуществившейся мечте встретиться в Италии. «При всей пессимистичности моего видения происходящего, почему-то кажется, что все же мы еще увидимся. А, может, все-таки, в Риме? :) Звучит совершенно кошмарно, но, по-моему, это сейчас реальнее, чем в Москве или Харькове», — писал Алексей в марте 2016 г., рассказывая о планах своей юбилейной поездки. Хотя встречи этой не случилось, именно от Мартымянова я впервые услышала о Пратолино («почему-то решил, что мне хочется провести 8 апреля именно там...») и с тех пор знаю, что рано или поздно и я увижу Апеннинского гиганта:

[2.04.2016] *О Пратолино я и сам узнал только лет пять назад. Тогда возникла необходимость предложить какой-то собственный общий курс вместо одного из тех, что читали на нашем факультете философы и культурологи, и как-то придумалось что-то вроде «Античного наследия в культуре последующих эпох». Ну, а по мере того, как сочинял, цеплялось, естественно, и многое не совсем античное. Так и Джамболонья оказался автором не только меркуриев, сабиянок, геркулесов и т.п., но и этого самого Старика, который меня почему-то совершенно очаровал. От Медичи, правда, после Демидовых на вилле ничего уже не осталось, но все равно побродить хотя бы по следам парка хочется.*

И теперь, когда Алексея Павловича не стало, боль и печаль от этой утраты, от того, что в последние годы так и не удалось встретиться и поговорить («Ну, а тема „я — вообще“ переписки точно не заслуживает. Это — разве что при встрече» [27.03.2016]), окрашена воспоминаниями о моментах радости, связанных в конечном счете с университетской, академической жизнью в самом широком смысле этого слова. В тяжелом для всех 2014 году меня буквально спас замечательный грустный роман Джона Уильямса «Стоунер» — о небольшом университете и скромном университетском преподавателе.

Последнее коротенькое письмо — благодарность за ссылку на запись интервью Ии Леонидовны Маяк:

[23.01.2019] *...завтра же обязательно посмотрю! И тебе — всего самого доброго! Алеша*

Да-а, вам хорошо, у вас уже вот-вот Сергеевские... :)

С. О. Наумов

Олексій Павлович, Льоша: як ми дружили

Мені поталанило дружити з Олексієм Павловичем (останнім часом я його так інколи й називав напівжартома; зазвичай, звісно, *Льоша*, а поза очі ще й *Мартем'янов*) понад 30 років. Була ця дружба своєрідною, якщо не сказати дивною, водночас глибинною (інакше як би вона була такою тривалою і стабільною, незмінно комфортною для обох?) і неглибокою (для прикладу, ми могли місяцями не спілкуватись і не відчувати в тому особливої потреби, я ніколи не був у нього вдома, а він — у мене).

Започаткувалась наша дружба в неординарних, як на нинішні часи, але дуже ординарних для пізнього радянського періоду умовах «колгоспу». Для невтаємничених з молодого покоління — так на вузівському сленгу тоді називалися щорічні осінні (у вересні-жовтні) виїзди студентів і співробітників (викладачів, аспірантів, лаборантів) на сільгоспроботи. Треба сказати, через непрості побутові, «виробничі» та погодні умови «колгосп» був справжнім випробуванням для всіх. Проте спільні праця, відпочинок, проживання впродовж кількох тижнів (а для студентів — і місяців) давали можливість краще пізнати один одного, здружитися (або на-впаки). В одному з таких «колгоспів» наприкінці 1980-х рр. (не пригадую вже, де й коли саме) доля і звела мене з Олексієм Павловичем. Обидва ми тоді синхронно розпочинали викладацький шлях на історичному факультеті, але він усе-таки належав до трохи старшого покоління, що й позначилося спершу на наших стосунках. Втім, досить швидко виявилось, що в багатьох пунктах «розуміння життя» у нас співпадало. Мені імпонували

Наумов Сергій Олександрович — доктор іст. наук, професор кафедри історії України ХНУ імені В. Н. Каразіна.

його доброзичливість, простота, дотепність (щоправда, не завжди комфортна для об'єктів тих дотепів) і, так би мовити, критичне ставлення до численних вказівок керівництва. Що він побачив у мені, не знаю. Зате точно знаю, що його чомусь вразила одна моя «гастрономічна» особливість: я полюбляв закушувати салом не з чорним хлібом, як усі, а з білим («кірпічиком» по-харківськи). Про це він згадував неодноразово й навіть на останньому (як виявилось) нашому з ним застіллі восени 2018 р. жартома вибачався, що приніс до сала чорний хліб.

Упевнений, що він не міг не звернути увагу й на те, що я спілкувався, як правило, українською, до того ж підшліфованою під час навчання у Лебединському педучилищі (якось мене вразив І. Л. Шерман, зупинивши в коридорі: «А вы неплохо говорите по-украински!»), — і не тільки тому, що в той час у Харкові, в університеті, на факультеті це було ще більшою екзотикою, ніж зараз. Більше важило те, що Олексій Павлович насправді чудово знав і шанував українську мову. Не знаю, передалося це йому від батька, знаного українського філолога, від оточення чи виховання, але це було. Щоправда, це своє ставлення він ніколи особливо не афішував, але цінував, коли українська мова звучала природньо, щиро і правильно, і не раз «стібався» з тих, хто нею *користувався* зрідка, вимушено, фальшиво, незграбно і неграмотно.

Зблизило нас і ще одне спільне уподобання — футбол (і як уболівальників, але більше як активних гравців — звісно, на нашому, дуже любительському рівні). Льоша зазвичай грав на позиції атакуючого півзахисника, я був захисником, тож ми доповнювали й допомагали один одному. Гравцем він був азартним, але не агресивним, любив розумну, комбінаційну гру, але був і не проти забити самотужки, бувало, що й на шкоду колективним зусиллям. Та з часом все частіше стали дошкуляти травми і проблеми, пов'язані з віком. Перед кожною грою ретельно обмотував ноги еластичними бинтами, але рятувало це його все менше: як сам казав, більше готувався, ніж грав. Запам'яталось, як після чергової такої ігрової «п'ятихвилинки» він сумно махнув рукою і пішов з майданчика, вже назавжди...

Взагалі нас об'єднувало неформальне і позаслужбове спілкування. Тут ми чудово розуміли один одного, бо Льоша, як і я, погано сприймав офіціоз, регламентованість, обов'язкові ритуали і «правильні» моделі поведінки; його душа, висловлюючись дещо патетично, прагнула до волі.

Це можна продемонструвати на прикладі наших ювілеїв, відзначати які на факультеті (особливо так років з 50-ти) вважається не обов'язковою, але все-таки традицією. Якось він запросив мене на свій ювілей (не пригадую, який саме) на кафедрі. Я, як міг, делікатно відмовився, вмотивувавши це саме щойно згаданими тут речами, з чим він напрочуд легко погодився. Що це було щиро, я пересвідчився, коли запросив його на свій єдиний «загальнофакультетський» ювілей. Він без жодних «а пам'ятаєш, ти...» прийняв запрошення, а під кінець «товариської вечери» (як називав такі зібрання його колишній науковий керівник), запропонував: «Давай якось зберемося по-простому, спокійно, без усього цього...». Що ми й зробили згодом (власне, зробив усе він, принісши вже згаданий чорний хліб і до хліба), на превелике власне задоволення. А потім його прикро вразили слова одного з колег, передані «доброзичливцями» (сподіваюся, студенти й начальство цього не читатимуть): «Вот ведь Лёша — считался другом семьи, а теперь пьёт с Наумовым». Може, останнє й не варто було б згадувати, але подібні речі, які трапляються від «інколи» до «часто-густо», — це теж реалії нашого життя, які його потроху «з'їдають».

Взагалі саме в останній рік життя Олексія Павловича ми якось знову більше зблизились. «Візуалізацією» цього можна вважати його переміщення в аудиторії під час засідань вченої ради факультету з одного флангу, де він сидів багато років, на інший. Якось він несподівано для мене сів поруч і так уже залишався до останнього свого засідання, здається, безрезневого. Я не спитав, а він не пояснив, чому так учинив. Але боюся, щось йому муляло, дошкуляло щось, що він так і залишив у собі, не зміг чи не захотів висловити.

На тому засіданні він вичитував студентські тести, говорив, що курс про античні культурні впливи, який він читає, — саме те, що йому подобається, де він знаходить втіху, як і у студентах, які жваво і творчо відгукуються на пропонований матеріал. Про його популярність і авторитетність серед студентів я вже знав давно, причому від них самих. Регулярно цікавлячись їхньою думкою (анонімно, включно з виставлянням оцінок) про свої виклади на третьому курсі, я запитував, чії лекції вони вважають найбільш вдалими. У цих переліках Олексій Павлович традиційно фігурував. Процитую лише один з останніх (осінь 2018 р.) відгуків: «Намагаючись виокремити щось спільне з того, що мотивує нас ходити на пари, я в першу чергу орієнтуюся на Олексія Павловича, який і досі є для нас

«сонечком» серед викладачів...». При цьому варто наголосити, по-перше, що він здобував свою викладацьку популярність не дешевим заграванням зі студентами чи тотальним їх «овідмінюванням», як то буває. Навпаки, багато років (не знаю, як було з цим останнім часом — всі ми змінюємось) мав репутацію вимогливого і навіть жорсткого викладача. Я в цьому плані від нього не дуже відставав, тож якось він висловився з цього приводу: «Ну, ми з тобою й монстри...». По-друге, попри високу популярність і якість викладання, Олексій Павлович не займав так само високих позицій у офіційних викладацьких рейтингах (хто не вірить, зайдіть на сайт факультету, там вони є за кілька останніх років). Схоже, ті рейтинги пишуться не під таких людей, бо ключові позиції там за нагородами, посадами, кількісними показниками. Це, звісно, теж важливо, а з точки зору престижу установи, мабуть, і головне. Але без урахування якісних критеріїв та думки тих, для кого ми працюємо, та ще з непрозорою системою підрахунку такі рейтинги є просто ще одним відомчим документом — у чомусь корисним, у чомусь формальним, у чомусь зайвим. Не виключено, втім, що в мені тут говорить неусвідомлена особиста невдоволеність тими рейтингами. Я теж у них з року в рік «пасу задніх», а одного разу так узагалі виявився найгіршим викладачем факультету, через що той же Льоша втішав: «Та не звертай ти уваги на цю...».

Слід було б написати і про наукову діяльність, бо вона є великою складовою нашого університетського життя, забирає багато часу й зусиль. У мене таке враження, що Олексій Павлович займався нею якось аритмічно і до кінця не був упевнений, наскільки це йому потрібно. Якщо додати до цього ще властиві йому великою мірою скромність і самокритичність, аж до самоіронії (він нерідко посміювався з приводу «своїї Мезії»), відторгнення службізму і кар'єризму у будь-яких проявах («воно тобі треба?» — один з улюблених його висловів), то очевидно, що звичний шлях до академічних висот був для нього проблематичним. Але коли працював, то (судячи з його публікацій та відгуків про них) натхненно і плідно, мав незаперечний авторитет серед колег-науковців. Втім, ми з ним ніколи не обговорювали наші наукові потуги — мали багато інших цікавих тем для обговорення, та й не заведено було.

Коли писав цей текст, за якоюсь таємничою асоціацією згадалися слова Марії Грінченко, сказані нею майже сто років тому про власну громадську діяльність: «Не яскраве було те життя, не голосна й праця: ніяких

подвигів, нічого блискучого, яскравого, все дрібне, буденне. Але ж і таке, яке було воно, робило своє діло; воно було тими краплинками, що помалу пробивають камінь, тими цеглинками, що надавалися до спільного будування нашого кращого прийдешнього». Чи підійдуть вони, щоб охарактеризувати факультетське життя Олексія Павловича? Моє? Інших колег? Не знаю. Але щось у цьому таки є, водночас оптимістичне і не дуже. На моє переконання, Олексій Павлович виявився недооціненим. Бо не мав регалій, не обіймав посад.

Зате був прекрасним викладачем. Був хорошою людиною. Був другом.

С. И. Посохов

Остров Мартемьянова: мемориальное эссе

*Ни один человек не может быть островом,
так, чтобы ему хватало самого себя;
каждый человек — это кусок материка, часть целого...*

Джон Донн

Человек — это остров, даже если сидит среди толпы себе подобных

Мэтью Томас

Об Алексее Павловиче мне писать трудно. По целому ряду причин. В том числе учитывая ироничность самого Мартемьянова по поводу опубликованных воспоминаний о коллегах. Когда мы собрались на 40-й день в деканате, я попросил перед началом нашей поминальной встречи включить декламацию стихотворения В. В. Маяковского на смерть Есенина. Среди прочих, там есть и такие слова:

Вам
и памятник еще не слит, —
где он,
бронзы звон
или гранита грань? —
а к решеткам памяти
уже
понанесли
посвящений
и воспоминаний дрянь.

Посохов Сергей Иванович — доктор ист. наук, профессор; заведующий кафедрой историографии, источниковедения и археологии ХНУ имени В. Н. Каразина.

Не хочется, чтобы получилась «дрянь»... И все же рискну изложить свои мнения и сомнения об этом незаурядном человеке.

Наше первое знакомство состоялось, когда я был студентом, а А. П. уже преподавателем. Воспоминание об этой встрече не стерлось в памяти, причем не только моей. А. П., который все хранил (и не только в памяти), несколько лет назад принес и показал мне свои записи с оценками студентов, у которых он вел семинарские занятия: у меня были хорошие оценки. На один из моих дней рождения он мне подарил кружку с надписью «for best student». Правда изображение на кружке являло собой перекошенное лицо какого-то типа, что дало повод для соответствующего сарказма окружающих.

Следует отметить, что А. П. обладал феноменальной памятью. Это касалось всего. Он прекрасно знал не только историю древнего мира, но и тексты песен, стихи, многие литературные произведения и, в том числе, имена очень многих студентов разных лет. Многие наши разговоры так или иначе касались студентов. Мы нередко выпивали «за студентов». Он очень дорожил отношениями с выпускниками, интересовался их судьбой, четко определял, кто из «какого помета» (его выражение, т. е. какого года выпуска). И, следует сказать, выпускники вспоминали о нем с благодарностью, искали встречи с ним. Саша Мазуркова позвонила мне из Франции, где она теперь живет, когда узнала о смерти А. П., и я слышал, как она плачет...

Вообще, он очень дорожил преподаванием. Для него преподавание истории Древней Греции было целью, к которой он шел много лет. Он не мог понять, как могут люди, еще обладающие энергией и здоровьем, отказаться от преподавания «своих» курсов (для него это было сродни диагнозу — значит человек долгое время занимался не своим делом). А. П. испытывал наслаждение от лекций. Мне приятно вспомнить, что не так давно он поблагодарил меня за то, что я предложил и настоял на том, чтобы он взялся за новый курс «Рецепция античного наследия в мировой культуре». Такой курс мог читать только такой эрудированный человек, как А. П. Но он не только был эрудированный, но и одержимый преподаванием. Он приглашал многих коллег послушать его лекции. Знаю, что многие приходили и без приглашения, сами по себе. Более того, некоторые студенты повторно захаживали послушать А. П. Многие из них в частных беседах говорили, что «читать лекции нужно так, как читает Алексей Павлович Мартемьянов». Я тоже посещал эти лекции (увы, не так часто, как хотелось).

Но мне любопытно было не столько слушать сообщаемое им, сколько наблюдать за самим процессом преподавания. А. П. читал без какого-либо конспекта, он постоянно перемещался по аудитории: слегка «на полусогнутых», как пантера перед прыжком. Для него важно было не только рассказать, но и показать: несколько поколений студентов запомнили его попытки затемнять аудиторию, чтобы было лучше видно слайды, которые он тщательно подбирал. В лекциях А. П. не было и намека на менторство. Школярство в университете он терпеть не мог. Его выступление в аудитории (а это было сродни театральному действу) изобиловало (как по мне, даже чересчур) подробностями, параллелями, замечаниями и ремарками. Любимым его словом было «так или иначе». Студенты даже шутили, называя его: «так или иначе Алексей Павлович». В этом «так или иначе» было признание того, что существует множество версий, возможность иных интерпретаций, намеков на недосказанность. Да, порой в конце лекции, а иногда и по ходу изложения, мне хотелось услышать какой-то более определенный вывод. Но, возможно, это был чеховский театр, где вывод должен сделать для себя каждый из присутствующих. Скажу, что когда мы провожали А. П. в последний путь, в траурном зале собралось большое количество студентов, которые «своим ходом» прибыли на кладбище, расположенное достаточно далеко за городом. Тогда я подумал, что преподавателей, как и артистов, в этот трагический час можно провожать аплодисментами. По крайней мере, А. П. их заслуживал как непревзойденный преподаватель. Впрочем, в последние годы я слышал от него и немало огорчений по поводу состояния преподавания, уровня студентов. Был момент, когда мне даже показалось, что он потерял какой-то важный смысл, который он прежде придавал этой деятельности.

Но вернусь к истории складывания наших отношений. Волею судеб в декабре 1999 г. я оказался с А. П. в Болгарии. Мы жили в одной комнате в отеле, мы вместе посещали различные мероприятия и участвовали в частных встречах. Мы вели продолжительные разговоры в дороге и перед сном. Я отвечал на его весьма острые вопросы о ситуации на факультете, его интересовало мое мнение о конкретных людях. Я был весьма откровенен. Очевидно, мои ответы и моя позиция в конечном итоге были им приняты. Тогда же он сам предложил перейти на «ты». Скажу, что для меня это было нелегко, учитывая не только определенную разницу в возрасте, но и мое восприятие А. П. как своего преподавателя. Но он умел

поставить дело так, что после очередной вечеринки с болгарскими коллегами Иво Тодоровым и Стелой Моневой, такое обращение стало органичным, я стал называть его «Лёша». Более того, с этого времени нас связала крепкая дружба. Мы стали чаще встречаться, в том числе подружились семьями, мы вместе совершили несколько запоминающихся путешествий на конференции, мы организовывали пикники на дачах и «заседания на кухнях». В этих поездках было немало курьезов, которые мы потом не раз вспоминали на различных посиделках. Так, мы регулярно выпивали «за нас, за „коведов“» (как-то пограничник, прочитав в приглашении «съезд антиковедов», строго спросил: «Против кого же вы выступаете?») или вспоминали, как нас задержали на Курском вокзале в Москве «как незаконно пребывающих в столице» и требовали взятку; как мы забыли в поезде забрать билеты, возвращаясь из Болгарии, а это означало, что нам могли не вернуть деньги за командировку (к слову, каждый раз А. П. предлагал расплатиться своей «зачачкой»).

Отмечу, что и в Болгарии, и позже, когда мы ездили вместе в Москву и Казань, я видел, насколько уважительно относились к нему коллеги. Речь идет о признании его как специалиста-исследователя. Мы встречались с В. И. Кузициным, И. Л. Маяк, С. Г. Карпюком и другими авторитетными антиковедами, и я видел признание высокого научного уровня А. П. с их стороны. Сам А. П. очень любил Юю Леонидовну и специально договорился с ней о встрече. Он очень хотел, чтобы я познакомился с ней поближе. Мы встретились у И. Л. Маяк дома, и эта встреча подтверждала все, что я знал о ней от А. П. Комната была буквально завалена книгами, мы ели какой-то суп, но главным пиршеством, очевидно, был разговор И. Л. и А. П., которые легко и с взаимным интересом беседовали о «своей» науке. Следует заметить, что отсутствие у А. П. докторской степени его нисколько не смущало, более того, я никогда не слышал от него сожаления по этому поводу и не замечал какого-либо пиетета по случаю академического статуса кого-то. Порой он с большим желанием шел «поболтать» с некоторыми лаборантками кафедр или деканатским сотрудницами, нежели с кем-то из коллег-преподавателей.

А. П. был чужд формальностей в науке. Он вообще не любил ту работу, которую «надо делать», он любил ту работу, которую он сам хотел делать. Моя попытка отправить его писать докторскую потерпела крах. После непродолжительного пребывания в статусе «пишущего докторскую

диссертацию» он пришел и заявил, что «это не его». Я даже не стал как-то особенно отговаривать А. П. переменить решение, просто пошел к ректору И. И. Залюбовскому и подписал служебку о его возвращении на кафедру в качестве преподавателя. Это не означало, что А. П. не любил писать, а только занимался преподаванием. Отнюдь! Он не хотел писать для отчета. Вспоминается, как А. П. достаточно энергично и качественно подготовил книгу о В. А. Латышевой, которую он считал своим учителем и которую он очень ценил. К слову, мне памятливы наши с ним походы к В. И. Кадееву и М. С. Лапиной. В этом его внимании к старикам, которых он уважал, было что-то трогательное.

А. П., безусловно, был одаренный человек. Но эта одаренность была особенно заметна тогда, когда он работал со словом. Замечу, что у него был и поэтический дар. Особенно у него получались подражания Гомеру. Мы не раз вспоминали «Покровские ворота» и посмеивались над тем, какое впечатление произвел на героиню фильма «гендекасиллаб», но в исполнении А. П. это были настоящие шедевры. Я получил от него в подарок на 50-летие такие стихи и бережно храню их. Я знаю, что он в принципе всегда очень внимательно работал со словом. Вспоминается, как он мучился с тем, чтобы сделать максимально адекватный перевод на английский язык пространной аннотации к его монографии... Наверное, он был врожденный филолог. Впрочем, не только гены и традиции родителей-филологов, но и вся его профессиональная деятельность, связанная с обработкой письменных источников, приучила его быть предельно внимательным к слову. Но я иногда не понимал его. К чему такой перфекционизм? Возможно, и его этот вопрос иногда мучил. Порой мы слышали его ироническое высказывание о «Хрякии», которой он посвятил свою жизнь. Отчасти, в этом тоже можно увидеть сомнение... Как-то на своем юбилее А. П. высказался так: «Моя жизнь и удалась, и не удалась». Затем он выдержал паузу. Все недоуменно посмотрели на него. А он с юмором пояснил, достав лист бумаги с надписью «Харьковский университет» (это был специальный лист, на котором раньше раскладывали материал номера университетской многотиражки). На этом листе было всего несколько слов, написанных неуверенной детской рукой (отец А. П. был редактором газеты, и родители часто брали с собой ребенка в университет, где давали лист бумаги и карандаш, чтобы чем-то занять). Так вот, там было написано: «Хочу в коммунизм», «Не хочу быть немцом». А. П., смеясь, пояснил, что до коммунизма не добрался, но и «немцом» не стал.

Он хотел и одновременно не хотел жить на острове... Он останавливался, когда, казалось, оставалось сделать полшага... Его постоянно мучали сомнения: «А стоит ли?». Эти сомнения часто заканчивались бездействием. Как тут опять не вспомнить слова Джона Донна: «Я с радостью перешел бы к действию, но я не знаю, к какому, и в этом нет ничего удивительного. Совершить выбор — значит совершить действие; но не быть частью чего бы то ни было значит — быть ничем. Величайшие люди в лучшем случае лишь величайшие опухоли, лишь наросты; блестящие умы, восхитительные собеседники — лишь украшения, детали орнамента, когда они не являются частью мира так, чтобы как-то способствовать поддержанию его жизни... Если я скажу, что я провел эти часы, не повредив никому, то ведь то же можно сказать про паука на моем окне». Внешне он был для всех «своим», но внутренне, как мне представляется, ощущал себя «чужим на празднике жизни» (как говаривал герой его любимого произведения). На поминках в день похорон С. В. Потрашков рассказал о том, как А. П. после возвращения из Флоренции сказал ему при встрече: «В прошлой жизни я, очевидно, был флорентийцем. Может и тараканом, но флорентийским». Как это можно интерпретировать? Значит ли это, что «здесь» ему было неуютно, а хотелось быть «там»? Вряд ли. Знаю, как огорчало его то, что происходит в нашей стране, но не уверен, что он с легкостью покинул бы ее, если бы представилась такая возможность (как сделали или готовы сделать при первом удобном случае многие другие наши соотечественники, которые много говорят о «патриотизме»). Скорее в этом было что-то другое. Его восхищение классической культурой, его стремление к высокой культуре. Кто не помнит его «Красиво!», сказанного не только по отношению к тому, что было изящно по форме, но и интересно по содержанию, а особенно — уместно в определенном контексте. Я также знаю, как он высоко ценил наш университет, как любил свой Харьков. Очевидно, он был «харьковский флорентиец».

На «сольном» творческом вечере, который был организован в Музее истории университета А. П. сказал, что он всегда сторонился общественной работы, начиная со школы. Значило ли это, что А. П. был закоренелым индивидуалистом? Не думаю. Я знаю, как он переживал разлад на своей кафедре. Он перестал приходить на новогодние празднования, кафедральные посиделки «по случаю». Его очень огорчало поведение некоторых коллег. Индивидуалисту это все было бы безразлично...

На поминках моя жена Люда вспомнила о том, как сам А. П. рассказывал о попытках сделать его членом КПСС. В том числе этого хотел и его отец — Павел Иванович Мартемьянов — фронтовик, который имел право и собирался дать ему рекомендацию в партию. Но он отказал даже отцу. Я доподлинно знаю, что с А. П. невозможно было вести речь о том, чтобы «кого-то поддержать» на экзамене. Он крайне негативно относился к таким просьбам. Соответственно, в мою бытность деканом я был регулярно приглашаем на сдачу «хвостов», чтобы не было сомнений в его честности. Значит ли это, что он был чрезмерно требователен и принципиален? Возможно. Но как-то по-особенному. Так, я знаю немало примеров, когда он осознанно избегал конфликта, хотя, на мой взгляд, фигурально говоря, надо было драться...

По стилю жизни он был сибарит, по крайней мере, так казалось. Он не любил домашнюю работу, внешне он выглядел беззаботным. Любил выйти покурить, «зайти на чашку кофе или рюмку коньяку». Но тот, кто был у него дома, тот видел множество книг, и это были книги не для красоты, а для работы. Близкие знали, что он засиживался за письменным столом «очень допоздна» (а потому так не любил первые пары). Он всегда выглядел бодрым и здоровым. За столом любил поесть и выпить. Ценил простую, но качественную пищу (и в этом мы тоже были солидарны). Никогда не жаловался на здоровье. Но как тогда понять, почему он ушел так рано?

Говоря о том или ином человеке, мы невольно говорим о себе. Народная мудрость гласит: «Скажи мне, кто твой друг, и я скажу, кто ты». Вот и сейчас, размышляя об А. П., я «так или иначе» сравниваю себя с ним. А вывод такой: во многом наши позиции и взгляды совпадали, но, одновременно, какие же мы разные... Может, поэтому, мы и стали с годами достаточно близкими людьми. Но насколько я понимал его, а он меня? Трудно сказать. Порой мне казалось, что он один из немногих, кто в принципе может меня понять. Его присутствие на вечеринке сразу добавляло мне куражу. Так, например, я знал, что он любил словесные состязания (анекдотами, стихами), и особенно старался при нем. Мне нравилось обмениваться с ним репликами из фильмов или книг. Помню, как он просил поиграть на гитаре («просто можешь перебирать струны») тогда же, когда и я хотел этого. Он вспоминал неоднократно мою радость по поводу рождения внука и «освобождения из деканатского плена» (впрочем, наверное, это было трудно не заметить). Это он обратил мое внимание

на С. Д. Литовченко, предложив мне взять его заместителем декана (а «там и деканом станет»), за что я ему очень благодарен. И все же я был только маленькой частью его большого мира... Я многого не знал и теперь уже никогда не узнаю... А. П. тоже был лишь часть моего мира. Но его смерть как-то сразу многое изменила во мне и вокруг меня. Я понял, насколько важна была эта «часть».

Мое последнее общение с А. П. было по телефону, поскольку он уже лежал в больнице. Когда я его спросил номер палаты, он достаточно злобно сказал: «Палата № 6». Я даже не сразу понял его черный юмор. Опять Чехов... Вот и в конце моего повествования мне на ум приходит повесть Чехова «Дуэль». Главные герои являют собой противоположности: идеалист и романтик, слабый и во всем (а прежде всего в себе) сомневающийся человек Иван Андреевич Лаевский и материалист, решительный, сильный и целеустремленный фон Корен, который, кажется, имеет четкие взгляды не только на свою жизнь, но на жизнь вообще. Но что же происходит в финале? Ожидание смерти меняет этих людей. Точнее, в них проявляются те качества, которые были у них где-то глубоко, но теперь на их основе родились новые смыслы. Произошел своего рода катарсис. И вот мы уже и не знаем, кто есть кто теперь. Впрочем, в повести есть еще и добряк доктор Самойленко, и красивая, но несколько беспутная Надежда Федоровна, и немного странный дьякон Победов, который неожиданно своим криком «Он убьет его!» предотвратил роковой исход для Лаевского (а, впрочем, и для фон Корена). Замечательный фильм, который был снят на основе этой повести, называется «Плохой хороший человек» (1973). Уже название — ключ к пониманию этих характеров. Вопрос стоит, не кто из нас «хороший» или «плохой», а что в нас хорошего и плохого, но, может быть, главное — это кому с нами хорошо или плохо. Мне было с А. П. хорошо.

А. С. Походнякова

Фрагменты мозаики АП

*Другие картины блекнут со временем,
а мозаика с годами сверкает все больше.*

Вазари

Всегда непросто изложить на бумаге то, каким был человек... И как же тогда рассказать об Алексее Павловиче? Когда сталкиваются формальность и чувство долга, а речь идет о том человеке, которого не описать словами и которого посчастливилось знать лично, дело принимает скверный оборот. Подобно античной мозаике, образ складывается словно из стеклянных тессер, и я позволю себе дополнить его образ своим скромным орнаментом.

Алексей Павлович был увлекающейся натурой, вкладывал в свое дело всего себя, пропитывая каждую минуту лекции невообразимой энергетикой. Его не могли не слушать даже по обыкновению пребывающие в глубоком сне обитатели галерки, а на парах то и дело появлялись студенты старших курсов, которые хотели послушать его лекции, чтобы вновь оказаться в той полюбившейся атмосфере, где царило вдохновение античной эпохи.

Любимый Учитель, неординарный преподаватель, талантливый лектор, прекрасный ученый, добрый наставник и удивительный человек, который был способен зажечь свет на факультете одним лишь своим

Походнякова Алёна Сергеевна — аспирантка кафедры истории древнего мира и средних веков ХНУ имени В. Н. Каразина.

присутствием, — таким был Алексей Павлович, таким его видели окружающие. Со стороны казалось, что Университет был для него даже не вторым, а первым домом — настолько он жил им. Нередко он показательно избегал какой-либо общественной деятельности, однако на самом деле глубоко переживал за то, что происходило в последние годы с факультетом, коллегам и студентами. Алексей Павлович почти никогда не жаловался на что-либо, отчего складывался образ лучезарно улыбающегося человека, которого не заботят никакие жизненные перипетии. Но, бывало, стоя в курилке после пар, собираясь возвращаться домой, он позволял себе обмолвиться, что ощущает, словно остался один: «Сергей Дмитриевич занят деканатскими делами, Сергея Ивановича совсем редко вижу, Андрей Николаевич где-то запропастился...». Мог сказать и о студентах: «С каждым годом все меньше и меньше горящих глаз в аудитории... Но даже если останется всего пара, значит я делаю это не зря». В такие редкие моменты, когда привычная улыбка сходила с его лица, закрадывалось ощущение, что в его душе царит тщательно скрываемая грусть. А затем он, словно очнувшись, резко переводил тему разговора, припоминая какой-нибудь забавный случай или анекдот.

Алексея Павловича всегда было до крайности интересно слушать. Казалось, этот человек — просто кладезь самых разнообразных историй на любой вкус. Он всегда с теплотой вспоминал свое детство, юность, многие рассказы касались периода учебы и работы в Университете. Его научным руководителем в годы соискательства был Владимир Иванович Кадеев, с которым у Алексея Павловича складывались весьма специфические отношения. Помнится, как он однажды поделился:

Тогда во время переезда пострадал мой кактус... Да-да! Это было мое единственное домашнее растение. Я назвал его Владимир Иванович... Почему? А все очень просто: раз в месяц я звонил своему научному руководителю, и заодно вспоминал, что пора поливать кактус...

Помимо научного руководителя Алексей Павлович нередко вспоминал о Валерии Александровне Латышевой, которая, по его словам, оказала большое влияние на него как на будущего ученого. И он действительно перенял лучшее от своих учителей и, добавив своего, щедро вкладывал это в своих учеников. И несмотря на то, что он увлеченно

занимался собственной темой исследования, всегда казалось, что преподавание для него — это более важная и значимая составляющая его профессиональной деятельности. Хотя он и не был моим научным руководителем, испытываю невыразимое чувство благодарности за советы, наставления и подсказки в течение всех лет моей учебы, а еще за то, что верил в мои силы. Без него мой путь в Университете сложился бы иначе.

Немало воспоминаний осталось со студенческих лет, связанных с этим человеком. Помнится, Алексей Павлович терпеть не мог, когда студенты приходили к нему после экзамена «подтянуть» оценку, и на такие просьбы реагировал довольно резко, объясняя это тем, что и без того ставит каждому студенту максимум, на который тот или иной может рассчитывать. И тут вспоминается отрывок из нашего разговора в конце моего первого курса, когда я, будучи старостой своей академической группы, явилась к нему на кафедру поставить оценки. «Так, Алёна Сергеевна...» — бормочет он, с серьезным видом изучая мою зачетку. — «У вас 99 баллов... Ну, давайте, попросите у меня еще один балл до ста!»...

Полагаю, те, кто общался с Алексеем Павловичем, могли заметить, что этот человек обладал уникальным набором, не побоюсь этого слова, чудных привычек, благодаря которым складывался его образ. Только с Алексеем Павловичем можно было спускаться по лестнице с пятого этажа на первый в течение десяти минут... и вовсе не оттого что это так высоко, а просто он имел привычку останавливаться через каждые несколько ступеней, увлеченно что-то рассказывая и опасно размахивая стаканчиком с его любимым черным кофе без сахара по пути к курилке. А порой он, как тот Сэр Белый Кролик из небезызвестной сказки, часто куда-то спешил, поглядывая на наручные часы и, едва ли не приговаривая: «Как же я тороплюсь!...». Но не опаздывал. А еще он на дух не переносил фотографироваться, мобильные телефоны и когда из-за солнца в окне не видно его лекционные презентации...

Искрометный юмор и самоирония — это тоже о нем, а когда будничная беседа около Университета пестрела цитатами из кинематографа и литературы, невозможно было остаться равнодушным. Алексей Павло-

вич имел особый талант непринужденно притягивать к себе внимание окружающих, хотя и был по своей натуре весьма скромным человеком. Ведение диалога — это искусство, и у него, без тени сомнения, был к этому талант. Особенно он расцветал, когда находил себе достойного «соперника» в словесной дуэли. Он любил «испытывать» собеседника, бросив в его адрес шпильку, и приходил в восторг, когда ему отвечали взаимностью, подхватывая эту игру. Будучи случайными свидетелями подобных «сражений», мы с друзьями впоследствии еще не раз вспоминали занимательные цитаты из его диалогов с коллегами-друзьями, в особенности с Сергеем Ивановичем и Сергеем Дмитриевичем. При этом он был образцом интеллигентности, культуры и воспитания, которые в наши дни встретить весьма непросто, а тонкое чувство юмора и предельная тактичность делали его приятнейшим собеседником. Помнится, лишь к пятому курсу я набралась смелости шутить в ответ (иногда даже удачно).

Поездка в Италию на свой юбилей, а именно — во Флоренцию, — одно из знаковых событий в последние годы жизни Алексея Павловича. Он вернулся оттуда совершенно счастливый и преисполненный впечатлениями. Невозможно не вспомнить, как он восторженно рассказывал:

В первый же день я обнаружил лавочку на площади неподалеку от отеля и примостился на самый краешек, сложив лапки и сконфужено поглядывая на сидящую рядом тетеньку, боясь ей помешать. Но уже спустя несколько дней я уверенно направлялся к этой лавке, и если издали видел, что она уже занята, готов был в открытую заявить на нее права. Благо, мой уровень владения итальянским не позволил...

Он говорил о том, что чувствовал тот город своим родным, будто какую-то из прошлых жизней он прожил именно во Флоренции. «Может быть, даже не человеком, а каким-нибудь тараканом!.. Но был там. И теперь, побывав снова, можно и умереть спокойно!», — со смехом сказал тогда он, а я по сей день задаюсь вопросом, случайность ли...

Его уход оказался совершенно шокирующим, и мне еще долгое время казалось, что я вот-вот проснусь и все окажется лишь дурным сном.

В последнюю нашу встречу в Университете, за пару дней до того, как он оказался в больнице, Алексей Павлович выглядел таким же, как и всегда: улыбался, шутил и говорил о том, что собирается в четверг к зубному. А оказался совершенно не у того врача...

Это был, без преувеличений, замечательный человек, один из тех, кого, *вне всяких сомнений*, буду вспоминать всю жизнь.

Так или иначе, он любил искусство и аквариумистику, много курил, предпочитал коньяк другим крепким напиткам и не мог жить без кофе. А на кафедре, помимо прочего, у него зачем-то лежал потрепанный сборник сказок Кристиана Пино.

С. Ю. Страшнюк

На волнах моей памяти

Память человека избирательна, особенно когда речь идет о событиях почти 40-летней давности, а тебе уже за шестьдесят. Я пытался вспомнить, когда мы познакомились с Алексеем, — так и не смог. Точно не в студенческие годы, хотя нас разделяли всего два курса. Старшекурсники-харьковчане редко обращали внимание на вчерашних школьников из провинции. Наверное, это произошло в начале 1980-х, когда я обучался в аспирантуре при кафедре новой и новейшей истории, а сблизились мы после того, как Алексей Павлович («Палыч», как мы его часто называли) в 1987 г. вернулся в Alma mater из Харьковского авиационного института, где шесть лет проработал лаборантом на одной из кафедр общественных наук (и с тех пор всегда с уважением отзывался об этой профессии). Вернулся, однако, не на родную кафедру истории древнего мира и средних веков, где в 1978 г. защищал дипломную работу под руководством доцента В. А. Латышевой, а преподавателем кафедры истории СССР. Но его научные интересы оставались в области античной истории, а конкретную тему кандидатской диссертации, защищенную 1 июня 1990 г., помог определить профессор В. И. Кадеев — «Сельское хозяйство и аграрные отношения в Нижней Мезии и Фракии в первых веках н. э.». До сих пор храню ее автореферат с ироничной надписью автора: «Сергею Юрьевичу Страшнюку с тайной надеждой на помещение этого фундаментального труда в золотой фонд харьковской болгаристики».

Страшнюк Сергей Юрьевич — канд. ист. наук, доцент кафедры новой и новейшей истории ХНУ имени В. Н. Каразина; директор Центра болгаристики и балканских исследований имени М. Дринова.

Собственно, как это ни парадоксально, «болгаристика» нас и сблизила, ибо римские провинции Фракия и Нижняя Мезия, располагавшиеся в период Империи в основном на территории современной Болгарии, были объектом исследования А. П. Мартемьянова на протяжении всей его жизни. В силу того что я, как историк-болгарист и «болгарский зять», бывал в этой стране чаще, то время от времени выполнял «задания» Алексея: привезти какую-либо статью или карту Болгарии, необходимую ему для «привязки» римских поселений или других объектов к топонимике XX в., либо передать его последние публикации с символическим презентом кому-нибудь из болгарских коллег. После того как Алексей в 1990 и 1993 гг. сам побывал на стажировке в Болгарии, у нас появились общие знакомые, особенно много в Великотырновском университете имени Святых Кирилла и Мефодия, который вот уже 30 лет является надежным партнером Харьковского университета. На историческом факультете ВТУ работала его однокурсница, тоже выпускница кафедры истории древнего мира и средних веков, Стела Монева, защитившая весной 1998 г. под руководством проф. В. И. Кадеева кандидатскую диссертацию «Публичное слово и афинская демократия (V—IV ст. до н. э.)». Алексей, помнится, оказал максимально возможную помощь коллеге, в частности в переводе и редактировании украиноязычного автореферата.

В Харьков довольно часто приезжали на стажировку или на конференции этнографы, археологи и историки из ВТУ: Мария Велева, Христо Глушков, Иван Стоянов, Минчо Минчев, Косьо Пенчиков, Милко Палангурски, Андрей Андреев, Борис Борисов... Кем бы они ни были по своей специальности, мы с Алексеем в обязательном порядке уделяли им должное внимание (благодаря чему посетили многие харьковские кафе и рестораны, до которых вряд ли добрались бы при других обстоятельствах). Но среди многочисленных болгарских коллег особенно теплая дружба связывала его с Иваном Тодоровым, доцентом кафедры древнего мира и средних веков ВТУ. Не только в силу общности научных интересов, но и «родства душ», что называется, вплоть до присущего обоим чувства юмора и общих вкусов в литературе. Оба, к примеру, любили при случае цитировать героев известных произведений Ильфа и Петрова «Двенадцать стульев» и «Золотой теленок» или знаменитого советского сериала «Семнадцать мгновений весны» по одноименному роману Юлиана Семенова, обросшего многочисленными анекдотами. Когда мы с Алексеем

оказались на месячной стажировке в Велико Тырново (кажется, это был 1995 год), посещение семьи Тодоровых (благо их квартира располагалась возле университетской гостиницы) было «священным ритуалом», сопровождаемым традиционным болгарским гостеприимством. Последний раз втроем мы сидели уже на квартире Алексея Павловича в ноябре 2018 г., когда Иво Тодоров приезжал в Харьков на очередную научную конференцию, организованную кафедрой истории древнего мира и средних веков Каразинского университета. Кто же знал, что эта встреча старых друзей окажется последней?

Доцентов А. Мартемьянова и И. Тодорова объединяло также ответственное отношение к профессии историка и высокая планка требований к себе и своему предмету (кроме спецкурсов, после ухода на пенсию проф. В. И. Кадаева Алексей Павлович стал читать курс «История Древней Греции и Рима»). О лекторском мастерстве его, наверное, лучше скажут коллеги по кафедре; мы же вдвоем иногда обсуждали качество студенческих курсовых и дипломных работ, которые часто оставляли желать лучшего. И радовались, когда у молодых людей появлялась увлеченность избранной темой, что является обязательной предпосылкой для успешной профессиональной реализации. Таких студентов Алексей Павлович выделял и помогал, как в случае, например, с учившимся на заочном отделении А. Б. Акимовым, который позже под его руководством защитил кандидатскую диссертацию о римской провинции Дакия. Он вообще очень уважительно относился к тем, кто не случайно пришел на исторический факультет; не только помнил многих по имени даже спустя много лет после окончания университета, но и круг их научных интересов, а также многие веселые истории из студенческой жизни. Но мог быть и желчным в высказываниях о некоторых выпускниках или коллегах, которые не соответствовали его представлениям о чести и достоинстве. Не терпел пустозвонства, фанфаронства и подхалимства, хотя, как интроверт или, скорее, флегматик (по классификации Гиппократ), был сдержан в эмоциях.

Разумеется, повседневная жизнь университетского преподавателя не сводится только к учебной или научной работе. На исходе советской эпохи мы еще застали первомайские демонстрации и субботники, обязательные выезды со студентами в сентябре в колхозы/совхозы Харьковской области на уборку урожая, а то и на юг Украины, Херсонщину,

где историки собирали арбузы, — каждый учебный год начинался с «трудового семестра». С определенного времени у нас стало традицией ко дню рождения проф. Е. П. Пугача 8 или 9 июля посещать его дачу, что расположена у Травянского водохранилища. Алексей любил такие «посиделки» в хорошей компании, которые частенько заканчивались под утро. Он прекрасно играл в преферанс и практически всегда выигрывал, что слегка задевало самолюбие Евгения Петровича. У меня лучше получалось в шахматы, но Палыч не был обучен этой игре, поэтому снисходительно позволял играть со мной в деберц, где тоже чаще всего выходил победителем. Но это не была игра на деньги, а лишь фон для общения, для разговора под чашечку кофе или рюмку коньяка (с неизменной сигаретой — от этой вредной привычки Алексею так и не удалось избавиться). Он был интересным собеседником, готовым поддержать практически любую тему — от литературных новинок до футбола, в котором разбирался профессионально, ведь когда-то тренировался в юношеской команде харьковского «Металлиста» и время от времени выходил на поле и в зрелые годы. Поэтому поводом зайти друг к другу в гости часто был просмотр одного из матчей чемпионатов мира/Европы по футболу или клубных кубков УЕФА.

Но была одна тема, которую он не любил: политика. Алексей никогда не состоял в КПСС, в отличие от многих из его коллег по факультету, что при случае подчеркивал, но распад Советского Союза вряд ли приветствовал. Большинство научных авторитетов для него находились в Москве, что и понятно, — МГУ имени М. В. Ломоносова и Институт всеобщей истории АН СССР / РАН были флагманами советской и российской исторической науки. «Так будет всегда, — говорил мне на заре перестройки Валерий Федорович Мещеряков. — У них другие возможности, поэтому провинциальные ученые, как правило, обречены на периферийные темы». Думаю, что доцент А. П. Мартемьянов опроверг этот тезис своим творчеством — он был серьезным и вдумчивым ученым, но научное «москвофильство» было ему присуще.

Эталонем науки он считал российские «толстые» журналы, гордился своими публикациями в «Вестнике древней истории», да и меня признал за равноценного собеседника только после появления нашей с проф. Г. Н. Поповым статьи в «Советском славяноведении». К украинскому антиковедению у него было скептическое отношение (за исключением

нескольких имен), и этот скептицизм распространялся на государственность Украины. Здесь мы расходились во взглядах, хотя качество украинского политикума и государства не соответствует и моим критериям о должном уровне. Мягко говоря. Но я считал и продолжаю считать, что история предоставила Украине шанс, который должен быть использован, и возврата в «светлое советское прошлое» или под протекторат Кремля быть не может, тогда как Алексей всегда задавал вопрос: «И что, комфортнее ли тебе стало жить после 1991 года?».

Если честно, то в социальном плане для нас ничего особенно не изменилось в «лихие 90-е» по сравнению с кризисными 80-ми — по крайней мере до тех пор, пока оба в 2008 г. не стали счастливыми обладателями квартир в кооперативе «Каразинский» на улице Отакара Яроша. (Мы и раньше жили на этой улице — Алексей в отцовской двухкомнатной квартире в одном из домов возле канатной дороги, а я — в университетском Доме молодого специалиста, фактически общежитии, что ближе к Ключковской). Но я больше ценил не материальное благосостояние, которое у российских, особенно московских, коллег, несомненно, выше, судя по зарплатам, а чувство творческой свободы. Если в 1986 г., когда начал преподавать на кафедре новой и новейшей истории, мои лекции, а порою и разговоры еще контролировались, причем вовсе не с точки зрения методики преподавания, то затем этот стесняющий фактор исчез. Не знаю, возможно, античники меньше ощущали на себе идеологический пресс и пристальное внимание со стороны известных структур, чем новисты, или сказывался мой брак с гражданкой Болгарии. Но дело не только в этом.

Помню, где-то в начале нулевых годов у нас состоялась жаркая дискуссия о перспективах развития страны. Алексей заявил, что не приветствует сползание Украины к национализму. Я возразил: «Почему ты считаешь, что все проукраински ориентированные партии и их электорат обязательно являются националистами? Почему они не могут быть украинскими либералами, консерваторами, социал-демократами и т. д.? Почему во Франции, Италии, той же Болгарии (после 1989 г.) это возможно, а в Украине нет?». Каждый остался при своем мнении, но Алексей подвел итог нашему спору примерно такими словами: «Хотелось бы, чтобы за пивом наши студенты вели между собой не менее содержательные беседы с таким же уровнем аргументации поднятой темы». Но к этому разговору мы больше не возвращались.

При всем при том, Алексей Павлович прекрасно владел украинским языком, что для харьковчан, сформировавшихся в советские годы, не очень характерно. Вероятно, сказалось, что его родители преподавали на филологическом факультете ХГУ имени А. М. Горького: мама — зарубежную литературу, отец — украинский язык. Алексей с гордостью говорил, что известный языковед Юрий Шевелев в своих мемуарах, касающихся харьковского периода своей жизни, благожелательно отозвался о Павле Мартемьянове как одном из немногих знатоков своего предмета. Я даже однажды проспорил Палычу бутылку коньяка на знание украинского языка, ошибочно полагая, что слово «принаймні» пишется без буквы «н». Вообще у него была отличная лингвистическая подготовка, включая приличный английский, а латынь уж точно не была для него «мертвым» языком. Однако в целом, конечно, он был представителем харьковской русскоязычной культуры. Поэтому, из уважения к нему, пишу эти строки по-русски.

В чем еще доценту А. П. Мартемьянову не откажешь, так это в безупречном вкусе: он всегда стильно одевался, и, что скрывать, был гурманом (не впадая, впрочем, в грех чревоугодия), а также, что немаловажно для историка, прекрасно владел словом и пером. Эти его качества — стилиста и редактора — я по достоинству оценил, когда в 2007 г. стал главным редактором «Дриновского сборника», а он согласился войти в состав редколлегии и рецензировал статьи, касавшиеся античной проблематики. Появление этого издания связано с награждением Каразинского университета в связи с его 200-летием Золотым плакетом имени М. Дринова — высшей наградой для юридических лиц Болгарской академии наук, с которой в 2005 г. был подписан Договор о сотрудничестве. Награда вручалась «за поддержание традиций исторической болгаристики». Это стало поводом для того, чтобы декан исторического факультета Сергей Иванович Посохов инициировал создание межфакультетского Центра болгаристики имени М. Дринова, предложив назначить меня директором. Ректор, Виль Савбанович Бакиров, согласился и подписал в сентябре 2005 г. соответствующий приказ, но вскоре решил придать Центру общеуниверситетский статус и нынешнее название: Центр болгаристики и балканских исследований имени М. Дринова.

С тех пор прошло уже 15 лет, наполненных довольно интенсивной научно-организационной работой. На посту директора одной из своих задач я видел продолжение и развитие тех традиций, которые сложились

на историческом факультете благодаря научно-педагогической деятельности наших предшественников и учителей — профессоров В. И. Кадеева, В. К. Михеева, С. И. Сидельникова и Г. Н. Попова, то есть развитие исторической болгаристики и балканистики, включая античную историю Восточных Балкан и изучение археологических памятников тюркских болгар (прото- или праболгар, как иногда пишут). С этой целью предложил Алексею Павловичу организовать международный симпозиум на тему «Фракийские земли и Северное Причерноморье в античную эпоху». Он вообще-то, как правило, тяготился организационными хлопотами, но тут взялся с энтузиазмом — идея показалась ему заслуживающей внимания. Такой симпозиум действительно состоялся 7–8 апреля 2011 г. с участием не только ведущих украинских и болгарских ученых, но и исследователей из России, Польши и Германии. Следствием такого рода научных форумов, к организации которых Центр болгаристики и балканских исследований имел отношение, была публикация их материалов в «Дриновском сборнике». Собственно, для этого, на мой взгляд, их и стоило проводить, чтобы оставить след в истории украинской науки и науки вообще. Но Палыч неожиданно для меня решил, что научный уровень симпозиума позволяет публиковать его материалы... в Москве. Отправленные в Институт всеобщей истории РАН статьи пролежали там несколько лет без движения, а затем, кажется, были напечатаны в харьковских «Древностях». «Потому что их там быстрее прочитают специалисты», — обосновал свою позицию Алексей Павлович. Меня это, не скрою, задело, поскольку существовала предварительная договоренность о приоритетности «Дриновского сборника», что стало причиной нашей размолвки. Нет, мы не ссорились, продолжая общаться в различных компаниях, но задушевные разговоры остались в прошлом.

По прошествии многих лет полагаю, что проблема не стоила тех эмоций, которые были вокруг нее потрачены. Жалею лишь, что то научное направление, которое представлял доцент А. П. Мартемьянов, с его преждевременной кончиной некому продолжить. Один из учеников, К. Ю. Нефедов, ушел из жизни спустя год после смерти своего научного руководителя. Сожалею также, что Алексей так и не дождался продолжения рода, хотя я лично искренне порадовался, когда пару месяцев назад узнал от его супруги Надежды, что ждет к концу лета появления внучки. Дочь Леру он очень любил и искренне переживал за ее будущее. Думаю, это чувство

было взаимным. Когда Валерия, окончившая факультет психологии, стала зарабатывать больше, чем родители, она сделала прекрасный подарок к 60-летию отца: туристическую поездку в Италию. Насколько я знаю, Алексей Павлович не ограничился экскурсиями по Риму, знакомством с его достопримечательностями и музеями, но и посетил город своей мечты. Таковым (как ни удивительно для историка древнего мира) была ренессансная Флоренция. Он как-то мне сказал, когда работал над спецкурсом о рецепции античной культуры в эпоху Возрождения и Нового времени, что в прошлой жизни, наверное, был флорентийцем. Своим стремлением возбудить интерес к античной культуре (среди студентов и не только) он сам походил на человека эпохи Возрождения; во всяком случае я легко представляю его одетым по моде второй половины XV в. среди участников Платоновской академии, основанной Козимо Медичи Старшим. И когда сам недавно стал читать спецкурс об истории европейской идеи, квалифицированной консультации Алексея Павловича по некоторым темам не доставало... Он навсегда останется на волнах моей памяти как один из преждевременно ушедших друзей, которых по жизни было не так уж много.

Доценту А. П. Мартемьянову было отмерено 63 года и один, почти один, месяц. Я выхожу на это возрастное плато ровно через полгода, и каждый день, прожитый с января 2021-го, буду считать подарком судьбы. Не за горами и тот рубеж, когда людям моего поколения предстоит встреча с Вечностью. Почему-то уверен, что мы обязательно найдем друг друга в лучшем мире или другой жизни, продолжив наши бесконечные разговоры о смысле бытия, жизненных ориентирах и общечеловеческих ценностях, о прочитанных книгах и просмотренных фильмах, о спорте и женщинах, о достоинствах болгарской кухни, ракии и вина — темах, которые сближают мужчин определенного интеллектуального круга независимо от их политических предпочтений.

И. М. Тодоров

Памет за Алексей

Идеята на преподавателите от исторически факултет на ХНУ „В. Н. Каразин“ да споделим спомени за колегата и приятеля Алексей Мартемьянов е продължение на утвърдилата се традиция в катедрата „Стара и средновековна история“. Тя се изразява в проявата на внимание и съпричастност към живота на тези, които вече не са между нас.

Несъмнено всеки, който е бил в досег с доцент Алексей Мартемьянов, има своите лични впечатления за него, изградени от конкретни професионални взаимоотношения, житейски ситуации и съвместни преживявания. Във времевите измерения от съществуването на катедра „Стара и средновековна история“, изминалите повече от 40 години заемат съществено място в съзнателния живот на доцент Мартемьянов. Поотделно представени, споделените спомени от тези, които са го познавали — колеги, студенти, дипломанти и аспиранти неизбежно биха изградили една пъстра мозайка, съответстваща на неговото ежедневие, на професионалната му работа. Опитът да споделя онова, което изпълва със съдържание колегиалните ни отношения и сърдечното приятелство през близо 30 години от живота ни ще бъде своеобразен израз на внимание към паметта за Алексей.

Началото на нашето познанство, прераснало във времето в колегиални и приятелски взаимоотношения датира от есента на 1990 г. Посещението на делегацията от Харковския университет, водена от професор В. И. Кадеев във ВТУ „Св. св. Кирил и Методий“ постави началото на съвместната научна и образователна дейност на двата университета. Общите научни

Тодоров Иван Михайлов — професор по стара история и тракология, исторически факултет, Великотърновски университет „Св. св. Кирил и Методий“.

интереси на двамата с Алексей Мартемьянов (през 1990 г.) той бе защитил дисертация на тема: „Селското стопанство и аграрните отношения в римските провинции Долна Мизия и Тракия през първите векове на новата ера“ (Сельское хозяйство и аграрные отношения в Нижней Мезии и Фракия в первых веках н. э.), дадоха основата на бъдещия научен проект. Във времето названието на този проект: „История и култура на тракийските земи и Северното Причерноморие в античната епоха“, респективно „История и култура фракийските земи и Северное Причерноморье в античную эпоху“ приемаше времеви и тематични корекции. В основата си обаче първоначалната идея предложена от проф. В. И. Кадеев намери своята материализация в научните разработки на Алексей Мартемьянов. За времето от 1985 до 2018 г. отпечатаните на тази тема материали от Алексей Мартемьянов надхвърля 60 публикации. В грижливо представената библиографска справка, отразяваща научното дело на преподавателите от катедра „Стара и средновековна история“ може да се види, че изследванията на Алексей намират своята представителност в организираните от исторически факултет на ХНУ „Василий Каразин“ научни форуми. Те влизат в съпътстващите тези форуми издания — университетски сборници и научна периодика: Дриновские чтения/респ. Дриновский збірник; Вісник Харківського національного університета; „Древности“ и т. н. В международно утвърдените периодични издания — „Вестник древней истории“, „Российская археология“, „Списание на БАН“, „Анали“, „Военно-исторически сборник“ и университетските издания на Софийския и Великотърновския университет в България, изследванията на доцент Мартемьянов се ползваха с внимание и уважение. Така в годините неговото име и постигнатите резултати в научните изследвания посветени на обществените и историческите процеси в римските провинции Мизия и Тракия заеха достойно място в украинската и българската историография.

Не бих могъл да кажа, че в преките ни срещи в Украйна, в Харьков или в България, във Велико Търново разговорите с Алексей Мартемьянов са били ангажирани единствено и само с професионални въпроси. По време на своите научни командировки в България, по преките договори между ХНУ „В. Н. Каразин“ и ВТУ „Св. св. Кирил и Методий“, доцент Мартемьянов отделяше внимание на работа с научната литература и текущата периодика в университетската и факултетна библиотека. Предприемахме съвместни пътувания до научните институти и музеи

в София и СУ „Св. Климент Охридски“. С обясним професионален интерес Алексей се запозна с колегите от Пловдивския университет „Паисий Хилендарски“. Възможността да посети представителните археологически и исторически музеи в Пловдив, Стара Загора и във Варна му позволиха да получи непосредствено впечатление за работата на колегите поддържащи и обогатяващи сбирките с праисторически и антични експонати в посетени те институции. Впрочем в много от днешните български градове, създадените и обновяващи се музейни експозиции представят в процес на развитие историческата приемственост и традициите на населението от античността до наши дни. Паметниците на гръко-римската култура в този смисъл илюстрират развитието на градския живот в римските провинции Мизия и Тракия. Такива са внушенията от разкритите градски комплекси останали от Никополис ад Иструм (до Велико Търново), Сердика (дн. София), Филипопол (дн. Пловдив), Августа Траяна (дн. Стара Загора), Одесос (дн. Варна)...

Своеобразен израз на специфичните, професионални интереси на колегата Мартемьянов се проявяваха в желанието му за информация, отнасяща се до публикации свързани с конкретни археологически и епиграфски паметници; изследванията на българските учени Борис Геров, Теофил Иванов, Диляна Ботева-Боянова, Румен Иванов, Венцислав Динчев и т. н. Опитът да обхвана с библиографска последователност заглавията интересувачи Алексей Мартемьянов, включващи статии и изследвания от български автори тук могат да бъдат само с представителен характер. Далеч по-пълни са съдържащите се в неговите изследвания библиографски позовавания от работата му с научната литература събрана и обработена от фондовете на специализираните институции в Харков и Москва, от Велико Търново, Варна и София.

Допирни точки в професионалния смисъл с доцент Алексей Мартемьянов се осъществяваха и на основата на пряката ни ангажираност като университетски преподаватели — в Харковския университет и във Великотърновския университет. Във формалния смисъл, от биографичните справки на катедра „Стара и средновековна история“ на ХНУ „В. Н. Каразин“ се вижда, че Алексей Мартемьянов като преподавател се е утвърдил в областта на класическата университетска дисциплина „История на Стария свят“. Неговите лекционни курсове от огромната по своя обем преподавана материя основно се свързват с историята и културата на Елада (Древна Гърция) и Рим. Кариерното развитие на всеки университетски пре-

подавател неизбежно се изразява в практическа подготовка на студентите за аналитична работа с писмените извори и научната литература в рамките на предвидения по учебен план хорариум часове за лекции и семинарни занятия. Тук именно се създават онези преки връзки и впечатления, които предопределят бъдещото развитие на студента, бъдещия специалист-историк и неговия преподавател. Мога да кажа, че от непреките впечатления, които имам, авторитетът на доцент Алексей Мартемьянов в тази област е на забележително високо равнище. Възможността да видя представителната лекция: „Разкопките на Троя от Хайнрих Шлиман“ в електронната мрежа и включените коментари от ползватели, позволяват да бъде дадена висока оценка на неговите преподавателски качества. Използвайки традиционните дадености на университетската аудитория; отличното познаване на публикуваните вече първични резултати и тяхната съвременна интерпретация — с модерните средства на интерактивното експониране преподавателя Мартемьянов успешно и завладяващо представя един от фундаменталните археологически обекти, поставил началото на познанието ни за ранната култура на егейския свят в историята на Елада.

Не мога да кажа, че имам поглед върху развитието на студентите-дипломанти, с които е работил доцент Мартемьянов. Познавам двама от неговите ученици — доцент Константин Ю. Нефедов и аспиранта (през 2005 г. (?) Виктория Абрамова от катедра „Всемирная история“ на Университета в град Запорожъе, Украйна. В годините след своето университетско образование и научното ръководство на Алексей Павлович те бяха избрали научното поприще свързано с античността, което им позволи по-късно успешно да се реализират като професионални историци.

Самостоятелната научна и преподавателска работа, научното ръководство на дипломанти и аспиранти — това е съществената част от представата, която се изгражда за професионалната кариера на учения, на преподавателя доцент Алексей Мартемьянов. В колегиалния смисъл обаче, по никакъв начин не бих желал да пропусна неговите качества на инициатор, участник и организатор на провежданите научни форуми под знака на исторически факултет в ХНУ „В. Н. Каразин“. Тематично голяма част от тях протичаха в тясно професионалната сфера на старата и средновековна обща история и археология, историята на древна Тракия и Мизия, историята на Византия. Вън от всякакво съмнение обаче е участието на всички членове на основната градивна единица във всеки

университет — т. е. Катедрата. Непредубедено е и впечатлението, което придобива всеки участник в юбилейните и посветителните конференции, паметните четения е забележително големият брой на учените и преподавателите от водещите научни институти и университетите на Украйна, България, Полша, Русия и Германия. Заслуга за това безспорно има и личността на един от организаторите, какъвто беше Алексей Мартемьянов.

Тук не бива да се подвеждаме само от критериите за количественото и държавно представителство в организираните научни изяви. По-скоро тяхната значимост и положените усилия за осъществяването им, по достойнство би следвало да се оценяват в смисъла на успешното преодоляване на съществуващите пространствени ограничения. Хармонията и стремежа за културна и научна интеграция сред участниците стоеше над съвременните държавни реалности. Резултатът от тези усилия се дължеше и на обикновените човешки взаимоотношения създадени във времето, поддържани с прояви на внимание, което не винаги може да се открие в изискванията на официалния протокол.

Мисля си, че тук би следвало да бъде отбелязано, че паметта за осъществените връзки и взаимоотношения между колеги и съмишленици в научната област, която ни обединява — интересът към историята и археологията за античността и средновековието неизбежно надгражда всекидневните човешки и колегиални отношения. А, спомените, които всеки един от нас има с доцент Алексей Мартемьянов макар и твърде лични са житейски преживяни. Вярвам, че всички, които го познаваха са съхранили само най-доброто за него и това, което той е постигнал.

От древността до нас са достигнали много изрази, позволяващи по подходящ начин да завършим написаното за живота на наши близки приятели. Един от тях ми се вижда, че отговаря на казаното дотук: *Finis coronat opus* (*Краят увенчава делото*). Искрено се надявам казаното от древните римляни да бъде прието в неговия положителен смисъл!

Ползвани източници:

Бабичев, Н., Боровский, Я. Словарь латинских крылатых слов. Москва, 1982.
Мартемьянов, Ал. Сельское хозяйство и аграрные отношения в Нижней Мезии и Фракии в первых веках н. э. Автореферат диссертации на соискание ученой степени “кандидата исторических наук”. Харьков, 1990. 24 с.

Кафедра історії стародвнього світу і середніх віків. За 40 років (1978–2018). Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна. Бібліографічний покажчик. Харків, 2018.

<http://history.karazin.ua/ru/MartemyanovOleksiyPavlovich.html>

http://historia-hgu.narod.ru/foto/personal_photos/martemijanov_a/martemijanov_a.html

<https://www.youtube.com/watch?v=sSwthIMeJ18> — А. П. Мартемьянов «Раскопки Трои Г. Шлиманом». 27.03. 2010.

ИНТЕРВЬЮ А. П. МАРТЕМЬЯНОВА

В сборник также вошли два автобиографических текста А. П. Мартемьянова. Первый — это расшифровка видеозаписи встречи с А. П. Мартемьяновым в рамках Клуба университетских историй Музея истории Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина (2011 г.), на которой присутствовали студенты и преподаватели исторического факультета, сотрудники музея. Второй текст представляет собой транскрипцию аудиоинтервью, сделанного студенткой исторического факультета Е. Чечкиной в 2017 г. в рамках спецкурса «Устная история: теория и практика» (проект «Образы университетской науки: Харьковский университет в 1940–1980-х гг.»). Оригиналы записей хранятся в фондах Музея истории университета.

Обе записи расшифрованы дословно, без сокращений, с сохранением особенностей устной речи. Микропаузы обозначены запятыми (,) и точками (.), более длительные паузы — многоточием (...). Слова и фразы, которые не удалось расшифровать отмечены квадратными скобками [*не-разборчиво*]. В круглых скобках комментируется поведение респондента и интервьюера, их реакции на вопросы/ответы, а также реакция аудитории и особенности проведения интервью (появление третьих лиц, выключение диктофона и т. д.), например (*смеется*). Большая часть подстрочных примечаний также связана с особенностями проведения интервью, в частности, с обращением А. П. Мартемьянова к присутствующим, также уточняются некоторые моменты, которые усложняют понимание этих текстов.

В. Ю. Иващенко

Заседание Клуба университетских историй «Встреча с не древней историей: А. П. Мартемьянов о себе и университете»

Вид интервью: видеоинтервью.

Место проведения интервью: Музей истории Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина.

Дата проведения интервью: 25 октября 2011 г.

Присутствующие: преподаватели и студенты исторического факультета, сотрудники Музея истории университета.

Транскрипция: Походнякова Алёна, Закатилова Екатерина, Красько Ольга.

Место хранения: Музей истории Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина. Ф. 7. Оп. 21. П. 2.

Киселева Ю. А.¹: Приветствуем вас снова в Клубе университетских историй. Сегодня мы встречаемся с нашим любимым преподавателем, университетским человеком, Алексеем Павловичем Мартемьяновым, который любезно согласился прийти на эту встречу. Ну и судя по тому, какой это вызвало ажиотаж, я думаю, это уже хорошее начало нашей встречи. Алексей Павлович, Вам слово.

Мартемьянов А. П.: Спасибо. Я, честно...

Посохов С. И.²: Что Вы можете сказать, Алексей Павлович? Помните, Ваше последнее слово... Нет, вступительное слово.

Мартемьянов А. П.: Уже можно говорить до свидания? (*смеется*) Ну, на самом деле уже много лет себя не ощущал так неловко, потому что... одно дело, когда заходишь в аудиторию, почти всегда знаешь, что ты там собираешься говорить, и другое дело — сегодня.

Но особенно меня в пятницу окончательно добило... просто как-то неловко говорить о себе. А добило окончательно... что-то я слонялся с этажа на этаж, в лифте и сзади услышал фразу, вначале она меня не озадачила: «Ты на Мартемьянова идешь?» (*смех в аудитории*) Я думаю,

¹ Ю. А. Киселева — на момент проведения встречи с А. П. Мартемьяновым сотрудник Музея истории университета и руководитель Клуба университетских историй.

² С. И. Посохов — декан исторического факультета в 1997–2016 гг.

посмотрел на часы и думаю, ну, в пятницу я уже провел пару к тому времени, Леся не даст соврать, и Паша³. Вот, а потом выяснилось, увидел я это объявление. Ну, в общем, ну, я понимаю там, на Галкина, там братів Гадюкнінх (*смех в аудиторії*), но... вот отсюда, конечно, вот отсюда, конечно. Но все равно нужно чем-то занять. Я в последние годы, это на вашей уже памяти, как-то настолько привык ориентироваться на презентации. Это неслучайно сегодня на третьем курсе ничего я вам не показывал, только для того чтобы не переутомлять, и вот... но, единственное, я сам эти фотографии, ну, не скажу, что никогда бы не видел, но очень давно. Вот. И этого не видел многого даже Сергей Иванович, человек, ближе которого у меня, может быть, и нет. Так, что это... (*А. П. Мартемьянов показывает на слайд презентации, смех в аудиторії*)⁴.

Посохов С. И.: В каком виде, Алексей Павлович? (*смех в аудиторії*).

Мартемьянов А. П.: Опять-таки, вспоминаем наш спецкурс, точнее, курс этого года, там без эротики у нас не обходится, а здесь совсем немножко.

Посохов С. И.: Никто не скажет, что Вы как-то [*неразборчиво*].

Мартемьянов А. П.: Это, значит... ну, здесь, если я правильно понимаю. Сейчас немножко хронологии. Сейчас мне 55, значит, идет мне 56-й, значит, родился я в 1956 г. Надо заметить, как совпадает.

Посохов С. И.: И нельзя сказать, что Вы тогда на всех смотрели сверху вниз (*С. И. Посохов комментирует слайд презентации*).

Мартемьянов А. П.: Нет, Сергей Иванович, здесь свое... я как-то попытался... ну, Джоконда, не Джоконда (*смех в аудиторії*), но вот понять, что под этим завитком кроется в глазах, то, что она не совсем... То, что не совсем Давид...

Посохов С. И.: А может быть, это уже мысль?

Мартемьянов А. П.: Мысль — это вот она... Это извилина вылезла. Но то, что без особого доверия (*смех в аудиторії*). Практически наверняка. Но! Тут просто... ну, да, еще и ямочки... Но тут, в этом, наверное,

³ Студенты исторического факультета Леся Куприенко и Павел Муржа.

⁴ Во время встречи на экране демонстрировалась презентация с личными фотографиями А. П. Мартемьянова. Фактически Алексей Павлович комментировал фотографии, отображающие разные периоды его жизни — детство, школьные годы, студенческую жизнь, работу в университете.

и основное, все-таки вот это как раз то, что имеет отношение, как я понимаю, это какие-то университетские истории, встреча, но дело в том, что все-таки я всю жизнь пытался, чтобы в университете именно со мной особых историй не приключалось, и поэтому как раз вот этот видеорядик такой. Он, в общем-то, я так подумал, он тематически как раз относится к тому, о чем мы говорим, потому что это и есть вот приходящееся, ну, я не знаю, на конец [19]50-х — [19]60-е годы детство университетского ребенка. Вот так это надо, в принципе, наверное, охватить, потому что, что было, то было. Родители мои были, как тогда писали в анкетах, «из служащих», ну, а служба их действительно, так уж вышло, заключалась в служении университету, в котором они в общем-то проучились, поработали всю послевоенную часть своей жизни. И этого я в презентацию свою не включал, но это не обо мне, поэтому я был очень благодарен, когда несколько лет назад в нашем «Харьковском университете» вышли большие статьи о моих матери и отце⁵. Были они филологами, работали, ну... отец преподавал, прежде всего, украинский язык — ключевое было. Ну, и, кстати, нюанс: говорил-то я всегда преимущественно по-русски, но читать я научился по-украински. Первая книжечка, которую я добивал, до сих пор не знаю ударение, «ЧИтаночка» чи «ЧитАночка», большая зеленая. До последнего переезда квартирного я ее даже так оставлял, и вот ее я как-то, ну, не скажу, что всю одолел, но до школы. А первую книжку на русском языке, это точно знаю, что в голове сидит, прочел я в конце второй четверти первого класса, это были то ли рассказы о Ленине, то ли воспоминания. Но не важно, как раз, ну вот вышло так. Вот.

Ну, а мама преподавала зарубежную литературу, и, что мне очень приятно... ну, это уже преподаватели старшего поколения, кто у них учился, в общем-то, вспоминают так, как я думаю, мне хотелось бы, чтобы когда-то может быть, вспоминали обо мне.

Так вот давайте, наверное, что там следующее получается... Значит, ну, вот, что касается опять-таки того же детства университетского ребенка. Ну, типичное теперь, вне всякого сомнения, но вот, вы знаете, жаловаться совершенно не приходится, потому что у меня детство — это, ну, абсолютно, не скажу, что безоблачное, но счастливое пятно. Но, и вот,

⁵ Статья «Коли мова співає?» (о семье Мартемьяновых) была опубликована в газете «Харківський університет» (2003, № 15–16).

пожалуйста — за этим. Тут обратите внимание не на меня, а на вот этот фрагмент, и, в общем-то, на возраст (*А. П. Мартемьянов показывает на слайд презентации*). И следующую, пожалуйста, фотографию, и вот... Я вроде бы вырос, меня уже, кроме там, с медведя там, слона, лошадки, на которой можно кататься. Опять-таки, видите, у меня есть Кремль⁶. Вот у кого из вас в детстве был Кремль? (*смех в аудитории*) Софийский собор мог быть, допустим, Нотр-Дам и то мог быть, Статуя Свободы могла, а Кремля не было, но...

Посохов С. И.: Сейчас бита должна быть дома (*смех в аудитории*).

Мартемьянов А. П.: Ну, можно использовать. Но, как сейчас помню, или, наверное, уже не помню, он сборный. Но вот я к чему, вот фрагмент, который я показываю, я уже вырос раза в полтора, а... не только цветок, а вот сами эти условия, к вопросу не о том, что не в деньгах, а более чем своеобразные, потому что вот жили мы, громко говоря, в квартире, которую получила мама, вернувшись из эвакуации в 1946 г., вот на Пушкинской, проходя мимо можете посмотреть, я иногда захожу. Но там нет мемориальной таблички, но это Пушкинская 63, там большой такой парадный вход в дом, и вот там, на третьем этаже, квартира была коммунальная, значит, и в этой квартире, я попытался посчитать, было от восьми до десяти где-то семей, причем, вот вы знаете, это как раз, наверное, срез, это не кино, не книжка, это срез — вот этого порубежья [19]50-х — [19]60-х годов, ведь жили с нами, допустим, в одной этой коммуналке сестры Шерман, они были родными сестрами вот одного из предшественников Сергея Ивановича по заведованию кафедрой историографии, Исаяи Львовича Шермана, профессора, как вы понимаете, и не последнее в университетском мире человека. Фризманы — это были счастливые обладатели целых двух комнат, целых двух комнат, вот и я тогда, до последних дней там эта тетя Дора Фризманы, я всегда подчеркивал, я гордился тем, что она не просто работает в филармонии, а она — «первая скрипка» Харьковской филармонии, мне почему-то казалось, что вот «первая скрипка» — это лучшая скрипка, но не важно. А муж ее, Генрих Венецианович Фризманы, — это часть истории нашей кафедры, потому что вот, опять-таки, в послевоенные годы до выхода на пенсию, до [19]80-х годов, он работал на нашей кафедре и вместе с Любовью Павловной Калуцкой преподавал, преподавал историю средних веков и, между прочим, он

⁶ Имеется в виду игрушечный Кремль на фотографии.

среди и в числе, ну, может, не любимых, но самых уважаемых учителей, ну, многим, большинству, наверное, хорошо известного, слава Богу, еще Юрия Алексеевича Голубкина, вот... Сара Исаевна Глузман, опять-таки (*улыбнулся*), вот, она была хирургом, но хирургом настолько с большой руки, с большой буквы, что она даже успела, это я уже потом узнал, тогда просто об этом не представлял, вот подпасть под «дело врачей» в 30-летнем, с небольшим, возрасте. Вот муж ее, Михаил Яковлевич Глузман, он чуть не, ну, возглавлял Дом проектов... Так вот я к чему. К тому, что все они жили вот в этих комнатках, и вот наша комнатка, зачем эта фотография, я понимаю, рост мой и сейчас немного определяем, но посмотрите, видно, что уголок-то небольшой, и места меня больше сфотографировать негде в комнате, вот, но зато она уверенно стремится ввысь и, сам я этого не помню, но она точно была «вища, ніж ширша чи довша», вот и 12 метров была ее площадь, 12 квадратных метров, но зато под пять метров была в высоту, где был текущий потолок, но это уже нюансы. И вот в этих двенадцати метрах нас жило до 1961 г. трое, потом родилась сестра — четверо человек. И! Я к чему, это не только не (*подбирает слово*) не давило... может, родителей, конечно, немножко иначе, как-то это вот но, когда мы в 1964 г. получили колоссальную, 43 с копейками метров, двухкомнатную, эту вот «хрущевку» на Павловом Поле, по-моему, первые дни я ходил, только и делал, что открывал дверь: «Это что, наша?». У нас была в квартире одна дверь, это точно совершенно, и вот тоже, что врезалось: «ванный день», ванная одна на всех, вот вторник. Сегодня вторник, да? Вот, можно попробовать осуществить (*смех в аудитории*)... Вторник вечером — утром не суйся! Потому что ванная твоя, ну, вот нашей семьи, — это вторник вечер, ну, в общем. Так вот, при всем при этом ни малейшего негатива, никакой «вороньей слободки», и когда я оттуда уехал, я туда стабильно возвращался, пока не разъехались мои последние друзья, то есть класса до седьмого-восьмого, вот, с начала второго класса я туда стабильно... вот настолько туда тянуло, поэтому давайте, наверное, уже дальше.

Да. Ну, когда, когда... совсем некуда было девать меня дома, меня отправляли, или я отправлялся в свое поместье (*смех в аудитории*) Ну, на самом деле отец у меня родом из Сумской области, там совершенно роскошное село. Ну, для того, чтобы просто представить себе два показателя... до этого лета один показатель у меня был, а сейчас — два. Первый — это то,

что ездили туда к отцу охотиться, ну, те, кого потом знали, вот Виктор Иванович Астахов, проректор университета, в значительной мере Сергей Иванович лучше знает, едва ли не основоположник нашей историографической школы, его супруга Валентина Илларионовна Астахова, впоследствии вот, Юрий Иванович Кондуфор и даже, не знаю, по-моему, это легенда, но вот в 1961 г. Буланкин умер, да?

Ответ из аудитории: нет.

Мартемьянов А. П.: [19]60-й, может быть? [19]63-й?

Ответ из аудитории: в [19]63-м, по-моему⁷.

Мартемьянов А. П.: Тем более, значит, еще меньше версия, что это легенда, но и даже ректор того времени нашего университета ну, вот не мог найти лучших мест. Но окончательно это подтвердилось, что там здорово, вот в этом году, когда мои двоюродные брат с сестрой туда ездили и выяснилось, что тот бор, в котором мы собирали грибы, сейчас огорожен и называется «Гетманскими угодьями». Вот ничего больше, вы же понимаете, что если бы это было плохо, то какому гетману нужны такие угодья. Ну, в общем, жизнь я так вел подобную Ксенофону, вот, повторяю, у меня было свое хозяйство, вот, которым я занимался. Когда я был свободен от этих хозяйственных забот, пожалуйста, Июль⁸, да, я еще рыбачил, я еще рыбачил, но рыбы настолько крупные, что в кадр они не входили (*смех в аудитории*), поэтому приходилось собирать грибы, чтобы хоть как-то оправдать свое существование, ну, и конечно... ну, и конечно, вот охота (*А. П. Мартемьянов показывает на слайд презентации, смех в аудитории*). Охота вот, с трофеями, это было мое времяпровождение, причем времяпровождение любимое, ну, и на самом деле, там вон в газете, там сохранилась... (*из аудитории А. П. Мартемьянову предлагают взять газету*), да не надо, там фотография просто отцовской хаты. Я потом когда-то посчитал, что в этом Каменецком я провел в общей сложности то ли четыре, то ли пять лет жизни вот, примерно до семнадцати, до восемнадцати лет, когда начал ездить на раскопки, и это колоссальная составляющая, ну, во-первых, моего существования не только тогдашнего, но и в принципе, это единственное место, куда меня по-прежнему тянет... вот... я имею в виду, вне пределов Харькова.

⁷ И. Н. Буланкин умер в 1960 г.

⁸ Обращается к Ю. А. Киселевой, которая переключает слайды презентации.

И еще момент, вот там я, собственно, почти каждое лето... Я не думаю сейчас, чтобы это очень нравилось маме, но старший говорил — младший радуется, а отец не представлял себе иного варианта, и каждое лето мы проводили там, чему я сейчас очень благодарен. Но все хорошее заканчивалось, тут меня отправили в детский сад, вот (*А. П. Мартемьянов показывает на слайд презентации, смех в аудитории*). В детском саду не то, чтобы долго, но обратите внимание, какие-то вот такие склонности (*смех в аудитории*) все люди как люди вот, а этот вот... Ну, и этот самый детский сад, он у меня, это четыре года... когда меня сплывали вот... но в общем, сплывали плавно, он перешел в еще одну, это уж чисто университетскую составляющую, именно в университетскую самодеятельность. Значит, тогда это... можно следующий слайд... тогда это, ну, опять то же самое, только в другом ключе, это наша университетская сцена, которую многие вы попробовали, может, настил тогда был другой, скорее всего, это где-то наверное 1962-й год, вот... но университетская самодеятельность. Тогда было две фишки, насколько я понимаю, у университета, чтобы отличиться, это КВН начала [19]60-х как раз годов и самодеятельность. И там и там были свои сильные стороны, каждая сторона считала себя лучшей, задействовано было колоссальное количество людей, по-моему, на этом КВН-е как раз Валентина Илларионовна во многом начинала свою последующую карьеру, она отвечала за самодеятельность, за КВН. Нужно было чем-то отличиться, и вот первое это выступление — это колоссальный хор, сразу скажу.

Ну, мне петь по определению запрещено, вот, этого от меня и не требовалось, на сцене стоит огромный хор, не влазит ни в одну фотографию, есть одна совсем мелкая, я пытался там себя найти, затерялся в ногах где-то... вот... но смысл в том: хор стоит, огромная сцена, вот... выхожу я, говорю: «Пусть всегда будет солнце», — и замолкаю. Главное, чтобы потом я не запел (*смех в аудитории*). Вот, потом выходит девочка, кстати, вот эта девочка (*А. П. Мартемьянов показывает на слайд презентации*), но в другой ситуации, вот... она выходит, там... «Пусть всегда будет небо», да... выходит третий, уже поющий, сын тоже университетского преподавателя, Евгений Яковлевич Николенко как раз вот... и вот он запеваает первый куплет: «Солнце вокруг, солнечный круг» там, вот... «небо вокруг»... и так далее. Мне это очень нравилось, причем из-за одной этой фразы я проводил там сутками (*смех в аудитории*), по сути дела, потому

что они-то хор не могли собрать, а я всегда вот начеку... Там же потом были драматические ну, подтанцовка (*А. П. Мартемьянов показывает на слайд презентации*), вот... да-да-да, вот так вот оно и называлось этот венгерский мадьярский танец, вот... но слава Богу, тогда в восемь лет я оттанцевался, но все хорошее когда-нибудь заканчивается, и... следующий кадр — меня отдали в школу. Но я вот это (*показывает на слайд презентации, смех в аудитории*)... здесь еще немножко так то, что сейчас смотрится абсолютным анахронизмом и атавизмом, — эта форма, вот я застал, это 1963-й год, вот, последний год, последний год и когда на следующий год меня ну с дикими скандалами перевели в школу по новому месту жительства, уже на Павловом Поле в 45-ю, это 5-я школа, еще у нас на [ул.] Иванова здесь, вот.

Я все порывался класса до пятого-шестого, наверное, строил планы, как бы вернуться обратно в эту школу, даже придумывал слова, с которыми вернусь (*смех в аудитории*). Но главное, что, вот, когда я пошел во второй класс, и вот такой крохой ездил тогда вот возле подвесной дороги, возле «канатки» этой со стороны Павлового Поля, естественно. Вот нужно было до проспекта Ленина, это около километра, пройти, ходил только один, восьмой, как сейчас помню, троллейбус, как я в него втискивался, какой я потом из него вылезал (*смех в аудитории*), но ездил и, наверное, до сих пор бы ездил, если бы все-таки родители это решительно не прервали. Я к чему, что я попытался в эту новую школу, тогда 45-я школа была новой, второй год только набирала детей, вот, попытался ходить в этой форме. Эту форму тоже с меня потом с кожей сдирали (*смех в аудитории*). Никто не ходит, но вот это ж тоже здорово — неважно, в чем, зато ни у кого ж такого нет (*смех в аудитории*). Вот. Ну, и в этой школе, тут обычная такая... выдвиженческая карьера, в начале... мне очень нравилось, тут я ничего не скажу, вот, лет до 12-ти мне очень нравилось быть в начале октябренком, потом пионером, я дослужился до председателя Совета отрядов, отряда, это, наверное, в заводском масштабе почти парторг цеха вот был (*смех в аудитории*). У меня были на рукаве две такие красные, заботливо мамой обшитые, красные лычки, вот... но вот, видно, меня это как-то перенапрягло, и вот к седьмому классу вся моя активность настолько закончилась, что не возрождалась, общественного плана, что больше не возрождалась больше, действительно, без преувеличения, никогда. Попытались меня уже на первом курсе сделать профгруппоргом, ну, опять-таки, вроде как знакомая

фамилия, ошибку поняли уже к середине первого семестра, вот... ну, и с тех пор. Но! Пионером, я повторяю, мне быть нравилось, нравилось быть на виду, и, ну, и вот так в школе все это протекало, пока я ее вот в таком состоянии не закончил (*А. П. Мартемьянов показывает на слайд презентации, смех в аудитории*), ну, вот... в таком состоянии не закончил, и почти в таком состоянии после этого я поступил в университет.

Ну, как вы понимаете, поступил я... поступил на истфак... но до этого еще весной десятого класса, почти уже заканчивая, тогда десять классов заканчивали, ничто не предвещало беды, потому что ни на какой истфак я не собирался. Заканчивая школу, и, как-то рассказывал когда-то, но на самом деле я собирался поступать, я собирался учиться дальше, но я собирался поступать в Астрахани, и, я не помню, как сейчас называется институт, где можно было учиться на разведение осетровых рыб (*смех в аудитории*). Вот это вот и было (*смех в аудитории*). Ну, не без того, знаете, есть такая слабость, может быть, с тех времен, но вот... но получилось так... чисто житейская вообще ситуация. Я на олимпиадах был... Вот биология, вот, биология, зоология, в старших классах и биология уже была. Вот это мои олимпиады, это мои интересы, какие-то успехи, но тут получается, я не успел подать документы, там умерла родительская знакомая, у которой по определению я должен был жить. Общежития у этого института не было, а это сейчас не проблема, и, не знаю уж, но уверен, что из присутствующих кто-то уже снимает квартиру, и то, что студент с первого курса живет на квартире, это нормально. Значит, ну, обычно, скажем так. Вот, кому-то так даже лучше. Тогда это в принципе было не в порядке вещей, поэтому Астрахань отпала, Астрахань отпала, но, что греха таить, в общем-то, армия меня манила еще меньше тогда... Поэтому надо было куда-то поступать. Науки технические отпадали, потому что они мне противопоказаны, ну, меньше, чем, разве что, пение (*смех в аудитории*). Это действительно так. Да и сейчас, когда мы вот встречаемся, ну, допустим, Сергей Иванович, супруга моя — они поют, а я слова подсказываю, когда они забывают (*смех в аудитории*). Но ни в коем случае, тут главное — не дойти до той кондиции, когда ты запоешь (*смех в аудитории*). Вот.

С точными науками примерно так же, хотя там хоть варианты какие-то были, вот... поэтому что? По сути дела, были филфак... был филфак, но он для меня по определению отпадал, по той простой причине, что там

работали родители, и отцу особенно очень хотелось, чтобы я поступил именно туда, но это вот, не знаю, максимализм, или что-то другое, такое вот детское это название... Я и сейчас, я не жалею совершенно, что вышло так, как вышло... Ну, в общем, я категорически не хотел на филфак, потому что это быть родительским вот ребенком, во-первых... во-вторых даже, то, что ты на виду все время, что совершенно необязательно, а... ну, а во-первых, что это не годится. Да и сейчас мне это тоже так кажется, но это уже как кому. Поэтому что... больше вроде как никуда нельзя, остается истфак.

Вот на истфак я и поступил, не располагая ни малейшим! Тут я без преувеличения. У нас учителя истории и такие, и такие были. Вот сейчас действительно по-разному складывается. Вы прекрасно знаете, что от учителя зависит, ну, я уверен, что больше 50-ти процентов, скажем так, вот, и вон сейчас на практику хожу в лицей, ну, тут особая еще ситуация. Мало того, что в лицее практически все... все, пожалуй, выпускники нашей кафедры, так еще и преподаватели, в моем представлении, с большой буквы. А у нас было Бог знает что, не называя имен. Они все были яркими общественниками, так положено, скажем так, но кроме отвращения к истории у меня ничего не было к концу школы, и вот в таком состоянии я поступил на истфак. Я поступил на истфак, пожалуйста, дальше. Вот... поэтому (*смех в аудитории, появился новый слайд на презентации*). Это вот без всякого. Мне очень хотелось, мне всю истфаковскую свою жизнь очень хотелось жить в общезитии, вот, и поселиться я туда никак не мог, потому что общезитие находилось где-то в полутора километрах от моего дома, вот, и селить меня туда никто не... то есть, я проводил сколько-то времени, тогда было строже, насколько я понимаю, вот, чем сейчас, по крайней мере. И пока меня оттуда не выгоняли, я проводил время, но потом приходилось преодолевать вот эти вот километр, или полтора, для того чтобы потом в обратном направлении туда же и идти, и, в общем, я договорился, меня могли посетить туда уже на четвертом курсе, ну, там, студсовет и так далее, уже оброс уже какими-то знакомствами, да вот... но к тому времени... ну, меня просто предали, я бы сказал, потому что мои ближайшие друзья один за другим начали жениться (*смех в аудитории*) к тому времени, и соответственно, переезжать из общезития. И к тому времени, когда уже можно было все, в общем-то, оформить, у меня уже не было смысла, собственно говоря, туда селиться. Вот здесь вот на этой фотографии (*А. П. Мартемьянов показывает на слайд презентации*), во-первых, одно лицо, что на-

зывается, вот... а во-вторых, все-таки сравните. Я тут без всякой... вот то вот наши глаза, а вот это глаза химика того времени (*смех в аудитории*)... по-моему, отличаются. Значит, вторым развлечением, вторым развлечением... Действительно, любил это времяпровождение... Вот сейчас, допустим, пожалуйста, следующий слайд...

Вопрос из аудитории: А кто это внизу?

Мартемьянов А. П.: Внизу? А, внизу тоже химик (*смех в аудитории*)... тоже химик.

Посохов С. И.: Выпал в осадок (*смех в аудитории*).

Мартемьянов А. П.: Вот как раз слева, кстати, это Андрей Васильевич Крыганов, мой ближайший многие годы друг, но, к сожалению, несколько лет назад ушедший из жизни. Вот, а второе развлечение, второй мой добрый знакомый с тех времен... это колхозы. Значит, вот сейчас на этот, на колхоз смотрят: «Ах, они там ездили в колхоз». Значит... меня... как кому... вне всякого сомнения... но для меня это было после первого курса, кажется да, после первого курса, еще с волосами. Вот оно есть, вот как уж тогда было... Вот. Значит, мне в этих колхозах было гораздо комфортнее, чем на факультете во время учебы. Там ничего не нужно было сдавать, и там всегда, в общем-то как ты работаешь. Это, когда потом я уже стал ездить, вот руководителем этих работ, то хуже колхоза (*смех в аудитории*) я на истфаке ничего не знал. Потому что там же нужно следить, как ты работаешь, вот, ну, это совсем другое. Это кошмар, большего кошмара действительно нет. А так, да какая мне разница, в 18 лет или это перед первым курсом мы еще тоже ездили, сколько я собрал тех помидоров или погрузил тех ящиков. Зато это же великолепное времяпрепровождения. Ну, и освоение новой техники (*А. П. Мартемьянов показывает на слайд презентации, смех в аудитории*), конечно же... вот и потом у нас уже было такое правило, что если ты на раскопках провел ну, вот два месяца, то ты имел право не ездить в колхоз. Но я проводил два месяца, и оттуда даже, если что вот как раз в этом году я сам ехал, разыскивал, где тот колхоз. Юрий Иосифович Журавский, тогдашний руководитель факультета, ну, замдекана был, но фактически, я считаю, руководил, вот: «Да зачем ты туда поедешь, вот мы людей оттуда пачками, нет, а ты вот едешь...». По меркам Харьковской области — это воровской район, то есть, это окраина, как сейчас помню, село Вище Солоне, там, кроме этого, и цивилизации-то не было, но и это было прекрасно. Но, с другой стороны,

вот это вот [*неразборчиво*] (А. П. Мартемьянов показывает на слайд) сам Александр Иванович Тумаков... да-да-да-да-да, вот, это второй, действительно, это второй мой близкий, близкий мне человек по студенческим временам, ну и дальше.

Дальше совсем коротко (А. П. Мартемьянов показывает на слайд), это, ну, это... поход. Это то, что тоже вы обратите внимание, тут на первых курсах меня в аудитории — это [*неразборчиво*].

Вопрос из аудитории, С. И. Посохов: Человек в шкуре?

Мартемьянов А. П.: Да... это тоже я. Я сразу скажу, что даже вот шестой десяток на конец второго и третий я бы не поменял никогда, но тут каждому возрасту свое. Вот. Но, походы — да, без них тоже никак, вот до начала [19]80-х годов, когда я по определенным причинам, но это в самом конце уже, в них разочаровался, ходил регулярно, но в основном это Крым был, чтобы горы поотвесней, виды покрасивее. Ну, и это, по всей вероятности, семьдесят, наверное, четвертый год, постольку, поскольку XXV съезд, к XXV съезду КПСС достойную встречу, но вы же понимаете, что без этого никак. Моя палатка — хочу порчу, хочу не порчу (*смех в аудитории*), [*неразборчиво*]. Она и сейчас есть.

Поехали дальше... а вот дальше, а вот дальше... было то, с чего, в общем-то, началась наша сегодняшняя с вами встреча, потому что начались Маслины. Всем нашим спецкурсом, вот, да, есть смысл об этом говорить, вот... значит... ну, для меня все началось с Маслин. Там я оказался... опять-таки, мне было абсолютно все равно куда, да, ну, вот первая группа, в которой я учился, ехала на раскопки античного поселения Маслины, ну, это северо-западный Крым, вот. Везла эту экспедицию Валерия Александровна Латышева, и, к сожалению, тоже ее уже нет среди нас. И вот там-то... причем я и тогда еще не подозревал, чем все это закончится. Но все началось. Мне понравилось! Мне понравилось, поехал я туда и на следующий год. И ездил, в общем-то, до тех пор, пока уже и закончил университет, пока там велись какие бы то ни было раскопки, но, тем более, там была всегда прекрасная компания: вот Юрий Алексеевич Голубкин (А. П. Мартемьянов показывает на слайд), ну, вот это вот я тех времен, и это... это работающая часть экспедиции. Следующую фотографию, пожалуйста. Это работающая, потому что, обратите внимание вот на эти котлы, на эту кухню. Кто особенно задействован, тот понимает, что такое прокормить, мы считали, 86 человек. 86 человек, в условиях абсолютно

без леса и степи, в условиях отсутствия воды, которую можно пить, вот... и в отсутствие дров. В отсутствие дров, что самое главное, для нас это было печально, потому что мы целыми днями ходили, забираясь за километры в сторону от лагеря, для того чтобы найти на вечерний костер, в общем-то, какие-то поленья, палки вот, доски, потому что, в общем-то, жечь костер, без которого никак, из общественных дров. Ну, это, в общем-то, преступление. И зная, и потому уже понимая, какой кровью Валерия Александровна, в общем-то, организовывала весь этот быт... а главное удовольствие здесь, конечно, в общем-то, было поесть, отсюда вот кто-то придумал, видите, это старая, на машинке еще написана, «Алеша Мартемьянов говорит дежурным большое спасибо». Это была... давайте дальше. Это было море, там море, я готов и сейчас подписаться, по крайней мере, в Крыму нет нигде такого моря, как в ряде мест на Тарханкуте, Маслинах. Ну, во-первых, поселение на треть примерно ушло в воду, то есть это лагерь на самом побережье настолько, что его неоднократно, вот за годы моего участия, смывало, просто смывало штормом, водой, но зато вот ты вышел, не нужно, как даже в том же Херсонесе, бежать непонятно куда во время перерыва. Ты прямо из раскопа падал в воду.

Все это хорошо, но, обратите внимание, какое количество камней... какое количество камней, и вот здесь я когда-то ну, точнее, время от времени на спецкурсе рассказываю, в этом году, по-моему, не успел рассказать, относительно того, что когда Валерия Александровна затеялась с консервацией этого памятника, то, я тогда уже был на старших курсах, а потом уже работал, приезжал не студентом. И вот мне была поручена основная роль в этой консервации, мы что делали. Я по камешкам — по камешкам! — разбирал стену, благо, это не Херсонес, ну, вот такие вот (А. П. Мартемьянов показывает на слайд презентации) примерно камни. Вот это вот как раз в процессе я раскладывал эти камешки, это начало разборки, по чертежу, сделанному архитекторами Валерии Александровны. И потом в той же последовательности, в том же, в общем-то, варианте, раскладывал их, только не на глиняный вот раствор, естественно, а на цементный, на цементный раствор, и получалось вот такое, ну, камней было очень много, давайте дальше чуть-чуть вот... а, вот в результате из этих камней вот это мое... Это моя гордость — это туалет (*смех в аудитории*). Это туалет, который я сложил из-под [*неразборчиво*]. Вот, и вы знаете, между прочим, смех смехом, но это безлесая степь! Как говорят специалисты,

видно на расстоянии пяти километров (*смех в аудитории*). Море — 7–12, в зависимости от погоды. Но море — это вот, а в степь там чуть повыше, но там чуть ли ни село Далекое можно было видеть, которое было на расстоянии семи километров. Поэтому вот это Валерии Александровне очень понравилось, и потом она уже моих преемников, они еще по фотографии пытались когда-то это... восстановить... но факт, что это, в общем-то, это нравилось. Давайте дальше.

Ага, вы все-таки эту фотографии убрали. Я просто к тому, что камни приходилось не только раскладывать, но и ворочать весьма увесистые, и, в общем-то, от этого, конечно, уставал, от этого уставал. Вот это вот, это побудка (*А. П. Мартемьянов показывает на слайд презентации*), вот это рука Юрия Алексеевича того же, вот, там... Александра Анатольевича Гаврюшенко, ныне декана в Академии культуры... Это они не могут меня вытащить из палатки. Вот... ну, а в совокупности все это. Я вот, например, совершенно не представляю, как можно было, как можно в принципе ездить на те же раскопки и не работать. Там с тоски, по-моему, удавиться можно, по крайней мере, в «маслинном» этом варианте. Причем развлечения всегда, в общем-то, найти можно, главное — это не пропасть, не проспать, простите, раскоп, потому что, ну, зачастую, было что ты предпочитаешь себя уговорить и лучше не ложиться, в пять часов мы начинали работать, были особо жаркие лета, в общем, ну, или иногда в шесть, чтобы, не дай Бог, не пропасть, не проспать, и, в общем-то, к сожалению, это было. Валерия Александровна в этом плане умница, и в этом — тоже, карала она безжалостно, с раскопок выгоняла не раз, за такие, в общем-то... короче, за это (*смех в аудитории*). Но, вместе с тем, вместе с тем, я не знаю, там дальше вроде ничего не было, а, да, но это уже потом заставка, пусть будет. Но зато, но зато... на третьем курсе, к чему я веду, перед третьим курсом, как раз это то, что кому-то предстоит, большей частью вы это проходили, вот-вот. Она совершенно неожиданно для меня, это действительно было неожиданно, предложила мне специализироваться у нее, и писать что-то о Маслинах. И это уже, конечно, действительно принципиально, потому что я из вежливости, не более того, согласился, ну, из вежливости, чтобы как-то оправдать, что она меня берет с собой, так я все это отрабатывал, как и большинство людей, в общем-то, экспедиционщиков, но вот так я связался... оказался втянутым. То есть из ничего появилась эта античность, на ровном месте.

Потом я стал что-то, потом стал что-то пытаться писать, вот здесь второй подействовавший рычаг, Маслины раз, и второй — это взаимосвязано. Это, конечно СНО⁹. Вот потому что я что-то пытался писать, вот я как раз Лесе¹⁰ на днях рассказывал, результат был для меня очень обидный и плачевный, потому что первая в жизни моя работа, которую я подал на конкурс, не помню, по-моему, на четвертом, наверное, курсе, называлась что-то вроде... Ну, неважно, как она называлась, сейчас не скажу, но как-то прилично (*смех в аудитории*), но она заняла то ли на городском, то ли на областном конкурсе второе место, и у меня есть диплом второй степени. Но, как общеизвестно, и для меня это точно аксиома, свежесть точно не бывает второй, она бывает только одна, поэтому все эти вторые и третьи места — это не интересно, но показательно. С другой стороны, не обидно, поэтому я его даже не выбросил, и в принципе не жалею. Хотя 25 рублей, которые я получил премией, а 45 рублей — пенсия, пенсия, стипендия была (*смех в аудитории*), вот... А Вы знаете, Сергей Иванович, какая в наши годы пенсия. Вот... но я к тому, что это было нормально, и премия, которую мы в тот же вечер прогуляли, нормально и хорошо реализовали, но оно, в общем, конечно, тоже фактор времени. Потому что я хорошо помню, что вот именно в том конкурсе первое место заняла ну, конечно, где мне с моим несозвучным эпохе товаром соперничать с роскошной темой: «Партийное руководство комсомольской организации Валковщины» в годы какой-то там пятилетки, в каком-то там направлении. Это не по анекдоту там об осеменении, это просто вот первые места так распределены. Но зато в своих рамках, вот потом уже была эта агонистичность, скажем так, которая не агония, оно, конечно, уже играло, потому что и на четвертом, и на пятом курсе в числе ну вот авторов лучших, скажем так, докладов на региональных уровнях, Украина, Молдавия, это были регионы археологических студенческих конференций. Там, слава Богу, вот сколько приходилось здесь участвовать в распределении этих подарков, мест, на наших конференциях, но вот опять-таки, всегда думаешь, второе место — это, по-моему, это здорово, но обидно. А как, кому — грамота, кому — книга. Ну, сложность всегда это, и неприятно. Там все

⁹ СНО — студенческое научное общество.

¹⁰ Студентка Леся Куприенко, которая на момент заседания Клуба университетских историй писала у А. П. Мартемьянова дипломную работу.

просто. Если у тебя доклад нормальный, ты с этого раз [*неразборчиво*], региональной конференции едешь на ВАСК¹¹, на всесоюзную, и там выступаешь, здесь все понятно. И если после этого у тебя есть диплом, подписанный, ну все-таки это легенда русской, российской археологии, Арциховским, то значит, в общем-то, ты не напрасно, ну, провел, по крайней мере, если не прожил этот год.

Вот с этого все и пошло, и так продолжалось до пятого курса, не бойтесь, я уже заканчиваю, до пятого курса, когда встал вопрос о том, чем заниматься дальше. И в связи с этими маслинскими моими устремлениями, и в принципе успехами, конечно, ну, по результатам, конечно, получалось. Владимир Иванович Кадеев, который тогда был не только заведующим кафедрой, но и деканом нашего факультета, ну, в общем, ему показалось, что будет правильно, если меня отправят сразу для дальнейшего обучения в аспирантуру в Институт археологии Украины в Киеве. И вот эта идея, все уже, было заказано под меня место, все это продержалось, я не знаю, до мая, июня, не помню, когда мы сдавали последний госэкзамен, выпускного, для меня 1978 г., когда я получил четверку по госэкзамену. Я не стал поднимать. Я знаю, что это была то ли история КПСС, или научный коммунизм. Вот вы знаете, это не потому, что я не знал. Я знал их, ну, не хуже, поверьте, чем те, кто получил то, что, ну, скажем, положено. Просто не пошло. Вот я даже сейчас понимаю, после этого я и не знаю, сколько лет я, в общем-то в ГЭКе просидел, я просто примерно себе понимаю — ну, не «пошел» я председателю комиссии того времени. И даже готов вот, никаких тайн, тем более ничего страшного, знаю, что хотел он, собирался ставить четверку по первому из вот этих двух экзаменов, так-то уговорили его, поставили эту пятерку мне, а потом... ну, он вроде бы сказал, рассказывали добрые языки потом, из, опять-таки, старшего поколения, тех же лиц тех годов: «Я ставлю, но по следующему экзамену я все равно ему пятерку не поставлю». Ну, «затаявся» и не поставил. Даже вопроса не помню вот. Там было значение какого-то съезда, не помню, четвертого или третьего, четвертого съезда КПСС. Но я к чему, тут не важно знать, вот в чем его значение. Ну, я по учебнику — одно, второе, пятое рассказал. «Нет, нет». А в чем же? «Ха-ха, в неприятых решениях!» (*смех в аудитории*). Ну, может, так оно и было, но, в конечном счете,

¹¹ Всесоюзная археологическая студенческая конференция.

четверку я получил. Но почему об этом речь, потому что даже единственная в дипломе четверка, у меня она была не единственная, я не помню, было три или четыре с этой вот, но этого вполне хватало, единственная четверка уже лишала красного диплома, диплома с отличием. И больше всех это переживала Лидия Федоровна, наш тогда секретарь, теперешняя Светлана (*обращается к методисту исторического факультета С. А. Чухлий*): «Как же так, Мартемьянов, что же Вы наделали, я же заказала Вам уже корочку красную для диплома!» (*смех в аудитории*).

Но суть, конечно, не в этом, а в том, что они... никто, и Владимир Иванович, этого не знали, но, в общем-то, мне как-то очень не хотелось. Потом еще поехали в эти военки на лагеря, по тем временам уже на два, а не на три месяца, но после пятого курса, и совмещать эти лагеря с подготовкой в аспирантуру — это было крайне хлопотно, и практически невозможно. Поэтому тогда я фактически вздохнул с облегчением, вот. Ну, а после этого я пошел работать в школу.

Я пошел работать в школу, причем дело в том, что у меня там распределение было фактически фиктивным, эта школа. Ну, как фиктивным, я собирался, оно было законным, но всем было понятно, что я буду учиться в аспирантуре, поэтому я там не проработаю, а раз аспирантуры нет, значит, туда надо идти, а я никак этим распределением не озадачивался, и я, если я в каких-то мрачных снах не видел истфака в перспективе, когда учился в десятом классе, то школу и в страшных снах я не видел (*смех в аудитории*). Не, что было, то было, хотя... мне на практике понравилось, но извините, одно дело вот так вот подработать, вот, повеселиться, сколько там — двадцать один год, пококетничать, и другое дело — связать с этим какое-то длительное время своей жизни. Значит, тут я не могу сказать, ну, скажем так, мне на год повезло. Мы отработать должны были три года, я отработал два, это была школа на Сортировке, там далеко, да, ехать туда было, тогда я жил на Салтовке, и ехать было, скажем, при хорошем раскладе, полтора часа туда и полтора обратно. Метро еще не было тогда от Московского проспекта, и было, в общем-то... короче, долго было ехать. Долго, а главное — там тоскливо. Вот не знаю, как сейчас, я давно там не был, но это вымирающий район, совершенно, и вот в результате вымирания, там и контингент детский. Ну, знаете, ходили тогда, выборы, агитаторами учителей отправляют, ты заходишь — ну, я не преувеличиваю, четыре из пяти семей неблагополучные со всеми вытекающими последствиями,

ну как так... Все равно с детьми мне нравилось работать, но, в общем-то, как-то с коллегами отношения были такого рода, что когда через два года, это, наверное, [19]80-й — [19]81-й, не важно, год, там рядом буквально, вымирающий район, и рядом две школы — 69-я и 73-я, я уже не помню, в которой я работал, это не принципиально совершенно, я работал в той, что слева (*смех в аудитории*), знал я ту, что справа (*смеется*). Вот когда эти школы «съели», ну, если не первым, то в числе первых преподавателей, от которых избавились, от услуг которых избавились (дирекция, я имею в виду), дети ходили еще лет пятнадцать, вот, это был я. И вот таким образом в школе я проработал не три года, а два, и после этого нужно было куда-то деваться, но, между прочим, выбора особого не было, потому что маячил тот же вариант школы, но уже школы поприличнее, скажем так, первая школа, как сейчас я помню, тогда мелькала, вот, там как раз тогда завучем была одна из соседок по этой коммуналке Глузман-Шерман-Фризман, но не только они там были, там еще были мы, и пара других семей.

И я попал, точнее, пошел в Московский дом пионеров. Но пошел, в общем-то, заниматься работой, которая, казалось, мне нравится, потому что это были археологические кружки. Тогда еще до конца я в археологии, в общем-то, не разочаровался, но как раз в этот год, в который я проработал, при всей своей любви к этому туризму, вот тогда турист во мне закончился. Почему — потому что, как это часто бывает, ты идешь делать одно, и ты это делаешь, но на самом деле тебя нагружают массой сопутствующих каких-то вот нагрузок. А там получилось так, что там очень сильный был горный туризм, вот в этом. Там действительно были, там приходили эти покорители Эвереста наши харьковские, ну, там высококлассные были ребята, но вот они ведут, допустим, ведут весной в тот же Крым, по пещерным городам, то проходили все пещеры от Бахчисарая до Севастополя, вот это вот пешком. С этим рюкзаком, как сейчас помню, вот этот эталон — 45 кг, с этим рюкзаком ты тащишься полтора часа куда-то в гору, и вот у меня сложилось такое впечатление, прелесть эта, в конечном счете, в том, «щоб вот это з выряченными оченятамы» (*смех в аудитории*) сбросить с себя этот рюкзак (*смех в аудитории*), вот ощутить действительно «купи козу, продай козу», и подумать, как хорошо без рюкзака (*смех в аудитории*). И при этом еще делать вид: «Ах, как здесь прекрасно, какой вид открывается!» (*улыбается*). В общем, сходил я так

с ними два раза, сходил на осенние каникулы, и на... в районе мая. И, в общем, после этого, ну, пару раз так налегке уже с приятелями куда-то, а так это... Ну, и потом, эти ж дети — они как королевские зайцы, без преувеличения, я запомнил, у меня где-то лист с брошюры — 127 человек. Это ж кошмар. Четыре вагона, я уж не знаю, как там это разбрасывают, я ж чего там оказался, я археолог. И наших всех напрягали вот их пасти (*смех в аудитории*). А вы представьте себе, нет, так это кошмар еще... вот это: идешь по шоссе, шла Маша по шоссе, шла Алёша там (*смех в аудитории*), неважно, нет, так серьезно, ты прешься по этому шоссе, они разбрелись, вот тут точно — шаг влево, шаг вправо, это какой-то серпантин... Справа этот обрыв совершенно жуткий, а откуда-то от тебя сверху то, что сейчас фурой называется, несется. И ребенок тут же уронил там мячик, я не знаю (*смех в аудитории*). Нет, ну это... я уж не говорю об этих вечерах с коллегами, я примерно-то представляю, чего они этим горным туризмом увлеклись, да, но... в общем, это только фанатично преданному человеку под силу.

Но мне ж нужно было оправдывать свое существование, летом я уже не пошел ни в один поход. Нужно что-то делать, и тогда я совершил грандиозное, а именно: я вот этих вот (*А. П. Мартемьянов показывает на слайд презентации*) пятерых условных пионеров, выпускников седьмого класса, я отвез в Херсонес, в котором был первый раз. Ну, не могу сказать, второй раз, и вот с тех пор Владимир Иванович меня... это тоже, в общем-то, стоило много нервов, потому что за ними поди уследи, особенно Таня (*смех в аудитории*). Вот до сих пор не знаю, зачем, помню, что эта Таня Яцеленко, но она стоила вот по материализованности своей, четырех этих пацанов, включая того, кто сидит справа, а справа — это еще один мой приятель, это Николай Николаевич Канистратенко, нынешний первый проректор Академии культуры, вот, но тогда это был Херсонес, и я к чему, что вот Владимир Иванович, ну, видел, пытался сделать из меня одного из своих преемников, вот с Сергеем Борисовичем ему это удалось, с Сергеем Владимировичем тоже удалось, я после Маслин ничего не мог воспринять. Вот не смог я воспринять эту археологию... потому как вот на Маслинах, я до сих пор, в принципе, наверное, ну, мне так кажется, даже не будучи профессиональным археологом, мог бы объяснить, где, что, как и почему. Вот это вот хитросплетение всевозможных стенок и стенок, водостоков, камней, и самое, что меня бесило регулярно, это когда руководители раскопок на задних лапах ходят перед ди-

рекция музея. Вот если на Маслинах Валерия Александровна привезла, и как скажет, так и будет. То если сегодня, допустим, мы готовимся вот в срочном порядке провести такую-то работу завтра, а выясняется завтра, что мы идем на переноску чего-то, что нужно. Короче говоря, ну, не пошел мне этот Херсонес, и археолог во мне начал совсем затухать, и, слава Богу, благодаря этому, в принципе, ну со временем я стал заниматься тем, чем занимаюсь сейчас.

Получилось, совсем уже заканчивая, там совсем ничего интересно — сплошная техника, потому как год проработал в этом... Хотя, и всех пятерых пионеров привез, все равно я оттуда ушел, ушел, но ушел, потому что Владимир Иванович... ну, вот кто-то его да застал еще из присутствующих, в те годы он был в расцвете своей... целеустремленности, и с ним особо не поспоришь. И вот ему показалось, что после Ивана Павловича Сергеева в Авиационном институте освободилось прекрасное место лаборанта на кафедре научного коммунизма (*смех в аудитории*). Почему прекрасное — потому что там можно писать диссертацию. И вот в результате он меня туда запроторил, вот... я жду, ну запроторил, а когда ж у меня тема появится, а когда что-то писать буду (*смех в аудитории*). Но я, честно вот, по жизни так, ну, наверное, для близких, для родных, наверное, считаю, к сожалению. Но просить я ничего не прошу, не просил, и не собираюсь, ну вот действительно так получается. Но я жду, когда же он меня позовет, а он меня не зовет и не зовет. Год не зовет. Я не преувеличиваю, это 1981-й год. Два не зовет. Уже [19]83-й. Пошел сам. «А что тебе, что ты хотел?» (*смех в аудитории*). Нет, он спросил меня, как семья, как Таня Яцеленко, я уже о ней забыл к тому времени (*смех в аудитории*)... «Ну, так вот я бы вот...», — ну, я всегда очень неловко себя чувствую в такой ситуации: «Мне бы вот что-то про тему», «Про какую тему? Так я бы вот... Куда?!». Ну, в общем, с этим я и ушел. А тут еще Иван Климентьевич Рыбалко, ныне покойный, конечно, но по тем временам так вот... в глобальном плане, если брать в рамках университета, то не найти большего авторитета, тем более, это история Украины. Вот знаете, сейчас в это не поверите, вот бегают, хотя он никогда не бегал, по-моему, даже когда был маленьким Рыбалкой, и тем более, в 70 лет, он основательный такой всегда был человек, и ищет, кого бы заманить в аспирантуру (*смех в аудитории*).

Вот вы представьте себе, по кафедре истории Украины. Вот меняются действительно времена. Мы заканчивали, кстати, мы заканчивали...

а потом в ГЭЖе сидел еще до конца [19]80-х годов. Мы заканчивали, и получалось как, вот просто представьте себе, по нашей кафедре защищается полная обойма, по кафедре Сергея Ивановича — полная обойма, новая и новейшая — обойма, Россия — обойма. История Украины — три человека. Вот трудно сейчас себе представить, что такой была ситуация. А там, где три человека защищают дипломы, поди из них найди... А Иван Климентьевич, как фронтовик, в общем-то, ну, и добрый знакомый моего отца. Вот до него дошли слухи, что там Кадеев Мартемьянова куда-то вот... И вот как иногда здорово все складывается, вот что ни делается, все к лучшему. И вот он меня действительно там через кого-то позвал и говорит, что «о, я таки чув, що...» — ну, и пошло-поехало, что там Кадеев, а у них не очень отношения были, мягко говоря, «он там к тебе такой-сякой относится, чего ты вот это вот будешь, йди до мене в аспирантуру, я тобі таку тему дам» (*смех в аудиторіи*). Так нет, тема-то сама... Вот я к чему. И дал, ну, озвучил эту тему, я из вежливости сказал, что подумаю, я не мог не прийти, он так рассказывает, что «я тебе ще в колисці колихав». Ну, колихав и колихав... Ну, по-доброму, действительно, у него убивались два зайца: ему место заполняется, и мне, в общем-то, помогает, нормальному, в его представлении, человеку. Но получилось-то, вот я к чему. Я потом вежливо извинился, потом уже Владимир Иванович вышел на обратную связь, Кадеев.

Получилось, что тему, которую он хотел дать, это что-то связанное с творчеством Багалея, и вот это именно то, что потом после этого отказа было унаследовано, свято место пусто не бывает, Владимиром Васильевичем Кравченко, нынешним заведующим кафедры украинознанства, и вот из того, что вряд ли я бы вытянул что-то красивое, потому что это все-таки оно не мое, но вот получилось так. Ну, я, в свою очередь, это была не последняя рекомендация Владимира Ивановича, я уже прижился в этом ХАИ, я уже привык к тому, что я могу... Это, поверьте, это не то, что вы видите у нас на кафедре, вы приходите... ну, не при Сергее Ивановиче... Приходите, хорошо, в половине шестого, вот, и удивляетесь, что нет лаборанта. На что, если при мне, то я еще интересуюсь, вы чего ночью пришли, это действительно традиционно. А там было все железно. Там, как в книге Брежнева, жизнь по заводскому гудку. Это было с восьми до девятнадцати сорока пяти, как сейчас помню, ну, пять с половиной лет проходил. Ты приходил, у тебя был пропуск, это сейчас уже просто все,

вертушки у них уже превратились в какой-то просто атрибут истории, опять-таки. А тогда вот ты идешь, без десяти восемь на работу, та бабка, она тебя даже не заметит, но если ты идешь без двух минут восемь, у бабки уже нога на педали (*смех в аудитории*)... и вдруг, если в это время начинают быть часы, она так — хлоп! — 30 секунд девятого. Все, ты опоздал! У тебя забирают пропуск. Но вот это было действительно, институт со всей проходной системой. Так я к чему! У меня рекорд был личный — 220 книговыдач за смену, там была первая и вторая смена, 220 книговыдач! Но это значит, наоборот, это мы, чтобы показать, что мы больше выдаем, мы и когда выдавали нажимали кнопку, и когда принимали тоже нажимали кнопку (*смех в аудитории*). Но все равно, просто представьте, некоторые заказывали просто на полке журнал, и по этим полкам ты, как тот человек-паук, лазишь по ним, и снабжаешь литературой по научному коммунизму, а потом еще нужно ходить и открывать-закрывать всякие двери.

Вот знаете, я сломался, вот здесь тоже по-своему, сломался, когда вот... Как сейчас помню, 216-я аудитория, и я эту 216-ю аудиторию закрываю-закрываю, а она не закрывается, открывать начинаю — она не открывается. Тогда вдруг открывается дверь, выходит какой-то мужик, с удивлением на меня смотрит, а я уже ближе к восьми часам вечера пытаюсь своим ключом открыть туалет (*смех в аудитории*). Вот так вот. Но, это было в сессию, ну действительно уже глаза на лоб лезли. «Оно» приходит просто, вот, к примеру, «оно» приходит: «Мне нужна литература по такой-то теме», вот по тому же научному коммунизму. И если не номер один, то номер два. Это точно было. Вот, и в результате он не говорит, что ему надо. «Дайте такой-то журнал за такой-то год». Придите поэкспериментировать! Придите к Любови Павловне и попросите литературу для реферата по такой-то теме. Это не потому что, опять-таки... у нас эта литература (*смеется и смех в аудитории*). Да-да, вы просто попробуйте. Но лучше не надо (*улыбается*). Вот.

А так вообще библиотек у нас как таковых, чтобы их можно было использовать, новые поступления есть, спросишь книгу какую-то, тебе ее, может быть, дадут. А так... Вот ты же одновременно, то есть, конечно, оставшийся ум за оставшийся разум заходит совсем... В таком состоянии я приезжал домой. Но мне уже понравилось, я уже полюбил эту работу, почему, потому что когда нет сессии, когда нет книговыдачи, можно спокойно сидеть и писать что-то, писать, ну, или читать, а главное, в чем прелесть этой

работы, — это то, что ты ушел, вышел за вертушку, и тебя эта работа до следующего дня... вот ты о ней совершенно не думаешь, то есть вот это вот плюс, и ты снова можешь снова заниматься какими-то Мезиями и Фракиями. Мезия и Фракия — это то, что Владимир Иванович мне предложил в качестве темы.

Это своеобразное... Это прошло месяца два после того, как он меня... Ну, вызывает, вызывает опять-таки, приглашает: «Леша, ты знаешь, я вот подумал, если тебе так хочется, ты можешь попробовать». Так, а что, что попробовать? Я готов был на все абсолютно. А он к тому времени как раз пару-тройку раз ездил в Болгарию. Ездил в Болгарию, долго ездил, ему там очень понравилось, памятников понаходил, и говорит: «Ну, давай вот пиши про Мезию и Фракию». Дело в том, что это вот без всякого, о Фракии у меня было очень отдаленное впечатление, где находилась Мезия, я даже понятия не имел (*смех в аудитории*). Нет, это действительно. Вот даже сборничек к его восьмидесятилетию, там я честно и искренне написал. Но оно ж заискивающе так: «Ну, а что именно писать, Владимир Иванович?». «Что мне тебе, еще это говорить?». Это к вопросу о вас с вашими научными руководителями, в принципе. Вот что найдешь, что придумаешь, то и... Пошел я искать, вначале взял одну книжечку про эту Мезию, прочел. И с этой книжечкой... прочел ее всю, взял вторую толстую, и с этим быстренько ж через месяц к нему. «Ну, а где твой развернутый план?». Ой, я завтра принесу! Приношу ему этот развернутый план. В общем, закончилось, я подопечным своим рассказывал, и даже показывал. Мой последний развернутый план диссертации — ну, под сорок страниц был машинописного текста, через интервал. То есть, никому из вас не пожелаю. Еще эту тему я искал, вот поверьте, просто тему, я не писал ничего, я ее искал почти три года. Почти три года я ждал, пока он об аспирантуре какой-то... но об аспирантуре никогда речи так и не было. Об этом не зашло. Ну, а потом я как-то писал, но когда я только вот приноровился к этому, как его, к ХАИ, опять вызывает Владимир Иванович и говорит... умопомрачительная возможность. Есть место на кафедре истории СССР. Преподавателя (*смех в аудитории*).

Ну, я сказал не так, но где я, и где история СССР, которую я учил опять-таки на каких-то там курсах, чтобы потом решительно забыть... но Владимир Иванович — с ним разговоры были совершенно бесполезны. Вопрос поставлен ребром: или ты идешь, вот ты представь себе — я тебя

беспартийного, ты вот, неостепенного, все... ты еще там... Да о чем речь может быть. В общем, или — или. Я с ужасом туда шел. Я с ужасом туда шел, как выяснилось, на пять лет, но, скажу сразу, тоже, к слову, всегда об этом говорю, я очень благодарен этому времени, потому что... со временем оказалось, у нас тогда, правда, было заключено с тогдашним заведующим кафедрой, Александром Омельяновичем Кучером, сейчас, к счастью, еще ныне здравствующем, насколько я знаю, хотя живет он не здесь, поэтому, может быть, здравствующему (*смех в аудитории*), что я не буду читать ничего позднее феодализма. Семинары — это максимум XIX век. Если бы опять-таки не эта кафедра, никогда бы XIX век, к слову, просто, ну, когда бы я еще для души, и для того, чтобы как-то это обсудить, читал Чаадаева, да, наверное, я до сих пор бы читал. Когда бы я еще вот так, чтобы объяснить, последние два года я читал на стационаре, вот эту историю, феодальную раздробленность, включительно, и когда бы я еще поработал с источниками по феодализму, поработал с теорией того, во что выливается вот эта самая древняя. Ну, и вот таким образом получается, завершая, что вот от светлого детства и голубой... безоблачного детства и голубой юности, вот этот... отрезок между окончанием университета и кафедрой составил 14 лет. Почти так долго люди не живут, но при этом, когда уже что-то начал писать, и вот особенно после [19]84-го года, когда веские такие даты были, поэтому я хорошо помню, после [19]84-го года, когда я отдал Владимиру Ивановичу первую в своей жизни статью, вот отношение у него резко изменилось, и сейчас я просто очень дорожу тем, каким это отношение было вот уже в [19]90-е, двухтысячные годы. И пару раз он предлагал, в общем-то, раньше, чем я пришел в [19]92-м году, все-таки на кафедре была возможность оказаться, но это предполагало чтение средних веков и работу в рамках этого, меня же это не устраивало, устраивало бы — другое дело, ничего, кроме вот того самого, тех самых Древней Греции и Рима, и даже не столько Греция и Рим, сколько там, где в принципе ты ориентируешься, там, где в принципе ты способен сам работать с источниками, но а самое главное то, что и десять, и двадцать лет назад, и сегодня, не представляется, ну для меня... конечно, всегда начинаем с того, что у каждого своя история, в общем-то, это то, о чем мне хочется рассказывать. И то, что сейчас я имею возможность, ну, в моем представлении, стоило ждать вот эти вот 14 лет, ну, а дальше вы все знаете. Все, спасибо.

(Аплодисменты аудитории, А. П. Мартемьянов улыбается).

Киселева Ю. А.: Тогда вопросы, ребята.

Мартемьянов А. П.: Какие вопросы, вопросы на лекции (*смех в аудитории*).

Киселева Ю. А.: Пока и они могут задавать вопросы. Ребята!

Посохов С. И.: У меня вопрос... «У секретаря есть вопрос». Вас сегодня называли университетским человеком, и я абсолютно с этим согласен — у меня есть свое представление об университетском человеке, и Вы ему полностью соответствуете, этому представлению. Но все-таки, что Вы вкладываете в понятие «университетский человек»?

Мартемьянов А. П.: Я, честно говоря, Сергей Иванович, как-то особо об этом не задумывался. Я вот сейчас скажу — не то, что в принципе не задумывался — из принципа не задумывался. Вот, Вам положено, последнее уже немалые годы Вы — декан и историк университета — а я их как-то определяю навскидку (*смеется*). Скажи, вот если бы мы с тобой выстроили бы, ну вот наш состав факультета, тут без фамилий и без имен, то для вот этот вот да, там... А почему? А почему? ... Ну, значит вот, повторяю, абсолютно вот как-то не задумывался об этом, но вопрос, конечно, прекрасный, на самом деле, он заслуживает размышлений, а не ответов навскидку... Заслуживает размышлений. Ну и вот, наверное, все-таки в основе формирования такого человека может быть то, что он себя без, вне этого самого университета не мыслит. Вот, а все остальное это уже кому как дано, но это последствия. Вот для меня, например, давным-давно уже выработалось — здесь опять-таки детство сыграло свою роль — то есть ты слышишь, а если ты слышишь, то только начинаешь что-то понимать, наверное, так это происходило в принципе. Вот: «Ты куда?» — «Я на работу». Вот работа у отца и матери была одна — университет. Соответственно для меня любое хождение на работу — в хорошем, в высоком смысле этого слова — вот... это хождение в университет. То есть вот именно сюда. И вот этим, наверное, этим, наверное, определяется, ну может определяться, в какой-то мере, отношение к самому понятию «человек университета» или «университетский человек». Думается, что если он с такой, если он с такой... установкой, вот, скажем, живет, то, наверное, там, где он это может в различных вариациях, он стремится соответствовать вот этим представлениям.

Ну, например. Не могут в университете читаться лекции на несоответствующем или неподобающем уровне. Соответственно, ты пытаешься, ну,

кому как, в общем-то, отведено, вне всякого сомнения, но ты пытаешься вывести свою учебную работу на тот уровень, когда твое присутствие в университете... ну, скажем так... может оказаться оправданным. Может оказаться оправданным... Конечно, должен быть какой-то уровень научной работы. Обязательно должен быть, обязательно должен быть, но даже исходя из того, что не занимающийся наукой человек... я немного, ну простите, для меня то же самое антиковедение, в котором я ковыряюсь... но не занимающийся чем-то узкоспециальным в научном отношении человек... он профессиональную лекцию, вот лекцию, в которой он может отвечать за постановку проблемы и за какие-то частности, он ее никогда, он ее никогда не прочтет, потому что... Она может, эта лекция, понравиться студентам — ради Бога. Во многих случаях может понравиться. Но... никогда нельзя, в общем-то, так выстроить материал, если ты не представляешь себе уровень науки, вот, научный уровень представления, каким он является в тот день, когда ты заходишь в аудиторию. А для этого, а для этого, нужно регулярно — не время от времени — а регулярно(!) посещать конференции, те самые научные конференции. А для того, чтобы их посещать, не просто приехать, есть и такие любители, по крайней мере были, сейчас, насколько я знаю, на это деньги не дают особо, их стало меньше, а то годами ездили, слушали... Это хорошо. Но на самом деле участие в конференции предполагает твое выступление. Для того, чтобы на приличном уровне, в общем-то, представить свой материал, чтобы не было стыдно перед аудиторией, ты, в общем-то... ну, должен располагать каким-то уровнем. Вот это взаимосвязь. В результате, в результате, характер лекционной и научной работы оказываются взаимообусловленными, и в общем-то... ну, по-моему, определяет профессиональный уровень того преподавателя, который имеет право работать в университете. Вот с этой точки зрения, с этой точки зрения, просто к слову хочу сказать... Вы знаете... Возможно, в другом варианте это уже звучало. Вы знаете, я уже сказал, что студентом я был своеобразным, но на старших курсах, в общем-то, мог понять, что к чему. И, в общем-то, в какой-то мере, у меня есть свое представление об этом. Так вот, если брать суммарно, в любое время есть преподаватели, более-менее интересные, это в любом обществе было и будет всегда. Но...уверен, что нет присутствующих в аудитории, которые могут себе представить, чтобы у вас шли семинарские

или практические занятия, а преподаватель при этом пил чай, ел бутерброд и читал газету. Не думаю, что у кого-то из вас это было. У нас такое было! У нас такое было. Это один из вариантов, то есть совершенно, причем это, понимаете, это даже не вызывало отторжения. Это даже не вызывало отторжения! Я уже не говорю о том, как... мы что-то там говорим, проверяются в это время вот эти общие, как тогда называли, толстые тетради с конспектированием работ Маркса, Энгельса, Ленина, допустим «Ааа, что, уже закончили? Давай следующий» — все! Вот, вот в последние годы, я имею в виду [19]90-е, 2000-е, вот по сути дела такого преподавателя искоренили. И вот, в общем-то, это, в моем опять-таки представлении, ну я говорю только об антиковедении сейчас, но практически уверен, что это выходит далеко за рамки нашей этой дисциплины. Вы знаете... без всякого, что здорово, «средняки» совершенно ни при чем, не о них речь... Ну, я отвечаю абсолютно за свои слова применительно к антиковедению, но уверен, что так и во многих других областях: уровень подготовленности твоей на выходе из университета, который дает наш факультет, невзирая на всевозможные нюансы, и так очень высокий уровень. Это не панегирик факультету, это реально. Другое дело, что потом ты должен очень серьезно работать. Остановившись на этом, ты останешься на позднестуденческих, раннесоветских вот этих методах. Но... но здесь, но здесь, этот случай — куда бы ты ни приехал со своим выступлением, просто вы знаете, это совершенно, ну для меня, потому что я говорил, я с общественными делами покончил в седьмом классе и все, поэтому вот то, что доставляет настоящее удовольствие, это когда вдруг получилась лекция такая, что самому понравилась, ну, и по восприятию: это когда тебе удалось что-то нормальное написать, и ты знаешь по отзывам, что это не комплимент, и когда тебе удастся, ну вот несколько выступлений было... Я не знаю, я после этого несколько дней ощущаю какую-то эйфорию. Вот когда ты сумел вот выступить так, что те, кто понаприезжал непонятно откуда, и ты вместе с ними, что видно было, что ты отличился, что у тебя это получилось. И вот... Я помню, Сергей Иванович, относительно того самого «университетского человека»... Вот, во-первых, он должен соответствовать очень высокому, вот очень высокому, без всякого, вот слова, облеченные в слова, но... несколько высокопарно звучит... но, во-первых, это очень высокая планка, очень высокая планка, и соответственно ставить ее и этой планке соответствовать, причем ведь далеко... вы знаете прекрасно, вы

с этим уже сталкивались, на самом деле, это очень трудно. В большинстве случаев почти невозможно сочетать в себе и лектора, и достаточно, ну относительно, скажем, приличного ученого [*неразборчиво*].

Посохов С. И.: Алексей Павлович, я Вас перебыю, я понимаю, конечно...

Мартемьянов А. П.: Да нет, можете...

Посохов С. И.: ...Вы можете много говорить, но все-таки когда-то Вы сказали о том, что жизнь Ваша удалась наполовину. Если можно, эту классическую историю... Почему наполовину?

Мартемьянов А. П.: Да тут даже особой истории нет. Вот когда я приходил вот (*пауза*) ну, Сергей Иванович знает ответ (*смеется*), но... вот когда-то к слову пришлось, знал бы — захватил бы эту бумажечку... Да нет, вот просто когда меня приводили на эту самодеятельность, я вот действительно вырос в университете, потому что меня нужно было куда-то девать. Когда я был совсем маленьким, была няня, а потом... няня куда-то делась, не знаю вот... ну меня все время сюда таскали. Тогда нагрузка у преподавателя была несоразмерно больше, чем сейчас, она просто кратно была больше университетская, я к чему — куда-то нужно это существо вот приткнуть. Как правило, не удавалось, благо пока эта коммуналка была, там то ли к Глузманам, то ли к Фризманам... так вот, а тут надо куда-то приткнуть. А куда? Когда не удавалось, меня тащили сюда. Так вот я к чему. Потом эта самодеятельность. Пока родители занимаются где-то своими университетскими делами, а меня по рукам вот так вот пускают. И основное место было, отец был, ну как это называлось... на общественных началах, литературным редактором, помимо прочего, вот, преподавательской деятельности, газеты «Харьковский университет», и вот туда, и вот туда, меня сплавляли чаще всего. А там что? А там, чтобы я не надоедал особо, мне давали листки, какие-то бумаги, иногда сажали, когда постарше уже стал, за машинку, вот эту, пишущую, и вот я научился писать. Там даже вот бланк гранок, вот для газеты «Харьковский университет», ну и вот относительно того, что Сергей Иванович говорит, что жизнь удалась наполовину... Просто это... Ну как сейчас бы сказали — ментальность советского ребенка первой половины [19]60-х годов, все-таки не забываем, что вот этих событий я, естественно не застал, но вот от войны, от Отечественной, от Второй мировой, отделяет примерно такое время, как ну вот нас от начала [19]90-х, которое, в общем-то, ну, вполне помнится. И вот, в результате, моя первая сентенция (я еще пишу

«хочу» через «ю», вот как помню), но я стараюсь, я пишу. А что я пишу? То, что у меня на уме. Это не для того, чтобы понравиться. И вот я пишу: «Я не...»

Посохов С. И.: Сохранился этот лист бумаги. Алексей Павлович приносил...

Мартемьянов А. П.: Это случайно. Ну, я вот просто не думал, что речь об этом пойдет, но я просто действительно, это мировосприятие, что мне хочется, а что мне не хочется... «Я не хочу быть немцОм!» (*смеется, все смеются в аудитории*). Это одна дата. Потом, видимо, меня в следующий раз потащили в университет, а там досунули опять, потому что там мать потом подписывала эти материалы датой, это какой там... 1 семестр [19]63-го года учебного. Я только пошел в школу, вот учусь писать. Так вот я решил развить, видимо, эту глубокую сентенцию (*громкий смех в аудитории*), чтобы на негативе не останавливаться, ну понятно, немцОм я не хочу быть, а чего ж я хочу? Ну, тут — ни убавить, ни прибавить: «Я хочу коммунизма!» (*громкий смех в аудитории*). И я вот тут, то, что Сергей Иванович говорит, облакаю примерно это в такую форму, что вот жизнь наполовину удалась: с коммунизмом как-то не получилось, не состоялось, но при этом и немцем я не стал! (*смеется, все смеются в аудитории*). И вряд ли им стану! (*смех, громкие аплодисменты*).

Киселева Ю. А.: Так, ну, господа? Прошу.

Голос из аудитории: Алексей Павлович...

Мартемьянов А. П.: Так, когда мы диплом будем писать? (*смех в аудитории*).

Шаповал Д.¹²: [*неразборчиво*] я хотел спросить, но видимо, в следующий раз... Тут такой вопрос: а даже, несмотря на то, что жизнь удалась наполовину, как уже, всем известно, Алексей Павлович Вы — счастливый человек?

Мартемьянов А. П.: Значит... Записочку сожгите, которую я Вам давал. С вопросом. А перед защитой диссертации (*смех в аудитории*). Это ж подопечный (*указывает на студента Дмитрия Шаповала*). Вот. Ну вы знаете, вы понимаете прекрасно, что это ж... Как любят говорить, мне не о чем сказать совсем уж философски... Вот... но конечно же я хотел бы оттуда на себя посмотреть, но вот здесь я все-таки хочу. Я попробую от-

¹² Студент, который писал дипломную работу под руководством А. П. Мартемьянова.

ветить вот на самом деле совершенно серьезно. Вот. Тем более у меня есть свое представление об этом. Действительно. Значит... Ну, дело вот в чем. Я просто хочу напомнить, наверное, многие из вас, вот, кстати, помнят эту историю... Она очень жизненная, как по мне. И я ее на себе ощущаю, действительно. Это история с посещением Солонем Креза. Помните ее, да? Крез спрашивает у Солона: «Кого ты считаешь счастливейшим из людей?». И вот, когда Солон приводит в пример афинянина Телла — вот здесь обратите внимание, я из-за этого, собственно говоря, помимо прочего, начал говорить — просто гораздо позже я заценил, что называется, начало рассказа Солона об этом самом Телле. Первое, с чего он начинал, первое, о чем мы говорим. Телл жил в счастливое время своего века. Вот этим для Солона, это непереносимое условие, это обязательное условие счастья человека как такового. И вот здесь — в какое время предписано жить, в такое и живем. Я не могу сказать, у каждого свое представление, но я не могу сказать, что те времена, которые переживает, что наша страна, что наш Харьков, можно назвать счастливыми. И вот, с этой, с этой точки зрения, вот это индивидуальное, оно как-то не ахти. Вот вы знаете, если я опять-таки сравниваю с тем, какими я представляю своих родителей. Любое представление — о хорошем, плохом — все исключительно от сравнения идет, от сравнения, которое, с твоей точки зрения, тебя касается. Вы знаете, вот это общее положение, я без всяких знаков «плюс», «минус», это просто не мое. И, конечно же, во многом это вызвано тем, что... Ну, каков вопрос, извините, Дима, таков и ответ. Положение такого, такого социального среза, к которому мы относимся, положение преподавателя, работника высшей школы, вот именно социального плана положение, да и финансовое, оно принципиально отличается от того, каким оно было в [19]60-е — [19]70-е и даже в [19]80-е годы. И отличается, поверьте, не в лучшую сторону. Не в лучшую сторону. И это гнетет. И это гнетет чрезвычайно сильно. Более того — я опять от большого к малому, каков вопрос, я готов ответить совершенно искренне. Вот. Более того — мне обидно. Мне обидно знать, что получают занимающиеся тем же, чем я, люди в Киеве или во Львове, допустим, если брать эту сторону вопроса, в два раза большую зарплату, учитывая нашу с ними квалификацию. Вне всякого сомнения. Хотя и в принципе о преподавательской зарплате сейчас говорить просто неприлично. В отличие от — все в сравнении познается — в отличие, поверьте (!) от тех [19]60–[19]70-х годов. Вот.

И вот это, и вот это, конечно, серьезнейшие условия того, что вот то самое счастье, оно... очень, очень хорошее Вайнеры придумали когда-то и вложили в уста персонажа Гердта вот в фильме «Место встречи изменить нельзя», в том старом, «счастье было большим, а потом оно стало все меньше, и меньше, и сейчас оно, как камень в почке». Нет, до этого я ни в коем случае не дошел! (*смех в аудитории*) Ни в коем случае! Потому что... потому что бывают времена, бывают времена, когда действительно, ну то есть здесь можно говорить об индивидуальных представлениях, о том что бы Вы назвали счастьем... Но... индивидуально я счастлив. Вне всякого сомнения, потому что — и это не высокопарность — потому что я занимаюсь тем делом, на протяжении уже многих лет, к которому стремился, ну вот это я и называю — всей своей сознательной именно жизнью — вот всю эту свою сознательную жизнь, я, за редким исключением с огромным, с огромным удовольствием, которое вызывает раздражение даже у моих родных, готовлюсь к встречам, к походам в ваши аудитории, и пребываю там, вот. У меня есть возможность заниматься — результативность не устраивает, опять таки, многих — но, заниматься тем, что мне по-настоящему нравится, и то, что мне хотелось бы, чтобы после меня в разном проявлении осталось, и поэтому, и поэтому вот, Дим, завершая, наедине с собой, как писал классик, наедине с собой я счастлив. Но вряд ли вот эти вот представления о счастье разделили бы ну большинство наших современников.

Шаповал Д.: Спасибо.

Киселева Ю. А.: Алексей Павлович, извините, я понимаю [*неразборчиво*] ну мы понимаем, что мнение классиков стоит учитывать. А кто из художественной литературы... кого вы с удовольствием читаете?

Мартемьянов А. П.: Ну, значит. Ну, с литературой у меня вообще очень сложные отношения, потому что они очень давние. Ну, вот как за нуда, сейчас пространно расскажу, в ответ на вопрос из вежливости (*Ю. А. Киселева смеется*). Нет, здесь просто опять-таки приходится вернуться к истокам, потому что у меня здесь... я читать... ну, книга — это мое, скажем, но здесь специфика стартовых позиций. Вот я в самом начале говорил, что мать-то у меня преподавала зарубежку, зарубежную литературу и в результате, в отсутствие интернета, а тогда и колоссального, колоссального, поверьте, книжного дефицита, наша библиотека, наша библиотека... Ну, я без преувеличения скажу... она была одной из

лучших частных библиотек Харькова и, что касается художественной литературы, в частности зарубежной. Но потом, когда матери не стало, в общем-то, по определенным причинам не стало и библиотеки. Но! Я к чему. Вот это... Ну, так если по-книжному, так, чтобы не подбирать слова. Вот это вот любовь, интерес к книге... Да собственно говоря, и делать-то было особенно и нечего: ну я знаю там, погулял, поиграл, телевизор появился в [19]61-м году, считалось, что хороший, в общем-то, пока по нему передачи пошли, так это еще несколько лет (*все смеются*). У меня оттуда и остался-то то, что я называю Катрусин кинозал — это из передач моего детства, вот. Ну, в общем говоря, поэтому другие немножко условия, вот отсюда книга. А тут мало того, что все под рукой практически, все под рукой, причем это все — если это Диккенс, это 30 или 31 том, Сенека, сейчас как помню — 19 или 20, вот, Марк Твен — я по томмам это помню, там корешки (*смех в аудитории*). Так вот, ну стала ж у меня мама, вроде неглупый человек, я в этом практически уверен, подсаживать меня на эту вот книжную игру. Вот и, как правило, то есть я практически все это, практически все это, ну в какой-то мере просто вынужден был, вот, в какой-то мере вынужден был прочесть. И вот здесь эффект конечно был двойной: где-то это было своевременно, это как раз, Юля, уже к вопросу о, к Вашему вопросу, и, например, скажем, того же Оскара Уайльда, ну к примеру, я с удовольствием, вплоть до сказок, готов читать сейчас. С другой стороны, где-то вышла промашка. Вот тот же Диккенс, я его сколько раз пытался... сколько раз потом пытался, неважно — десяти глав, неважно, чтобы там ни было, сколько ни пытался — у меня ничего не получилось. Вот Вы знаете, Вы как-то... [*неразборчиво*] нашей общей аудитории. Вот тут оказалось, я об этом понятия не имел, что вот тот же Диккенс, допустим, что трудно найти источник такой достойный скажем, понятно с ней нужно работать, информации об эпохе, более глубокий и интересный, чем вот эти вот самые глобальные классические литературные произведения. Ну... ну, кто лучше того же Диккенса знал Англию его времени? Ну, вот с Диккенсом не пошло. Я из-за этого, допустим, к вопросу, если брать более легкую литературу, то скажем та же Агата Кристи. Ну, как автор детективов мне она очень нравилась в советские времена, и тут не случайно подчеркиваю. Мне казалось, читать-читать-читать-читать. А потом вот этот вал — все до этих самых разных произведений. И оказывается, что у нее-то, ну вот в моем восприятии, ну 10–15, в моем

представлении, по-настоящему интересных романов. Но, Бог с ним, что там творит мисс Марпл и Пуаро, для меня это Англия с ее этими заботами — там налоги растут, там... ну, помимо детективного сюжета, вот, там вот так они живут, там такая обстановка в ее домике и т. д., и т. д., и т. д.

Вот. И если так вот в целом, что еще из этого родительского времени осталось хорошего, что называется, из того, что усвоил, и оно не всегда усваивается. Гёте вот. Гёте с трудом — толстый зеленый том, как сейчас помню. Вот с трудом преодолевал, но так вот для души. У Ибсена... Ибсен — вот неожиданно для меня, но скорее не «Птица» вот, а «Пер Гюнт». «Пер Гюнт» вот. И так вот оно вполне подходит. Если Диккенс не пошел, пошел Драйзер. Пошел Драйзер, ну, по крайней мере, вот, в варианте «Финансист», «Титан», «Стоик» там, «Трагедия», вот этот вариант. Из того, что... из того, что готов, ну, вот время от времени вот так вот просто листать... Вы знаете, это... это действительно коряво, но времени — времени иногда нет, иногда жалко, иногда что-то не успеваешь. Это, кстати, вот призыв. Я понимаю, в любом интернете... но читать нужно сейчас. Вот в вашем теперешнем возрасте (*А. П. Мартемьянов обращается к студентам*)... Частично, частично фантастика. То, что нравится... Если вот О. Генри мне нравится сам по себе, без фантастики, то Шекли, как О. Генри от фантастики. Вот здесь с этими концовками, и вот действительно нравится. Но Шекли, чем короче, тем лучше. Сколько раз ни пытался, ничего длинного в общем-то впечатления не произвело, как по мне. Он бы мне это простил, пока был жив, естественно. Но, чем длиннее произведение, тем утрачивается Шекли. Брэдбери... Брэдбери частично, Стругацкие частично, если в этом плане брать. Вот. Но, а вообще, вот то, что тоже по-разному. Вот как на что посадили. Отец очень любил Ильфа и Петрова, очень любил Гашека. Вот Ильф и Петров, Сергей Иванович знает, это то, что вот...

Посохов С. И.: Алексей Павлович знает на память.

Мартемьянов А. П.: Ну примерно, да, вот... Но потому что, опять-таки, это созвучно представлениям, вот. Гашек не пошел в принципе. То есть здесь по-разному. Если, если брать что-то поэтическое, ну, кроме упомянутых там Ибсена и Гёте, трудно сказать. В разное, в разное время, в разное время — это по-разному. Ну, вот тут нужно отталкиваться... так вот, то, что осталось наверняка... это, кстати, опять-таки вот тот же конец [19]70-х и [19]80-х годов, оно у кого что. У нас, понимаете, как еще... вот еще, почему

это вот я говорить говорю, а я практически уверен, ну, тут не обидеть ни себя, ни вас не хочу и не собираюсь, но другое отношение, другое отношение сейчас вот... Просто, вы понимаете, у нас, вот когда мы учились, неважно, получил какую оценку, но быть неначитанным и чего-то не знать... вот нужно было заниматься спортом, в моем представлении... ну общественные... это знаете, как у того же Ильфа и Петрова: «Девушки любят молодых, длинноногих и политически грамотных». Политически грамотным, ну, с этим как-то всегда была напряженка, с длинноногостью тоже, но молодым, поверьте, все-таки вот был какое-то время (*смех в аудитории*). И на футболе много лет вытягивалось, вот, первое, а с... Это было просто не комильфо не знать, не читать то, вот рядышком мы учились с Ириной Васильевной (*А. П. Мартемьянов указывает на И. В. Калиниченко, главного хранителя фондов Музея истории университета*), не хочу Вас вот обидеть, но вот (*А. П. Мартемьянов иронично указывает на седину*) какой уж есть. Вот рядышком учились... просто вот действительно, у нас разница пару курсов буквально вот... И просто получается, что ну не можешь ты этого не знать, и поэтому соответственно, когда вот почему я говорю, что у нас стартовые позиции эти были выигрышные. Конечно, чувствовал себя здесь очень свободно, но вот потом уже этой основы как-то не хватало. Мы стали себе что-то придумывать. И вот из этого придуманного страшно мне нравилось, страшно мне нравилось, вот этот кусочек — это буквально с полгода мы, наверное, где-то этим увлекались, — это вот различного рода поэзия абсурда. Там вот от Кэролла, там я знаю, что вот эти все линии, «Охота на Спарка» и т. д. И вот тогда, кстати, я впервые, вот то, что сейчас на спецкурсах советую, вот впервые об этом фактически задумался... вот еще Бернса я люблю (*смеется*). Вот это не оттуда, это из этого кусочек... Я на стул становиться не буду, хорошо? На стульчик (*смеется*). Вот это просто пошло у меня буквально... поспорили, поспорили... ну это тоже ваш возраст буквально (*А. П. Мартемьянов обращается к студентам*). Поспорили. У Бернса есть такая крошечная эпиграммка среди прочего. Там что-то в этом роде на русском языке: «Его глаза...», — или примерно так было: «Его глаза всегда честны/ Его глаза не лгут/ Они правдиво говорят, / что их хозяин плут». Вот. И вот мы поспорили относительно того, насколько это соответствует Бернсу. А потом пошло дальше. Во-первых, вот это вот па-па-па[*неразборчиво*]... полезли мы искать. Это тоже было очень непросто, очень непросто. Что-то было в библиотеке, что-то нет, а иначе не доста-

нешь. Стали искать переводы, и с тех пор я абсолютно убедился, абсолютно убедился, что я никогда этого не делал и уже не восстановлю вот то, что мне даже очень нравится, я имею в виду из стихотворных вариантов... фамилию переводчика, имя фамилию нужно запоминать наряду с фамилией автора. С фамилией автора потому, что на самом деле это и есть само стихотворение, само стихотворение. А подстрочник с которого он делал — это основа зачастую имеющая, имеющая, ну немного, скажем так, вот общего. И тем более уж ссылаться. Это у нас с Лесей¹³ последнее время наболеее ссылаться на Сапфо, допустим, по русскому переводу, Вы уже знаете, что часто, ну, нередко, скажем так. Так же точно со всем остальным. Поэтому трудно себе представить, чтобы тот же Маршак или тот же Пастернак знали все языки, с которых они якобы переводили итальянские песенки, шотландские напевы там, и пошло... Что-то знали, конечно, но делается это все просто. Но в советские времена, вот опять, тут роскошных переводчиков. Мы пытались, и вот вы знаете, ну тут нужно, конечно, тут нужно, конечно, быть носителем языка. Потому, что вот для носителя русского языка, поверьте, гораздо богаче вот те же пастернаковско-маршаковские и прочие (вот их много действительно) переводы, чем, кажется, сам английский язык. Вот тот же «Портрет Дориана Грея» возьмите вот, к примеру, если об Уайльде, а не о стихах. Вот возьмите только первый абзац. У меня дома где-то, ну все ж теряется, забывается вот. Я даже когда-то, ксероксов еще не было, я переписал себе. Вот мне настолько нравится, вот первый абзац взять... Вот я к этому, собственно, иду. Вот после этого абсурда, мы перешли на импрессионистов. Ну, все-таки повторяю, это где-то вот середина [19]70-х годов, 76–77–78, помнится по... с кем шла речь, вот, годы. И здесь же тоже опять-таки, и в литературе, ну там понятно с художниками, стали отыскивать в литературе, и, соответственно, вот это вот отражение. Посмотрите русскоязычный вариант, первый, повторяю, абзац. Там сэр Генри приходит, там вот... Первый абзац «Дориана Грея» и сравните с английским. Вот даже в русском варианте, а, может, прежде всего, в русском, мне не хватает никогда... ну потому, что не тот уровень знаний у меня... мне не хватает там степеней сравнения, не хватает, ну вот, в общем и т. д., и т. д. Ну, богато, здорово. Вот там строк 20–25 в этом первом абзаце. Ну, тут все чувства задействованы и это здоро-

¹³ Студентка Л. Куприенко.

во. Вот точно так же и по поэзии. Если брать, допустим, того же Бодлера, того же Верлена, того же Рембо, вот. И вот отсюда, ну а к импрессионистам еще как-то Врубель, если брать вот уже не в литературе к этому... Так что... ну, наверное, примерно так. Примерно что-то такое. А так можно продолжать, потому что действительно достаточно сложно, разное время, вот. Но, а сейчас, к сожалению, я вообще плохо знаю современную литературу. Ну, тут ни о чем потому, что... ну просто вот я почему и говорю, когда-то современная, вполне возможно, я очень надеюсь на то, что что-то из нее станет действительно классикой. Поэтому пока есть, вот, со временем времени... я понимаю, вы это слышали 118 раз и без меня, но вот именно на это со временем времени будет все меньше.

Чухлий С. А.: С Вашего позволения, Алексей Павлович, я точно знаю, что Вы читаете литературу, которую никто и никогда не читал до Вас. Собственными глазами видела, как Алексей Павлович разрезал страницы. Что же особенного в этих книгах? Что заинтересовало Вас и оставило равнодушными других исследователей? И в чем заключается предмет Ваших научных интересов сегодня? И насколько он изменился с тех времен, когда Вас заинтересовала Фракия и Мезия?

Мартемьянов А. П.: А-а, спасибо. Значит, стоило все-таки раз за два года сходить в библиотеку, чтоб получить такой роскошный вопрос. Значит здесь тоже, здесь тоже своя история с историей. Значит, что касается этих книг, то здесь присутствует, вот, единственный на сегодняшний день потенциальный наследник, который уже несколько, правда, в обескураженном состоянии пребывает, это вот Сергей Билык¹⁴. Он знает, что это за книги. Значит, книги это — это корпус латинских надписей, о котором я постоянно говорю на спецкурсах, а иногда и на первом курсе, чтобы сказать, что надписей так много, что есть вот такой корпус, который и т. д. Значит, вот этих вот, ну Светлана видела, что там этих книг, я так прикинул на глазок, уже килограмм на 70, вот на пару дней работы я набрал. Мы их с Сережей теперь уже измеряем килограммами (*смех в аудитории*). Вот. На самом деле это то, что они не востребованы — это плохо. И здесь ни при чем совершенно моя Мезия и Фракия. Потому что на самом деле это говорит о том... Вот эти книги именно... я могу сказать на 100 %,

¹⁴ Студент, который писал дипломную работу под руководством А. П. Мартемьянова.

я из-за этого ездил в Москву и по Болгарии шастал вот, искал, нигде на Украине, я уже не говорю о той же Болгарии, где Мезией и Фракией в основном занимаются, нет такого полного собрания томов, как здесь. Поэтому, Свет, я их и ворочаю. Но их очень не любят приносить, действительно не любят приносить. Сережа свидетель, отдалился я коробочкой конфет, вот, к чаю, только за то, что они их носят. Работа работой, вот. Но дело в том, что там отнюдь не только Мезия с Фракией. Там надписи по всей римской истории. И то, что туда не суют носа те, кто этой историей якобы занимается, вот это симптоматично. Хотя понятное дело, что книги будут резать и после меня. Не только жечь, но и резать (*улыбается, смех в аудитории*). И вот, в связи с этим, что касается как раз объекта интересов. Вот я говорил про этот план. Вот смотрите, просто-напросто, где-то есть Мезия, где-то может быть эта самая Фракия. Может быть. А, может быть, их и не было никогда. Но, как бы то ни было, нужно о них что-то писать. Владимир Иванович не говорит, что писать. И вот мой развернутый план, который, я уже сказал, достиг без малого там 40 страниц. Он включал в себя... Ну, как-то это у меня называлось, скажем так вот — «Римская политика в Нижней Мезии и Фракии в первых веках нашей эры». Значит, начал я писать диссертацию, когда он одобрил, вот с самого дохлого параграфа с тем, чтобы его написать, но больше к нему никогда не возвращаться. И вот пишу я его до сих пор. Но это без всякого... Он частично вырос в кандидатскую диссертацию, частично продолжается сейчас. Значит, с одной стороны, как вот те книги (я не буду Сережу обижать словом «мы»), которые пока я читаю. Он будет, надеюсь, читать другие книги. Не только они, наверное, не шибко привлекают, но и сама эта тематика. Потому что на самом деле... вот, я на месте любого из вас... вот на место поставлю... включая Сергея Ивановича, вот. Та, кого угодно, собственно говоря. Ирину Васильевну не хотел лишний раз все... Вот. Ну, звучит не созвучно. Но когда-то я очень переживал. В начале [19]80-х, когда мне казалось, что я чем-то буду все-таки заниматься в этом плане, я завидовал Ивану Павловичу, например. Я завидовал. Почему? Потому что он пишет диссертацию про кризис III века. Про то, что знает любой первокурсник, ну вынужденно, если он дошел до этого вопроса. То есть, вот это вот, вот это вот настоящее. Что мне Мезия и Фракия, если они вот... Так вот, на 180 градусов, то есть в диаметральной шкале, развернулось мое представление. Я бы ни за что сейчас не променял то, чем

я занимаюсь сейчас. Ни на какой кризис III века, ни на какого Августа, Цезаря или Александра Македонского — об этом есть, кому писать. Но, получается так, и вот здесь для меня это просто констатация, что практически все, что сейчас наковыриваешь, вот, оказывается, что на протяжении, ну всех, я знаю там, 500 лет существования антиковедения, никто не знал. Вот получается так. Вот тут, что мне, вы ж понимаете, все равно вы никогда, что я пишу, читать не будете (*смех в аудитории*), поэтому я смело могу... ну это нормально, правильно. Вот это правильно, поэтому поверьте на слово. Это для достаточно узкого круга. Но на этом оно... Но вы понимаете, отсюда оно попадет, даст Бог, вот сейчас закончу к концу года книжечку. Вот эта книжечка попадет в общее издание по фракийским землям в целом. Из фракийских земель в римский провинциальный мир... Ну вот, собственно, вот так оно и получается. Но самое главное... Что самое главное — это то, что пишешь сам. Оно на 80 %, ну условно говоря, никаких процентов не может быть, конечно, в зависимости от темы, но преимущественно это то, что никто никогда не знал, а вот ты сейчас, пусть только форму ты себе представляешь, но ты это узнал сам и с кем-то этим делишься. Вот примерно так, Свет.

Ну, все на этом, я думаю.

Киселева Ю. А.: Алексей Павлович, спасибо Вам огромное за то, что выступили перед нами. Действительно, Вам достаточно сложно задавать вопросы, вот так исчерпывающе, так как-то много Вы рассказали нового о своей жизни...

Мартемьянов А. П.: Лишний раз не рискнешь задать, да (*смех в аудитории*). Потому на лекциях и не задают. Вдруг еще на следующей паре об этом будет.

Киселева Ю. А.: Да, тем более, да. Спасибо Вам огромное, Алексей Павлович. Мы Вас узнали с другой стороны. Это очень приятно раскрыть Вас. Лично я выражаю свое мнение. Я другими глазами на Вас взглянула. Надеюсь, и студенты посмотрят на Вас другими глазами, и, может быть, внимательнее послушают про Мезию и Фракию на очередной лекции...

Мартемьянов А. П.: Не, это баловство. Последнюю заключительную часть. А так, на самом деле, опять-таки без всякого, большое спасибо и вам. Потому что, ну на самом деле, вроде, кажется, что все время среди вас и есть, но, конечно, встречи у нас преимущественно тематические,

в общем-то. Тот же Дима¹⁵, к вопросу, и иже с ним скорее за колонну спрячется, когда получит задание по диплому, чем задать несозвучно ситуации вопрос. Ну, это я так, на самом деле. Сейчас я Вам должен, а не Вы мне (А. П. Мартемьянов обращается к студенту). Вот. Ну а на самом деле, вы знаете, даже я, честно говоря, вот подбирая соответствующий видеорядик маленький, ну такое, какое-то теплое, нормальное, вот... лишняя возможность вспомнить родителей, о том, что с ними связано. Чтобы задуматься, действительно, с каких времен, что и как связано с университетом. Так что, на самом деле, в очередной раз и вам большое спасибо. До свидания.

(Громкие аплодисменты аудитории).

¹⁵ Имеется в виду студент Д. Шаповал.

Проект
«Образы университетской науки:
Харьковский университет в 1940–1980-х гг.»

Вид интервью: аудиоинтервью.

Место проведения интервью: кафедра истории древнего мира и средних веков Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина.

Дата проведения интервью: февраль 2017 г.

Интервьюер: Чечкина Екатерина.

Транскрипция: Коваль Максим, Красько Ольга.

Место хранения: Музей истории Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина. Ф. 7. Оп. 21. П. 2.

Мартемьянов А. П.: Вы же все равно будете писать...

Чечкина Е.: Что ж, можем начинать.

Мартемьянов А. П.: Можем... (К. Чечкина смеется).

Чечкина Е.: Скажите, пожалуйста, Вашу фамилию, имя, отчество.

Мартемьянов А. П.: А можно в начале эпитафия?

Чечкина Е.: Конечно.

Мартемьянов А. П.: (с воодушевлением) Ой, какие вопросы! (К. Чечкина смеется). Теперь дальше.

Чечкина Е.: Ваше фамилия, имя, отчество?

Мартемьянов А. П.: Мартемьянов Алексей Павлович.

Чечкина Е.: Год и место рождения?

Мартемьянов А. П.: 1956... до нашей эры, город Харьков.

Чечкина Е.: Каков Ваш нынешний статус? Профессия, должность, звание?

Мартемьянов А. П.: Доцент кафедры истории древнего мира и средних веков.

Чечкина Е.: Спасибо. В каком университете Вы учились и в какое время? На каком факультете?

Мартемьянов А. П.: В этом. Только тогда он назывался... он был Харьковский государственный университет имени Горького. Вот, с 1973 по 1978 год.

Чечкина Е.: Во время учебы Вы думали, что будете преподавать, работать в университете?

Мартемьянов А. П.: *(вздыхает)* Да я не задумывался особенно как-то, но другой работы как-то для себя уже и не представлял. Так что, будем считать, что... собирался. Только не знал, как это получится.

Чечкина Е.: Что вас сподвигло остаться в аспирантуре, написать кандидатскую диссертацию?

Мартемьянов А. П.: *(вздыхает)* «Сподвигло»... это кто слово придумал? Вот... еще раз, что сподвигло, да?

Чечкина Е.: Что Вас сподвигло остаться в аспирантуре, написать кандидатскую диссертацию?

Мартемьянов А. П.: Ничего меня не сподвигало, потому что в аспирантуру меня никогда так и не взяли, вот и диссертацию я написал, будучи... соискателем. Ну, вот так получается. Ну не был я в аспирантуре, не был. Ничего?

Чечкина Е.: *(смеясь)* Нет, ничего! Расскажите о Вашем научном руководителе. Можете охарактеризовать его методику работы с Вами?

Мартемьянов А. П.: ...У меня, на самом деле... по жизни было в моем представлении два научных руководителя, и руководителем, который оказал большее влияние — это была Валерия Александровна Латышева, у которой я писал диплом. Вот, а диссертацию я уже писал под руководством Владимира Ивановича Кадеева. Что касается методики руководства, то я как-то о ней особо не задумывался, но, в моем представлении, в основном она сводилась к тому, что я должен был приносить главы, и потом они обсуждались на кафедре.

Чечкина Е.: А повлиял ли научный Ваш руководитель на Ваше становление как ученого, преподавателя, и даже человека?

Мартемьянов А. П.: Мне кажется, что не очень... Ну, вот так бывает, Катя, не-не-не, бывает, что как-то параллельно идет это формирование, независимо от научного руководителя. И... мне так кажется, что на самом деле случаи, когда именно научный руководитель оказывает такое решающее влияние — они не так уж часты. Есть масса факторов, которые формируют тебя гораздо в большей степени, нежели общение с руководителем. По крайней мере, в моей ситуации было так.

Чечкина Е.: Расскажите, пожалуйста, как развивалась Ваша университетская карьера. Как она менялась?

Мартемьянов А. П.: *(думает)* Тут были перемены, потому что... вообще я преподаю то ли с 1980-го, то ли с 1981-го года, по крайней мере,

точно совершенно одним из первых моих студентов был Сергей Иванович Посохов на практических занятиях по Хаммурапи, и бумажечку я, Катя, Вам покажу с его оценками (*Е. Чечкина смеется*), с хорошими оценками, действительно, с хорошими, но до 1987-го года это не была ежегодная постоянная работа. Я вел практические занятия, руководил письменными работами, но на почасовой основе. А постоянно я работаю в университете — как раз в этом году... исполнилось ровно 30 лет. То ли в конце февраля, то ли в марте с 1987-го года начал я постоянно работать в статусе преподавателя кафедры истории СССР. Вот потому, что мест на кафедре, на которую я действительно стремился — на кафедре истории древнего мира и средних веков, тогда не было, и с тем, чтобы как-то закрепиться, зацепиться за факультет, тот же Владимир Иванович Кадеев тогда предложил пойти работать на ту кафедру, где по джентльменскому соглашению с тогдашним заведующим Александром Емельяновичем Кучером, было такое соглашение — лекции я читал, не выходя за пределы феодализма, а практические занятия — за пределы XIX века. Ничего более «нового» я уже не вел. А с 1992 года, по-моему, вот как раз тогда появилась возможность, и я перешел на эту кафедру... Я не помню, это не принципиально — на ставку то ли доцента, то ли старшего преподавателя. К тому времени я уже защитился, и, собственно говоря, с где-то середины [19]90-х годов уже вот в статусе вот такого... и формально тоже доцента.

Чечкина Е.: А с какими трудностями на этом пути Вам приходилось сталкиваться?

Мартемьянов А. П.: На каком на этом?

Чечкина Е.: В университетской жизни, уже в карьерном плане.

Мартемьянов А. П.: Да не было особых трудностей, оно как-то все развивалось вполне органично, но единственное, конечно, я очень ждал, когда появится место на кафедре истории древнего мира, потому что так в целом получается — это к вопросу «думали, будете преподавать, не будете, не думали?», а выходит так, что тут, действительно, чего-то оно стоит. Я, у меня, действительно, получается зазор между окончанием университета и приходом на кафедру, на которую хотел — 14 лет — с [19]78-го по [19]92 год. И определенные сложности, конечно, были, потому что, когда меня чуть не силой (это умел Владимир Иванович) заманили на эту кафедру истории СССР — то потом мне еще много лет было жалко моих лекций до периода феодальной раздробленности, а тогда я совершенно не знал

этой дисциплины, вот... Ну и, конечно, это было непросто... Как правило, оно неинтересно и непросто с тем, чего не знаешь. Когда стал в этом немножко разбираться, то вот даже, когда было место здесь, мне до боли жалко было бросать этот курс, который уже пару лет читал по истории Киевской Руси. Я даже предлагал его. Ну как, что я мог тогда предлагать?... Как-то вот на условиях внутрифакультетской почасовки читать, но тогда как раз передали этот курс, это [19]92-й год, опять-таки, кафедре истории Украины, и вопрос был снят сам собой, потому что так, как они, я себе эту Киевскую Русь не представлял и не представляю. Поехали дальше.

Чечкина Е.: А участвовали ли Вы в какой-нибудь общественной жизни, университетской самодеятельности?

Мартемьянов А. П.: Это в продолжении. Нет, так в общественной жизни или самодеятельности?

Чечкина Е.: Ну, в общественной давайте сначала.

Мартемьянов А. П.: Это две разные вещи, потому что с общественной жизнью — вот это как раз к вопросу о трудностях — у меня всегда были проблемы, вот это вообще, наверное, мои основные проблемы [19]70–[19]80-х годов. Общественником я перестал быть в 7 классе, а до этого был очень активным мальчиком, но весь свой потенциал социальной активности я, видимо, израсходовал к 14 годам, как древние греки в древности, и... пиком моей (*вспоминает*) не помню, говорил, общественной карьеры было то, что меня по неосторожности избрали профоргом на первом курсе, но сразу же после первого семестра разобрались и поняли свою ошибку (*Е. Чечкина улыбается*). И потом это была очень большая проблема... проблема до конца [19]80-х, когда я уже постоянно работал в университете... Ну, это была обычная форма — всюду свои тараканы... Ну, вот характеристику любую подписывает... подписывал тогда декан, парторг... и профорг. И там было обязательно, помимо того, что я морально устойчив и политически грамотен, была формула, как я принимаю участие в общественной работе. И вот тут постоянно приходилось вспоминать: «Что же такое из того, что я делал можно хоть как-то облечь в форму общественной работы?». Так что с общественной работой было непросто как-то вот.

А самодеятельность, если Вы говорите. Самодеятельность была. Но самодеятельность была, сейчас уже и людей на факультете не осталось, которые так долго живут, потому что самодеятельность была у меня точно

года с [19]61-го, тут уж точно до нашей эры — мне 5 лет было, до где-то середины [19]60-х, потому что я был университетским ребенком, а тогда художественная самодеятельность и КВН — вот это были две основные фишки, я так понимаю, соревнований между вузами. Я по тем временам помню, все время было две величины — это Университет и Политех — вот они между собой постоянно боролись, и я попал в эту самодеятельность. Там должен был быть представлен детский фрагмент какой-нибудь, вот я в нем неизменно принимал участие и потом еще, видимо, по инерции оставался, когда учился в младшей школе. Вот так примерно. На этом тоже я себя исчерпал вот, и в декламации, и в танцах, и потом меня туда уже калачом было не заманить. Чего там дальше?

Чечкина Е.: В университете Вы не...

Мартемьянов А. П.: *(возмущенно)* Да в университете никто в годы студенчества больше 5 лет не принимает участия в самодеятельности, а я 5 лет точно вот принимал, так что вот так.

Чечкина Е.: А скажите, как для Вас соотносятся разные виды деятельности — исследовательская и преподавательская? Они помогают друг другу или отнимают друг у друга время?

Мартемьянов А. П.: Время они отнимают, но они однозначно помогают и, в моем представлении, они совершенно неразрывны... Но есть варианты, когда человек может быть очень хорошим, добротным преподавателем, методистом, но, в моем представлении, если, если при этом... он не занимается научной деятельностью именно в той сфере, в которой преподает, то *[неразборчиво]* это не очень университетский преподаватель... Но вот скорее, ну вот прямо... То есть это совершенно неразрывные вещи, потому что научная-то деятельность, она... Вот, допустим, ее проявлением является участие в различного рода конференциях. Эти конференции позволяют держать руку, что называется, на пульсе, разбираться в том, что актуально, что нет, что как рассматривается, масса этих материалов не опубликуется впоследствии, т. е. этих докладов. И ты не обмениваешься живыми впечатлениями с людьми о том, что они рассказывали, что ты рассказывал и, на самом деле, ты в абсолютной зависимости от той литературы, которую читаешь, и не более того. Собственно, ты рекомендуешь ее студентам, но зачастую бывает так, что, допустим, какие-то свежие веяния и связанные с ними выступления, они печатаются через 5, через 7 лет, и только тогда ты можешь [узнать]. И нет, для

меня это совершенно определено: или ты занимаешься научной деятельностью, которая, соответственно, связана с твоим предметом, или просто преподаешь как такой университетский учитель, и не более того... То есть как автомат для выставления оценок.

Чечкина Е.: Спасибо большое. А как, по-вашему, должна ли преподавательская деятельность быть связана еще и с воспитательными моментами или нет?

Мартемьянов А. П.: (смеясь) Мы это тоже будем записывать? (Е. Чечкина смеется). Я... должна/не должна, я не знаю, что такое должна не должна... У меня такое никогда не получалось, я даже своему дипломнику не могу ладу дать, хотя я не пойму, чему могу еще его научить (улыбается), но если более широко... я не очень, честно говоря, верю, в то, что какие-то... воспитательные представления преподавателей могут оказать серьезное влияние на формирование. Воспитывают, в общем-то, другие факторы, как по мне. Поэтому, такое...

Чечкина Е.: А какие инновации в образовании Вас приятно удивили или насторожили за время преподавательской работы?

Мартемьянов А. П.: Очень хорошо. Что такое инновации?

Чечкина Е.: Ну...

Мартемьянов А. П.: Нет-нет-нет, «ну» — это не ответ, Вы извините. Вы скажите, что такое инновации, а я скажу, что насторожило. Нет, Катя, на самом деле, вот что значит инновации?

Чечкина Е.: Ну, нововведения в...

Мартемьянов А. П.: Нововведения — это не совсем инновации. Вот... по сравнению с изменениями этими, если говорить любые изменения в этом плане, изменения-инновации, если брать то, что спускается сверху и определяет ход и содержание учебного процесса, то... я, честно говоря, вот, чтоб они были разовые как инновации, особо так себе не представляю, но то, что действительно, что хоть под интервью, хоть под ученый совет, хоть под что угодно — очень серьезно тревожит, и с каждым годом все больше, не было бы других проблем, и тем не менее. Это вот эта переориентация по всем уровням — теперь уже на линию ЗНО... с которой я совершенно не совмещаюсь и, самое ужасное, что совмещаться и не хочу. Вот, а на самом деле, каждый год показывает, что абитуриент приходит все больше и больше ориентированный именно на эти «зношные» дела и, в общем-то, возникают сомнения. Ну, все больше, все

больше времени, личного, а в принципе и учебного процесса, уходит на то, чтобы его как-то, как в свое время еще Вас удавалось частично переориентировать вот с этих «что, где, когда?», в общем-то, на совершенно другой, творческий, как Вы вспоминали сегодня со всеми этими ораторскими речами там, письмами... На самом деле, действительно... подход. Как-то так, наверное.

Чечкина Е.: А к популяризации науки как относитесь?

Мартемьянов А. П.: Очень хорошо отношусь, если хороший популяризатор. Она сама себе на самом деле недорогого стоит... вот опять-таки тут в чем-то с тем дипломником Виталием¹⁶... без той же рецепции, без наследия — больно нужны были все эти античные дела. Так оно и здесь: недорогого стоит то, что где-то там ломаются копыта в ложке воды мышами в этих научных спорах, если оно ни на что не выходит более широкое, если оно не находит места в общем контексте представления, в нашем историческом варианте — о прошлом, то, собственно говоря, недорогого оно, наверное, и стоит. Так что к популяризации я отношусь предельно уважительно, но другое дело — форма, но это уже частности.

Чечкина Е.: То есть научное общество для Вас не должно быть закрытым?

Мартемьянов А. П.: Нет, нет, вне всякого сомнения! *(убедительно)*. Может быть, там что-то есть?

Чечкина Е.: Как хотите... *(улыбаясь)*.

Мартемьянов А. П.: Нет, ну мы отметить должны. Я *(улыбаясь)* празднички знаю.

(Выключается диктофон. Зашла и вышла Любовь Павловна Салтевская. А. П. Мартемьянов сам выбирает вопрос).

Мартемьянов А. П.: А Вы напишите ответы, а я отвечу *(улыбаясь)*. Катя, примерно так: «Чем отличается сегодняшний университет от университета советского времени?». Значит... Тут: «Какие тенденции радуют, какие огорчают?»

Я не знаю, как по университету в целом, наверное, недостаточно университетский я человек. Но, на самом деле, что касается этого «университетского духа» и прочего — я тут не совсем в обычной ситуации, потому что, как я уже упоминал, вырос-то я в университетской семье и вот как-то

¹⁶ Виталий Деревянченко.

у меня, действительно, так получалось, даже когда-то в этом Харьковском университете... к 50-летию статью подготовили обо мне, но потом благодаря Сергею Ивановичу, я его уговорил и ее вычеркнули, называлась — вот название мне нравилось: «Идти на работу, значит идти в университет», то есть вот никакой другой работы я себе, в принципе, почему-то... и не представлял.

Так вот, я в связи с этим... какие тенденции настораживают... что бы ни говорили о советских временах, советским временам не снилось столько бюрократизма, столько бумаг совершенно ненужных и, самое главное, попыток затолкнуть вот саму эту систему университетского образования и, соответственно, участия в нем в такие совершенно жесткие и неприемлемые, по крайней мере, для истории и историков, оковы. Потому что все эти рейтинги, которые сейчас два раза в год заполняются, и прочее, на самом деле, они не отражают того, тех критериев, по которым в принципе судят о профессиональном специалисте. В моем представлении так: если это преподаватель, лектор, то, как он читает — как он ведет, собственно говоря, занятия и... какую пользу от того получает студент — ни в одном рейтинге это не отражается... а о преподавателе как об ученом, а мы говорили — это совмещается, говорят только его статьи и книги. Так вот, если говорить о статьях — я вам скажу так, к вопросу о том, что это формализм совершенно необоснованный и такого никогда не было, поверьте, Катя, действительно на моей памяти не было, уверен, что и раньше такого не было. Ну, вот смотрите: подготовка курса дистанционного обучения, а я насколько понимаю, единственный человек, который им действительно пользуется, ну, может быть их 2–3 — это Александр Иванович Тумаков и кто-то еще. А так... но у всех числится: они проходили какие-то курсы, получали справки, но на самом деле они ими абсолютно не пользуются. Так вот смотрите: получение этой справки дает в рейтинге 50 баллов. Это вот человек ходит на курсы 2 месяца, ему дают справку. И тут важно? Нет, ну относительная/абсолютная вещь дает ему 50 баллов. Статья, пусть в сборнике, знаю, изданном в Великобритании, но которая не имеет импакт-фактора, оценивается, даже если у тебя статья на 30 страниц, оценивается в 0,25 балла. То есть, иными словами, вот Сергей Иванович когда-то в очередном отчете на совете... он сетовал, что у него семь каких-то там статей, он «писучий» такой, семь статей вышли в фаховом каком-то этом и они ему дали аж 1,75 балла! Семь статей, что-то

в Германии, что-то в России вышло, что-то у нас — вот, 1,75 — меньше двух баллов! В то время как, повторяю, вот этот вот ничего не значащий для большинства, там, где работает — там работает, курс дает 50 баллов. Сравниться это не может, вот собственно говоря — это показатель. Это то, что написал ты методичку какую-то — вон у нас шкафы этими методичками забиты — написал ты эту методичку, там, в зависимости от объема, вот мы сейчас с Токаревым писали последнюю «нетленку» — 5 листов, 5 листов — это 100 баллов! Это 100 баллов за то, что мы сформулировали ну там, чего нужно читать — у вас этого не было, при подготовке к срезовым этим контрольным работам. Вот что я имею в виду под формализмом, и что оно не оценивается, а статья эта, опубликованная, допустим, в том же «Вестнике древней истории», дает тебе 0,25 балла. Вот и все! Вот это конечно, эта тяга к формализму... это настораживает... и то, с чем сталкивались пятикурсники, шестикурсники, и не дай Бог, столкнетесь вы — доходит до абсурда.

Это мелочь, действительно, на нее можно не обращать внимания, но вот это стремление вбить в какую-то общую для всего университета канву... Допустим, то, что у нас дипломная работа, ее титульный лист, называется не дипломной работой, а пояснительной запиской к дипломной работе. Пояснительная записка к дипломной работе студента такого-то, такого-то и так далее... Пояснительная записка. Не знаю, как в этом году, пока не говорили. Все предельно просто. Дипломная работа, вот то, что пишет дипломник, — это не сама дипломная, а пояснение к ней. А где сама дипломная — непонятно... Это, Катя, это на самом деле... и это можно, вон они лежат на любой кафедре — в прошлом году, в позапрошлом, не помню, как три года назад, и это принимается. Это я к вопросу о формализме. Но если, допустим, защищается математик, защищается инженер какой-то — у него понятно, у него все это дипломный проект, схемы, чертежи — все вот это вот есть, а он на 12 страничках представляет пояснительную записку. И вот у нас это так идет. Вот это то, о чем я говорил: формализм просто-напросто необъяснимый, совершенно.

Но если о том, что настораживает и удручает — я вот без всякого совершенно, если, то с другой стороны, тут не в пределах университета, а в пределах факультета, я абсолютно совершенно уверен, что несопоставимо то, насколько интересно учиться вот сейчас, и было учиться, когда учился я в те же [19]70-е годы. Абсолютно, стопроцентно в пользу

факультета нынешнего. И здесь действительно, в моем представлении, в чем-то оно конечно так совпало, а в чем-то исключительно личностный фактор... я во многом связываю это с 17 или 18-летним деканством Сергея Ивановича. Потому что, на самом деле, многие те инициативы, которые привели, с моей точки зрения, к чрезвычайно доброкачественным таким изменениям, это те инициативы, которые точечно — вот одна, вот другая, через два года — третья, — поддержаны были или инициированы, в какой-то мере, именно им. Примеры совершенно определенные.

Вам трудно себе представить, наверняка трудно представить, но, скажем, поучился я худо-бедно, но 5 лет проучился, и на пальцах одной руки можно пересчитать преподавателей, которые читали нам лекции не с кафедры и не по бумажке. То же самое на практических занятиях... И так далее. У нас сейчас действительно, я, правда, сужу об этом, в большей мере, по собственной кафедре, но... уроды есть всюду, в любом коллективе, но в целом у нас замечательный преподавательский состав, ну... а то, что казалось бы, в него не вписывается — оно тоже должно, как написал бы мой дипломник, иметь место быть (*улыбаясь*). Постольку-поскольку, если бы не было никакущих преподавателей, а все были только прекрасные преподаватели, то никто бы никогда не понял, что эти преподаватели прекрасны, потому что казалось бы, что так оно и должно быть. И в этом тоже заслуга и Сергея Ивановича, и, я б такой, честно говоря, я не вижу здесь прямой связи. Вот факультет, его работа — это да, а вот связи с изменением состава... То же самое с дисциплинами, которые преподаются, — многие новые, и среди них, я уверен, немало полезных и интересных дисциплин. Ну, это здорово! У нас вот тут, честно... да и рядом не стояло образование того времени с точки зрения качества, что сейчас. Но если пойдет именно по линии тех тенденций, которые настораживают, то это будет достаточно сложно сохранить.

(Алексей Павлович выбирает вопрос.)

Мартемьянов А. П.: Есть ли преемственность между советским и перестроечным университетом? Катя, что такое перестроечный университет?

Катя, я не знаю, что это, честно скажу. Это совершенно искусственное время. Это «горбачевская» перестройка, что ли? Так тогда ничего не изменилось абсолютно... Ну не может не быть преемственности... Как по мне, просто-напросто. Берем опять-таки факультет: ничего ж не строится

на ровном месте. Посмотрите, вот мы сейчас на кафедре сидим, вот череда — обратите внимание, вон Бузескул, которого Вы знаете по «Афинской политике» и «Афинской демократии», к нему Нетушила можно добавить. Бузескул вон дал Пакуля, дал Гриневича, опять-таки Гриневич дал Кадеева, дал Латышеву... Семенов-Зусер и Ковалевский дали Фризмана, Калуцкую, Голубкина. Как раз благодаря этой преемственности наша кафедра остается единственной в Украине, совершенно определенно, которая не утратила никаких связей. Вот нет такой преемственности ни в одном университете — с тем, чтоб с дореволюционных времен. А что такое «перестроечный», я не знаю, нет здесь просто по времени, не могу сказать, что это такое. А так, конечно, преемственность есть, и совершенно очевидная — хоть через преподавателей, хоть через традиции... (*шутливо*) Ой, я еще праздники знаю: я знаю праздники: день факультета (*Е. Чечкина смеется*), Alma mater¹⁷ я знаю, я знаю вот, что проводится зимой что-то в честь годовщины университета... я что-то еще знаю, но уже забыл... День выпускника, вот! Вот чего я знаю, я много праздников знаю, и стишок могу прочесть (*Е. Чечкина смеется*), с табуреточки только.

Мартемьянов А. П.: Это мы уже говорили... Ну а дальше я не знаю.

Чечкина Е.: Можем перейти к моей части.

Мартемьянов А. П.: Это я смотрел, Кать. Но здесь я не умею отвечать. Нет, я отвечаю. Раз уж мы все равно, а где она делась (*пьет из чашки*). Да, Кать, я не совсем... Это сюда входит или не входит в этот блок? Это Вы будете сдавать Виктории Юрьевне?¹⁸

Чечкин Е.: Могу сдавать, могу не сдавать.

Мартемьянов А. П.: Нет, Катюша, я просто к тому: оно одинаковое или разное? Я тут не очень, я просто к тому, что задавайте какие-то уточняющие вопросы. Хорошо? Потому что, что такое будничная одежда студента? Ну, вот мы сидим, я скажу тоже самое — Вы в платьечке, нет, Вы в кофточке, в каких-то штанишках, юбочках, колготках. Я в куртке, штанишках тоже. Ну, как? Что это, что это означает?

Чечкина Е.: В ваши студенческие годы как, в целом, одевались студенты? Может, вот какие-то тенденции можете вспомнить?

¹⁷ Университетский творческий конкурс первокурсников.

¹⁸ Речь идет о том, что интервью было взято в рамках спецкурса «Устная история: теория и практика» (преподаватель — В. Ю. Иващенко).

Мартемьянов А. П.: Да я просто вот... это даже не к тому, что я не помню или не знаю... да вот как вот и у вас, так и у нас в любой группе — всюду разные люди... Стоит постоянно учитывать. В любой группе — разные люди. Разные люди, и у них разные ориентиры. Ну, вот рискните спросить то же самое у, мы вместе учились, у Александра Ивановича Тумакова... рядом где-то... постарше года на три — четыре Ёлкин учился... Страшнюк, Наумов на год — два младше, но... то есть, это одно и тоже время и одни и те же одежды, но... будут разные, как раз ответы, потому что тут, наверное, как и сейчас... ну кто-то обращал на это больше внимания, кто-то — меньше. Я тут, наверное, в какой-то мере, что-то такое... ну как раз среднестатистическое, потому что, с одной стороны, никогда на этом не зацикливался, но, с другой стороны, получается, что как раз [19]73–[19]78... Прийти в университет в нерасклеванных брюках я себе позволить не мог. То есть как-то вот так... Единственное, может быть, что, магазины были пустыми, ну в общем-то, это по определению в плане одежды... да и обуви. Но они были пустыми, но временами, потому что ну не ходили ж мы... никакие. И никаких особых проблем... в каждое ж время... сейчас хочется чего-то вот такого, тогда хотелось чего-то свое, чтоб по-другому. Чтоб возникали с этим серьезные проблемы — такого я, честно говоря, ну кто как... их решал, скажем так. Фасон — это другое дело. Сейчас смотрится совершенно дико, да мне и тогда никогда не нравились — это были какие-то вот, я помню у девочек туфли на дикой вот платформе — ну это копыта получались из ноги просто-напросто. Особенно если это были как тогда сапоги-чулки, как-то так это называлось. И все это заканчивалось вот таким копытом, причем — чем копыто больше... Ну, посмотрите по тем же фильмам. Где-то же оно появлялось, больше доставали — если говорить о женской обуви. Мужская, ну вот я с тех пор, со студенческих годов, ну я не помню, чтоб я носил не кожаную обувь. И да, это было, я знаю там... ты мог раз-два в год купить какую-то там пару обуви, но они могли быть там чешскими, мадьярскими, югославскими, как-то раз на американские попал — до сих пор помню. Но это были очень качественные вещи. Действительно, качественные — это ни убавить, ни прибавить, в Союз, сколько бы там ни было минусов, в Союз не поступали некачественные шмотки из-за границы. Вот просто-напросто где-то это по качеству не ширпотреб китайский, не Вьетнам, как в свое время, но вот действительно... я в нее сегодня не вырядился — жарко, но у меня

есть безрукавка; я ее точно купил, когда работал в школе, ну почти что сразу, как учился [19]79–[19]80-й год. Ей без малого 40 лет, я ее надеваю совершенно спокойно. Вот она итальянская. То есть если это было такое, то это было такое. Ну вот... и что отличалось принципиально, как по мне — тогда, как я понимаю, гораздо больше шили. Если я правильно понимаю по тем, с кем общался более тесно... девочки себе, ну, не обязательно они сами — в магазинах как-то почти ничего не покупали, а просто-напросто как-то шили, чтобы как-то соответствовать представлениям. Ну а то, что я говорю среднестатистический — я как-то... за этим не गयाлся, но, как я говорил, прийти в нерасклеванных брюках, не следить откуда, если вдруг уже клеш пошел, как сейчас помню от бедра, а уже не от колена, то прийти не в таких... Ну опять-таки шили, были хорошие мастера, там иногда стояли месяц-другой в очереди, вот тоже. Я, помню, сам же ходил, там ткани были очень хорошие. И вот тут ничего, их было немного, но ни убавить, ни прибавить — вот эти советские знаки качества, такие вот со звездочками, оно вот действительно соответствовало этой шерсти, габардину, бостону, и так далее... Ну не мог я не прийти с определенного времени в неприталенной рубашке. Опять-таки, сам я приталивать ее не мог, я отдавал в ателье, приталивали там... Ну и потом, к вопросу о... Это близко тоже, может быть, не [19]70-й, хотя я помню отца, это к вопросу, как преподаватели ходили. Это чистая середина [19]70-х, может даже первая половина. Я помню, что черный французский костюм он купил, ну и опять-таки — это была настоящая Франция. Я так и не сумел осуществить «одежечную» свою мечту. Я все время разрывался. Финские были роскошные совершенно костюмы, там ткань была... это [19]70–[19]80-е годы — это совершенно определено, я даже цену помню: он стоил 230 рублей. 230 рублей — это меньше, чем доцентская зарплата. Ну, это было, в моем представлении, и по пошиву, и по ткани было красиво, но тут постоянно приходилось разрываться, потому что, знаете, 230 рублей — можно было купить двое джинсов... и вот опять-таки о качестве, те джинсы, ну, у меня они появились только на старших курсах, с рук — иначе тогда было не купить, ну, это были настоящие Штаты. Это были «Траппер», это были «Левис» или «Левайс», как их ни называй в общем-то, и... это была та джинса, за которую было приятно взяться, ну а о строчке, пошиве и прочности тут и говорить... Это то отличие, то отличие ширпотреба, который из-за границы практически не поступал. Если ты можешь

себе позволить это купить, то это было здорово, и ущербно в этом плане я себя практически никогда не представлял, а [19]80-е годы — это чуть... какие годы у вас?

Чечкина Е.: [19]80-е.

Мартемьянов А. П.: Ну, если брать и [19]80-е годы — сливается иногда вот так вот... Ну, в [19]80-е я начал — несколько десятков раз съездил в Москву, а там, если ты между театром и какими-то другими своими делами, как правило, ты по утрам пробежишься, ну и там временами можно было купить практически все — были бы деньги... Ну, все, что представлялось в те времена — это, вне всякого сомнения, поэтому... тут было бы желание и настрой на это. А по группам, это я говорю вот, что из ребят некоторые, кто постарше был... у нас такое скорее было разделение: на городских и деревенских, хотя деревенские, по-моему, ощущали в какой-то мере, но это вот... никак не проблема. А вот те, ребята, кто был, а их было у нас, наверное, не меньше половины, кто были после армии — были на 3–4 года старше нас, ну и наши одноклассники, кто из стройотряда — они могли, вернувшись и подзаработав баснословные, по студенческим временам, деньги... они могли просто ходить в этих робах стройотрядовских, скажем. И это тоже вот такой шик — мужик самостоятельный такой, умеющий заработать, обеспечить, не боящийся труда по тем временам. Ну, такое вот, так что как-то так, что еще, Катя, тут по этим вопросам? Преподаватели? Преподаватели — да черт его... ну так тоже ходили... костюм, галстук... да, вот чего я на дух не переносил, — это галстуки. И... и женился я без галстука уже заканчивая, вот и только на военке — там это был обязательный элемент формы. И, по-моему, в 10 классе я на выпускной — на альбом я сфотографировался в галстуке. А так на меня галстук было совершенно не... Преподаватели — в каких-то галстуках все... поэтому у нас, кто преподаватели... которые следили, в чем они ходят, либо наоборот — вот они выделялись. Вот, кто наоборот — я называть не буду, а вот среди тех, кто выделялся, ну как по мне — это, прежде всего, Евгений Петрович Пугач — дай Бог ему здоровья со всеми его этими болячками... вот он... может еще на кафедре новейшей истории — его давно уже нет в живых, был заведующий Георгий Николаевич Попов — тот... по линии КПСС ездил все по заграницам, по тем временам редко. Набрался то ли в Италии, то ли еще где-то — у него были совершенно экстравагантные галстуки. Я к тому, что тогда надеть галстук с пальмой или с обезьяной

это... это было что-то уже из ряда вон... а он появлялся опять-таки в туфлях на платформе, на каблуке, как-то это вот бросалось в глаза, а у Евгения Петровича как раз это все было как-то и качественно, и со вкусом... получалось... ну а многие, кто и сейчас преподает, из таких вот... те, кто наоборот — скажем так.

Чечкина Е.: А чем занимались на вечеринках, если они были? Танцевали?

Мартемьянов А. П.: Ой, тью, вот тут опять, вот тут опять, Катя. Тут все, ну где кто, кто с кем дружил, где это было, где собирались... ну, мы собирались все-таки в основном в общежитии. В общежитии, я как-то наверное говорил, что вот тут я развернулся на 180 градусов, если сейчас мне и второй человек в доме как-то лишний, то первые года 3–4 я просто мечтал жить в общежитии, потому что там жили близкие друзья, действительно друзья... включая того же Александра Ивановича¹⁹ по тем временам. Но мне очень сложно было устроиться в общежитие, потому что я жил в 20 минутах хода от общежития. А когда уже на 3–4 курсе появилась возможность по профсоюзной линии, по какой-то там студенческой, какие-то знакомые появились, и меня уже могли поселить в общежитие — пропал смысл. Потому что друзья уже переженились, покинули общежитие, и идея себя изжила. Ну, на старших курсах — и дома, но было... для нас в основном это было общежитие. Вот... чем занимались — вот это я уже не помню... (*смеясь*) вот это я уже не помню. Ну, на самом деле... да все это было, вот разве что, кроме игр. Потому что где-то вот, наверное, конечно играли, но мы в основном играли в карты, ну, у кого, что лучше получается... Ну, в одном углу в карты, в другом там танцуют, в третьем поют, четвертый свободный — можно занимать (*Е. Чечкина смеется*)... как-то так. Насчет танцев — я абсолютно почти уверен, что кроме девочек, любой, наверное, относящийся к непрекрасному полу — они были медленные и быстрые. Медленные — они просто топтались, благо особо и уметь не надо, а быстрые — вон включайте фильмы [19]70–[19]80-х годов — вот это оно и будет — кто как мог, насколько я понимаю, тот так и дергался. Кто менее, кто более претенциозно, а так... Ну, песни, я знаю — пели постоянно. Со стороны, наверное, б лучше не пели, в моем исполнении, по крайней мере, но (*Е. Чечкина смеется*)... Да разные, что слушали, то

¹⁹ Речь идет об Александре Ивановиче Тумакове.

и пели, только с учетом того, что языка тогда особенно... языку особенно не учили, то как пели — если не по-русски, то (*напеваает мелодию*). И музыка точно так же, и музыка точно так же, я никогда... на этом не зацикливался, хотя любители были. И сейчас скажут, когда там Фредди Меркьюри там с кем-то сошелся, и когда они расстались, и когда кто в какой группе был и покинул, и так далее... ну, тоже оно все разное и зависело от того... куда ты попадаешь — в какую компанию попадаешь. На самом деле, оно было... чтоб особые проблемы... я вот сейчас так иногда встречаюсь в одной компании, ну, фактически, со сверстниками, и когда они начинают обмениваться этими студенческими воспоминаниями — я никогда особо за этим... ну, слушать — слушал, но чтоб когда-то что-то доставал, чтобы я узнавал откуда оно поступало... Но, практически, наверное, вся эта верхушка по крайней мере той же зарубежной эстрады — она была. Я знаю че там... я еще путаю [19]70-е и [19]80-е... компания основная в принципе одной оставалась — и что где... ну тут наверное Pink Floyd, Deep Purple, (*вспоминает*) Scorpions, Led Zeppelin, вот наверное да, это тогда... Смоку появились позднее... из... че-то кстати вот, мне кажется, что немножко, но опять-таки — это от компании зависит, что Beatles как-то потом уже, они как-то в конце [19]80-х и ближе к [19]90-м пошли из слушателей... ну, тут я могу ошибаться. Rolling Stones были, естественно. Из диско чего там... из диско ABBA были Bee Gees... а, вот еще, только я не помню, это конец [19]70-х или начало [19]80-х, но не диско, а Spase появился, оно как-то так мне вполне шло... [*неразборчиво*] были... я так, по памяти, оно ж как республики перечисляешь, ну, вот это оно собственно говоря... Вот это оно и было, и если там был какой-то и Ангиланд [*неразборчиво*] так оно все и было, обычно просто кому что нравилось... а отдельно и французы. Да — это Джо Дассен, Шарль Азнавур, Мирей Матье. Итальянцы, наверное, в [19]70-е годы только Тото Кутуньо [*неразборчиво*]. Демис Руссос был, Демис Руссос был в ходу... Съюзи Кватро... такое вот... тоже оно все присутствовало. А тут заодно и пели и слушали из русского... но это скорее от компании зависело. Ну, там где не выпендривались... не пытались представить «смотрите, как необычно здесь звучит вторая скрипка»... Ну, вот такое мне, но это вновь приобретенное в Москве когда-то «Адажио» Альбиниони в Большом смотрел, смотрел... Вивальди был... ну такое. А так барды. То, что сейчас идет в основном как авторская песня, — это Кукин, Клячкин... Городницкий кстати меньше,

вот который Александр Городницкий, который классика... Ну, Высоцкий во всю шел и хорошо шел. Визбор тоже если брать, вот как по мне — у него много такого... хорошего... В женском варианте — Камбурова Елена, Вероника... только не Лариса, а Вероника Долина такая... как я говорил, Новелла Матвеева на большого... любителя... какое-то такое. Пугачева — в [19]70-е, еще насколько я помню, может какой-то «Арлекино» был и вот это вот озвучивание песен для «Иронии судьбы». Была, ну как-то... Кобзона точно не слушали, но я знаю вот... на год раньше нас заканчивал в [19]77-м году, он щас директор одной из харьковских школ, вот он искренне считал, что Кобзон, к вопросу о компаниях и о вкусах, что Кобзон — это и есть вот основное, а там уже дело такое... Потом... да какие-то ВИА — как они тогда назывались — вокально-инструментальные ансамбли, группы. Нормально «Песняры» там шли, по крайней мере, отдельные всякие песни. Очень, если как раз [19]70–[19]80-е брать, то, что очень популярно было наряду с *[неразборчиво]* только в русском варианте. Это точно мы еще студентами были, потому что мой приятель все восхищался, ну он так фарцевал по-мелкому, все восхищался, какая на Альберте Асадуллине была джинсовая куртка на меху, тогда это была такая утепленная джинса, была редко. Это появилась первая, как она считается, не берусь [утверждать], рок-опера «Орфей и Эвридика». А «Юнона и Авось» уже появились в начале [19]80-х. Ну это вот тоже с Кончитой вот пошло как-то... Так что как-то так.

Чечкина Е.: Писали ли вы или ваши сокурсники стихи о студенческой жизни?

Мартемьянов А. П.: Не... тут как-то отвечаю. У нас вообще, Кать, у нас на самом деле гораздо, я вот сужу по факультетским, то «Прометей», то потом как-то название пошло... кто-то писал, но как-то не было это расхожим таким... это не было... ну не было, и все. У меня вообще единственное, что запомнилось — это мы когда только поступили, к вопросу о стихах, об университете, о преподавателях. Это я, если не ошибаюсь, на курсе Анатолия Ивановича Ёлкина и Юрия Владимировича Буйнова, они были однокурсники. На курсе, тогда по разнарядке раз в несколько лет на истфаке должен был учиться один незрячий. Ну, у нас на курсе был незрячий — нормальный спокойный парень был. А у них он был с колоссальным апломбом, и он был поэт, я его потом еще довольно часто видел с палочкой по площади. Много лет после. Вот он на первом курсе... тогда

ж ксероксов не было, поэтому ходили переписывать... он написал курсовую, как сейчас помню, профессору Слюсарскому. Слюсарский тогда уже древний был — по истории СССР, по ранней истории... Ну, он написал, он незрячий, он там что-то кому-то диктовал как-то. Какая курсовая — 1 курс, можно себе представить. Ну а профессор, не разобравшись, ему это вернул. Вернул, а у него апломба и так не занимать... вот это стихи, которые я помню, они, к сожалению очень короткие, дальше я не помню, вот он разразился, следующий вариант он написал в стихах; и начинались эти стихи там, где актуальность темы со строчки: «Старикашка курсовую написать мне задал...». Больше я университетских стихов не помню (*Е. Чечкина смеется*). Потому что, потому что... не, я знаю, на раскопках там писали... вот раскопочные... любили там археологи про скифов во широком поле и так далее, но как-то... эта чаша миновала... Что еще?

Чечкина Е.: Ходили ли Вы в театры, кино, рестораны?

Мартемьянов А. П.: (*перебивает*) Да, вот это вот не преследовались ли они — ничего не преследовалось. Если мы жили, (*смеется*) мы пахали... Если все это было в общежитии на переулок Отакара Яроша, 13, и истфак считался идеологическим факультетом, поэтому других не поселишь... Жили в этом общежитии химики, правда, почему-то, истфак, иняз и иностранцы. Ну и вот, когда какие-то конфликты с иностранцами — тогда да. А так — здоровая пьянка никогда не считалась... И никакие комитеты комсомола за этим не следили. С другой стороны, и я никогда не испытывал... подобно Солону или вот этому старикашке про курсовую, подвыпив, забраться на табуреточку и начать читать что-то диссидентское. Ну, «Уронили мишку на пол», — это я мог, да... Это, к слову, чем ещё занимались, да, вечеринки и прочее... Кино практически не пропускалось, ну, все более-менее, что можно было... обсуждать, проговаривать... просто безоговорочно знали все кинотеатры (*смеется*), это я когда-то был совершенно потрясен, ну уж прошло без малого 20 лет, когда выяснилось, что моя дочь в 10 лет, ну ей там было 9, 10, 11 — не суть важно, но вот она не была в кино. Это я к тому, что потом перестал ходить, и сейчас крайне редко. Мне сейчас куда-то выйти, это другой разговор. А так, все, что можно было — мы смотрели. И вот насчет того, чем занимались на этих вечеринках, да и в принципе, когда встречались, тут куда не денешься — мы дико много читали. Вот тогда, в моем представлении, чем ты мог быть интересен — это тебе... ну, я тут сужу со своей непрекрасной

линии... ты должен быть достаточно спортивным, должна быть спортивная фишка и... ты должен быть начитан. Как ни странно сейчас, но это все было, и мы читали все подряд. Ну и еще с учетом того, что мать зарубежную литературу преподавала, я говорил. Сейчас это совершенно ничего не скажет, но у нас была совершенно дикая по объему, у нас почтовый ящик разрывался по советским временам, сейчас вот квитанции приходят, а тогда — подписка, всевозможные журналы, где что-то могло печататься вроде там «Иностранки» — «Иностранной литературы», «Всесвіт» — украинский брат-журнал «Иностранной литературы», был такой журнал, «Новый мир». И если просто-напросто брать конец [19]70-х... не скажу сейчас по датам, ну вот, например, освежили, напечатали «Мастера и Маргариту»... Просто не быть в курсе — это невозможно. Ты уже недочеловек, ты неинтересен просто-напросто. Так же иногда с некоторыми фильмами. Вот, что запомнилось — до сих пор, я считаю, редкий случай, бывают такие случаи, когда фильм книгу превосходит на много-много порядков — это «Солярис» Тарковского. Я к примеру... что это вот ходилось, обсуждалось до фильма, после фильма, потом пересматривалось. Ну к примеру, скажем. Это не с Александром Ивановичем²⁰. С Александром Ивановичем мы ходили когда-то на «Они сражались за Родину» по Шолохову... В отличие от «Соляриса», это, конечно, фильм прошлого времени, но я к тому, что эта составляющая была неразрывная, обязательная.

С театрами немного иначе, с театрами немного иначе по той простой причине... вот у нас работала, у девочки из нашей компании... меняются же компании, как и у вас, как и везде. У нее мать была заслуженная артистка Украины, естественно, по тем временам. В театре Шевченко она была... я к тому, что мы ходили, мы ходили, но эта ущербность харьковских театров, провинциальность — она ощущалась, хоть убей. И вот здесь я полностью оторвался и отвязался, когда стал ездить в Москву. Причем первые разы я еще учился, [19]77–[19]78-й, еще когда ездил на студенческие конференции — уже тогда. Но вот опять-таки настрой... Тогда хотелось, а если брать уже [19]80-е годы. И вот, если я приезжал, я посвящал, а ездил я на 2–3 недели, было время... У меня были уже пристреленные по тем временам точки с киосками, вот с этими билетами. Я первым делом, я обзаводился, два-три дня в библиотеке и просто

²⁰ Имеется в виду Александр Иванович Тумаков.

шастал по этим киоскам, на 2–3 недели обзаводился билетами... да, собственно, у меня многие программки, непонятно, правда, где, остались как память. Потому что это было невозможно тогда побывать 2–3 недели в Москве и не посетить 3–4 популярных тогда спектакля. Не знаю, в том же Ленкоме «Юнона и Авось». К примеру, скажем так. На Таганку я уже попал без Высоцкого, потому что это была середина [19]80-х. Но вот там как раз я точно зацепил «У войны не женское лицо», для постановки такое непонятное немножко. Но после этого я прочел у Светланы Алексиевич. Я как-то говорил, что вот для меня, через отца, через вот такое, для меня это Отечественная война, вот такого плана. То есть театры — это наряду с какими-то выставками... ну, на выставки было трудно в Москве попасть, потому что там надо жить. В Москве и Питере, чтоб ты попал, куда тебе хочется, а не абы сходить... это сейчас это так часто... просто не успевал. Я покупал все эти фиговины насчет того, где что можно посмотреть... иногда попадал, иногда нет, а театры — это то, без чего я Москву и тогда, и сейчас не представляю.

Чечкина Е.: Рестораны, кафе, пивные?

Мартемьянов А. П.: Регулярно. Нет, это действительно регулярно, но, это какие студенты университета. Разные студенты — разные предпочтения. У нас однозначно, как по мне, на первом месте были шашлычные... Тогда ж выбор небольшой был. На самом деле, их было две. И все мы не могли поделить. Ходили два раза в одну, один раз в другую, чтоб сверить — в другую. Это шашлычная возле ипподрома, в моем представлении, там лучшие были шашлыки, но у меня были идеологические противники. Она была без названия, не было у нее вывески, что это был «Ара-рат» — на Университетской, только ниже библиотеки, туда к кинотеатру «Звезда» — не знаю, как он сейчас называется... по правую сторону, если от библиотеки идти... Очень даже удобно. Это раз...

Что ресторанов касается — это уже потом, как раз вторая половина [19]70-х — начало [19]80-х. Да простит Александр Иванович, который тоже тогда активно это посещал, да и не только он — появился конкурент у шашлычных. Тогда это для нас было в новинку. Я сейчас улицу подзабыл, но я там несколько лет жил. Вот появились магазины «Океан». Один из них был на Салтовке, на конечной какого-то троллейбуса... там был магазин, и там был ресторан. Если в шашлычную ты идешь на шашлыки, на мясное, то, соответственно, туда ты идешь — на рыбное. Всякие

блинчики с икрой, тогда еще не перевелись осетрины, севрюги, палтусы всякие настоящие... это вот ходили туда. Ну а пивные — это когда вот не было пивных ресторанов, не говоря уж о пабах — вот мы учились, заканчивали университет, наверное, последние пару лет — появился на Павловом поле недалеко, между солдатом и кинотеатром Довженко появился «Янтарный». Я не знаю даже, он там есть... Это был первый пивной ресторан в Харькове, и мы туда тоже ходили, если на пивное. Ну и не гнушались спуститься на Клочковскую, мы играли в тот же футбол, допустим, иногда по воскресеньям, и спуститься вниз тем, кто проиграл — проставиться-выставиться тем же пивом. Тоже абсолютно нормально было. И по деньгам все это было, и по деньгам это было очень даже ничего. Потому что даже если ты заказывал столик, это тогда было принято... Если ты заказывал столик, полуторная, двойная не шла, по-моему, так и остался ресторан «Мир», как гостиница на Ботаническом саду, так и ресторан, да и «Националь», «Интурист» тогда был, ты даже когда заказывал на Новый год на ночь столик, то было 20 рублей с человека. То есть, когда мы ходили в ту же шашлычную, то десятки абсолютно хватало.

Я прекрасно помню один из походов... на третьем курсе, наверное, мы были, потому что я получил свою вторую премию за научную работу — вторую, потому что первую и последнюю, потом я уже не стал подавать... Я тогда был страшно обижен. И до сих пор вспоминаю. Потому что получил диплом второй степени... ну а свежесть, как известно, может быть только первой... но там это все было обречено, там за Нобатию первое место не получишь — первые места получали Станчевы, Тумаковы — за партийное руководство там чем-то... или комсомол и так далее... а я со своими античными терракотами с поселением Маслины в северо-западном Крыму... в общем, понимаете... больше второй не потянул. Но зато я прекрасно помню, мы в кассе, там, где сейчас окошко на 3-м этаже — мне выдали 25 рублей, и мы четвером, добавив там рублей 15–20... мы прекрасно сходили в тот же «Арарат» шашлычную и очень хорошо мы провели время. Так что... было бы желание. Мы подрабатывали, постоянно подрабатывали. На 4–5 курсе я очень хорошо подрабатывал.

Чечкина Е.: Последний вопрос остался по поводу клубов, кружков, разных мероприятий.

Мартемьянов А. П.: Да тут я даже и не знаю... (*Зашла Н. В. Шевченко, интервью прервано*). Кружки были... мы старались, тут можно было себя показать. Мы когда учились — Валерий Федорович Мещеряков покойный руководил по кафедре этим кружком, потом оно как-то по рукам пошло, из рук в руки передается. Там мы старались. Через кружок ты попадал вначале на региональные — Украина, Молдавия, потом — на всесоюзные конференции, после которых оно и стало интересно, собственноручно говоря... И это было здорово. Это без всякого было здорово. Действительно, все начиналось с кружка. Раньше этого не было, вот этого, честное слово, идиотизма — 1, 2, 3 место — кому грамоту, кому книжку. Никогда не мог понять, что лучше. Вот представьте себе: книжка с автографом Роман Геннадиевича — можно считать, жизнь состоявшаяся. Есть за что бороться. Там было другое. Отсюда тебя рекомендуют, ты сам не поедешь. Руководитель и кружок тебя рекомендуют на эту региональную, на республиканскую конференцию. Там тоже тебе не вручают никаких грамот, но там тебя рекомендуют — лучшие доклады. И ты чувствуешь, что у тебя получается, тебя рекомендуют на Союз. И когда ты получаешь эту бумажку, ну, понятно, что она факсимильная, но с подписью, по тем временам, декана Арциховского — величина в археологии, что тебя ждут в Москве и без тебя конференция не состоится — это, конечно, здорово. Ну, а там пошла как раз та самая в Москве... почему я Виталика с Аленой²¹ все выпихиваю, выпихиваю, но никак не выпихну — там все и пошло. Там ты понял, что от того, что ты, я до сих пор на том стою, заканчиваешь по тем временам не Московский, не Питерский, а Харьковский университет — к тебе не хуже относятся, чем они между собой. И ты такой вот — никакой ущербности. Уже без малого 40 лет я пытаюсь привить чувство, что ничем мы, кроме языковой подготовки, без этого никуда не денешься, мы ничем не хуже. Тут Москву, Ленинград, Питер, их не перешибешь, к сожалению. Все начиналось с кружка.

Вот тогда я общественно задействован не был, но среди приятелей — я к ним уважительно относился и прекрасно понимал — очень популярен был, не смогу объяснить, что это такое, сам я никогда не участвовал — ФОРП — факультет общественных профессий. Это как

²¹ Имеются в виду студенты А. П. Мартемьянова — А. Походнякова и В. Деревянченко.

раз кружково-побочное, там по моим знакомым была очень популярна секция международных отношений. Это сейчас залезь в интернет и смотри, тогда они там узнавали много нового, понимали... Короче, это пользовалось [популярностью]. А что такое мероприятия комсомольской организации, я не знаю. Вот кому что надо — то и замечал. Ну не замечал я вот этого вот, но оно меня тоже не трогало. Кому не надо, ты только не лезь — оно тебе не помешает! Ну, уж простите, цитирую известную поговорку. Как-то так, Катюш, Ну вот серьезно!

Чечкина Е.: Спасибо большое, Алексей Павлович, за интервью! А можете повторить эпиграф?

Мартемьянов А. П.: А что не работало? *(смеется)* С удовольствием! Цитирую: «Ой, какие вопросики! Сами, что ли, сочинили?!»

СКРИНШОТЫ из сообщений в социальных сетях (2019–2020)

Тексты в фейсбуке, опубликованные «по горячим следам» в связи с известием о кончине А. П. Мартемьянова. Они дополнены некоторыми публикациями, написанными по случаю годовщины смерти¹.

Sasha Ashrapova

Фейсбук повідомив мені жахливу новину. Цілий мій ранок пройшов в сльозах вдома, в метро, усюди, ледь вдається їх стримувати взагалі, в душі злива. Мені пощастило, коли ця Людина погодилася взяти мене писати наукову роботу, дипломи. Шансів у мене було небагато, оскільки спеціалізацію я обрала пізно. Але Він погодився. І це один з найбільших скарбів, надбань мого маленького світу маленької людини. Олексій Павлович — не просто викладач, не просто науковий керівник, це справжній наставник, він не вчив тільки писати (це він робив розкішно, витончено, з ним хотілося йти далі, пірнати глибше!) він вчив жити, він вчив бути. Інфекція закоханості у науку і слово, у прекрасне і невідоме передавалася із божевільною швидкістю. Людина — Сонце, пристрасний до знань та життя, добрий та світлий. Він бачив те, чого не бачуть інші. Писати слово «був», писати у минулому часі — ножем по серцю. Він буде жити далі у своїх близьких, роботах, учнях... Як прикро і боляче, що всі слова вдячності та захопленості я пишу зараз тут, а не кажу у вічі. Він казав мені, що пишу я краще ніж говорю, так було, так і залишилося, так, очевидно, буде далі. Говорити

¹ Составитель: Роман Любавский.

я не вмію. Та писати навчили мене саме Ви. Ви змусили повірити у свої сили... Ви зробили ще багато чого для мене... Я певна, що благородність Вашої душі навіть не могла уявити наскільки збагачуєте навколо собою Ви світ, наскільки Ви даєте багато людям. Як прикро та боляче, що слова, яке б описало цю Людину так і не винайшло людство. Світ втратив більше ніж можна уявити. Назавжди у моєму серці був, є та буде, мій вчитель життя Олексій Павлович.

Dmytro Shapoval

Эх, Алексей Павлович, дорогой, как же жаль, что Вас не стало! До слез. Вы были на много больше чем, просто, преподаватель и научный руководитель. Вы были Учитель, Наставник и Друг (без панибратства и высокомерия, как правильно было замечено). Вы учили не только Риму и Греции, Вы учили, как быть человеком! С присущим Вам юмором, тонкой интеллигентностью и глубиной. И простите, что так и не увиделись после инфаркта. Светлая память. Скорблю со всеми.

Svitlana Korczowa

Алексей Павлович был моим первым научным руководителем ещё на первом курсе. А потом мы часто беседовали в Херсонесе. Душа-человек... И я до сих пор, шинкуя капусту для борща, вспоминаю его. Он каждый раз нам на кухне с девочками говорил: «Я прихожу к вам обедать, потому что вы капусту тоненько шинкуете».

Константин Слабунов

Светлой памяти вам Алексей Павлович!!! Спасибо вам за все. За ваши лекции по Греции и Риму, ваши истории о Шлимане навсегда останутся в нашей памяти. Земля пухом вам и светлой памяти... (((

Антон Бондарев

Осень 2001 года, I курс исторического факультета... В аудиторию открылась дверь через которую перед глазами совершенно зеленых студентов предстал элегантно одетый преподаватель с улыбкой радостно сообщивший «Здравствуйте. Я Мартемьянов, Мартемьянов, Мартемьянов.

Я не повторяюсь, я не повторяюсь, я не повторяюсь»... Это наше первое знакомство как и вложенные в голову «дворцовые хентиуше», то что не забывается и с большой теплотой вспоминается по сей день... Потом, когда я на некоторое время избрал своей специализацией историю средних веков естественно мы пересекались на кафедре. С ним всегда было легко и приятно в общении. Ведь не было ни панибратства, ни высокомерия. Зато была простота, доброта и видение прежде всего в тебе не студента, а личности... Он был прекрасным профессионалом своего дела. Но самое главное, на мой взгляд то, что не смотря на свои колоссальные и глубокие познания Алексей Павлович смог остаться по жизни веселым и крайне душевным человеком. Что увы среди исследователей бывает крайне редко... Нас покинули — блистательный Валерий Федорович Мещеряков, Борис Андреевич Шрамко, Владимир Иванович Кадеев, Юрий Алексеевич Голубкин, обожаемая Тамара Леонидовна Степаненко... А вот теперь и Алексей Павлович Мартемьянов... С его уходом навсегда ушла часть прекрасной Эпохи в которой повезло 4 года пребывать и мне... Очень больно в сердце... Покойтесь с миром...

Angelina Yatsina

Алексей Павлович, никогда вас не забуду. Никогда не забуду все, чему вы меня научили. Я счастлива, что все 5 лет вы были для меня научным руководителем, наставником. Сегодня достала все мои работы с вашими правками. Когда-то я огорчалась, что много исправлений. А вы всегда говорили, что будет лучше, что я научусь. 1 курс — все в карандаше, 5 курс — только сноски кое-где подправлены и исправления неудачных словестных конструкций. Научилась. Но сегодня я улыбалась сквозь слезы, что сохранила эти листочки после стольких лет, после стольких переездов. Их касалась ваша рука, которая, когда-то, сжимала мою. Только вы улыбкой и взглядом могли сказать мне: «Все будет хорошо». Спасибо вам... Низкий поклон... Светлая память...

Андрій Домановський

Колись неймовірно давно, на першому курсі, я писав курсову роботу про «батька історії» Геродота. Науковим керівником цієї роботи був Олексій Павлович Мартем'янов. Студентом я був роботящим, але

не надто організованим у плані дотримання термінів подання розділів. І на консультації ходив нечасто, бо хотів принести вже щось більш-менш готове. Зрештою, роботу було здано в останній момент. Олексій Павлович всю ту мою писанину прочитав і за кілька днів запросив на консультацію. Тривало вона мало не три години — науковий керівник детально розібрав не тільки всю роботу в цілому, не лише кожен розділ і пункт, а кожну сторінку, кожен абзац і мало не кожне речення. Користь від усіх отриманих тоді порад і зауважень я зміг оцінити вже суттєво пізніше — під час написання інших своїх робіт. Тоді ж я вийшов з кафедри з твердим наміром писати у О. П. Мартем'янова і далі. Захист курсової, на якому був присутнім В. І. Кадеєв, тільки посилив це прагнення. Після захисту був ще один розбір роботи — коротший за часом, але так само насичений. Все літо я збирав бібліографію по Геродоту, накопичивши під вересень кілька сотень позицій. Втім, не так сталось, як планувалось. На кафедрі існувало правило, згідно з яким всі другокурсники мали писати курсові з історії середніх віків, а вже потім, на третьому курсі, обирати тему майбутньої дипломної роботи. Сказати, що я був засмучений і обурений одночасно — не сказати нічого. Я взявся писати щось, аби тільки перечекати рік. І всі ті поради, рекомендації і зауваження щодо наукового тексту, зроблені Олесієм Павловичем, виявились неймовірно допоміжними. Вони, щоправда, зіграли і злий жарт — поступово я захопився новою темою, яку спочатку вважав для себе тимчасовою. Однак то вже зовсім інша історія. Потім, коли вже працюючи на кафедрі, доводилося неодноразово зауважувати, як Олексій Павлович працював зі своїми студентами — курсовиками і дипломниками. І зажди трохи їм заздрило, бо знав, що ті з них, хто ставився до відвідування консультацій відповідальніше, ніж свого часу я, навчились у нього більшому, ніж вдалось винести мені. Вчора Олексій Павловича Мартем'янова не стало. Для мене було честю вчитися у нього, а потім працювати з ним на одній кафедрі. Світла пам'ять.

Кафедра історії стародавнього світу та середніх віків

Колектив кафедри історії стародавнього світу та середніх віків зі скорботою сповіщає про передчасну смерть кандидата історичних наук, доцента Олексія Павловича Мартем'янова (8.04.1956–4.05.2019). О. П. Мартем'янов працював на кафедрі історії стародавнього світу та

середніх віків від 1992 р., захистивши перед тим (1990 р.) дисертацію на здобуття наукового ступеня кандидата історичних наук. Тема дисертаційного дослідження — «Сельское хозяйство и аграрные отношения в Нижней Мезии и Фракии в первых веках н. э.» (науковий керівник — проф. В. І. Кадєєв). Олексій Павлович викладав загальний курс історії стародавньої Греції та Стародавнього Риму, а також численні спеціальні курси — «Джерелознавство історії античного світу», «Культура античного світу», «Повсякденне життя в античному світі», «Актуальні проблеми сучасного антикознавства» та ін. Основними напрямами його наукових інтересів були історія давньоримського суспільства доби Принципату, становище армійських ветеранів у римській імперії, історія фракійських земель в перших століттях нашої ери, рецепція античності в культурі наступних епох. Довершені лекції та ґрунтовні наукові праці Олексія Павловича, його принципова вимогливість, поєднана з неперевершеним почуттям такту і доброзичливістю незмінно викликали глибоку повагу і щиру любов колег і студентів. Колектив кафедри зазнав тяжкої непоправної втрати і сумує разом із рідними та близькими, друзями, колегами й учнями Олексія Павловича Мартем'янова.

Закатилова Екатерина

Алексей Павлович Мартемьянов...Честный и благородный Человек, замечательный Преподаватель и уважаемый Ученый. Любимый Научный Руководитель. Общение с Алексеем Павловичем всегда было чем-то фееричным, познавательным и наполненным удивительной теплотой. Всегда буду помнить наши совместные поездки в университет. Спускаясь на станцию, всегда знаешь, что сейчас, вот-вот, Он стоит за колонной и при встрече с улыбкой спросит: «И куда Вы направляетесь в этот раз?». И ты сразу понимаешь, что следующие полчаса пройдут в занимательной беседе, когда успеваешь обсудить все-все на свете... а в те недолгие минуты, когда наступала тишина, Алексей Павлович с усмешкой говорил: «Подождите минутку, это я тиктачу». Дружба с Алексеем Павловичем, и этот, к сожалению, последний год нашей работы над дипломом навсегда останутся в моей памяти. И, сейчас, вспоминая давние слова Алексея Павловича — «Это по жизни я занимаюсь античностью, а в душе, я летаю на крылышках где-то там, над Флоренцией», —

надеюсь, что так оно и есть. Спасибо за все наши беседы. Спасибо за все Ваши советы и консультации. Было честью знать Вас и работать с Вами. Светлая память.

Renat Shevtsov

«Хочеш бути неповторним, повторюй за греками». З цього вислову Вінкельмана розпочався курс Стародавньої Греції та Риму та наше знайомство з Олексій Павловичем. Я не знаю, чи копіював він греків, але був неповторною людиною. Факт. Людиною, яка запам'яталася великими добротою, любов'ю та щирістю. Доброта. Нескінченна доброта до студентів, велика поблажливість та увага кожному. Доброта, що відчувалася в тембрі голосу та постійній посмішці. Любов. Велика любов до викладання, що знаходилася на межі педагогіки та театрального мистецтва. І справжня відданість до Античності та її ідеалів. Щирість. Неповторна відкритість та легкість характеру, людина з якою спілкуватися вкрай... вкрай легко й приємно. І щира прив'язаність до історичної науки. Доброта. Любов. Щирість. Це про Вас. Щиро дякую!

Посты, написанные в 2020 г.

Павел Еремеев

Алексей Павлович был одним из лучших лекторов факультета: ярким, живым, харизматичным, воплощением какой-то естественной интеллигентности. Для меня его лекции и семинары — одна из самых запоминающихся страниц обучения на историческом факультете. Он был неподражаем. Уже став преподавателем (какая честь называть себя его коллегой!), я нередко замечал, что в лекциях порой повторяю некоторые элементы ораторской манеры и стиля других своих учителей (чаще всего — бессознательно). Но повторить что-то из манеры Алексея Павловича невозможно по определению: в каждой фразе был он весь, его особенная любовь к жизни, тонкая ирония и глубокая мудрость. Светлая память!

Kateryna Zakatilova

Як швидко минає час. Вже рік як з нами немає Олексія Павловича, а й досі не віриться, що це трапилось.

Найкращі лекції, найцікавіші розмови, мудрі настанови та безмежна доброзичливість — це саме те, що назавжди залишиться у пам'яті про цього чудову Людину.

Безмежна вдячність, Вам, Олексій Павлович, і світла пам'ять.

Angelina Yatsina

Мій науковий керівник. Неймовірно світла, добра, щира людина. Він вчив мене писати. Вчив мене думати. Дивитися ширше, занурюватися глибше. Вчив ніколи не опускати руки. Минув рік, а я досі не можу повірити. Не можу змиритися. І, мабуть, ніколи не зможу. Вічна пам'ять...

Мария Крютченко

Пам'ятаємо надзвичайного викладача!

Мало хто може вийти на такий рівень викладання і людяності!

Згадую, як на першому курсі ми боялися Олексія Павловича, бо він був дуже вимогливим та принциповим. Як на кожному семінарі, коли студенти вже дали повні відповіді, Олексій Павлович звертався до мене і казав: «Что ж, Мария, цитируйте уже Вашего Бузескула!») І як пощастило нашому потоку зустрітися з ним ще раз на 3 курсі. Саме тоді, після моєї доповіді, він підійшов до мене і сказав, що дуже радий спостерігати за змінами моїх поглядів та прагнень.

Дуже не вистачає Мартем'янова О. П., який є уособленням якісної подачі матеріалу в класичному академічному університеті.

Наукове видання

МАРТЕМ'ЯНОВ Олексій Павлович
Ветерани римської армії —
магістрати і жерці в Нижній Мезії
Монографія

Олексій Павлович Мартем'янов:
біобібліографія, спогади, інтерв'ю

Російською, англійською, українською,
болгарською, польською мовами

Відповідальний редактор *С. Д. Литовченко*
Дизайн обкладинки *С. Е. Кулинич*
Комп'ютерне верстання *Ю. І. Цитковської*
Коректор *Л. Є. Петренко*

Підписано до друку 20.04.2021. Формат 60 × 84/16.
Папір офсетний. Друк офсетний. Обл.-вид. арк. 17,20.
Наклад 100 прим.

Видавництво ВПП «Контраст»
Україна, 61166, м. Харків, пр. Науки, 40, оф. 504Б.
Свідоцтво ДК №1778 від 05.05.2004

Друк ФОП Цуварева Н. М.
Україна, 61145, м. Харків, вул. Мирна, 10